ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 1

Январь 2023

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

Институт государства и права Российской академии наук: навстречу 100-летнему юбилею

https://gospravo-journal.ru

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова отвечает на вопросы журнала «Государство и право» ● Будущий Международный суд по правам человека с участием России: варианты возможностей ● Феномен самозанятости: к пятилетнему юбилею правового режима ● Правовые проблемы использования чат-ботов в социополитических коммуникациях ● «Институты вместо правил»: механизм проведения единой финансовой политики в Европейском Союзе ● Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландия и Австралийского Союза ● Концепция единства судебной системы по Положению о судоустройстве РСФСР 1922 г. (К 100-летию Верховного Суда Российской Федерации)

Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 1 2023 Январь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия); И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2023
© Институт государства и права РАН, 2023
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2023

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 1 2023 January

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Institute of State and Law of the RAS, 2023
© Editorial Board of "State and Law", 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2023

В центре внимания – человек
Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова отвечает на вопросы журнала «Государство и право» 7

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Будущий Международный суд по правам человека с участием России: варианты возможностей
М.И. Клеандров 12

Конституционная правосубъектность личности в контексте этики животных
Е.А. Капитонова, Г.Б. Романовский 23

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Феномен самозанятости: к пятилетнему юбилею правового режима
И.В. Ершова, В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко 34

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Этнозоологическое насилие как модель для совершения преступления
А.М. Плешаков, Г.С. Шкабин 48

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

К вопросу о тенденциях развития правового установления административной ответственности
И.А. Адмиралова, М.В. Костенников, А.В. Куракин 59

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Правовые проблемы использования чат-ботов в социополитических коммуникациях
Л.В. Санникова, И.М. Сокольщик 68

Кибертерроризм: криминологическая характеристика и квалификация
В.В. Красинский, В.В. Машко 79

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

«Институты вместо правил»: механизм проведения единой финансовой политики в Европейском Союзе
С.О. Шохин, Е.В. Кудряшова 92

ЗА РУБЕЖОМ

Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландия и Австралийского Союза
В.В. Денисенко, Е.Н. Трикоз 100

Последствия Брекзита для конституционной системы Великобритании
С.И. Коданева 114

Подходы к регламентации тестирования и применения беспилотного транспорта в Сингапуре
Р.И. Дремлюга, А.И. Коробеев, А.И. Чучаев 123

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Концепция единства судебной системы по Положению о судоустройстве РСФСР 1922 г. (К 100-летию Верховного Суда Российской Федерации)
Е.В. Бурдина, В.Н. Корнев 132

Государственные преступления в системе Особенной части Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации
Ю.В. Николаева 142

Первый Уголовный кодекс Советской России и ответственность профессиональных преступников
П.А. Скобликов 153

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Гипотеза о разумном равенстве в свободе: основные положения
А.Р. Гильмуллин 162

Гражданское дело «красного графа»
А.П. Вершинин 168

К вопросу об определении понятия и признаков корпоративных норм
Н.А. Макарова 173

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации»
Н.В. Кроткова 178

Обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «История государства и права в условиях новой научной рациональности»
С.А. Глотов, И.А. Алешкова 194

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Я. Стоилов. Принципы права: понятие и применение / пер. с болгар. яз. Е.М. Кузьминой, Г. Канева
Е.А. Фролова 200

Р. Паунд. Масонство и закон / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина
Р.В. Нутрихин 203

CONTENTS

Number 1, 2023

In the center of attention is a person
Commissioner for Human Rights in the Russian Federation T.N. Moskalkova answers the questions of the journal "State and Law" 7

DISCUSSIONS AND DEBATES

The future International Court of Human Rights with the participation of Russia: options for possibilities
M.I. Kleandrov 12

Constitutional legal personality of a person in the context of animal ethics
E.A. Kapitonova, G.B. Romanovsky 23

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Self-employment phenomenon: to five-year anniversary of a legal regime
I.V. Ershova, V.A. Laptev, O.A. Tarasenko 34

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Ethnozoological violence as a model for committing a crime
A.M. Pleshakov, G.S. Shkabin 48

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

On the issue of trends of the development of the legal establishment of administrative responsibility
I.A. Admiralova, M.V. Kostennikov, A.V. Kurakin 59

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Legal issues in the use of chatbots in sociopolitical communications
L.V. Sannikova, I.M. Sokolshchik 68

Cyberterrorism: criminological characteristics and qualification
V.V. Krasinsky, V.V. Mashko 79

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

"Institutions v. rules": common financial politics implementation mechanism in the European Union
S.O. Shokhin, E.V. Kudryashova 92

ABROAD

Deliberativity and aleatory procedures as a legitimation of somatic human rights: experience of the Republic of Ireland and the Commonwealth of Australia
V.V. Denisenko, E.N. Trikoz 100

The consequences of Brexit for the constitutional system of the Great Britain
S.I. Kodaneva 114

Approaches to the regulation of testing and the use of unmanned vehicles in Singapore
R.I. Dremlyuga, A.I. Korobeev, A.I. Chuchaev 123

PAGES OF HISTORY

The concept of the unity of the judicial system according to the Regulations on the Judiciary of the RSFSR of 1922 (To the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation)
E.V. Burdina, V.N. Kornev 132

State crimes in the system the Special part of the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Code of the Russian Federation
J.V. Nikolaeva 142

The first Criminal Code of Soviet Russia and the responsibility of professional criminals
P.A. Skoblikov 153

SCIENTIFIC REPORTS

The hypothesis of reasonable equality in freedom: basic provisions
A.R. Gilmullin 162

The civil case of the "red count"
A.P. Vershinin 168

To the question of the definition and features of corporate norms
N.A. Makarova 173

SCIENTIFIC LIFE

Expert "Round Table" "Ideas of Eurasianism in Russian law: theoretical and philosophical grounds and practice of implementation"
N.V. Krotkova 178

Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation "The history of state and law in the conditions of new scientific rationality"
S.A. Glotov, I.A. Aleshkova 194

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Ya. Stoilov. Principles of law: concept and application / transl. from Bulgarian by E.M. Kuzmina, G. Kanev
E.A. Frolova 200

R. Pound. Freemasonry and Law / transl. from English by E.L. Kuzmishin
R.V. Nutrikhin 203

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 7–11
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 7–11

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ – ЧЕЛОВЕК

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова отвечает на вопросы журнала «Государство и право»

10 декабря ежегодно во всем мире отмечается День прав человека. Одним из наиболее действенных и эффективных механизмов их защиты является институт уполномоченного по правам человека, обращение к которому служит гарантией справедливого и профессионального рассмотрения самых сложных проблем.

В этот день директор Института государства и права Российской академии наук, председатель редакционного совета журнала «Государство и право» Александр Николаевич Савенков обратился к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации Татьяне Николаевне Москальковой и попросил ее ответить на вопросы, интересующие наших читателей.

А.Н. Савенков. Завершается 2022 год, по окончании принято подводить итоги. На решении каких проблем были сосредоточены основные усилия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в уходящем году?

Т.Н. Москалькова. Сегодня мы наблюдаем полное разрушение прежней международной системы защиты прав человека. Фактически главные положения Всеобщей декларации прав человека – о праве собственности, свободе слова, свободе передвижения, уважении достоинства человека – были сведены на нет теми странами, которые когда-то участвовали в их утверждении.

Перед нашим государством возник вызов – как отстроить систему защиты прав человека на принципиально новом уровне, чтобы каждый чувствовал себя уверенно в социальной, трудовой и любой другой области своей жизни.

Россия подвергается серьезным испытаниям в связи с беспрецедентным санкционным давлением и русофобией. И поэтому мы вместе с институтами гражданского общества совершенствуем модель национальной защиты прав человека.

Огромные усилия направлены на рассмотрение обращений от военнослужащих и членов их семей, связанных с проведением специальной военной операции и мобилизации. Работаем вместе с Красным Крестом, общественными организациями, чтобы ни одна эвакуированная семья не осталась без помощи и поддержки. Наши коллеги каждый день на связи с эвакуированными гражданами: собирают гуманитарную помощь, вместе с сотрудниками МЧС и волонтерами доставляют в пункты временного размещения мебель и учебники для школьников, вещи, продукты.

Общая задача – объединить усилия и восстановить права людей, оказавшихся под обстрелами и в тяжелой жизненной ситуации. Самое главное, чтобы те, кто в нас верит, кто находится сегодня на наших новых территориях, не разочаровались и не отступили от выбранного пути – быть в одной семье народов России.

А.Н. Савенков. Обращения, поступающие на Ваше рассмотрение, дают репрезентативное представление о проблемах, с которыми сталкиваются

российские граждане? Какова динамика таких обращений за последние годы? Какие «болевые» точки наиболее очевидны сегодня?

Т.Н. Москалькова. Мы становимся свидетелями глобальных миграционных процессов, которые оказывают непосредственное влияние на жизнь внутри нашей страны. Свыше пяти миллионов жителей Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, регионов Украины прибыли в Россию. Президент и Правительство Российской Федерации своевременно приняли масштабные меры социальной поддержки эвакуированных граждан, а также военнослужащих, мобилизованных и членов их семей. Необходимо приложить максимум усилий, чтобы эти меры неукоснительно реализовывались, реагировать на неисполнение, искажение правовых норм, неоказание людям предусмотренной помощи.

В течение 2022 г. к нам поступило более 54 тыс. обращений, что на 18% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Безусловно, значительную долю в этом приросте составляют заявления граждан, прибывших из Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, лиц, участвующих в специальной военной операции, и их родных. Не скрою, со многими из проблем пришлось столкнуться впервые. Поэтому в аппарате Уполномоченного дополнительно создано несколько рабочих групп, усилена работа горячей линии и электронной приемной обращений.

Если говорить о традиционных направлениях работы, то продолжается рост обращений по вопросам социального обеспечения, соблюдения прав человека в сфере транспорта и связи, в административном процессе и в местах принудительного содержания, больше стало жалоб в отношении семейных прав. Однако отмечается и сокращение по некоторым лидирующим в предыдущие годы категориям обращений. Например, на 11% меньше заявлений по вопросам обеспечения прав человека в уголовном процессе, на 32% – на нарушение жилищных прав, почти наполовину сократилось количество жалоб, связанных с охраной здоровья и медицинской помощью.

Совместно с органами власти всех уровней нами оказана помощь более 1000 человек, эвакуированных из Донецкой и Луганской народных республик, Херсона, Запорожья, прибывших с территории Украины. Спектр проблем самый широкий: содействие в эвакуации, оформлении документов, получении медицинской помощи, воссоединении с родственниками.

В результате совместной работы с Минобороны России, ФСБ России и МИД России удалось освободить и вернуть в Россию свыше 100 гражданских лиц, незаконно удерживаемых на территории Украины (дальнобойщиков, моряков, сотрудников предприятий). Совместными усилиями возвращены на Родину из плена более 300 российских военнослужащих, в защиту которых к нам обращались их родители, жены, дети. Впервые по нашим обращениям Следственным комитетом РФ возбуждены уголовные дела о пытках в отношении военнопленных.

А.Н. Савенков. Мы знаем, что много сил Вы уделяете возвращению на Родину российских военнопленных. Как Вам удается договориться с украинской стороной?

Т.Н. Москалькова. Чтобы помочь людям, необходимо было в кратчайшие сроки построить гуманитарный коридор с украинской стороной. В основе этой работы лежат гуманизм и милосердие, дистанцированность от политики. 17 октября 2022 г. в ходе российско-украинского обмена граждан в Запорожской области состоялась встреча с Уполномоченным Верховной Рады Украины по правам человека Д. Лубинцом, намечена «дорожная карта» совместной деятельности, обменялись списками людей, которые числятся без вести пропавшими.

Контакты с украинской стороной по гуманитарной линии продолжаются. Последняя встреча с Уполномоченным Верховной Рады прошла в ноябре 2022 г. в Брюсселе при участии Генерального секретаря Европейской сети Глобального альянса национальных учреждений по защите прав человека Д. Конер и Председателя Европейской сети национальных учреждений по правам человека С. Раутио. Выработали план действий по оказанию помощи людям в рамках наших мандатов. Есть и конкретные договоренности, в частности о воссоединении ребенка с матерью.

А.Н. Савенков. С какими государственными органами, осуществляющими защиту прав человека, Вы взаимодействуете наиболее плодотворно?

Т.Н. Москалькова. Перед лицом новых вызовов и угроз объединились все структуры российского общества. С участием представителей федеральных органов государственной власти, органов управления в субъектах страны, волонтеров мы посетили свыше 100 пунктов временного размещения, где провели личный прием более 500 граждан. Нами подготовлены и направлены конкретные предложения по решению системных проблем в Администрацию Президента РФ и Правительство РФ, Минтруда и МВД России, Центральный банк страны, которые в большинстве случаев учтены и реализованы. В частности, в результате совместной работы определен порядок обмена наличных гривен на рубли, разрешены осуществление трудовой деятельности без патента и обмен украинских водительских удостоверений на российские без прохождения экзаменов. Эвакуированные

освобождены от уплаты ряда госпошлин. И это далеко не полный перечень решенных вопросов.

Для защиты прав граждан в период специальной военной операции мы непрерывно контактируем с Минобороны, ФСБ, МВД и МИД России. Сотрудники аппарата Уполномоченного вошли в состав межведомственного координационного штаба по гуманитарному реагированию в связи с ситуацией на Украине на базе Национального центра управления обороной Российской Федерации.

А.Н. Савенков. Вы возглавляете Всероссийский координационный совет уполномоченных в субъектах Российской Федерации. Как строится взаимодействие с региональными уполномоченными? Как будет организована государственная правозащита в новых субъектах Российской Федерации?

Т.Н. Москалькова. Объединение потенциалов уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации показывает, что наш институт имеет более широкие цели – не только восстановление нарушенных прав, но и оказание необходимой помощи всем оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Во время состоявшегося в Москве 17–18 ноября 2022 г. Всероссийского координационного совета уполномоченных, посвященного проблемам миграции, региональные уполномоченные, представители федеральных органов исполнительной и законодательной власти, общественных организаций и экспертного сообщества высказали целый ряд предложений и рекомендаций, имеющих конкретное практическое значение. Все они требуют тщательной проработки в целях последующей реализации, чтобы улучшить жизнь тысяч людей, для которых Россия стала новым домом.

В настоящее время идет формирование новой инфраструктуры на освобожденных территориях. Интеграция институтов уполномоченных по правам человека в новых субъектах страны в единую российскую систему государственной правозащиты – одна из главных наших задач. При формировании системы государственной правозащиты в этих регионах важно укреплять взаимодействие с волонтерским движением, общественниками из числа местных жителей, которые помогают своим землякам. Необходимо приглашать их работать в качестве общественных помощников, членов экспертного и молодежного советов при уполномоченном по правам человека в субъекте. И сегодня, как никогда, верны слова древнеримского историка Саллюстия: «при единении и малое растет, при раздоре и величайшее распадается».

А.Н. Савенков. Какие международные механизмы возможно использовать сегодня для защиты прав российских граждан? Как Вы участвуете в международной деятельности по защите прав человека? Удается ли поддерживать конструктивные контакты с Вашими зарубежными коллегами?

Т.Н. Москалькова. С сожалением, приходится констатировать продолжающееся давление на Россию со стороны западных стран. Расширяются санкции, которые затронули практически все сферы жизни общества – от экономики до культуры. Ограничены торговля зарубежных компаний с российскими партнерами, транспортное сообщение с Россией, выдача виз нашим гражданам, прекращено действие банковских карт россиян за границей.

На протяжении многих лет шло планомерное искоренение русского языка на Украине – русскоязычное население сознательно лишали права говорить и учиться на родном языке. И несмотря на наши многочисленные обращения, международные правозащитные организации предпочитали отмалчиваться и делать вид, что ничего не происходит. Напротив, зарубежные «партнеры» регулярно с высоких трибун рассказывают ужасные вещи о якобы имеющих место фактах насилия России в отношении мирного украинского населения.

Яркий пример такого избирательного и предвзятого отношения продемонстрирован во время Генеральной Ассамблеи Европейской сети Глобального альянса национальных правозащитных институтов, прошедшей с моим участием совсем недавно. Не скрою, мы надеялись, что интеграционное сообщество независимых национальных правозащитных институтов в отличие от многих других международных организаций сохранило приверженность демократическим принципам и обеспечивает возможность противоположным сторонам представить свою информацию и свободно изложить аргументы.

Однако мы стали свидетелями того, как столь часто провозглашаемые демократические принципы свободы мнения и слова, гуманности и человеколюбия оказались лишь декларацией. Европейская ассоциация национальных правозащитных учреждений даже не попыталась сделать вид, что готова на объективную оценку ситуации с правами человека на Украине. Вместо этого участники заседания с удовольствием слушали доклады о «насильственном вывозе жителей Украины в Россию», игнорируя данные мониторинговых миссий Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, которые в ходе своей работы на территории Российской Федерации не установили ни одного случая насильственного перемещения жителей Украины в Россию. Более того, Управление подтвердило оказание помощи, в том числе со стороны Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, тем эвакуированным

гражданам, которые, попав на территорию России, высказали желание переехать в третьи страны.

На этом фоне происходит перезагрузка интеграционных процессов, и сегодня институт Уполномоченного по правам человека чувствует поддержку и понимание коллег из многих государств. Новый импульс развития получил Евразийский альянс омбудсменов. Прошедшая в ноябре 2022 г. Международная научно-практическая конференция, посвященная защите прав молодежи, показала, какой живой отклик находит наша повестка не только у стран – членов Альянса, но и у государств Латинской Америки, Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона.

А.Н. Савенков. Эффективность Вашей деятельности в немалой степени зависит от состояния действующего законодательства. Какие «узкие места» законодательного обеспечения прав человека Вы могли бы отметить? Какие предложения по совершенствованию законодательства внесены Вами в органы, наделенные правом законодательной инициативы и уполномоченные осуществлять подзаконное нормативное правовое регулирование? Какова судьба этих предложений?

Т.Н. Москалькова. Работа с обращениями граждан выводит на системные проблемы в сфере обеспечения прав человека, решение которых во многом зависит от совершенствования законодательства.

В этой связи хотелось бы отметить, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации не является субъектом законодательной инициативы, однако это не мешает ему вырабатывать, обобщать и представлять компетентным государственным органам предложения и рекомендации по внесению в нормативные правовые акты необходимых изменений и дополнений. В частности, за последние пять лет мы более 60 раз обращались с такой просьбой к законодателям.

Только в 2022 г. на федеральном уровне принято 13 нормативных правовых актов, которые разработаны по инициативе или при участии Уполномоченного по правам человека, в том числе восемь федеральных законов и пять подзаконных нормативных правовых актов. Эти документы касались укрепления гарантий социально-экономических прав граждан, прав эвакуированных лиц, совершенствования административного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Так, одна из рекомендаций Доклада о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год, а также обращения в Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству и в Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Федерального Собрания Российской Федерации привели к внесению в Уголовный кодекс РФ поправок, предусматривающих уголовную ответственность за пытки.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и сотрудники его аппарата регулярно участвуют в парламентских слушаниях, конференциях и других научных площадках, посвященных совершенствованию законодательства о правах человека – как общих вопросов (развитие гарантий прав в условиях цифровизации, защита трудовых и социальных прав граждан, борьба с преступностью и т.д.), так и по конкретным законопроектам.

Значительный вклад в эту работу вносит Экспертный совет при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации. Например, на секции по вопросам международного сотрудничества и защиты прав мигрантов Экспертного совета с участием представителей МВД России проведено обсуждение законопроектов о комплексном регулировании правового положения мигрантов: в феврале 2022 г. – проекта федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», в июне – проекта федерального закона «О совершенствовании правового положения лиц, прибывающих на территорию России в поисках убежища». В ходе обсуждения эксперты высказали разработчикам целый ряд предложений.

Среди новых тем, которые высветил 2022 год, – правовое обеспечение миграции, урегулирование гарантий прав лиц, ищущих убежище, вынужденных переселенцев. Массовая эвакуация в Россию показала, что правовое регулирование здесь страдает серьезными изъянами. Не определен статус эвакуированных лиц, ищущих убежище на территории Российской Федерации, в федеральных законах не установлены требования к пунктам временного размещения. По-прежнему сложным остается порядок получения вида на жительство на территории Российской Федерации. В этой связи представляется важным завершить масштабную реформу миграционного законодательства, ускорив доработку и принятие федеральных законов «О гражданстве Российской Федерации», «О предоставлении убежища на территории Российской Федерации», «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства».

Широкое распространение цифровых технологий и условия информационной войны, которую Запад ведет против инакомыслия, прежде всего

в отношении России, актуализируют проблему формирования законодательных гарантий реализации прав человека в виртуальном пространстве. Большинство механизмов обеспечения прав человека, международных и национальных, сформировались до начала цифровой эры и сегодня уже не в полной мере обеспечивают признание, соблюдение и защиту прав человека и гражданина. Развитие информационных технологий порой может создавать предпосылки для нарушения конституционных прав – на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, свободу мысли и слова, свободу совести.

А.Н. Савенков. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации активно сотрудничает с научными и образовательными учреждениями страны в деле правового просвещения. Какие направления этой деятельности представляются Вам наиболее актуальными в современных условиях?

Т.Н. Москалькова. Этот год войдет в историю не только как год формирования новой политической и правовой реальности, глобального столкновения ценностей, но и как период масштабных преобразований в российской системе образования и просвещения.

На протяжении нескольких лет мы неоднократно поднимали вопрос о необходимости формирования целостной системы правового образования и воспитания в стране, а также преемственности образовательных программ по правам человека в образовательных организациях всех уровней. И по итогам нашей встречи с Министром просвещения РФ С.С. Кравцовым члены Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации вошли в состав рабочей группы по разработке федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования (10–11 классы). В результате совместной работы сформулированы новые требования к освоению курса «Обществознание» – сформированность знаний о системе прав человека и гражданина, а также о государственно-общественных институтах, в том числе об институте уполномоченного по правам человека.

В общей сложности в 2022 г. реализовано 22 проекта в области правового просвещения, в рамках которых организовано более 60 мероприятий для разных целевых аудиторий, сочетавших в себе как традиционные форматы («круглые столы», лекции, мастер-классы, викторины, книжные и фотовыставки, экскурсии, практика студентов и киноклуб), так и новаторские (виртуальный музей, молодежный правозащитный чат-бот, инкубатор молодежных правозащитных инициатив, образовательный форум «Права человека», мультимедийная мастерская правового просвещения и социальной поддержки студентов).

Традиционно в просветительскую работу вовлечены Научно-образовательный центр по правам человека Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), а также Экспертный совет при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации. Уделяем особое внимание правовому просвещению социально уязвимых категорий населения – лиц с ограниченными возможностями здоровья, пенсионеров, представителей коренных малочисленных народов, мигрантов, молодежи. Для студентов и школьников ежегодно проводятся Всероссийские единые уроки по правам человека. Эта форма стала поистине любимой и для наших уполномоченных, и для молодежи. За все время проведения данного мероприятия участие в нем приняли свыше 32 млн человек.

Нельзя не сказать и о правовой помощи эвакуированным гражданам. Во взаимодействии с уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации и региональными отделениями Ассоциации юристов России реализована социально ориентированная просветительская акция «Единый день оказания бесплатной юридической помощи лицам, вынужденно покинувшим территории ДНР, ЛНР и Украины». Акция охватила более 40 регионов, квалифицированную правовую помощь получили тысячи человек.

Оперативно к работе подключились и члены созданного в 2021 г. Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, которые оказывали бесплатную юридическую помощь эвакуированным и соотечественникам, подвергшимся дискриминации за рубежом, а также вовлекались в волонтерскую деятельность.

Можно много говорить о новых направлениях и инструментах работы, но главное остается прежним – делать все, чтобы в нашей стране права человека реально обеспечивались.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 12–22
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 12–22

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

БУДУЩИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА С УЧАСТИЕМ РОССИИ: ВАРИАНТЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

© 2023 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 20.10.2022 г.

Аннотация. В статье ставится и рассматривается назревшая после прекращения членства Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека проблема возможностей участия России в одном из будущих региональных международных судов по правам человека. Автор рассматривает следующие варианты: Суд по правам человека на пространстве Содружества Независимых Государств, Суд по правам человека Союзного государства Беларуси и России, Азиатский Суд по правам человека (на правовой площадке Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных учреждений) и др. Будучи уверенным в том, что Россия не может быть одновременно членом двух и более международных судов по правам человека, автор обосновывает необходимость разработки и принятия государствами, намеревающимися создать тот или иной Международный суд по правам человека, соответствующего международного акта о правах человека. Лишь ориентируясь и опираясь на этот акт, Международный суд по правам человека сможет определить – нарушены ли права человека, обратившегося в Суд, и вынести соответствующее постановление.

Ключевые слова: права человека, международные суды, механизмы международной защиты прав человека.

Цитирование: *Клеандров М.И.* Будущий Международный суд по правам человека с участием России: варианты возможностей // Государство и право. 2023. № 1. С. 12–22.

DOI: 10.31857/S102694520024107-8

THE FUTURE INTERNATIONAL COURT OF HUMAN RIGHTS WITH THE PARTICIPATION OF RUSSIA: OPTIONS FOR POSSIBILITIES

© 2023 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 20.10.2022

Abstract. The article raises and examines the problem of the possibility of Russia's participation in one of the future regional international human rights courts, which has matured after the termination of the Russian Federation's membership in the European Court of Human Rights. The author considers the following options: the Court of Human Rights in the Commonwealth of Independent States, the Court of Human Rights of the Union State of Belarus and Russia, the Asian Court of Human Rights (on the legal platform of the Association of Asian Constitutional Courts and Equivalent Institutions), etc. Being sure that Russia cannot be a member of two or more international human rights courts at the same time, the author justifies the need for States intending to create an International Human Rights Court to develop and adopt an appropriate international human rights act. Only by focusing and relying on this act, the International Court of Human Rights will be able to determine whether the rights of a person who has applied to the Court have been violated and make an appropriate ruling.

Key words: human rights, international courts, mechanisms of international protection of human rights.

For citation: *Kleandrov, M.I. (2023).* The future International Court of Human Rights with the participation of Russia: options for possibilities // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 12–22.

Как известно, 16 сентября 2022 г. наша страна официально прекратила быть Высокой Договаривающейся Стороной Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Эта дата была определена Комитетом Министров Совета Европы ещё в марте 2022 г. при обсуждении последствий прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы, пребывание в котором позволяло россиянам подавать жалобы в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). После 16 сентября 2022 г. ЕСПЧ перестаёт рассматривать жалобы, поданные против России на действия, совершённые до 16 сентября 2022 г. (но рассмотрит все обращения на нарушения, совершённые до 16 сентября 2022 г., кроме того, продолжит контроль за уже вынесенными своими постановлениями).

Впрочем, Россия еще в марте 2022 г. официально, законодательно прекратила членство в Совете Европы с одновременным отказом выполнять решения ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод была принята членами Совета Европы в Риме 4 ноября 1950 г. Статья 19 этой Конвенции провозгласила: «Для обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции, образуются:

a) Европейская комиссия по правам человека, далее именуемая “Комиссия”;

b) Европейский Суд по правам человека, далее именуемый “Суд”».

Таким образом, исходя из приведенного текста, оба органа Совета Европы предназначены для обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя членами Совета Европы. В эту Конвенцию после её принятия вносились неоднократно (протоколами № 4, 6, 7, 11–14 и др.) изменения и дополнения. Что, впрочем, в определенном смысле естественно: жизнь не стоит на месте. И Европейский Суд по правам человека, рассматривая поступившие к нему обращения от граждан государств – членов Совета Европы на нарушение их прав, ориентировался на названную Конвенцию. А обнаружив при рассмотрении обращений нарушения положений Конвенции со стороны членов Совета Европы, выносил соответствующие мотивированные решения.

Российская Федерация 5 мая 1998 г. после выполнения соответствующих процедур сдала на хранение ратификационные грамоты Генеральному секретарю Совета Европы, тем самым названная Конвенция вступила в силу для нашей страны с этой даты.

В результате решения ЕСПЧ, основанные на анализе сопоставления положений названной Конвенции с содержанием обращения граждан Российской Федерации в ЕСПЧ на нарушения их прав, стали обязательными для нашей страны. Что естественно, поскольку мы подписывались под этой Конвенцией. Можно вполне согласиться со сказанным через четыре года после подписания Конвенции: «В соответствии со ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ Конвенция стала составной частью правовой системы страны, что повлекло за собой практическую необходимость изучения практики Европейского Союза по правам человека – органа, призванного обеспечить соблюдение обязательств, принятых на себя государствами – участниками Конвенции. Её нормы действуют сегодня таким образом, как они были истолкованы в процессе их применения Судом»[1].

Но постепенно рядом своих постановлений ЕСПЧ давал такие трактовки положениям названной Конвенции, которые нам следует характеризовать так: «мы под этим не подписывались». Таких случаев к 2022 г. накопилось немало, и исполнять подобные решения ЕСПЧ, к тому же не соответствующие нашей Конституции, становилось неприемлемым. Некоторые подобные постановления широко освещались в СМИ, приводить примеры здесь нет необходимости; немало их почему-то в СМИ не освещалось. Но в то же время ряд их попал в сферу правосудной деятельности Конституционного Суда РФ (где автор этих строк работал почти 14 лет до ухода в отставку), и Конституционный Суд РФ отреагировал соответствующим образом, что общеизвестно.

И наконец, таких постановлений ЕСПЧ набралось столько, причем по важнейшим вопросам, что создало для нас критическую массу. А это повлекло за собой с неизбежностью выход Российской Федерации из Соглашений и о Конвенции, и о ЕСПЧ, о чем сказано в этой статье выше.

Но что дальше? Следует учесть, что в целях данной работы хронология развития событий в рассматриваемом векторе имеет важное, если не сказать ключевое, значение. И эти события начали развиваться задолго до 2022 г.

Какие это события?

1. Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”»[2] наделил Конституционный Суд РФ обязанностью принимать решения о возможности или о невозможности – далее текстуально:

[1] Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике её применения / под общ. ред. В.А. Туманова и Л.М. Энтина. М., 2002. С. 8.

[2] См.: СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. I), ст. 7229.

«исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией Российской Федерации решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, принятого на основании положений международного договора Российской Федерации в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, в связи с которым был подан запрос в Конституционный Суд Российской Федерации».

2. А позже известными конституционными нововведениями 2020 г. это полномочие Конституционного Суда РФ стало конституционным.

3. 10 декабря 2020 г. на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека с участием Президента РФ В.В. Путина был поднят вопрос о создании Российского (национального) суда по правам человека. По итогам заседания этого Совета 28 января 2021 г. Президентом РФ был утвержден перечень поручений, по одному из которых Верховному Суду РФ совместно с Министерством юстиции РФ рекомендовано рассмотреть вопрос о целесообразности создания Российского суда по правам человека и представить при необходимости соответствующие предложения[3]. Срок ответа Президентом РФ В.В. Путиным был установлен краткий – до 1 июня 2021 г.

4. Но дальнейшая проработка этой идеи в научных и правоприменительных кругах продемонстрировала нецелесообразность, даже невозможность с точки зрения общей правовой идеологии и практического правоприменения создания этого российского судебного органа[4]. Стало очевидным, что Российский суд по правам человека, т.е. суд национальный, станет так или иначе конкурентом Конституционного Суда РФ, а также в немалой мере Верховного Суда РФ. Что ни с какой точки зрения нецелесообразно, причем по множеству оснований, даже если наделить этот орган полномочиями по проверке в целях защиты конституционных прав и свобод человека решений судебных органов – судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также обобщённой судебной практики, с учетом того факта, что Конституционный Суд РФ такими полномочиями сейчас не обладает, как не обладает и полномочиями по оценке конституционности фактов правоприменения.

Но главное, в чем автор данных строк глубоко убежден, Суд по правам человека должен быть международным, и опираться он должен на международный акт – Конвенцию (или иной акт) по правам человека. И только в таком варианте этот орган будет эффективен и действен.

Само собой разумеется, обеспечение охраны прав и свобод граждан – прежде всего задача государства, о правах и свободах граждан которого идет речь, и она должна решаться национальными средствами, в том числе национальными судебными органами. Вместе с тем у каждого гражданина после того, как он исчерпал внутригосударственные возможности защитить свои нарушенные права и свободы, должна быть обеспечена возможность обратиться в международный судебный орган по правам человека. Ибо даже идеальное национальное законодательство и идеальная национальная правоприменительная практика в вопросе охраны и защиты прав граждан имеют свои пределы, хотя бы потому, что человек, ищущий защиты, может не согласиться с решениями органов своего государства, включая судебные, относительно оценки ими своих прав и свобод. Соответственно, национальные судебные органы в этом вопросе также ограничены в своих возможностях.

У нас этот вопрос решён ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, согласно которой «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты».

С большой долей уверенности можно сказать, что обеспечение прав и свобод гражданина силами и средствами государства – отнюдь не дело только этого государства. Можно даже предположить, что без международно-правового фундамента в той сфере, с одной стороны, без международного контроля за исполнением законодательства в этой области – с другой, и без международного судебного механизма защиты прав и свобод человека при их нарушении или оспаривании (со стороны государства как минимум), с третьей стороны, проблема решена быть не может в полной мере. Необходимы все три названные составляющие в комплексе, но не по отдельности.

В принципе и в определённой мере гражданам Российской Федерации по-прежнему можно обращаться в Комитет по правам человека ООН, созданный в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах в 1966 г. (Европейская конвенция о правах человека ему идентична, за исключением положения о ЕСПЧ). И граждане Российской Федерации обращались в этот Комитет. Но он – не судебный орган,

[3] Утвержден поручением Президента РФ 28.01.2021 г. № Пр-133 (см.: Официальный сайт Президента Российской Федерации // http://www.kremlin.ru/acts/assingnments/orders/64952).

[4] См. подр., напр.: *Затулина Т.Н.* Институт прав человека: от концепции до конвергенции в формате Национального суда по правам человека // Росс. судья. 2021. № 5. С. 49–53; *Винокуров В.А.* Размышления о российском суде по правам человека // Росс. судья. 2021. № 6. С. 54–58; *Кокотов А.Н.* Конституционный Суд России как суд по правам человека // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 2 (86). С. 1–6.

механизма принудительного исполнения его решений нет, они в основном носят декларативный характер, хотя могут становиться основанием как вновь открывшиеся обстоятельства для пересмотра национальных судебных актов. По сути, Комитет по правам человека ООН равносилен таким международным органам ООН, как Комитет по правам человека (создан в 1984 г.), Комитет по правам ребёнка (сформированный в 1989 г.) и др.

Все эти международные органы ООН не могут заменить ЕСПЧ, а рассчитывать на их преобразование в международный суд (суды) по правам человека не следует, во всяком случае в обозримой перспективе.

А какие здесь варианты?

Вариант: Суд по правам человека СНГ.

Наиболее предпочтительным здесь представляется Суд по правам человека на правовом пространстве СНГ. Автор этих строк в 1990-е годы уделил немало внимания разработке этой проблемы. Впервые им этот момент был затронут мельком в 1995 г. в монографии об Экономическом Суде СНГ[5], а более развернуто – в статье, посвященной проблематике разрешения «нестандартных» споров в правовом пространстве СНГ[6], и в статье о механизме защиты прав человека в СНГ[7]. Через два года, в 1998 г., после вступления нашей страны в Совет Европы, автор вновь обратился к проблеме Суда по правам человека в правовом пространстве СНГ[8]. А еще через два года в «Московском журнале международного права» была опубликована статья автора данных строк, посвященная в основном проблематике Суда по правам человека на правовом пространстве СНГ[9]. Стоит отметить, что редакция этого журнала (органа МГИМО МИД России) совместно с Посольством Нидерландов в Российской Федерации учредили награды по шести номинациям за достижение в развитии международного права им. Гуго Гроция, автор был удостоен такой награды именно за обоснование целесообразности образования Суда по правам человека на правовом пространстве СНГ[10]. У автора этих строк были и иные научные публикации по данной проблематике.

Почему Суд по правам человека в правовом пространстве СНГ представляется целесообразным и как минимум – в условиях сегодняшнего дня – жизнеспособным?

Во-первых, имеется до сих пор действующая сформированная ещё в 1990-х годах определённая международно-правовая база. Так, ст. 33 Устава СНГ (Минск, 20 января 1993 г.) предусмотрена Комиссия по правам человека, являющаяся консультативным органом СНГ, наблюдающим за выполнением обязательств по правам человека, взятых на себя государствами-членами в рамках Содружества, состоящим из представителей государств – членов Содружества и действующим на основе Положения, утверждаемого Советом глав государств. Само Положение о Комиссии по правам человека СНГ было утверждено Решением Совета глав государств СНГ в г. Москве 24 сентября 1993 г. и определяло состав Комиссии, организацию ее работы, порядок рассмотрения в Комиссии обращений Сторон, порядок рассмотрения Комиссией обращений лиц и неправительственных организаций, повестку дня сессии Комиссии, расходы и т.д. Но эта Комиссия по определению не являлась ни судебным, ни квазисудебным органом, обязательность её решений в Положении о ней прописана не была. Как и вопрос об обжаловании её решения – лишь п. 5 разд. II Положения предусматривал: «Если вопрос, переданный в Комиссию, не решён к удовлетворению Сторон, Комиссия может с их согласия назначить специальную согласительную подкомиссию из числа уполномоченных представителей любой из Сторон. Членом такой подкомиссии не может быть гражданин какой-либо из заинтересованных Сторон». Практика показала, что эффективность деятельности этой Комиссии была крайне низкой.

Главным же межгосударственным актом о правах человека на пространстве СНГ является Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.), которую не подписали Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина[11]. Кстати, 12 октября 2022 г. Президент РФ В.В. Путин распоряжением от 12 октября 2022 г. № 333-рп «О подписании Протокола о внесении изменений в Конвенцию Содружества

---

[5] См.: *Клеандров М.И.* Экономический Суд СНГ: статус, проблемы, перспективы. Тюмень, 1995. С. 157.

[6] См.: *Клеандров М.И.* «Нестандартные» споры в СНГ – кому их разрешать? // Государство и право. 1995. № 10. С. 146–156.

[7] См.: *Клеандров М.И.* Права человека и механизм защиты их в СНГ // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1995. № 1. С. 9–12.

[8] См.: *Клеандров М.И.* О суде по правам человека в правовом пространстве СНГ // Российская Федерация в Совете Европы: проблемы применения норм о защите прав человека: материалы Междунар. семинара (17–18 апреля 1997 г.): сб. тезисов. Екатеринбург, 1998. С. 220–223.

[9] См.: *Клеандров М.И.* Какие международные суды нужны для СНГ? // Московский журнал междунар. права. 2000. № 4. С. 21–34.

[10] Информацию об этом см.: Московский журнал междунар. права. 1999. № 4 (36).

[11] См.: Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1999. С. 711–719.

Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.» предписал:

«1. Принять предложение Правительства Российской Федерации о подписании Протокола о внесении изменений в Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.

Разрешить МИДу России в ходе переговоров о подписании указанного Протокола вносить в его проект, одобренный Правительством Российской Федерации, изменения, не имеющие принципиального характера.

2. Считать целесообразным осуществить подписание Протокола, предусмотренного настоящим распоряжением, на заседании Совета глав государств Содружества Независимых Государств»[12].

Данная Конвенция – добротный, хорошо проработанный юридический документ международного уровня, ни в чем не уступающий Европейской конвенции по правам человека, а по ряду содержательных моментов её превосходящий как по форме, так и по содержанию. За одним исключением – Суд по правам человека в пространстве СНГ в ней не упоминается. А в ст. 34 провозглашено: «Наблюдение за выполнением настоящей Конвенции осуществляется Комиссией по правам человека Содружества Независимых Государств (КПЧ СНГ), Положение о которой является неотъемлемой частью настоящей Конвенции».

Но, что важно, ст. 33 этой Конвенции было предусмотрено: «Ничто в настоящей Конвенции не может истолковываться как ограничение или ущемление любых из прав человека и основных свобод, которые признаются и гарантируются согласно законодательству соответствующей Договаривающейся Стороны, а также основополагающим международным документом в области прав человека, участником которой она является». А это означает, что Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека устанавливает приоритет национального законодательства, прежде всего конституций, над международными актами. Отсюда вывод: Суд по правам человека СНГ, будь он создан, не вправе принимать решения, игнорирующие национальное законодательство, тем паче конституции государств – участников Соглашения об этом Суде.

Во-вторых, времени после распада СССР и до того, когда принимались названные (и неназванные, в большом количестве) международные акты государствами – участниками СНГ, прошло совсем немного. Поэтому общую для СНГ правовую базу создать при желании было несложно – она так или иначе своими «корнями» уходила в законодательство СССР. А общее мировоззрение, ментальность и т.п. на всём пространстве СНГ «корнями» уходили не только в СССР, но и в определенной мере в общее тогда пространство Российской Империи.

Сегодня положение дел в этой сфере изменилось, и довольно основательно. Прежде всего потому, что ментальная общность в качестве граждан бывшего СССР хотя и сохранилась, но уже в сильно ослабленном состоянии, и то лишь у людей старшего (и ещё старше) поколения, да и то далеко не у всех граждан и не во всех государствах – бывших союзных республиках. Это общеизвестно, как известно влияние антироссийской пропаганды на молодежь (да и на людей более старшего возраста) в этих государствах. Но, тем не менее, ощущение прошлой общности граждан государств – участников СНГ можно сравнить с ощущением общности граждан современных европейских государств.

В-третьих, наличие этой общности плюс наличие соответствующей международной правовой базы (естественно, после её основательной корректировки и обязательно после необходимой научной проработки проблемы) делают вполне реальным образование Международного суда по правам человека СНГ. При этом очевидно, что отнюдь не все государства – участники СНГ (из числа официально оставшихся в Содружестве) войдут в Соглашение об этом Суде. Во всяком случае при его образовании, что не исключает для некоторых из них вхождение в это Соглашение позднее, по мере того как деятельность названного Суда покажет свою эффективность.

Вариант: Суд по правам человека Союзного государства Беларуси и России.

Определённая правовая база для такого Суда имеется. Так, гл. IV (ст. 50–54) Договора о создании Союзного государства (Москва, 8 декабря 1999 г.) предусмотрено создание Суда Союзного государства[13]. В этих положениях Договора закреплено, что данный Суд является органом Союзного государства, который призван обеспечить единообразное толкование и применение настоящего Договора, нормативно-правовых актов Союзного государства. В его состав входят девять судей, назначаемых Парламентом Союзного государства по представлению Высшего Государственного Совета. При этом судьи назначаются и действуют в личном качестве из граждан Союзного государства, обладающих высокими профессиональными и моральными качествами, удовлетворяющими требованиям, предъявляемым для назначения на высшие

[12] См.: Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) (дата обращения: 13.10.2022).

[13] См.: Союзное государство Беларуси и России. От Сообщества к Союзному государству / под ред. Г.А. Рапоты, Р.А. Курбанова. М., 2017. С. 573–591; и др.

судебные должности в государствах-участниках, но в составе Суда не должно быть более пяти судей, являющихся гражданами одного государства. Установлено также, что судьи независимы, назначаются сроком на шесть лет, допускается их назначение ещё на один срок, а каждые два года происходит обновление трети состава членов Суда. При этом при первоначальном назначении треть судей назначается сроком на два года и треть – на четыре года. Из числа судей Суд избирает Председателя и его заместителя, которые не могут быть гражданами одного государства-участника. Предусмотрено также, что Высший Государственный Совет утверждает Устав и Регламент Суда. Важно, что каждое государство-участник, органы Союзного государства могут передавать на рассмотрение Суда любые вопросы, связанные с толкованием и применением настоящего Договора, нормативно-правовых актов Союзного государства. Решения Суда имеют обязательную юридическую силу и подлежат официальному опубликованию, они принимаются двумя третями голосов от общего числа судей в соответствующем судебном заседании. Кроме этих развернутых в Договоре о создании Союзного государства о Суде положений его ч. 2 ст. 14 гл. II «Гражданство Союзного государства» закрепила следующее положение: «В Союзном государстве признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права». А ст. 16 Договора провозгласила: «1. В целях содействия реализации и защиты основных прав и свобод граждан Союзного государства учреждается Комиссия по правам человека. 2. Компетенция, условия формирования и порядок деятельности Комиссии определяются Положением о Комиссии по правам человека Союзного государства, утверждаемым Высшим Государственным Советом».

Устав названного Суда, как и его Регламент, до сих пор отсутствуют, да и сам Суд не сформирован. Кроме того, очевидно, что права человека и гражданина (граждан Беларуси и России) он не нацелен защищать: его призвание – обеспечение единообразного толкования и применение Договора о создании Союзного государства, нормативно-правовых актов Союзного государства. Да и граждане обоих государств в случае нарушения их прав и свобод непосредственно обращаться в Суд не могут – субъектами обращения являются «каждое государство-участник, органы Союзного государства» (точно так же, как и у Экономического Суда СНГ, созданного в 1993 г. и до сих пор в той или иной мере не прекратившего существование).

Значимо также то обстоятельство, что в международных актах о Союзном государстве, принятых Договоре об образовании Сообщества России и Белоруссии (Москва, 2 апреля 1996 г.)[14], Договоре о Союзе Беларуси и России (Москва, 2 апреля 1997 г.)[15], Уставе Союза Беларуси и России (Москва, 23 мая 1997 г.)[16], об общем для обоих государств Суде не говорится, лишь в ст. 34 названного Устава Союза Беларуси и России было кратко сказано: «Государства – участники Союза учредят Суд Союза».

Впрочем, эта статья Устава помимо положения о предстоящем создании Суда Союза содержит и определенный механизм урегулирования разногласий по применению и толкованию Договора о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 г. и Устава Союза Беларуси и России. Там сказано, что при возникновении этих разногласий «государства – участники Союза разрешают их посредством взаимных консультаций и переговоров. Государства – участники Союза предотвращают возможные разногласия через соответствующие органы Союза. Высший Совет Союза правомочен осуществлять надлежащие согласительные процедуры для урегулирования разногласий. В случае принятия государством – участником Союза нормативного правового акта, противоречащего настоящему Уставу или принятым в соответствии с ним нормативным правовым актам Союза, Высший Совет Союза и, в пределах своих полномочий, Исполнительный Комитет Союза обращают внимание органов данного государства на такое нарушение в целях его устранения»[17].

Можно ли при соответствующей корректировке положений перечисленных международных двусторонних актов возложить на Суд Союзного государства Беларуси и России функции Суда по правам человека данного государства?

Вряд ли. И дело даже не в том, что за 20 с лишним лет предусмотренный Уставом этого Союзного государства Суд так и не был создан (вопрос о том, почему – либо в этом объективно нет потребности, либо в отсутствии политической воли руководителей обоих государств – открытый), и не в том, что для этого необходимы определенные финансовые и иные материально-ресурсные траты, впрочем, незначительные.

А в том, что до тех пор, пока не будет принят соответствующий международный договор о правах человека (конвенция, декларация и т.д.), руководствуясь которым, судьи Суда смогут определять: нарушены ли права обращающегося в Суд, закреплённые в этом договоре. Ведь Европейский Суд

[14] См.: Союзное государство Беларуси и России. От Сообщества к Союзному государству / под ред. Г.А. Рапоты, Р.А. Курбанова. С. 553–557.

[15] См.: там же. С. 558, 559.

[16] См.: там же. С. 560–573.

[17] Там же. С. 571.

по правам человека не смог бы, что очевидно, осуществлять свою правосудную деятельность без Европейской конвенции по правам человека. А опираться судьям этого будущего Суда на конституции каждого из двух государств оснований нет – для защиты прав человека в каждом из двух государств есть свой Конституционный суд, и в этом случае Суд по правам человека Союзного государства стал бы вышестоящим судебным органом по отношению к Конституционным судам Республики Беларусь и Российской Федерации.

Есть и ещё одна причина, не столь очевидная. Для международного судебного органа по правам человека двух государств, его учредителей, представляется, по мнению автора, маловато. Причин здесь достаточно, в том числе и прежде всего чисто организационных (если при голосовании по проекту постановления число голосов разделится поровну, что очень даже ожидаемо, и состав Суда из девяти судей этому не препятствие, – как быть?) и находящихся в ментальной – для судей – сфере, и др. В принципе ст. 7 Устава Союза Беларуси и России предусмотрено, что «участником Союза может стать государство – член Организации Объединенных Наций, которое разделяет цели и принципы Союза и принимает на себя обязательства, предусмотренные Договором о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 года и настоящим Уставом. Присоединение к Союзу осуществляется с согласия государств – участников Союза. При присоединении к Союзу нового государства рассматривается вопрос об изменении названия Союза»[18]. Да и ст. 18 Договора о создании Союзного государства установлено, что к совместному ведению Союзного государства и государств-участников относится в том числе «принятие в состав Союзного государства других государств...»[19].

Однако вопрос: сколько минимально необходимо государств – членов Союзного государства для нормальной правосудной деятельности Суда по правам человека этого государства? Три? Четыре? Больше?

Безусловно, ответы на эти и множество иных проблемных вопросов требуют серьёзной научной проработки[20].

Вариант: Азиатский Суд по правам человека.

Правовой платформой этому Суду может стать, и она на это реально нацелена, Ассоциация азиатских конституционных судов и эквивалентных учреждений. Решение об образовании этого органа было согласовано на 3-м семинаре азиатских конституционных судов 8 сентября 2005 г. в Улан-Баторе (Монголия), с октября 2007 г. реальную работу по его созданию проводил Предварительный Комитет по учреждению данной Ассоциации, а 12 июля 2010 г. в Джакарте (Индонезия) был принят его Устав.

Одной из целей Ассоциации п. а) ст. 3 Устава была провозглашена защита прав человека, но в ч. IV Устава, состоящей из единственной ст. 11, где перечислены органы Ассоциации, были названы Совет участников и Конгресс, т.е. Суд назван не был, как, впрочем, не был назван и Секретариат, о котором в ч. VII Устава, также состоящей из одной статьи – 22-й, устанавливается: «Секретариат Ассоциации обеспечивается участником, организующим следующий Конгресс».

Принятый 12 июля 2010 г. Устав Ассоциации дважды изменялся и дополнялся (16 августа 2016 г. и 26 августа 2020 г.), но и в последней – действующей – редакции Устава Суд также не упоминается. Не лишено любопытства следующее обстоятельство. На состоявшемся в августе 2015 г. Конгрессе Ассоциации в Джакарте, приуроченном к 70-летию обретения независимости Индонезией, встал вопрос о месте расположения Секретариата Ассоциации, претендентов было трое: Индонезия, Южная Корея и Турция (автор этих строк представлял на этом Конгрессе Конституционный Суд РФ). Но по причине неопределённости полномочий Секретариата Ассоциации участники Конгресса данный вопрос как неподготовленный сняли с обсуждения. Однако уже в Уставе Ассоциации в редакции от 12 августа 2016 г. функции Секретариата были прописаны обстоятельно. Предусматривается (ст. 22 Устава), что Секретариат Ассоциации состоит из Принимающего Секретариата (организующего следующий Конгресс) и Постоянного Секретариата. А Постоянный Секретариат, в свою очередь, состоит из: «Секретариата по координации и планированию, располагающегося в Республике Индонезия; Секретариата по развитию и исследованиям, располагающегося в Республике Корея; Центра обучения и развития кадровых резервов, располагающегося в Турецкой Республике». При этом функции этих структур и иные вопросы Постоянного Комитета Ассоциации были детально прописаны в той же ст. 22 Устава.

Такое элегантное решение относительно трёх государств – членов Ассоциации, претендующих на место размещения Секретариата Ассоциации, свидетельствует как минимум о желании членов Ассоциации к компромиссам, к поиску решений, устраивающих даже претендентов-государств на одно

[18] См.: Союзное государство Беларуси и России. От Сообщества к Союзному государству / под ред. Г.А. Рапоты, Р.А. Курбанова. С. 561.

[19] Там же. С. 577.

[20] Свой вклад в решение этой проблемы в своё время внёс и автор этих строк (см.: *Клеандров М.И.* О Суде Союзного государства (Российской Федерации и Республики Беларусь) // Союзному государству народов России и Беларуси – быть: материалы науч.-практ. конф. М., 2000. С. 76–87).

место. А ведь место пребывания Секретариата Ассоциации (подразумевалось до принятия в 2016 г. названного решения, что это будет одно государство) означало, что там будет дислоцироваться и Азиатский Суд по правам человека, – автор этих строк отчётливо это ощущал, участвуя в августе 2015 г. в очередном Конгрессе, где данное обстоятельство активно обсуждалось в неформальной обстановке. Правда, Суд на части разделить не получится, так что членам Ассоциации в вопросе о месторасположении Суда придётся определиться.

Следует отметить также постоянное увеличение количества членов Ассоциации. Членство в ней с момента основания в 2010 г.: Конституционный суд Индонезии, Конституционный суд Кореи, Федеральный суд Малайзии, Конституционный суд Монголии, Верховный суд Филиппин, Конституционный суд Таиланда, Конституционный суд Узбекистана. Новое членство в 2011–2012 гг.: Верховный суд Пакистана, Конституционный Суд Российской Федерации, Конституционный суд Республики Таджикистан, Конституционный суд Турции. Новое членство в 2013 г.: Независимая комиссия по надзору за исполнением Конституции (ICOIC) Афганистана, Конституционный совет Казахстана. Новое членство в 2014 г.: Конституционный суд Азербайджана. Новое членство в 2015–2016 гг.: Верховный суд Республики Кыргызстан, Конституционный суд Мьянмы. Новое членство в 2019 г.: Верховный суд Индии, Верховный суд Мальдивских островов. Новое членство в 2020 г.: Верховный суд Бангладеш. Новое членство в 2021 г.: Конституционный суд Иордании. На очереди – Высший судебный орган Палестины и др.

Таким образом, Ассоциация азиатских конституционных судов и эквивалентных учреждений характеризуется бурным расширением членства; разнообразием государств (по конфессиональному и многим иным параметрам), в которых действуют конституционные (и эквивалентные) судебные органы государств, и проч. А это означает как минимум увеличение разнообразия правовых, прежде всего в сфере прав человека, основ структуры Ассоциации.

Безусловно, эти сложности вызовут затруднения при обсуждении проекта и принятии Соглашения о создании Азиатского Суда по правам человека. А перед принятием решения о разработке проекта Соглашения об этом Суде необходимо принятие Декларации, Конвенции или иного международного акта по правам и свободам человека в Ассоциации, обязательного к применению во всех государствах – членах Ассоциации. И вот здесь-то главная сложность: как совместить различные понимания прав человека для государств, принадлежащих, хотя бы только в правовой составляющей, к мусульманским, конфуцианским и иным правовым системам? В принципе компромисс возможен, но, если он останется лишь на бумаге, ни Конвенция (Декларация...), ни Суд по правам человека не станут жизне(право)способными.

Есть принятая 28 ноября 2012 г. Декларация АСЕАН, именуемая в обиходе Азиатской декларацией прав человека, но она подписана лидерами лишь государств Юго-Восточной Азии. И в ней делается упор на то, что права человека должны рассматриваться в региональном и национальном контексте, что для Суда по правам человека государств, входящих в АСЕАН (если бы он был создан), создавало в ходе реальной правосудной деятельности серьезные, а подчас непреодолимые препятствия: а установившаяся в Европе идея универсальности прав человека ни тогда, ни тем более сегодня поддержки для азиатских стран не находит. Хотя бы в вопросе о смертной казни.

Поэтому следует сделать вывод: Декларация АСЕАН о правах человека непригодна (во всяком случае в значительной части) для Азиатского Суда по правам человека, который мог бы быть создан Ассоциацией азиатских конституционных судов и эквивалентных учреждений. Необходима для этого своя Конвенция (Декларация...), что создать будет непросто, но без чего Азиатский Суд по правам человека не создать. Ведь невозможно даже представить Европейский Суд по правам человека без Европейской конвенции по правам человека. И необходимо отчётливо осознавать: азиатский мир существенно более различен, чем европейский, как в материальном, так и в духовном выражении.

При этом следует принять во внимание, что более компактный в данном вопросе арабский мир не смог в реалии создать Арабский Суд по правам человека. Хотя 26 марта 2013 г. Совет Лиги арабских государств утвердил создание Арабского Суда по правам человека и поручил Комиссии экспертов по правовым вопросам подготовку проекта регламента (статута) Суда. Проект был разработан и 25 марта 2014 г. на заседании Совета Министров Лиги, состоявшемся в Кувейте, был принят, но дальнейшего развития этот процесс не получил. И здесь не лишним будет отметить, что Каирская декларация о правах человека (5 августа 1990 г., Каир) утверждает шариат в качестве единственного источника права.

Вариант: Международный суд по правам человека на площадке Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

Теоретически и в отделённой перспективе можно рассматривать как площадку для создания Международного суда по правам человека с участием Российской Федерации Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Оно было создано в 1992 г., в настоящее время его членами

являются 29 государств, а восемь государств и пять международных организаций входят в него в качестве наблюдателей (включая Туркменистан, Республику Беларусь и Евразийскую экономическую комиссию). Главное здесь – трансформация СВМДА в международную организацию, решение о чём было принято в ходе юбилейного, 30-го, саммита глав государств СВМДА, состоявшегося 13 октября 2022 г. в Астане.

Иные варианты Международного, на региональной основе, суда по правам человека с участием России.

В заявлении, распространённом Ассоциацией юристов России, предлагается создать Евразийский Суд, который рассматривал бы жалобы на нарушения прав человека, который не будет политизированным, будет независимым от всех его участников, включая Россию, а главное – будет реально работать и защищать права человека[21].

По мнению Председателя Ассоциации юристов России С. Степашина, таких вариантов может быть несколько. «Надо создавать свой суд по правам человека, – сказал он. – В каком формате – мы посмотрим. Это может быть СНГ, ШОС, БРИКС, Евразийское пространство. Я думаю, это очень важно и нужно»[22]. А в статье, опубликованной в «Российской газете», С. Степашин пишет: «Ассоциация юристов России уже направила в государственные инстанции предложения создать на евразийском пространстве свой суд по правам человека... Принимая во внимание положительный опыт Евразийского экономического союза, разработки Ассоциации юристов России, международный суд по правам человека мог бы быть создан на основе договора между странами ЕАЭС и иными государствами, добровольно присоединившимися к договору о создании международного суда и разделяющего его принципы и ценности. Хочу сообщить, что такая работа Ассоциацией юристов России совместно с заинтересованными государственными органами уже ведётся, и мы твёрдо намерены довести её до конца. Эту идею поддержали в Следственном комитете, в аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и в других инстанциях»[23].

* * *

В заключение – следующее.

1. Нужен ли вообще для России Международный суд по правам человека с её участием? Безусловно, нужен. В принципе, если идти от обратного, можно спросить: а так уж обязателен для государства суд, может ли государство существовать без суда – любого, не только суда по правам человека? Ведь хорошо известно, что в России сразу после Октябрьской революции 1917 г. помимо судов их функции осуществляли многочисленные и самые разнообразные трибуналы: транспортные, по делам печати, военные, военно-морские и т.д., Чрезвычайная Комиссия с её многочисленными структурами на местах, а также в ведомственном разрезе и т.д.; а во второй половине 1930-х годов – знаменитые «тройки», которые «правосудие» вершили без всякого намёка на базовые принципы судопроизводства. Катастрофические издержки такого «правосудия» хорошо известны, и не дай бог к нему хотя бы чуть-чуть возвратиться. К тому же, если нет судебного органа, в который при нарушении своих прав человек может обратиться, вероятность решения вопроса посредством самосуда возрастает[24].

Что касается непосредственно Международного суда по правам человека, то можно сказать: Россия жила без него до вступления нашей страны в Совет Европы и ратификации Европейской конвенции по правам человека до 5 мая 1998 г., когда юрисдикция ЕСПЧ была распространена на Российскую Федерацию.

Но принципиально значимо то, что если права человека в государстве нарушены и внутригосударственными средствами, в том числе судебными, их восстановить (защитить) невозможно, то необходима внешнегосударственная судебная площадка. Впрочем, при вступлении нашей страны в Совет Европы все эти вопросы многократно и всесторонне обсуждались, и необходимость для нас юрисдикции ЕСПЧ была уверенно законодателем Российской Федерации признана. Следует согласиться с В.Д. Зорькиным, который жёстко отметил: «У общества за тридцать лет реформ накопился колоссальный запрос на социальную справедливость...»[25].

2. Однако создание одновременно двух и более международных судов по правам человека на площадке международных объединений, в которые входит Российская Федерация, нецелесообразно по причине обязательно возникающего расхождения судебной практики у таких судов.

3. Международный суд по правам человека не может функционировать, а посему его не стоит и создавать без базового документа: Конвенции,

[21] См.: *Куликов В.* Защитим по-своему // Росс. газ. 2022. 14 апр.

[22] *Куликов В.* Рассудим по-своему. Ассоциация юристов России предлагает создать аналог ЕСПЧ // Росс. газ. 2022. 28 апр.

[23] *Степашин Сергей*. Честная защита // Росс. газ. 2022. 1 июля.

[24] См. подр.: *Винокуров В.А.* Самосуд как крайняя степень самозащиты: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 24–27.

[25] *Зорькин В.* Право России: альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Росс. газ. 2022. 30 июня.

Хартии, Декларации... по правам человека, лишь подписав и ратифицировав которую, государства – её члены обретут право на участие своих представителей в Суде по правам человека и на обращения своих граждан в этот Суд. Как было указано выше, после вступления Российской Федерации в Совет Европы и ратификации Европейской конвенции по правам человека юрисдикция ЕСПЧ с 5 мая 1995 г. была распространена на Россию.

4. Одновременно следует отметить, что будущий международный акт о правах человека с участием Российской Федерации должен не только воспринять все устоявшиеся к сегодняшнему дню и общепринятые в государствах, подписавших этот акт, права человека, но и быть нацеленным на будущее развитие в этой сфере. Представляется, что необходимо в будущей Конвенции (Декларации, Хартии...) закрепить такие права человека, как право на здоровую окружающую среду[26] (ст. 42 Конституции РФ провозглашено: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическими правонарушениями»); права человека, обусловленные современными научными достижениями, например, в сфере получения и использования генетических данных человека, его семьи и его потомков; в сфере искусственного интеллекта; цифровые права человека и т.д.

5. Вопрос же о создании на этой международно-правовой площадке отдельного органа, которым для ЕСПЧ является Совет Европы, требует отдельной глубокой научной проработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винокуров В.А.* Размышления о российском суде по правам человека // Росс. судья. 2021. № 6. С. 54–58.
2. *Винокуров В.А.* Самосуд как крайняя степень самозащиты: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 24–27.
3. *Затулина Т.Н.* Институт прав человека: от концепции до конвергенции в формате Национального суда по правам человека // Росс. судья. 2021. № 5. С. 49–53.
4. *Зорькин В.* Право России: альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Росс. газ. 2022. 30 июня.
5. *Клеандров М.И.* Какие международные суды нужны для СНГ? // Московский журнал междунар. права. 2000. № 4. С. 21–34.
6. *Клеандров М.И.* «Нестандартные» споры в СНГ – кому их разрешать? // Государство и право. 1995. № 10. С. 146–156.
7. *Клеандров М.И.* О суде по правам человека в правовом пространстве СНГ // Российская Федерация в Совете Европы: проблемы применения норм о защите прав человека: материалы Междунар. семинара (17–18 апреля 1997 г.): сб. тезисов. Екатеринбург, 1998. С. 220–223.
8. *Клеандров М.И.* О Суде Союзного государства (Российской Федерации и Республики Беларусь) // Союзному государству народов России и Беларуси – быть: материалы науч.-практ. конф. М., 2000. С. 76–87.
9. *Клеандров М.И.* Права человека и механизм защиты их в СНГ // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1995. № 1. С. 9–12.
10. *Клеандров М.И.* Экономический Суд СНГ: статус, проблемы, перспективы. Тюмень, 1995. С. 157.
11. *Кокотов А.Н.* Конституционный Суд России как суд по правам человека // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 2 (86). С. 1–6.
12. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике её применения / под общ. ред. В.А. Туманова и Л.М. Энтина. М., 2002. С. 8.
13. *Корнев В.Н.* Судебная защита экологического благополучия // Правосудие. 2022. Т. 4. № 2. С. 12.
14. *Куликов В.* Защитим по-своему // Росс. газ. 2022. 14 апр.
15. *Куликов В.* Рассудим по-своему. Ассоциация юристов России предлагает создать аналог ЕСПЧ // Росс. газ. 2022. 28 апр.
16. Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1999. С. 711–719.
17. Союзное государство Беларуси и России. От Сообщества к Союзному государству / под ред. Г.А. Рапоты, Р.А. Курбанова. М., 2017. С. 553–591.
18. *Степашин Сергей*. Честная защита // Росс. газ. 2022. 1 июля.

REFERENCES

1. *Vinokurov V.A.* Reflections on the Russian Court of Human Rights // Russ. judge. 2021. No. 6. P. 54–58 (in Russ.).
2. *Vinokurov V.A.* Lynching as an extreme degree of self-defense: constitutional and legal aspect // Constitutional and Municipal Law. 2017. No. 2. P. 24–27 (in Russ.).
3. *Zatulina T.N.* Institute of Human Rights: from concept to convergence in the format of the National Court of Human Rights // Russ. judge. 2021. No. 5. P. 49–53 (in Russ.).
4. *Zorkin V.* The Law of Russia: alternatives and risks in the context of the global crisis // Ross. gaz. June 30, 2022 (in Russ.).
5. *Kleandrov M.I.* What international courts are needed for the CIS? // Moscow International Journal Law. 2000. No. 4. P. 21–34 (in Russ.).
6. *Kleandrov M.I.* "Non-standard" disputes in the CIS – who should resolve them? // State and Law. 1995. No. 10. P. 146–156 (in Russ.).

[26] Что не закреплено, как отметил в выступлении на семинаре о практике рассмотрения дел в сфере экологии, организованном Верховным Судом РФ 07.12.2021 г., судья от России в составе ЕСПЧ М.Б. Лобов, в Европейской конвенции по правам человека. Обзор выступлений на этом семинаре дан В.Н. Корневым (см.: *Корнев В.Н.* Судебная защита экологического благополучия // Правосудие. 2022. Т. 4. № 2. С. 12).

7. *Kleandrov M.I.* On the Court of Human Rights in the legal space of the CIS // The Russian Federation in the Council of Europe: problems of application of norms on the protection of human rights: materials of the International Seminar (April 17–18, 1997): collection of abstracts. Ekaterinburg, 1998. P. 220–223 (in Russ.).
8. *Kleandrov M.I.* On the Court of the Union State (the Russian Federation and the Republic of Belarus) // The Union State of the peoples of Russia and Belarus – to be: materials of scientific and practical Conf. M., 2000. P. 76–87 (in Russ.).
9. *Kleandrov M.I.* Human rights and the mechanism of their protection in the CIS // Bulletin of the Interparliamentary Assembly. 1995. No. 1. P. 9–12 (in Russ.).
10. *Kleandrov M.I.* Economic Court of the CIS: status, problems, prospects. Tyumen, 1995. P. 157 (in Russ.).
11. *Kokotov A.N.* The Constitutional Court of Russia as a court for human rights // Journal of Constitutional Justice. 2022. No. 2 (86). P. 1–6 (in Russ.).
12. Commentary on the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Practice of its Application / under the general editorship of V.A. Tumanov and L.M. Entin. M., 2002. P. 8 (in Russ.).
13. *Kornev V.N.* Judicial protection of environmental well-being // Justice. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 12 (in Russ.).
14. *Kulikov V.* We will protect in our own way // Ross. gas. 2022. 14 Apr. (in Russ.).
15. *Kulikov V.* Let's judge in our own way. The Association of Lawyers of Russia proposes to create an analogue of the ECHR // Ross. gaz. 2022. 28 Apr. (in Russ.).
16. International acts on human rights: collection of documents. M., 1999. P. 711–719 (in Russ.).
17. The Union State of Belarus and Russia. From the Community to the Union State / ed. by G.A. Rapota, R.A. Kurbanov. M., 2017. P. 553–591 (in Russ.).
18. *Stepashin Sergey.* Honest defense // Ross. gas. 2022. July 1 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 23–33
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 23–33

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭТИКИ ЖИВОТНЫХ

© 2023 г. Е. А. Капитонова*, Г. Б. Романовский**

Пензенский государственный университет

**E-mail: e-kapitonova@yandex.ru*
***E-mail: vlad1993gb@gmail.com*

Поступила в редакцию 19.01.2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные и нормативные подходы к определению статуса животного в современном обществе и возможности его оценки с точки зрения наделения самостоятельными правами и законными интересами. С учетом изменений законодательства и судебной практики делается вывод о том, что расширение понимания конституционной правосубъектности личности двигается в западных странах и в России различными путями: пока в США и в Европе вплотную приблизились к возможности распространения части составляющих правосубъектность элементов на нечеловеческих (высокоразвитых) животных, в Российской Федерации конституционная правосубъектность личности развивается посредством установления дополнительных обязанностей и ограничений прав и свобод человека с целью обеспечения законных интересов животных.

Ключевые слова: правовой статус животного, законные интересы животного, достоинство личности, этика животных, конституционная правосубъектность.

Цитирование: *Капитонова Е.А., Романовский Г.Б.* Конституционная правосубъектность личности в контексте этики животных // Государство и право. 2023. № 1. С. 23–33.

DOI: 10.31857/S102694520018305-6

CONSTITUTIONAL LEGAL PERSONALITY OF A PERSON IN THE CONTEXT OF ANIMAL ETHICS

© 2023 E. A. Kapitonova*, G. B. Romanovsky**

Penza State University

**E-mail: e-kapitonova@yandex.ru*
***E-mail: vlad1993gb@gmail.com*

Received 19.01.2022

Abstract. The article discusses conceptual and normative approaches to determining the status of an animal in modern society and the possibility of its assessment from the point of view of granting independent rights and legitimate interests. Taking into account changes in legislation and judicial practice, it is concluded that the expansion of the understanding of the constitutional legal personality of the individual is moving in Western countries and in Russia in various ways: while in the USA and Europe they have come close to the possibility of extending part of the elements of legal personality to non-human animals, in the Russian Federation the constitutional legal personality of the individual is developing through the establishment of additional duties and restrictions on human rights and freedoms in order to ensure the legitimate interests of animals.

Key words: legal status of the animal, legitimate interests of the animal, dignity of the individual, animal ethics, constitutional legal personality.

For citation: *Kapitonova, E.A., Romanovsky, G.B. (2023).* Constitutional legal personality of a person in the context of animal ethics // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 23–33.

Феномен «новой этики», влиятельного движения, сформировавшегося в последние годы в западных странах, основан не только на назревшей необходимости повышенного внимания к правам ранее слабо защищенных групп населения и понимании важности защиты окружающей среды. В более широком смысле он, как представляется, обусловлен переходом общества на качественно новый уровень развития, что может быть объяснено, к примеру, теорией основателя гуманистической психологии Абрахама Маслоу об иерархической модели потребностей человека[1]. Впервые за историю человечества большая часть государств Европы и Северной Америки в последние полвека живут без необходимости участия в масштабных военных конфликтах на собственной территории. Относительное благополучие жизни привело к массовому переходу людей от базовых физиологических потребностей и потребностей в безопасности, составляющих основание «пирамиды потребностей» Маслоу, к социальным и престижным потребностям, выраженным в мотивационном стремлении к налаживанию социальных связей и достижению успеха в совместной деятельности, реализуемой в том числе в рамках заботы о чужих интересах. В результате социум начал вводить новые нормы и практики, направленные на преодоление неравенства и дискриминации, стал развиваться процесс секуляризации человека – понимание необходимости отказа от крайних позиций антропоцентризма в пользу важности самоумаления в интересах Другого (лица, природной среды и т.д.). Наметившаяся система разумной проблематизации собственного поведения в сочетании с новейшими достижениями науки и знаниями об окружающем мире обуславливает отход от крайнего индивидуализма в сторону признания важности ограничения поведения людей с целью защиты новопризнанных ценностей. Это, в свою очередь, ведет к формированию нового понимания личности, составляющих ее качеств и конституционной правосубъектности.

Отголоски идущих на Западе процессов находят свое выражение и в Российской Федерации, хотя и в совершенно другой форме. Главенствующая в обществе неоконсервативная идеология задает иные тренды понимания личности даже в условиях начавшегося процесса признания важности экологических вопросов в контексте обеспечения благополучного будущего человечества. С учетом вышесказанного целью настоящей статьи является не только выявление признаков изменения понимания конституционной правосубъектности личности с учетом одного из направлений «новой этики» – этики животных, но и детекция значимых отличий этого процесса в зарубежном и российском праве.

Современная западная этика животных если пока не отождествляет их с человеком, то предельно к этому приблизилась. Во многих англоязычных научных публикациях последнего времени применительно к высокоразвитым животным (например, обезьяны, слоны, касатки и др.) используется термин “non-human animals”, «нечеловеческие животные», что призвано подчеркнуть максимальную близость человека с другими биологическими существами и необходимость переопределения принадлежности к виду как единственной основы признания и защиты прав субъекта (иными словами, люди не должны считаться единственными биологическими существами, чьи базовые права признаются и защищаются).

В приведенной логике идут и эксперименты по скрещиванию человека и животного, где первопроходцем считается российский ученый И.И. Иванов, пытавшийся осуществить межвидовое скрещивание человека и обезьяны в начале XX в. (правда, безуспешно). Необходимо отметить, что идею И.И. Иванова поддерживали зарубежные исследователи в Институте Пастера (в 1910 г. он проходил там стажировку[2]). В начале 1920-х годов российский врач С.А. Воронов проводил успешные операции по пересадке половых желез от животных человеку, что также оценивалось как подтверждение эволюционного развития *Homo sapiens* (в последующем публикации об эксперименте стали основой для написания М. Булгаковым повести «Собачье сердце»)[3]. Попытки межвидового скрещивания осуществлялись в Китае в 1967 г. (доктор Цзи Юнсян), но также безуспешно[4]. В зарубежной литературе для характеристики подобных экспериментов используется специальный термин “humanzee” (некий гибрид человека и обезьяны). В начале XXI в. происходит детальный анализ ДНК шимпанзе, для чего создан специальный консорциум ученых[5]. В своих публикациях авторы постоянно указывают на связи ДНК шимпанзе с ДНК человека и необходимость расширения этических

[1] См.: *Maslow A.H.* Motivation and Personality. NY, 1954.

[2] И.И. Иванов попытался развить концепцию Г.М.Б. Мунса, изложенную им в своей книге с претенциозным названием «Истина. Экспериментальные исследования о происхождении человека». В самой Франции идеи Г.М.Б. Мунса были встречены с большим скепсисом.

[3] См.: *Каликинская Е.* Новый рубеж в трансплантологии // Наука и жизнь. 2000. № 7.

[4] См.: *Leiber J.* Can Animals and Machines Be Persons? A Dialogue. Indianapolis, 1985. P. 71.

[5] См.: The Chimpanzee Sequencing and Analysis Consortium. The initial sequence of the chimpanzee genome and comparison with the human genome // Nature. 2005. Vol. 437. P. 69–87. URL: https://www.nature.com/articles/nature04072

обязательств по отношению к обезьянам, определяемым «как наши братья и сестры»[6].

Если еще в 1990-х – начале 2000-х годов эксперты в сфере биоэтики полагали, что личность определяется прежде всего морально значимыми характеристиками[7] и способностью ценить свое собственное существование[8], которая проявляется исключительно благодаря языку, позволяющему констатировать осознание осознанности[9], то позднее все большее количество исследователей начало приходить к мысли о необходимости разработки многокритериального подхода[10].

Основные аргументы в пользу признания животных моральными личностями сводятся к следующим[11]: у них схожий уровень биологический сложности с человеком; они осознают, что они существуют; они понимают, что с ними происходит; они отдают предпочтение одним вещам и не любят другие; они делают осознанный выбор; они в какой-то степени планируют свою жизнь и склонны организовывать свое существование так, чтобы обеспечить себе наилучшее качество жизни; для них имеют значение качество и продолжительность их жизни.

В обобщенном смысле это означает, что взрослые млекопитающие так же, как и люди, должны признаваться «субъектами жизни», чье существование ценно само по себе от рождения, не зависит от того, насколько они полезны миру, и не умаляется, если они по какой-либо причине становятся бременем для других[12].

В то же время признание животных не объектом, а неким, пусть и специфичным, субъектом порождает множество этических и правовых проблем. Философы права не случайно веками избегали утверждения о том, что все нечеловеческие животные имеют права или хотя бы законные интересы, потому что последствия подобного признания существенно ограничивают человечество. Простейший итог наделения животных качеством личности заключается в необходимости распространения на них базового права на уважительное отношение к ним как к личности, обладающей врожденной ценностью. Принятие подобной доктрины означает не только полный запрет экспериментов на животных, охоты, зоопарков и любого использования животных в развлекательных целях, но и отказ от их разведения и убийства ради еды, одежды или лекарств. Поставив этику животных выше собственных интересов, человечество обречено на вегетарианство и поиск замены продуктов животного происхождения, отказ от натуральных кожи, меха и многого другого, к чему оно привыкло за века своего существования. Может возникнуть также вопрос о праве животных на собственную среду обитания, уничтожение которой в процессе человеческой деятельности порождает конфликт разнонаправленных личных интересов[13]. В конечном счете подобные рассуждения должны привести к формированию новой концепции построения взаимоотношений человека с нечеловеческими животными, где первый, предположительно, будет выступать в различных качествах – как агент заботы по отношению к домашним питомцам и как самоустраняющийся субъект в отношении диких существ. Иными словами, уважая достоинство животных, людям следует соблюдать необходимые ограничения и обязанности, направленные на обеспечение прав другой стороны, что в случае с дикими животными заключается прежде всего в гарантии невмешательства в их жизнь (за исключением случаев необходимости устранения опасности, обусловленной, к примеру, стихийными бедствиями)[14].

Что касается непосредственного проявления этой сложной научной дискуссии в законодательстве и правоприменительной практике, то там наметились не настолько кардинальные, но заметные сдвиги. Интересы животных в некоторой части защищались и раньше: Европейская конвенция 1986 г. о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях, запрещает испытывать на них косметические средства, бытовую химию и лекарства, Европейская конвенция о защите домашних животных 1987 г. гарантирует свободу от голода и жажды, дискомфорта, боли, травм, болезней, беспрепятственность естественного поведения и свободу от страха и стресса,

---

[6] *Kuroki Y., Toyoda A., Noguchi H. et al.* Comparative analysis of chimpanzee and human Y chromosomes unveils complex evolutionary pathway // Nature Genetics. 2006. Vol. 38. P. 158–167. URL: https://www.nature.com/articles/ng1729

[7] См., напр.: *Beauchamp T.* The Failure of Theories of Personhood // Kennedy Institute of Ethics Journal. 1999. No. 9.4. P. 309–324.

[8] См.: *Maclean A.* The Elimination of Morality: Reflections on Utilitarianism and Bioethics. London, 1993. P. 9.

[9] См.: *Harris J.* The Value of Life. London, 1985. P. 19, 21.

[10] См., напр.: *Warren M.A.* Moral Status: obligations to person and other living things. Oxford, 2005. P. 148; *Azam G.* On the Notion of Moral Status and Personhood in Biomedical Ethics // The Dhaka University studies. 2010. No. 67 (1). P. 83–96.

[11] См.: *Cavalieri P.* The Animal Question: Why Nonhuman Animals Deserve Human Rights. Oxford, 2001.

[12] См.: *Thompson S.* Supporting ape rights: finding the right fit between science and the law // ASEBL Journal. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 38–41.

[13] См., напр.: *Masaka D.* Abuse of nonhuman animals' rights in the context of Zimbabwe's Agrarian reforms (2000–2006): an ethical perspective // Journal of Ecology and The Natural Environment. 2009. Vol. 1 (6). P. 137–146.

[14] См.: *Hadley J.* The Duty to Aid Nonhuman Animals in Dire Need // Journal of Applied Philosophy. 2006. Vol. 23. No. 4. P. 445–451.

а Европейская конвенция о защите животных при международной перевозке 2003 г. предусматривает пересмотренные правила организации их транспортировки. С 2009 г., после подписания текущей версии Договора о функционировании ЕС[15], государства Евросоюза признают животных «разумными существами» и должны учитывать это при разработке и реализации своей политики в области сельского хозяйства, рыболовства, транспорта, внутреннего рынка, научных исследований, технологических разработок и космических программ (ст. 13 Договора). В результате на территории большинства европейских стран действуют строгие запреты жестокого обращения с животными и использования диких животных в цирке.

Многие государства устанавливают на своей территории дополнительные правила. Прорывным признается Закон Новой Зеландии от 14 октября 1999 г. № 142 «О благополучии животных», дополненный в 2016 г. специальным указанием в преамбуле: «признать, что животные разумны»[16]. В Швейцарии Закон о благополучии животных 2008 г. требует от всех без исключения (в том числе фермеров, мясников, владельцев домашних питомцев и ученых) учитывать главный принцип обращения с любым животным – уважать его достоинство, являющееся его неотъемлемой ценностью[17]. Общее положение конкретизируется в массе мелких правил – от запрета противоправным образом причинять животному боль, страдания, вред или страх до детализированных рекомендаций по животноводству в отношении каждого вида и ответственности человека за унижение питомца и серьезное вмешательство в его внешний вид и способности (например, выработку пристрастия к алкоголю, окрашивание меха или перьев, купирование хвостов и ушей, клонирование или экстремальное разведение). В 2018 г. Швейцария стала единственной страной, на законодательном уровне установившей требования к перевозке живых омаров, а также запрет на бросание живого омара в кипящую воду. На февраль 2022 г. запланировано проведение референдума по внесению изменений в Конституцию кантона Базель, на котором жители этой административно-территориальной единицы будут решать, признать ли приматов субъектами фундаментальных прав на жизнь, физическую и психическую неприкосновенность[18]. В случае принятия положительного решения Швейцария станет первым государством, где понятие конституционной правосубъектности личности будет расширено посредством распространения его действия на животных (хотя и в ограниченном объеме и только на уровне одной из территорий, составляющих федеративное государство).

Распространение категории «достоинство» на животных представляет собой качественный шаг в сторону признания их правосубъектности. Отличие человека от представителей животного мира – глобальная проблема, решавшаяся многими философами в различные исторические периоды (при этом предлагались различные критерии и определения, где слова Аристотеля о человеке как общественном животном являются классикой разделения). Генетика и биология, представляющие все больше знаний о биогенезе, добавляют сложностей в выстраивании системы координат между человеком и животным миром. Уместно привести фразу П. Тейяра де Шардена: «Ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятное потрясение сфер жизни – в этом весь парадокс человека...»[19]. В юриспруденции именно категория достоинства проводила разделительную черту. В.В. Невинский приводит постулаты античности, благодаря которым достоинство человека (dignitas) выступало в качестве критерия отличия его от других живых существ[20]. П.А. Астафичев определяет достоинство как форму проявления принципов, создающих основу для всего института прав человека[21]. В.С. Нерсесянц, опираясь на работы Гегеля, указывал на лицо (субъекта права) как абстрактную форму персонификации сущности права в сфере его существования[22]. Тезис о достоинстве личности как «основе всех его прав и свобод и необходимом условии их существования и соблюдения» неоднократно признавался Конституционным Судом РФ[23]. Иными

[15] См.: Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202: FULL&from=EN (дата обращения: 17.01.2022).

[16] См.: Animal Welfare Act 1999. URL: http://www.legislation.govt.nz/act/public/1999/0142/latest/LM49664.html#DLM1810705 (дата обращения: 17.01.2022).

[17] См.: How well are Swiss animals protected? URL: https://www.swissinfo.ch/eng/animal-welfare_how-well-are-swiss-animals-protected-/45489148 (дата обращения: 17.01.2022).

[18] См.: Fundamental Rights for Primates. URL: https://www.primaten-initiative.ch/en (дата обращения: 17.01.2022).

[19] *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987. С. 135.

[20] См.: *Невинский В.В.* Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 48–54.

[21] См.: *Астафичев П.А.* Право человека на личное достоинство: конституционно-правовые основы и проблемы реализации // Социальное и пенсионное право. 2006. № 3. С. 7–13.

[22] См.: *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 1998. С. 44.

[23] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Клюева» // СЗ РФ. 1999. № 4, ст. 602; постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона

словами, достоинство – это та категория, которая позволяет выделять человека как особого субъекта, наделенного правами и свободами, позволяющими ему одновременно индивидуализироваться и находиться в центре общественных процессов. Достоинство – это свойство, благодаря которому конституционная формула о высшей ценности человека приобретает реальность. Происходит абстрагирование от биологической природы человека, ее перевод в политическое пространство. К тому же в силу признания достоинства человек обладает суверенным правом формулировать обязательные для себя и других правила поведения (облекаемые в соответствии с конституционной процедурой в форму правового акта). Животное таким признаком не обладает.

В 2013 г. Министерство окружающей среды и лесов Индии порекомендовало всем штатам отказаться от дельфинариев, не разрешать ввоз или вылов любых видов китообразных и их использование для коммерческих развлечений, а также частных или публичных выставок[24]. В обоснование такого решения указывалось на высокий интеллект и эмоциональную чувствительность этих существ, в связи с чем они должны рассматриваться в качестве «нечеловеческих личностей».

Вышедшая из состава ЕС Великобритания в мае 2021 г. объявила о проведении серии реформ, призванных не просто компенсировать отказ от применения законодательства Евросоюза, но и усилить стандарты зооохраны и укрепить национальные позиции в качестве глобального защитника прав животных[25]. Анонсированные законопроекты предусматривают запреты на электрошоковые ошейники, продажу слоновой кости, содержание приматов в качестве домашних животных и рекламу «неприемлемых методов обращения с животными», принятых в зарубежных странах (например, катание на слонах), а также прекращение экспорта животных на откорм и убой и возможность введения запрета на фуа-гра.

В декабре 2021 г. во Франции вступил в силу Закон против жестокого обращения с животными[26]. Среди наиболее значимых из установленных им новых правил – закрытие ферм по разведению пушных зверей (включая норок) ради получения меха, запрет использования диких животных в различного рода представлениях (что должно привести к закрытию дельфинариев и передвижных, но не стационарных цирков), усиление ответственности за жестокое обращение с животными, запрет пересылки живых существ почтой (включая купленных в интернет-магазине рыбок и лягушек) и ряд мер, направленных на контроль за обращением с домашними питомцами (в том числе необходимость подписывать специальный документ, согласно которому владелец, впервые в жизни обзаводящийся питомцем, принимает на себя обязательства по его содержанию, а также вводимый с 2024 г. запрет продажи собак и кошек в зоомагазинах, призванный бороться с импульсивными покупками).

В начале января 2022 г. в Испании был принят Закон, вносящий изменения сразу в несколько национальных правовых актов, включая Гражданский кодекс, Закон об ипотечном кредитовании и гражданско-процессуальное законодательство[27]. Новые нормы отказались от оценки животных в качестве объекта и признали их «разумными существами», что переопределило их статус с формально неодушевленного предмета на некого нового «полусубъекта», чье положение в социуме определяется в том числе с позиции необходимости учета его прав и законных интересов. В результате животных запрещается изымать из мест их привычного обитания (включая случаи ареста и реализации залога имущества должника), бросать на произвол судьбы и подвергать жестокому обращению, а в случае развода или раздельного проживания владельцев домашнего питомца определение того, с кем он останется, должно производиться с учетом требований о его максимальном благополучии (вплоть до возможности совместной опеки), а не с позиции чисто математической операции раздела совместно нажитого имущества.

Судебные органы различных государств со временем также предоставляют все больше поводов для размышлений. С одной стороны, в 2014 г. Верховный суд штата Нью-Йорк отказался признать личностью шимпанзе Томми, в отношении которого

Российской Федерации “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей” в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова» // СЗ РФ. 2016. № 4, ст. 551.

[24] См.: India bans use of dolphins for commercial entertainment. URL: https://www.downtoearth.org.in/news/india-bans-useof-dolphins-for-commercial-entertainment-41127 (дата обращения: 17.01.2022).

[25] См.: UK to lead the way on animal welfare through flagship new Action Plan. URL: https://www.gov.uk/government/news/uk-to-lead-the-way-on-animal-welfare-through-flagship-new-action-plan (дата обращения: 17.01.2022).

[26] См.: LOI n° 2021–1539 du 30 novembre 2021 visant à lutter contre la maltraitance animale et conforter le lien entre les animaux et les homes. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000044387560 (дата обращения: 17.01.2022).

[27] См.: Spain approves new law recognizing animals as ‘sentient beings’. URL: https://english.elpais.com/society/2021-12-03/spain-approves-new-law-recognizing-animals-as-sentient-beings.html (дата обращения: 17.01.2022).

юристы просили применить нормы о защите от необоснованного ареста (право *habeas corpus*)[28]. Постановление апелляционной инстанции подчеркнуло, что интеллект и самосознание не являются решающими аргументами в пользу наличия у какого-либо лица юридически гарантированных прав, поскольку необходимо также, чтобы это лицо выполняло собственную часть «общественного договора» – несло обязанности перед человеческим социумом. Далее приводим собственный перевод постановления: «Само собой разумеется, что, в отличие от людей, шимпанзе не могут иметь никаких юридических обязанностей, подчиняться общественным требованиям или нести юридическую ответственность за свои действия. На наш взгляд, именно эта неспособность исполнять какие-либо юридические обязанности делает неуместным предоставление шимпанзе законных прав – таких как основополагающее право на свободу, защищенное судебным актом хабеас корпус, – которые были предоставлены людям». Данное решение вызвало немало споров в юридической среде, прежде всего потому, что подобная трактовка критериев наделения человека качеством личности и связанными с ним правами исключает из числа личностей малолетних детей и недееспособных. Отчасти предвосхищая такого рода критику, суд в постановлении упомянул эту проблему: «Безусловно, некоторые люди способны выполнять юридические обязанности или нести ответственность в меньшей степени, чем другие. Эти различия не меняют нашего анализа, поскольку неоспоримо, что сами по себе человеческие существа обладают уникальной способностью нести юридическую ответственность». Однако некоторая размытость и спорность данной формулировки, не представляющей четкого обоснования практической разницы между безумным человеком и ученым шимпанзе, дает борцам за права животных возможность продолжать ее оспаривать.

С другой стороны, организация, занимавшаяся защитой прав Томми (The Nonhuman Rights Project), на своем сайте рапортует об успехах судебной борьбы за обеспечение основных прав нечеловеческих животных посредством долгосрочной судебной кампании в различных штатах США. При поддержке известных ученых и экспертов юристы организации утверждают, что суды должны защищать осознающих себя автономных живых существ не из заботы об их благополучии как охраняемого законом природного объекта, а из уважения к их правам. Созданные организацией рабочие группы в Англии, Испании, Франции, Швеции, Финляндии, Швейцарии, Португалии, Аргентине, Израиле, Турции, Индии и Австралии занимаются разработкой кампаний по защите прав нечеловеческих животных, соответствующих правовым системам этих государств[29].

Эта работа постепенно приводит к первым неожиданным успехам. В 2015 г. суд в Аргентине признал орангутана Сандру «нечеловеческой личностью», базовые права которой должны защищаться, хотя они никогда и не сравняются в своем объеме с правами «человеческой личности»[30]. Год спустя это решение было отменено апелляционным судом Буэнос-Айреса, однако Сандру изъяли из прежних условий обитания (одиночное содержание в забетонированном вольере) и перевезли во Флоридский центр человекообразных обезьян – заповедник площадью 40 га, предназначенный для орангутангов и шимпанзе, освобожденных из цирков, зоопарков и лабораторий по всему миру.

В мае 2021 г. Апелляционный суд Нью-Йорка согласился рассмотреть аргументы NhRP от имени слонихи Хэппи, и это первое дело о признании нечеловеческого животного субъектом права, которое рассматривается на столь высоком уровне судом англоязычной юрисдикции[31]. 50-летняя азиатская слониха, которую держат в неволе в зоопарке Бронкса на экспозиции площадью в один акр на протяжении почти полувека, последние 15 лет после смерти партнера была вынуждена жить в одиночестве. В 2005 г. она вошла в историю науки как первый слон, доказавший наличие у него самосознания посредством зеркального теста.

Еще одно широко обсуждаемое в зарубежных юридических кругах дело – иск австрийца Мартина Баллуха в целях спасти шимпанзе по кличке Хиасл от участи быть выставленным на торги. После банкротства венского приюта для животных, где проживал Хиасл, все его имущество, включая обезьяну, должно было быть распродано в установленном порядке. Баллух требовал изъять шимпанзе из реестра имущества и передать ему под опеку. Главным вопросом в ходе судебного разбирательства стал спор о том, может ли вообще Хиасл как мыслящая личность находиться под опекой или предусмотренный законом институт опекунства предназначен исключительно для личностей-людей. В результате суды нескольких инстанций

[28] См.: The People of the State of New York ex rel. The Nonhuman Rights Project, Inc., on Behalf of Tommy, Appellant, vs. Opinion And Order Patrick C. Lavery, Individually and as an Officer of Circle L Trailer Sales, Inc., et al. URL: http://decisions.courts.state.ny.us/ad3/Decisions/2014/518336.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

[29] См.: Litigation. Challenging the legal thinghood of autonomous nonhuman animals. URL: https://www.nonhumanrights.org/litigation (дата обращения: 17.01.2022).

[30] Orangutan given right to freedom. URL: https://www.bbc.co.uk/newsround/30590355 (дата обращения: 17.01.2022).

[31] См.: *Choplin L.* Brief Filed with New York's Highest Court in Landmark Elephant Rights Case. URL: https://www.nonhumanrights.org/blog/brief-filed-highest-court-landmark-elephant-rights-case (дата обращения: 17.01.2022).

фактически не вынесли решения по существу, отказав в удовлетворении иска со ссылкой на процессуальные нарушения (человек не может подавать иск об опекунстве от имени животного)[32].

Таким образом, современная зарубежная этика животных приводит не только к усилению международных и национальных гарантий их существования, свободного от жестокого обращения, но и к дискуссиям о необходимости переоценки самого их статуса – не в качестве объекта, а в качестве автономного субъекта, наделенного самостоятельными правами и претендующего на звание имеющей собственное достоинство и интересы личности. Формируется целостная концепция *jus animale* – «право животных», где первопроходцем следует считать российского ученого Н.Н. Шульговского, еще в 1906 г. предложившего этот термин, где в его содержании должна идти речь о признании возможных «прав» за животными[33]. У. Эдмундсон (Государственный университет Джорджии) настаивает на принятии Всеобщей декларации прав животных (признании их «суверенных прав на определенной территории»)[34]. У. Кимлик и С. Дональдсон (Королевский Университет Кингстон, Канада) в ряде своих работ формулируют идею зоополиса, где животные обладают рядом политических прав[35]. Скандальную известность приобрел П. Зингер, провозгласивший, что животные имеют больше права на жизнь, чем сам человек[36]. Р.С. Джонс (Калифорнийский государственный университет) обосновывает «освободительное движение» животных, требующее справедливости и защиты своих прав[37]. Д. Хули (Университет Торонто) настаивает на распространении института гражданства на всех животных без исключения[38].

Что касается России, то вопрос о возможности применения к животным термина «личность» здесь не ставится. Как отмечает Н.М. Малеина, человек как биологический вид, являющийся единственным носителем правосубъектности, отличается от животных по таким признакам, как наличие разума, умение чувствовать, способность сосуществовать в обществе и участвовать в общественной жизни, а также тем, что физическое лицо может родиться исключительно от людей[39]. Научный интерес к приданию животным статуса субъекта самостоятельных прав и анализу содержания их возможной правосубъектности проявляют в своих работах только студенты и магистранты, которые по большей части обходятся констатацией необходимости подобного подхода из эколого-гуманистических соображений и не утруждают себя его обоснованием с точки зрения эволюции философской и правовой науки[40].

Непосредственно в законодательстве животные любых видов по-прежнему относятся к разряду имущества (ст. 137 ГК РФ), хотя и представляют собой имущество особого рода, «способное испытывать эмоции и физические страдания»[41], за повреждение или уничтожение которого наступает ответственность по специальным статьям уголовного и административного законодательства (например, ст. 245 «Жестокое обращение с животными», ст. 258 «Незаконная охота» УК РФ, ст. 8.35 «Уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных» КоАП РФ и др.). В то же время изменившееся отношение человека к окружающей среде, переход от бездумного потребления к пониманию важности ее сохранения и заботы, а также общая гуманизация общественных отношений постепенно приводит к пересмотру подхода к определению статуса животных в правоотношениях. Российское законодательство не наделяет их правами, однако анализ его последних изменений позволяет констатировать признание за животными ряда законных интересов, реализуемых посредством наложения на граждан, должностных и юридических лиц дополнительных ограничений и обязанностей, выполнение которых

---

[32] См.: *Balluch M., Theuer E.* Hiasl: The whole story. Trial on personhood for chimpanzee Hiasl. URL: https://vgt.at/en/workpan.php (дата обращения: 17.01.2022).

[33] См.: *Шульговский Н.Н.* Право на жизнь. СПб., 1906. С. 60.

[34] См.: *Edmundson W.A.* Do animals need citizenship? // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. № 3. P. 749–765. URL: https://academic.oup.com/icon/article/13/3/749/2450812

[35] См.: *Kymlicka W., Donaldson S.* Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights. Oxford University Press, 2011; *Kymlicka W., Donaldson S.* Animals and the Frontiers of Citizenship // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 34. No. 2. P. 201–219. https://doi.org/10.1093/ojls/gqu001

[36] См.: *Singer P.* Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals. HarperCollins, 1975.

[37] См.: *Jones Robert C.* Animal rights is a social justice issue // Contemporary Justice Review. 2015. Vol. 18. № 4. P. 1–16. http://dx.doi.org/10.1080/10282580.2015.1093689

[38] См.: *Hooley D.* Political Agency, Citizenship, and Non-human Animals // Res Publica. 2018. № 24. P. 509–530. DOI: 10.1007/s11158-017-9374-1

[39] См.: *Малеина М.Н.* Формирование понятия «человек» в российском праве // Государство и право. 2017. № 1. С. 19.

[40] См., напр.: *Дутковский П.В., Пагава Т.В., Неймышев Л.А.* Элементы правосубъектности домашних животных и их неотчуждаемые права // Современное росс. право. 2020. № 8. С. 29–34; *Булахова И.А.* Основания учреждения должности уполномоченного по защите животных в Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 4. С. 475–483; *Гром И.С.* Определение правового статуса животных в законодательстве РФ // Современные проблемы права, экономики и управления. 2017. № 2. С. 1520.

[41] См.: Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 4) // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I), ст. 8424.

гарантируется установлением ответственности. При этом само понятие законного интереса трактуется авторами настоящей статьи в рамках понимания, предложенного Н.В. Витруком[42] и впоследствии поддержанного многими советскими и российскими правоведами, как подлежащая защите со стороны государства, охраняемая законом ценность, которая ведет к выгоде лица (носителя законного интереса), но не охватывается содержанием установленных законом прав и свобод.

К числу подобных законных интересов животных можно, в частности, отнести: защищенность от калечащих и иных воздействий, способных принести физические страдания (выражается, например, в запрете жестокого обращения с животными, установлении недопустимых практик и действий применительно к животным, имеющим владельца[43], в запрете использовать не соответствующие международным стандартам на гуманную добычу орудия и способы при охоте на диких животных[44]); надлежащий уход и своевременное оказание медицинской помощи со стороны владельца животного (ст. 9 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»); рациональное использование животного его владельцем (выражается в установлении требований к использованию животных в культурно-зрелищных и предпринимательских целях и их содержанию[45]); проживание домашнего животного совместно с владельцем (гарантируется в том числе введенным в 2021 г. запретом на изъятие домашнего животного в счет погашения долга при взыскании по исполнительным документам[46]).

С учетом того интереса, что проявляют к этой сфере высшие органы власти в последние годы, можно предположить, что основа защиты упомянутых законных интересов животных в ближайшее время будет продолжать развиваться. Поправки, внесенные в Конституцию РФ в рамках конституционной реформы 2020 года, обязали Правительство РФ реализовывать меры, направленные на сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным (п. «е.5» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Во исполнение этой нормы в мае 2021 г. Президентом РФ В.В. Путиным по результатам проверки исполнения законодательства по вопросам формирования в обществе ответственного отношения к животным был дан ряд поручений. Правительству РФ в срок до 31 декабря 2021 г. совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации необходимо было обеспечить внесение в законодательство изменений, предусматривающих ведение учета домашних питомцев и мониторинга состояния популяций животных без владельцев, регламентацию деятельности по содержанию и разведению домашних и диких животных, а также определение порядка передачи питомцев в приюты при невозможности их содержания либо изъятия и размещения в них в случае ненадлежащего обращения[47].

* * *

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что развитие этики животных в современном мире находит отражение как на уровне международного и зарубежного законодательства и правоприменения, так и в нормах законодательства Российской Федерации. В то же время влияние новейших научных данных о разумности животных и дискуссии о возможности придания им статуса личности по-разному проявляются в различных системах национального законодательства. Если во многих западных государствах (США, Австралия, Швейцария и др.) речь идет о возможности расширения конституционной правосубъектности личности посредством распространения части составляющих ее прав на нечеловеческих (высокоразвитых) животных, то в Российской Федерации конституционная правосубъектность личности развивается иным образом – посредством установления дополнительных обязанностей и ограничений прав и свобод человека с целью обеспечения

---

[42] См.: *Витрук Н.В.* Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 11.

[43] См.: Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 11).

[44] См.: Федеральный закон от 24.07.2009 г. № 209-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 22) // СЗ РФ. 2009. № 30, ст. 3735.

[45] См.: постановление Правительства РФ от 30.12.2019 г. № 1937 «Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию» // СЗ РФ. 2020. № 2 (ч. I), ст. 182; постановление Правительства РФ от 18.09.2019 г. № 1212 «Об утверждении перечня случаев, при которых допускается использование животных в культурно-зрелищных целях вне мест их содержания или за пределами специально предназначенных для этого зданий, сооружений, а также на необособленных территориях» // СЗ РФ. 2019. № 39, ст. 5416; постановление Правительства РФ от 25.07.2019 г. № 961 «Об утверждении перечня случаев, при которых допускается использование домашних животных в предпринимательской деятельности» // СЗ РФ. 2019. № 31, ст. 4630.

[46] См.: Федеральный закон от 30.04.2021 г. № 106-ФЗ «О внесении изменения в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 18, ст. 3050.

[47] См.: Перечень поручений по результатам проверки исполнения законодательства и решений Президента по вопросам формирования в обществе ответственного отношения к животным (утв. Президентом РФ 15.05.2021 г. № Пр-808). URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65594 (дата обращения: 17.01.2022).

законных интересов животных. Последний подход представляется более разумным, поскольку сочетает нравственные принципы и гуманное отношение к животным с интересами человечества и не порождает сложных моральных дилемм, вынуждающих общество менять свой образ жизни, традиционно основанный на использовании и потреблении ряда продуктов животного происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Астафичев П.А.* Право человека на личное достоинство: конституционно-правовые основы и проблемы реализации // Социальное и пенсионное право. 2006. № 3. С. 7–13.
2. *Булахова И.А.* Основания учреждения должности уполномоченного по защите животных в Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 4. С. 475–483.
3. *Витрук Н.В.* Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 11.
4. *Гром И.С.* Определение правового статуса животных в законодательстве РФ // Современные проблемы права, экономики и управления. 2017. № 2. С. 1520.
5. *Дутковский П.В., Пагава Т.В., Неймышев Л.А.* Элементы правосубъектности домашних животных и их неотчуждаемые права // Современное росс. право. 2020. № 8. С. 29–34.
6. *Каликинская Е.* Новый рубеж в трансплантологии // Наука и жизнь. 2000. № 7.
7. *Малеина М.Н.* Формирование понятия «человек» в российском праве // Государство и право. 2017. № 1. С. 19.
8. *Невинский В.В.* Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 48–54.
9. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 1998. С. 44.
10. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987. С. 135.
11. *Шульговский Н.Н.* Право на жизнь. СПб., 1906. С. 60.
12. *Azam G.* On the Notion of Moral Status and Personhood in Biomedical Ethics // The Dhaka University studies. 2010. No. 67 (1). P. 83–96.
13. *Balluch M., Theuer E.* Hiasl: The whole story. Trial on personhood for chimpanzee Hiasl. URL: https://vgt.at/en/work-pan.php (дата обращения: 17.01.2022).
14. *Beauchamp T.* The Failure of Theories of Personhood // Kennedy Institute of Ethics Journal. 1999. No. 9.4. P. 309–324.
15. *Cavalieri P.* The Animal Question: Why Nonhuman Animals Deserve Human Rights. Oxford, 2001.
16. *Choplin L.* Brief Filed with New York's Highest Court in Landmark Elephant Rights Case. URL: https://www.nonhumanrights.org/blog/brief-filed-highest-court-landmark-elephant-rights-case (дата обращения: 17.01.2022).
17. *Edmundson W.A.* Do animals need citizenship? // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. № 3. P. 749–765. URL: https://academic.oup.com/icon/article/13/3/749/2450812
18. Fundamental Rights for Primates. URL: https://www.primaten-initiative.ch/en (дата обращения: 17.01.2022).
19. *Hadley J.* The Duty to Aid Nonhuman Animals in Dire Need // Journal of Applied Philosophy. 2006. Vol. 23. No. 4. P. 445–451.
20. *Harris J.* The Value of Life. London, 1985. P. 19, 21.
21. *Hooley D.* Political Agency, Citizenship, and Non-human Animals // Res Publica. 2018. № 24. P. 509–530. DOI: 10.1007/s11158-017-9374-1
22. How well are Swiss animals protected? URL: https://www.swissinfo.ch/eng/animal-welfare_how-well-are-swissanimals-protected-/45489148 (дата обращения: 17.01.2022).
23. India bans use of dolphins for commercial entertainment. URL: https://www.downtoearth.org.in/news/india-bans-useof-dolphins-for-commercial-entertainment-41127 (дата обращения: 17.01.2022).
24. *Jones Robert C.* Animal rights is a social justice issue // Contemporary Justice Review. 2015. Vol. 18. № 4. P. 1–16. http://dx.doi.org/10.1080/10282580.2015.1093689
25. *Kuroki Y., Toyoda A., Noguchi H. et al.* Comparative analysis of chimpanzee and human Y chromosomes unveils complex evolutionary pathway // Nature Genetics. 2006. Vol. 38. P. 158–167. URL: https://www.nature.com/articles/ng1729
26. *Kymlicka W., Donaldson S.* Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights. Oxford University Press, 2011.
27. *Kymlicka W., Donaldson S.* Animals and the Frontiers of Citizenship // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 34. No. 2. P. 201–219. https://doi.org/10.1093/ojls/gqu001
28. *Leiber J.* Can Animals and Machines Be Persons? A Dialogue. Indianapolis, 1985. P. 71.
29. Litigation. Challenging the legal thinghood of autonomous nonhuman animals. URL: https://www.nonhumanrights.org/litigation (дата обращения: 17.01.2022).
30. *Maclean A.* The Elimination of Morality: Reflections on Utilitarianism and Bioethics. London, 1993. P. 9.
31. *Masaka D.* Abuse of nonhuman animals' rights in the context of Zimbabwe's Agrarian reforms (2000–2006): an ethical perspective // Journal of Ecology and The Natural Environment. 2009. Vol. 1 (6). P. 137–146.
32. *Maslow A.H.* Motivation and Personality. NY, 1954.
33. Orangutan given right to freedom. URL: https://www.bbc.co.uk/newsround/30590355 (дата обращения: 17.01.2022).
34. *Singer P.* Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals. HarperCollins, 1975.
35. Spain approves new law recognizing animals as 'sentient beings'. URL: https://english.elpais.com/society/2021-12-03/spain-approves-new-law-recognizing-animals-as-sentient-beings.html (дата обращения: 17.01.2022).
36. The Chimpanzee Sequencing and Analysis Consortium. The initial sequence of the chimpanzee genome and comparison with the human genome // Nature. 2005. Vol. 437. P. 69–87. URL: https://www.nature.com/articles/nature04072
37. The People of the State of New York ex rel. The Nonhuman Rights Project, Inc., on Behalf of Tommy, Appellant, vs. Opinion And Order Patrick C. Lavery, Individually and as an Officer of Circle L Trailer Sales, Inc., et al. URL: http://deci-

sions.courts.state.ny.us/ad3/Decisions/2014/518336.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

38. *Thompson S.* Supporting ape rights: finding the right fit between science and the law // ASEBL Journal. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 38–41.
39. UK to lead the way on animal welfare through flagship new Action Plan. URL: https://www.gov.uk/government/news/uk-to-lead-the-way-on-animal-welfare-through-flagship-new-action-plan (дата обращения: 17.01.2022).
40. *Warren M.A.* Moral Status: obligations to person and other living things. Oxford, 2005. P. 148.

REFERENCES

1. *Astafichev P.A.* The human right to personal dignity: constitutional and legal foundations and problems of implementation // Social and Pension Law. 2006. No. 3. P. 7–13 (in Russ.).
2. *Bulakhova I.A.* The foundations of the establishment of the position of the Commissioner for Animal Protection in the Russian Federation // Ural Journal of Legal Research. 2019. No. 4. P. 475–483 (in Russ.).
3. *Vitruk N.V.* The legal status of personality in the USSR. M., 1985. P. 11 (in Russ.).
4. *Grom I.S.* Determination of the legal status of animals in the legislation of the Russian Federation // Modern problems of law, economics and management. 2017. No. 2. P. 1520 (in Russ.).
5. *Dutkovsky P.V., Pagava T.V., Neymyshev L.A.* Elements of legal personality of domestic animals and their inalienable rights // Modern Russ. law. 2020. No. 8. P. 29–34 (in Russ.).
6. *Kalikinskaya E.* A new frontier in transplantology // Nauka i zhizn. 2000. No. 7 (in Russ.).
7. *Maleina M.N.* Formation of the concept of "man" in Russian law // State and Law. 2017. No. 1. P. 19 (in Russ.).
8. *Nevinsky V.V.* The Constitution of the Russian Federation and human dignity (remembrance of the future) // Constitutional and Municipal Law. 2013. No. 11. P. 48–54 (in Russ.).
9. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law. M., 1998. P. 44 (in Russ.).
10. *Teyyar de Chardin P.* The phenomenon of man. M., 1987. P. 135 (in Russ.).
11. *Shulgovsky N.N.* The right to life. St. Petersburg, 1906. P. 60 (in Russ.).
12. *Azam G.* On the Notion of Moral Status and Personhood in Biomedical Ethics // The Dhaka University studies. 2010. No. 67 (1). P. 83–96.
13. *Balluch M., Theuer E.* Hiasl: The whole story. Trial on personhood for chimpanzee Hiasl. URL: https://vgt.at/en/work-pan.php (accessed: 17.01.2022).
14. *Beauchamp T.* The Failure of Theories of Personhood // Kennedy Institute of Ethics Journal. 1999. No. 9.4. P. 309–324.
15. *Cavalieri P.* The Animal Question: Why Nonhuman Animals Deserve Human Rights. Oxford, 2001.
16. *Choplin L.* Brief Filed with New York's Highest Court in Landmark Elephant Rights Case. URL: https://www.nonhumanrights.org/blog/brief-filed-highest-court-landmark-elephant-rights-case (accessed: 17.01.2022).
17. *Edmundson W.A.* Do animals need citizenship? // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. № 3. P. 749–765. URL: https://academic.oup.com/icon/article/13/3/749/2450812
18. Fundamental Rights for Primates. URL: https://www.primaten-initiative.ch/en (accessed: 17.01.2022).
19. *Hadley J.* The Duty to Aid Nonhuman Animals in Dire Need // Journal of Applied Philosophy. 2006. Vol. 23. No. 4. P. 445–451.
20. *Harris J.* The Value of Life. London, 1985. P. 19, 21.
21. *Hooley D.* Political Agency, Citizenship, and Non-human Animals // Res Publica. 2018. № 24. P. 509–530. DOI: 10.1007/s11158-017-9374-1
22. How well are Swiss animals protected? URL: https://www.swissinfo.ch/eng/animal-welfare_how-well-are-swissanimals-protected-/45489148 (accessed: 17.01.2022).
23. India bans use of dolphins for commercial entertainment. URL: https://www.downtoearth.org.in/news/india-bans-useof-dolphins-for-commercial-entertainment-41127 (accessed: 17.01.2022).
24. *Jones Robert C.* Animal rights is a social justice issue // Contemporary Justice Review. 2015. Vol. 18. № 4. P. 1–16. http://dx.doi.org/10.1080/10282580.2015.1093689
25. *Kuroki Y., Toyoda A., Noguchi H. et al.* Comparative analysis of chimpanzee and human Y chromosomes unveils complex evolutionary pathway // Nature Genetics. 2006. Vol. 38. P. 158–167. URL: https://www.nature.com/articles/ng1729.
26. *Kymlicka W., Donaldson S.* Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights. Oxford University Press, 2011.
27. *Kymlicka W., Donaldson S.* Animals and the Frontiers of Citizenship // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 34. No. 2. P. 201–219. https://doi.org/10.1093/ojls/gqu001
28. *Leiber J.* Can Animals and Machines Be Persons? A Dialogue. Indianapolis, 1985. P. 71.
29. Litigation. Challenging the legal thinghood of autonomous nonhuman animals. URL: https://www.nonhumanrights.org/litigation (accessed: 17.01.2022).
30. *Maclean A.* The Elimination of Morality: Reflections on Utilitarianism and Bioethics. London, 1993. P. 9.
31. *Masaka D.* Abuse of nonhuman animals' rights in the context of Zimbabwe's Agrarian reforms (2000–2006): an ethical perspective // Journal of Ecology and The Natural Environment. 2009. Vol. 1 (6). P. 137–146.
32. *Maslow A.H.* Motivation and Personality. NY, 1954.
33. Orangutan given right to freedom. URL: https://www.bbc.co.uk/newsround/30590355 (accessed: 17.01.2022).
34. *Singer P.* Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals. HarperCollins, 1975.
35. Spain approves new law recognizing animals as 'sentient beings'. URL: https://english.elpais.com/society/2021-12-03/spain-approves-new-law-recognizing-animals-as-sentient-beings.html (accessed: 17.01.2022).

36. The Chimpanzee Sequencing and Analysis Consortium. The initial sequence of the chimpanzee genome and comparison with the human genome. // Nature. 2005. Vol. 437. P. 69–87. URL: https://www.nature.com/articles/nature04072

37. The People of the State of New York ex rel. The Nonhuman Rights Project, Inc., on Behalf of Tommy, Appellant, vs. Opinion And Order Patrick C. Lavery, Individually and as an Officer of Circle L Trailer Sales, Inc., et al. URL: http://decisions.courts.state.ny.us/ad3/Decisions/2014/518336.pdf (accessed: 17.01.2022).

38. *Thompson S.* Supporting ape rights: finding the right fit between science and the law // ASEBL Journal. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 38–41.

39. UK to lead the way on animal welfare through flagship new Action Plan. URL: https://www.gov.uk/government/news/uk-to-lead-the-way-on-animal-welfare-through-flagship-new-action-plan (accessed: 17.01.2022).

40. *Warren M.A.* Moral Status: obligations to person and other living things. Oxford, 2005. P. 148.

Сведения об авторах

КАПИТОНОВА Елена Анатольевна –
кандидат юридических наук, доцент
кафедры «Уголовное право» Пензенского
государственного университета;
440026 г. Пенза, ул. Красная, д. 40

РОМАНОВСКИЙ Георгий Борисович –
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Уголовное право»
Пензенского государственного университета;
440026 г. Пенза, ул. Красная, д. 40
ORCID: 0000-0003-0546-2557

Authors' information

KAPITONOVA Elena A. –
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Penza State University Penza;
40 Krasnaya str., 440026 Penza, Russia

ROMANOVSKY George B. –
Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Criminal Law, Penza State University Penza;
40 Krasnaya str., 440026 Penza, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 34–47
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 34–47

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

ФЕНОМЕН САМОЗАНЯТОСТИ: К ПЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРАВОВОГО РЕЖИМА

© 2023 г. И. В. Ершова[1, *], В. А. Лаптев[2, **], О. А. Тарасенко[1, *]**

[1]Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
[2]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: IVERSHOVA@msal.ru*
***E-mail: laptev.va@gmail.com*
****E-mail: lab.kpikp@msal.ru*

Поступила в редакцию 02.08.2022 г.

Аннотация. В статье рассмотрены экономические и социальные условия, а также процесс становления правового режима самозанятости. Обозначены позитивные промежуточные итоги его функционирования, раскрыто содержание, в том числе законодательные новеллы. На основе анализа правоприменительной практики выявлены проблемные места (неоднозначная квалификация деятельности самозанятых граждан; неопределенность с выбором суда, компетентного разрешать споры с участием новых субъектов экономики; низкая планка дохода; «выпадение» отдельных источников из объекта налогообложения; «лжесамозанятость» и др.), внесены предложения по их устранению.

Ключевые слова: самозанятость, самозанятые граждане, плательщики налога на профессиональный доход, правовой режим, предельный размер дохода, лжесамозанятость, мобильное приложение «Мой налог», финансовая поддержка.

Цитирование: *Ершова И.В., Лаптев В.А., Тарасенко О.А.* Феномен самозанятости: к пятилетнему юбилею правового режима // Государство и право. 2023. № 1. С. 34–47.

DOI: 10.31857/S102694520021329-2

SELF-EMPLOYMENT PHENOMENON: TO FIVE-YEAR ANNIVERSARY OF A LEGAL REGIME

© 2023 I. V. Ershova[1, *], V. A. Laptev[2, **], O. A. Tarasenko[1, *]**

[1]Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
[2]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Moscow

**E-mail: IVERSHOVA@msal.ru*
***E-mail: laptev.va@gmail.com*
****E-mail: lab.kpikp@msal.ru*

Received 02.08.2022

Abstract. The article considers economic and social conditions, as well as the process of establishing a legal regime of self-employment. The positive intermediate results of its functioning are indicated, the content is disclosed, including legislative novels. Based on the analysis of law enforcement practice, problem places were identified (ambiguous qualifications of the activities of self-employed citizens; uncertainty with the choice of a court competent to resolve disputes involving new economic entities; low income bar; “loss” of individual sources from the subject of taxation; “false identity”, etc.), proposals were made to eliminate them.

Key words: self-employment, self-employed citizens, professional income tax payers, legal regime, income limit, pseudo-self-employment, My Tax mobile application, financial support.

For citation: *Ershova, I.V., Laptev, V.A., Tarasenko, O.A. (2023).* Self-employment phenomenon: to five-year anniversary of a legal regime // Gosudarstvo i pravo=State and Law. No. 1, pp. 34–47.

В 2017 г. в российском праве «получило прописку» явление, именуемое «самозанятостью». Соответственно, граждане, легитимировавшие себя в таком статусе, стали именоваться «самозанятыми». Таким образом, пять лет назад появился новый субъект права, о правовом статусе которого до сих пор не утихают споры.

Доктринальная основа феномена самозанятости

Изучение феномена самозанятости представляет научный интерес для ученых различных специальностей как за рубежом, так и в России.

В зарубежных странах, где важной особенностью рынков труда с 1980-х годов стало существенное увеличение численности и доли самозанятой рабочей силы, большое внимание уделяется изучению проблематики самозанятости[1]. Расширение потоков в сферу самостоятельной занятости ученые рассматривают как ответ на рост безработицы, ухудшение условий труда в занятых секторах. Это вынуждает работников искать альтернативные возможности получения дохода. Европейские политики поощряют людей становиться самозанятыми и потому, что это способ продвижения инноваций и создания рабочих мест[2]. Важно также намерение отдельных лиц удовлетворить такие свои потребности, как автономия и отсутствие стресса на работе[3], баланс между работой и семейными обязанностями, стремление к росту[4]. Всё более значимыми для человека становятся нематериальные аспекты своей деятельности: самореализация, важность и полезность для общества[5]. Результаты исследований, проведенных в ряде стран, показали, что мотивация, способность распознавать возможности и работать на себя положительно влияют на психическое благополучие самозанятых[6].

Представляет большой интерес работа Yannis Georgellis и Howard Wall[7], в которой авторами по результатам предпринятого анализа европейских и американских исследований, посвященных детерминантам самозанятости, выявлено шесть основных причин приобретения гражданами данного статуса: превышение доходов самозанятых над заработной платой наемных работников – данная мотивация является наиболее значимой для мужчин; наличие стартового капитала, доступа к банковскому финансированию либо получение непредвиденных доходов (например, наследства); влияние родительского статуса – вероятность для лица стать самозанятым высока, если таковыми были его отец либо мать (согласно статистике, 23% мужчин и 11% женщин при переходе к самозанятости имели самозанятых отцов); смена мест работы, чередующаяся частыми и длительными периодами безработицы; привлекательный дифференцированный налоговый режим; независимость, более высокий уровень удовлетворенности работой и жизнью (даже при меньших доходах).

Тематика самозанятости относится к категории актуальных, в том числе и для России. Вполне естественным в таких условиях видится её активное обсуждение в профессиональном научном сообществе, следствием чего стало появление большого числа разножанровых публикаций. Авторами статьи 13 июля 2022 г. был инициирован поисковый запрос в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU по теме «самозанятость». По его итогам вниманию было предложено 9363 публикации, среди них статей и тезисов – 2861, опубликованных по результатам

[1] См.: *Cowling M., Millán J.M., Yue W.* Two decades of European Entrepreneurship: Is the answer to who becomes self-employed different over time and countries? // Journal of Business Venturing Insights. 2019. No. 12 (C). URL: https://www.researchgate.net/publication/336149722_Two_decades_of_European_Entrepreneurship_Is_the_answer_to_who_makes_an_entrepreneur_different_over_time_and_countries (дата обращения: 29.07.2022).

[2] См.: *Nordenmark M., Hagqvist E., Vinberg S.* Sickness Presenteeism among the Self-employed and Employed in Northwestern Europe.– The Importance of Time Demands // Safety and Health at Work. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 224–228. URL: https://www.researchgate.net/publication/330331965_Sickness_presenteeism_among_self-employed_and_employed_in_northwestern_europe_-_the_importance_of_time_demands (дата обращения: 29.07.2022).

[3] См.: *Wolfe M.T., Patel P.C.* Labor of love? The influence of work-conditions among self-employed and work stress // Journal of Business Venturing Insights. 2019. No. 11 (C). P. e00118. URL: https://www.researchgate.net/publication/331704437_Labor_of_love_The_influence_of_work-conditions_among_self-employed_and_work_stress (дата обращения: 29.07.2022).

[4] См.: *Gengzhi H., Desheng X., Yan G., Changjian W.* Constrained voluntary informalization: Analyzing motivations of self-employed migrant workers in an urban village, Guangzhou // Cities. 2020. No. 105. P. 102760. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275119309783 (дата обращения: 20.07.2022).

[5] См.: *Wolfe M.T., Patel P.C.* Exploring the differences in perceptions of work importance and job usefulness to society between self-employed and employed individuals // Journal of Business Venturing Insights. 2019. No. 12(6). P. e00146. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2352673419300952?via%3Dihub (дата обращения: 29.07.2022).

[6] См.: *Gevaert J., Moortel D., Wilkens M., Vanroelen C.* What's up with the self-employed? A cross-national perspective on the self-employed's work-related mental well-being // SSM-Population Health. 2018. No. 4. P. 317–326. URL: https://www.researchgate.net/publication/324256612_What's_up_with_the_self-employed_A_Cross-National_Perspective_on_the_self-employed's_Work-Related_Mental_Well-being (дата обращения: 29.07.2022).

[7] См.: *Georgellis Y., Wall H.* Gender Differences in Self-Employment // International Review of Applied Economics. 2005. No. 19. P. 321–342. URL: https://www.researchgate.net/publication/24082571_Gender_Differences_in_Self-Employment

конференций, что еще раз подтверждает значительность избранной нами темы[8].

Обращение к попавшим в подборку публикациям показывает, что чаще всего в зоне внимания ученых оказываются такие аспекты темы, как занятость в целом и самозанятость как её составляющая, общая проблематика самозанятости, особенности налогообложения. Компаративистский вектор исследований ознаменовался появлением статей с освещением опыта зарубежных стран. Большое внимание проявлено к изучению дифференциации правового режима самозанятости, в первую очередь его адаптации к экономической деятельности на селе. Относительно оживленная научная дискуссия ведется по проблемам соотношения статуса самозанятых и субъектов малого предпринимательства, инновационной составляющей деятельности самозанятых граждан. Наконец, в качестве «первых ласточек» стали появляться статьи, посвященные банкротству самозанятых лиц.

Обратим внимание и на то, что самозанятость входит в предмет диссертационных исследований – обозначенная ранее база данных сгенерировала список из 458 диссертаций. Анализ данного перечня позволил установить, что более всего проблематика самозанятости изучалась соискателями ученой степени кандидата и доктора экономических наук (79.69%), с большим отрывом за ними следуют социологи (12.44%). Выявлено также незначительное число диссертаций, подготовленных юристами и философами (по 1.74%). Единичны диссертационные работы по педагогическим (1.31%), географическим и психологическим наукам (по 1.09%). Обнаружены также две диссертации по политическим и медицинским наукам (по 0.43%). Важно указать, что в данных работах проблематика самозанятости лишь затрагивается в большей либо меньшей степени. Если же говорить о диссертационных исследованиях, объектом которых явились именно общественные отношения в сфере самозанятости, то таковых оказалось только 10, и все они были подготовлены по экономической отрасли науки[9].

Подведем промежуточный итог: анализ актуальной библиографии демонстрирует, что вопросы самозанятости оказываются в фокусе зрения представителей разных отраслей наук – экономистов (в абсолютном большинстве), социологов, юристов, философов, психологов и др. Данный факт следует воспринять позитивно и выразить уверенность, что комплексный междисциплинарный подход в изучении самозанятости будет способствовать достижению синергетического результата научных изысканий, учет которых призван способствовать эффективному развитию рассматриваемых общественных отношений.

При этом нами выявлены «диссертационные правовые лакуны» по рассматриваемой проблематике – они в определенной степени восполняются монографическими исследованиями и научными статьями. Однако доктринальная полемика пока не позволила прийти к единому знаменателю относительно ключевых вопросов правовой природы деятельности самозанятых граждан и их правового статуса. Следствием плюрализма мнений по базовым категориям является отсутствие научного консенсуса по отдельным ипостасям деятельности самозанятых: возможной квалификации в качестве субъектов малого предпринимательства, особенностей признания банкротами и др.

Самозанятость в фокусе российского права

Общеизвестно, что отечественное законодательство весьма динамично, подвержено частым и порой малосистемным изменениям. Но и для него появление нового субъекта права – событие далеко не ординарное. При том, что узаконение рассматриваемой категории так и не привело к закреплению его легальной дефиниции.

Так была ли необходимость в подобной новации, учитывая многообразие уже существовавших в гражданском законодательстве правовых форм экономической активности?

Предпринятое в указанный период учеными[10] исследование социально-экономической ситуации в России позволяет однозначно утвердительно ответить на данный вопрос. Действительно, масштабирование «теневого бизнеса», истоки и причины появления которого досконально изучены экономистами, приобрело неуправляемый характер

[8] Для полноты информации отметим, что результатом предпринятого авторами поискового запроса «самозанятые граждане» в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU явилось 2912 публикаций, из них 1105 в сборниках конференций. При этом выявлено совпадение части публикаций поисковых запросов «самозанятость» и «самозанятые граждане».

[9] Данные работы посвящены общей проблематике самозанятости (см., напр.: *Максимович Л.В.* Самозанятость населения в российской экономике: формирование и регулирование: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2006); соотношению занятости и самозанятости (см., напр.: *Кремнев А.А.* Взаимопереход занятости и самозанятости (формы, тенденции и закономерности в современной экономике): дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д., 2002); самозанятости на селе (см., напр.: *Бердникова Г.И.* Самозанятость на селе: проблемы и тенденции развития: дис. ... канд. экон. наук. М., 2013); инновационной составляющей процесса самозанятости (см., напр.: *Мукучян Р.Р.* Разработка инструментов и механизмов организации и стимулирования инновационной самозанятости населения в экономике России: дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д., 2014).

[10] См.: *Клеандров М.И.* О необходимости обретения незарегистрированным предпринимателем легального статуса // Предпринимательское право. 2015. № 3. С. 3–12.

и представляло собой определенную угрозу стабильности экономики.

Немаловажно и то, что такое положение дел приносило всем сторонам общественных отношений явно негативные результаты: государство недополучало значительные суммы налоговых поступлений в бюджет, а «теневики» не имели возможности прибегнуть к законным способам защиты своих прав, а порой находились в одном шаге от уголовного наказания. Так, зримо обозначилась потребность разработки нового правового механизма, который позволил бы сбалансировать частные и публичные интересы. Удалось ли достичь данной цели? Либо прав Р.А. Курбанов, высказавший следующую сентенцию: «Тенденция к усилению публично-правовых начал в регулировании экономических отношений в России проявляется не столько в форме ограничения принципа диспозитивности, сколько за счет включения в орбиту правового регулирования общественных отношений, существовавших ранее вне государственного регулирования»[11].

Заметим, что влияние экономики на развитие права остается традиционно популярной темой исследований отечественных правоведов. При этом классическое соотношение экономики и права как базиса и надстройки остается «живее всех живых», активно демонстрируя незыблемость данного постулата в сложные периоды развития государства и общества. Ретроспективный анализ с опорой на фактические данные позволил зарубежным исследователям прийти к выводу о том, что высокий уровень самозанятости является новой нормой, и это означает, что нам необходимо поддерживать экономический рост и уровень жизни самозанятых[12].

Очевидно, что экономическое явление самозанятости должно было обрести свою легитимную форму. И такая правовая форма была создана. Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ[13] определены положения, давшие право физическим лицам, не имеющим статуса индивидуального предпринимателя, оказывать услуги физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд (п. 70 ст. 217 НК РФ). Данный вариант самозанятости не допускает использование наемного труда, а перечень возможных видов деятельности весьма ограничен. Придание легитимного статуса такой деятельности не требует прохождения традиционной процедуры государственной регистрации, а предусматривает подачу заявления в налоговые органы (т.е. осуществляется в уведомительном, а не заявительном порядке).

Законодательные новации породили дискуссию о правовой природе деятельности вышедших из тени лиц. Анализируя складывающийся правовой режим, авторы в 2017 г. прибегли к анкетированию для выявления мнения по данному аспекту[14]. Подавляющее большинство респондентов не без основания полагало, что такая деятельность должна быть квалифицирована в качестве приносящей доход (65%). Около четверти опрошенных предложили её рассматривать в качестве предпринимательской (26%) либо трудовой (23%). Менее всего голосов набрала иная экономическая деятельность (13.3%)[15].

Следующим шагом на пути легитимации самозанятых стало принятие Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ[16], внесшего изменения в ст. 2 ГК РФ в части признаков предпринимательской деятельности и ст. 23 ГК РФ, допустив возможность осуществления гражданами отдельных видов предпринимательства без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, если это предусмотрено законом.

Известна часто цитируемая фраза представлявшего законопроект в Государственной Думе депутата П.В. Крашенинникова об открытии шлагбаума и снятии решеток для влившихся в ряды узаконенных предпринимателей. Речь шла о миллионной армии (органами государственной власти и экспертами приводятся данные от 2.3 млн до 30 млн человек) представителей теневого бизнеса, над каждым из которых витала угроза привлечения к ответственности за незаконное предпринимательство. Кроме того, согласно данным предпринятого ФНС России в 2017 г. исследования, основной причиной отказа граждан от легализации своих доходов и бизнеса являлась необходимость регистрации и предоставления деклараций[17]. Требовался

---

[11] *Курбанов Р.А.* Правовое обеспечение частных и публичных интересов: диалектика развития в российском праве // Государство и право. 2020. № 1. С. 103.

[12] См.: *Hatfield I.* Is being self-employed becoming the new normal? // The New Statesman, 07.01.2015. URL: http://www.newstatesman.com/politics/2015/01/being-self-employed-becoming-new-normal (дата обращения: 20.07.2022).

[13] См.: Федеральный закон от 30.11.2016 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6844.

[14] В анкетировании, состоявшемся в 2017 г., приняли участие 300 студентов и аспирантов Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

[15] См.: *Ершова И.В., Трофимова Е.В.* Самозанятость: реперные точки формирования правового режима // Предпринимательское право. 2017. № 3. С. 3–12.

[16] См.: Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I), ст. 4748.

[17] См.: *Мишустин М.В.* Вы вернулись в правовое поле – к вам нет вопросов: интервью газете «Коммерсантъ» // Коммерсантъ. 2018. 27 июня.

простой и понятный механизм ведения предпринимательства – попытка его сформировать и была предпринята пять лет назад.

Отметим, что и сегодня такой способ получения самозанятыми желаемого статуса наличествует в правовом арсенале. Согласно данным ФНС России[18], по состоянию на 1 апреля 2022 г. число самозанятых рассматриваемой категории составляло 3926 человек. Цифры говорят сами за себя – данная правовая модель не получила первоначально ожидаемую широкую популярность.

В связи с этим законодательный поиск нового правового режима для самозанятых граждан продолжался, он увенчался принятием Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ[19] (далее – Федеральный закон № 422-ФЗ).

Любопытно, что в рассматриваемый период в российский правовой обиход еще не вошли термины «регуляторная песочница» и «экспериментальный правовой режим». Но, по сути, правовая эквилибристика со статусом самозанятых граждан четко укладывается в эти популярные ныне понятия: даже само название Федерального закона № 422-ФЗ провозглашало проведение эксперимента по введению в налоговое законодательство нового специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – НПД) на части территории Российской Федерации[20] и на определенный срок.

Описание особенностей нового регуляторного окна упредим статистической информацией. Как следует из обнародованных ФНС России данных, на 31 мая 2022 г. количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих НПД, составило 4 994 720 человек, из них 4 716 172 – физические лица, а 278 548 – индивидуальные предприниматели[21].

Характеризуя феномен самозанятости, нельзя не отметить явно обозначившийся тренд приобретения данного статуса женщинами. Так, по данным ФНС России[22], на 5 марта 2021 г. число женщин-самозанятых составляло 747 тыс. (около 40%). Позитивно следует оценить и динамику: менее чем за год (на 24 января 2022 г.) доля женщин со статусом самозанятых выросла в целом по России на 2%[23]. При этом в ряде субъектов Российской Федерации[24] доля женщин-самозанятых превалирует над долей мужчин, что позволяет выявить наметившийся курс на «предпринимательский матриархат».

Данное явление присутствует и в зарубежных странах[25], где оно активно обсуждается исследователями. Так, констатировав, что индивидуальная или «внештатная» самозанятость становится все более популярной формой самозанятости на рынке труда, а в некоторых юрисдикциях этот рост объясняется увеличением числа женщин – и особенно женщин с детьми, – стремящихся к гибкости и автономии внештатной работы в качестве реакции на нехватку гибкости в наемной занятости, известный исследователь проблематики самозанятости в Великобритании Lauren Bari отмечает, что ряды индивидуальной самозанятости все чаще состоят из высокообразованных и профессиональных женщин в относительно высокооплачиваемых секторах, предпочитающих гибкий график работы[26].

---

[18] См.: URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ (дата обращения: 28.07.2022).

[19] См.: Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7494.

[20] В качестве первоначальной экспериментальной площадки были выбраны процветающие регионы-доноры: Москва, Московская и Калужская области, а также Республика Татарстан, которые не сделали бы этот «пилотный проект» инструментом прессинга самозанятых для пополнения своих самодостаточных бюджетов (см.: URL: https://oren.mk.ru/social/2019/02/06/samozanyatye-grazhdane-vykhodyat-iz-teni.html (дата обращения: 27.07.2022)).

[21] См.: URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html (дата обращения: 28.07.2022). Предваряя последующий анализ, отметим: на официальном интернет-портале налоговой службы не удалось обнаружить реестр самозанятых граждан, равно как и данные о них в разделе «Статистика и аналитика». Лишь специальный запрос в поисковой системе выводит на ресурс «Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства», где имеется соответствующий отчет об актуальном количестве самозанятых граждан.

[22] См.: URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/10662978/ (дата обращения: 10.07.2022).

[23] См.: URL: https://sznpd.ru/statistika/ (дата обращения: 12.07.2022).

[24] Республика Бурятия – 58.66%, Курганская область – 55.62%, Забайкальский край – 55.13%, Республика Алтай – 54.62%.

[25] В Европе, несмотря на сокращение в последние годы, соотношение самозанятых мужчин и женщин составляет примерно 10:7, при этом самозанятыми являются 9.6% женщин по сравнению с 17% мужчин (см.: Government at a Glance 2019, OECD Publishing, Paris, URL: https://abdigm.meb.gov.tr/meb_iys_dosyalar/2019_12/05140016_OECD_GOVERNMENT_AT_A_GLANCE_2019.pdf (дата обращения: 29.07.2022)).

[26] См.: *Bari L.* Who are solo self-employed women? Analysis of the trends and characteristics of solo self-employed women in Ireland 2003–2019 // Irish Journal of Management. 2021. No. 40 (1). P. 42–60; см. также: *Ferrin M.* Self-Employed Women in Europe: Lack of Opportunity or Forced by Necessity? // Work, Employment and Society. 2021. P. 095001702110353. URL: https://www.researchgate.net/publication/354568730_Self-Employed_Women_in_Europe_Lack_of_Opportunity_or_Forced_by_Necessity (дата обращения: 20.07.2022); *Besamusca J.* The Short or Long End of the Stick? Mothers' Social Position and Self-Employment Status from a comparative perspective // Gender, Work & Organization. 2020. No. 27.

Положительное влияние потенциала самозанятости на положение женщин в семье и обществе выявлено и российскими исследователями. Так, С.В. Поленина указывает: «Расширение возможностей для самозанятых не может не сказаться на степени экономической свободы женщин (матерей и старшего поколения) и реализации их способностей с соответствующим изменением вклада женщины в семейный бюджет. Результатом могут стать перемены во внутрисемейных отношениях»[27].

Таким образом, приведенная статистика красноречиво свидетельствует: правительственные ожидания[28] сбылись еще до намеченного срока. Набранные темпы позволяют спрогнозировать достижение и конечной амбициозной цели – охватить сбором НПД 25 млн самозанятых граждан Российской Федерации[29].

Заметим, что и зарубежные исследователи по результатам анализа влияния последствий налоговых реформ на разные категории экономически активного населения отмечают: самозанятые гораздо сильнее реагируют на налоговые льготы, чем наемные работники[30].

Очевидная успешность эксперимента привела к его расширению. С 1 января 2020 г. правовым режимом самозанятости смогли воспользоваться жители еще 19 субъектов Российской Федерации[31], а с 1 июля 2020 г. новый режим стало возможно применять в любом субъекте Российской Федерации[32].

Популярности данного правового режима способствует и тот факт, что налогоплательщиками НПД могут быть граждане не только Российской Федерации, но и других государств – членов ЕАЭС. Кроме этого, с 1 августа 2022 г. претендовать на получение статуса плательщика НПД могут также граждане Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики[33].

Примечательно, что законодатель не стал дожидаться окончания эксперимента в части совершенствования правового режима. В частности:

к плательщикам НПД, не зарегистрированным в качестве индивидуальных предпринимателей, применяются отдельные особенности правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – субъекты МСП) при участии в государственных закупках[34];

на указанную категорию лиц распространены меры поддержки, оказываемые субъектам МСП[35];

на имя самозанятых граждан разрешено регистрировать товарные знаки[36];

самозанятые физические лица получили право претендовать на места на нестационарных торговых объектах для субъектов МСП[37].

Уместно высказать мнение относительно необходимости признания самозанятых граждан-плательщиков НПД субъектами микропредпринимательства. Заметим, что обсуждение данного вопроса ведется уже не один год и авторы статьи приняли

---

[27] *Поленина С.В.* «Женский вопрос» в XXI веке // Государство и право. 2019. № 3. С. 120, 121.

[28] См.: Правительство РФ ожидало, что до конца 2024 года официальный статус самозанятых получат 2,4 млн граждан. URL: https://www.assessor.ru/notebook/biznes/samozanjatye-grazhdane/ (дата обращения: 12.07.2022).

[29] См.: *Кориненко Е.* Всем выйти из сумрака. URL: https://ieonline.microsoft.com/#ieslice (дата обращения: 12.07.2022).

[30] См.: *Bosch N., Boer H.W.* Income and occupational choice responses of the self-employed to tax rate changes: Heterogeneity across reforms and income // Labour Economics. 2019. No. 58. P. 1–20.

[31] См.: Федеральный закон от 15.12.2019 г. № 428-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)”» // СЗ РФ. 2019. № 50, ст. 7201.

[32] См.: Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 101-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона “О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» // СЗ РФ. 2020. № 14, ст. 2031.

[33] См.: Федеральный закон от 28.06.2022 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3 и 5 Федерального закона “О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» // СЗ РФ. 2022. № 27, ст. 4607.

[34] См.: Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 474-ФЗ «О внесении изменений в статью 25.1 Федерального закона “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” и статью 8 Федерального закона “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц”» // СЗ РФ. 2019. № 52, ст. 7792.

[35] См.: Федеральный закон от 08.06.2020 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” и статьи 1 и 2 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в целях формирования единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки» // СЗ РФ. 2020. № 24, ст. 3743.

[36] См.: Федеральный закон от 28.06.2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 27, ст. 4594.

[37] См.: Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 352-ФЗ «О внесении изменения в статью 22 Федерального закона “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”». URL: http://pravo.gov.ru. 14.07.2022.

в нем участие[38]. Как представляется, наметившаяся корреляция правовых режимов самозанятости и малого предпринимательства понижает градус затянувшейся дискуссии. Действительно, статус субъекта МСП предоставляет возможность воспользоваться законодательно установленными особенностями нормативного правового регулирования и претендовать на получение мер поддержки. Первая компонента частично, а вторая практически полностью внедрены в правовой режим самозанятых. При этом ряд особенностей нормативного правового регулирования деятельности субъектов МСП для самозанятых граждан не релевантен (контрольные мероприятия, упрощенные способы ведения бухгалтерского, статистического учета и др.).

В связи с этим далее обратим внимание на ключевые положения нового регуляторного окна, открытого Федеральным законом № 422-ФЗ.

Реперные точки правового режима деятельности самозанятых граждан

Правовое поле деятельности самозанятых граждан весьма привлекательно. Примечательно, что субъектами специального налогового режима являются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, что расширяет прежний подход об ассоциировании последних лишь с юридическими лицами.

Яркая особенность правового статуса самозанятых граждан – отсутствие необходимости их государственной регистрации в ФНС России, что значительно снижает административные барьеры в процесс их вхождения на соответствующий рынок. Легитимация в качестве лица-плательщика НПД осуществляется посредством мобильного приложения ФНС России «Мой налог»[39].

При этом статус самозанятого физического лица сочетается с работой по трудовому договору, и получаемая за выполнение должностных обязанностей заработная плата не учитывается при расчете налога на профессиональный доход.

Федеральный закон № 422-ФЗ вводит понятие «профессиональный доход», понимая под ним доход от деятельности, при ведении которой самозанятые не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества. Следует сказать, что, хотя законодатель и указывает на признак «профессиональности», никаких специальных требований к субъектам (в части наличия образования или опыта работы) при осуществлении каких-либо видов деятельности не устанавливается.

Объектом налогообложения признаются доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). При произведении расчетов формирование налогоплательщиком чека происходит буквально за пару кликов в указанном мобильном приложении. Достоинством рассматриваемого налогового режима являются также исчисление налога налоговым органом и отражение уплаты налога в мобильном приложении.

Отметим, что самозанятые из числа индивидуальных предпринимателей отражают свой доход по расчетному счету, в то время как самозанятые физические лица проводят все транзакции по своим текущим счетам, что, кстати, не позволяет налоговым органам приостанавливать операции по их счетам и взыскивать недоимки в бесспорном порядке, поскольку взыскание налогов и штрафов с физических лиц возможно только в судебном порядке.

Налоговые ставки на доходы самозанятых граждан в размере 4% с доходов от физических лиц и 6% с доходов от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей можно рассмотреть как льготу (при учете того, что базовая ставка налога на доходы физических лиц в 13% остается неизменной). Самозанятым предоставляется также налоговый вычет в размере 10 000 руб., рассчитываемый нарастающим итогом, а уменьшение суммы налога на сумму налогового вычета осуществляется налоговым органом самостоятельно.

Самозанятые граждане также освобождаются от уплаты страховых взносов. Положения ст. 57 Конституции РФ об обязанности граждан платить установленные законом налоги обеспечивается ст. 129[13] НК РФ, закрепляющей в качестве ответственности штраф в размере 20% от суммы расчета, за повторное нарушение – 100%. Кроме этого самозанятые граждане в отношении медицинского обслуживания посредством автоматических отчислений части уплаченного налога в бюджет ФОМС являются застрахованными лицами, хотя взнос ими самостоятельно не уплачивается.

Что касается ограничений специального налогового режима, то среди существенных можно указать на следующие.

[38] См.: *Ershova I.V., Tarasenko O.A.* Small and medium-sized enterprises: transformation of the Russian crediting and microfinancing system // Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki. 2018. № 39. P. 99–124; *Ершова И.В.* Микропредприятие: «микро» не значит «малое» // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 11–18.

[39] Приложение именует плательщиков налога на профессиональный доход самозанятыми гражданами, хотя в Федеральном законе № 422-ФЗ этот термин не употребляется. Полагаем, что это резонно, поскольку перенос тяжеловесной конструкции «плательщик налога на профессиональный доход» в мобильное приложение – оксюморон. Кроме того, термин «самозанятые граждане» уже успел довольно прочно прижиться в лексиконе соотечественников.

Прежде всего Федеральный закон № 422-ФЗ устанавливает предельный размер дохода налогоплательщиков – не более 2 млн 400 тыс. руб. без лимита по ежемесячному доходу.

Кроме этого закреплены ограничения по осуществлению отдельных видов деятельности в рамках рассматриваемого налогового режима (реализация подакцизных товаров и товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации; перепродажа товаров, имущественных прав, за исключением продажи имущества, использовавшегося для личных, домашних и (или) иных подобных нужд; добыча и (или) реализация полезных ископаемых).

По общему правилу запрещается также применение налога на профессиональный доход: посредникам (по договору поручения, комиссии либо агентскому договору); работодателям, имеющим работников, с которыми они состоят в трудовых отношениях; лицам, бывшим работодателями самозанятых граждан менее двух лет назад; самозанятым лицам из категорий арбитражных управляющих, медиаторов, оценщиков, нотариусов, адвокатов и др.

Итак, правовое регулирование самозанятости в Российской Федерации прошло определенный путь в своем развитии, четко обозначились два его последовательно появившихся и параллельно существующих (направления) вектора. Насколько благоприятным представляется прогноз в отношении их будущего? Каждой ли из сложившихся правовых моделей предначертано развитие, либо одной из них уготовано отмирание?

В первом приближении наиболее шаткой, и не без оснований, представляется позиция хронологически ранее появившейся правовой формы самозанятости. Действительно, статистика демонстрирует явное неравенство. Да и спектр возможностей выбора видов деятельности склоняется не в пользу «пионера» самозанятости. Однако, как представляется, еще рано «заказывать реквием» по первой правовой модели – хотя бы до тех пор, пока она будет воспринята практикой.

Основные проблемы правоприменительной практики, возникающие в сфере самозанятости, и возможности их минимизации

Итак, очевидные преимущества режима самозанятости привлекли в армию самозанятых граждан миллионы физических лиц: парикмахеров, фотографов, дизайнеров, автослесарей, сапожников, репетиторов, нянь, сиделок, экономок, разнорабочих, садовников, строителей, перевозчиков и т.д. Заманчивым оказался данный режим и для юридических лиц: использование самозанятых для реализации текущих бизнес-проектов экономически выгодно, поскольку с их дохода не платится НДФЛ и не удерживаются взносы. Однако практически сразу же выявились и первые коллизии, пробелы и сдерживающие факторы нового регуляторного окна. Обратим внимание на основные из них.

Во-первых, это неоднозначная правовая квалификация деятельности самозанятых граждан. Не ставя перед собой цели провести полную инвентаризацию доктринальных позиций, обнародуем ключевые из них. Большинство авторов склоняется к квалификации самозанятых в качестве предпринимателей. При этом предлагается пойти по пути дифференциации их правового положения в зависимости от осуществляемого вида деятельности, а также изменения легального понятия «предпринимательской деятельности с целью приведения его в соответствие со сложившимися реалиями»[40]. Так, О.А. Тарасенко в своих трудах[41] обосновывает вывод о том, что квалификация деятельности самозанятых в качестве профессиональной, приносящей доход является наиболее точной. Г.Ф. Ручкина представляет самозанятых как лиц, «осуществляющих деятельность, приносящую доход на постоянной основе», так и как граждан, вовлекаемых «в инициативную предпринимательскую деятельность»[42]. О.Ю. Павловская, проведя «отличие самозанятых от предпринимателей», формулирует критерии «идентификации самозанятого гражданина, осуществляющего свою трудовую деятельность в рамках сложившихся правоотношений не по найму»[43]. Укажем, что в ходе проведенного нами в 2020 г. уже в новых правовых реалиях повторного социологического исследования респонденты также высказывали разные мнения относительно правовой природы деятельности и статуса самозанятых граждан[44].

Любопытно, что и в зарубежных странах, где история рассматриваемого явления насчитывает не одно десятилетие, квалификация правового статуса самозанятых граждан до сих пор вызывает вопросы.

---

[40] *Ершова И.В., Шишмарева Т.П., Енькова Е.Е.* Правовой статус самозанятых как субъектов предпринимательства: проблемы и перспективы реформирования // Журнал Сибирского федерального ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14. № 11. С. 1653.

[41] См.: *Тарасенко О.А.* Я б в самозанятые пошел, пусть меня научат! // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 27–33.

[42] *Ручкина Г.Ф.* Новые специальные налоговые режимы в законодательстве Российской Федерации как реализация публичных интересов государства // Налоги. 2019. № 1. С. 28–33.

[43] *Павловская О.Ю.* Занятость как правовая категория в отечественной доктрине: классика и современность // Государство и право. 2021. № 8. С. 97.

[44] См.: *Ершова И.В., Шишмарева Т.П., Енькова Е.Е.* Указ. соч. С. 1655–1657.

Как указывают исследователи[45], сравнение показателей самозанятости в разных государствах является сложной задачей не в последнюю очередь из-за различных способов определения самозанятости. Индивидуальная самозанятость определяется, «когда люди работают в своем собственном бизнесе за свой счет»[46], или «те, кто работает в своем собственном бизнесе, профессиональной практике или на ферме с целью получения прибыли и которые не нанимают других лиц»[47]. Если два десятилетия назад, отмечают в своей концептуальной работе Marc Cowling, José María Millán, Wei Yue, термины «самозанятость» и «предприниматель» в значительной степени считались синонимами, то более поздние размышления о количественно-качественных деталях самостоятельной занятости привели к дискуссиям о её типах[48].

Перетекая в судебную плоскость, проблема правовой квалификации статуса самозанятых выражается в неясности вопроса о компетенции судов по разрешению споров с их участием. Конкретные нормы относительно того, какой суд должен рассматривать такие дела – арбитражный суд или суд общей юрисдикции, в законодательстве отсутствуют. Правоприменители, разрешая споры с участием самозанятых граждан, еще не выработали единого подхода по данному вопросу.

Так, самозанятый гражданин подал иск в арбитражный суд с требованием о взыскании задолженности с контрагента – юридического лица. Суд иск возвратил, поскольку из п. 1 ст. 2 ГК РФ следует, что лица, занимающиеся деятельностью без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, субъектами предпринимательской деятельности не являются. Законодателем понятия «самозанятость» и «предпринимательская деятельность» не отождествляются, возможность рассмотрения споров в арбитражном суде при участии на стороне истца самозанятого гражданина в отсутствие у него статуса индивидуального предпринимателя исключается[49].

Символично и то, что в отношении должника – самозанятого гражданина процедура банкротства реализуется по правилам гл. X Федерального закона о банкротстве, посвященной регламентации банкротства физических лиц[50].

Однако противоположная позиция изложена в решении Подольского городского суда Московской области от 3 августа 2020 г. № 2-3445/2020~М-2633/2020. В частности, самозанятому гражданину было отказано в получении пособия по безработице на том основании, что его статус не эквивалентен статусу физического лица.

Подчеркнем, что до сих пор отсутствует судебная практика по рассмотрению споров с участием самозанятых граждан – индивидуальных предпринимателей. Учитывая, что АПК РФ относит споры экономического характера с участием индивидуальных предпринимателей к компетенции арбитражных судов, вероятно, данная часть самозанятых граждан будет защищать свои права и законные интересы в арбитражном суде.

Таким образом, проблема определения компетентного суда представляется актуальной лишь для самозанятых граждан – физических лиц. В ближайшее время, вероятно, она приобретет еще более острый характер в связи с их закупочной деятельностью либо с получением ими льготных кредитов, предоставляемых в целях поддержки во время известной пандемии (COVID-19).

Отсюда следует, что споры с участием самозанятых граждан, имеющие один и тот же предмет, будут отнесены к компетенции судов с разной юрисдикцией, исходя из наличия либо отсутствия у самозанятого гражданина статуса индивидуального предпринимателя. Подобная ситуация не является новой для российского правопорядка. Например, такой вид деятельности, как сдача собственного недвижимого имущества в аренду, мог и ранее осуществляться как индивидуальными предпринимателями, так и физическими лицами. Соответственно, первые защищали (и защищают) свои нарушенные права и законные интересы в арбитражных судах, а вторые – в судах общей юрисдикции. Однако сейчас данная грань стала еще более тонкой: индивидуальные предприниматели и физические лица, осуществляющие этот вид деятельности, работают под единым правовым статусом самозанятого гражданина.

В связи с этим мы солидаризируемся с высказанной в научной литературе позицией о том, что, с одной стороны, формально юридические споры с участием самозанятых граждан – это компетенция судов общей юрисдикции, но с другой – сущность их деятельности является экономической,

---

[45] См.: *Bari L.* Op. cit. P. 42–60.

[46] OECD (2019), Government at a Glance 2019, OECD Publishing, Paris URL: https://abdigm.meb.gov.tr/meb_iys_dosyalar/2019_12/05140016_OECD_GOVERNMENT_AT_A_GLANCE_2019.pdf (дата обращения: 29.07.2022).

[47] Eurofound (European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions), 2019. European Company Surveys (ECS). URL: https://www.eurofound.europa.eu/surveys/2019/european-company-survey-2019 (дата обращения: 29.07.2022).

[48] См.: *Cowling M., Millán J.M., Yue W.* Op. cit.

[49] См.: Постановления Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2020 г. № 15-АП-5207/2020 и Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.06.2021 г. № 18-АП-7916/2021.

[50] См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2020 г. № 17-АП-8205/020(21)-АК.

следовательно, приоритет должен быть отдан арбитражным судам. Ориентируясь на критерии подведомственности споров, можно предположить, что критерий субъектного состава в отношении споров, в которых участвуют самозанятые граждане, не может рассматриваться в отрыве от критерия характера и предмета спора. Поскольку деятельность самозанятых граждан предполагает вступление в договорные отношения, оформление кассовой документации и в целом получение дохода, постольку она, безусловно, носит экономический характер, и потому выделенную категорию споров следует относить к подведомственности арбитражных судов[51].

Во-вторых, Федеральный закон № 422-ФЗ устанавливает низкий предельный размер дохода самозанятых граждан – максимально 2 млн 400 тыс. руб. в год, что наталкивает на мысль о том, что в лице плательщиков НПД государство в принципе видит лиц с ограниченными доходными возможностями. Для сравнения: прямым «конкурентом» самозанятых граждан являются микропредприятия, которые при допустимой среднесписочной численности работников до 15 человек имеют право зарабатывать 120 млн руб. в год[52]. Соответственно, усредненно заработок каждого из 15 работников может составлять 8 млн руб. В этой связи представляется более рациональным по окончании эксперимента повысить предельный размер дохода самозанятых граждан и в целях его корреляции с экономической ситуацией в стране определять предельный размер их дохода постановлением Правительства РФ.

В-третьих, появились злоупотребления, связанные с эксплуатацией статуса самозанятых для избежания обязанностей и ответственности, а также свойственных сотрудникам компаний и корпораций налоговых сборов[53]. Отметим, что проблематика «лжесамозанятых» наблюдается в интернациональном масштабе (о чем свидетельствует, например, решение Манчестерского трибунала по трудоустройству от 11 марта 2020 г. по делу № 2410722/2019)[54] и широко освещается в зарубежной доктрине[55]. Вместе с тем универсальное средство противодействия этому явлению не найдено. В качестве выхода видится возможным заимствование зарубежного опыта борьбы с «лжесамозанятыми» на российское правовое пространство.

В-четвертых, на пути к использованию имущества как источнику дохода самозанятых законодатель установил отдельные правовые барьеры. Плательщики НПД имеют право сдавать в аренду квартиры и иную жилую недвижимость, а также движимое имущество (в частности, автомобили). Однако доход от предоставления в аренду нежилых помещений (например, офисов, складских помещений, гаражей) не подпадает под действие специального режима.

Комментируя эти нормативные положения, можно сказать, что, с одной стороны, они связаны той логикой, которая призвана ограничить возможность извлекать доход от использования нежилых помещений при применении экспериментального режима. С другой стороны, если взять конкретного самозанятого гражданина, имеющего в личной собственности квартиру, машину и гараж, то выходит, что в качестве самозанятого он сможет получать доход только от использования квартиры и машины, но не гаража (который de facto будет сдаваться без уплаты налогов). Представляется, что здесь происходит некое нарушение экономических связей и ущемление возможностей как самого налогового режима, так и его субъектов. На наш взгляд, целесообразно разрешить самозанятым гражданам извлекать доход и от использования принадлежащих им на праве собственности гаражей и машиномест в гаражных комплексах. При этом запрет на использование нежилых помещений необходимо переформулировать путем указания на исчерпывающий перечень нежилых помещений, доход от сдачи в аренду которых не может подпадать под действие режима.

До тех пор, однако, пока законодатель не поддержит подобные инициативы, следует учитывать вектор судебной практики[56].

В-пятых, в период распространения пандемии COVID-19 государство не смогло эффективно адаптировать предоставляемую им финансовую поддержку под нужны самозанятых граждан, что подробно освещалось в наших предыдущих работах[57]. Зарубежные авторы также подчерки-

[51] См.: *Шапсугова М.Д.* О влиянии неопределенности материально-правового статуса самозанятого на неопределенность его процессуального статуса // Право и экономика. 2021. № 3. С. 5–9.

[52] См.: пункт 1 постановления Правительства РФ от 04.04.2016 г. № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» // СЗ РФ. 2016. № 15, ст. 2097.

[53] См.: *Овчарук К.В.* Самозанятые: драйвер экономики или нежелательное поведение. URL: http://bujet.ru/article/334551.php (дата обращения: 21.07.2022).

[54] См.: URL: https://www.litrg.org.uk/sites/default/files/files/LITRG-case-MGorman-v-Terence-Paul.pdf (дата обращения: 21.07.2022).

[55] См.: *Nikulin D.* The Determinants of False Self-Employment: A Survey of Polish Enterprises. In: Eastern European Economics 2021. No. 1. P. 70–81. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00128775.2020.1782754 (дата обращения: 29.07.2022).

[56] См.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20.07.2018 г. № 16-КГ18-17.

[57] См.: *Лаутс Е.Б., Тарасенко О.А.* Правовое регулирование деятельности самозанятых граждан в системе антикризисных мер по борьбе с коронавирусной инфекцией // Право и экономика. 2020. № 4. С. 5–15.

вают, что такое критическое событие, как пандемия, увеличивает и без того высокую нагрузку на самозанятых[58].

Поскольку кризисные явления в экономике имеют цикличность, для их преодоления представляется необходимым выработать правила постоянного характера. Резонно расширить функционал налогового вычета, персонифицировав финансовую поддержку самозанятых граждан в корреляции со снижением уровня их доходов. Кроме того, в рамках антикризисных мер в сфере самозанятости, как, пожалуй, ни в какой иной, необходим комплексный и прозрачный подход. В связи с этим законодатель мог бы обязать системнозначимые кредитные организации подключиться к мобильному приложению (принимая во внимание их роль в предоставлении государственной поддержки), а также вменить в обязанность ФНС России вести публичный реестр самозанятых граждан, выделяя в его структуре получателей финансовой поддержки.

* * *

В заключение отметим, что правовой режим самозанятости в Российской Федерации состоялся. Но выстраивая далее систему правового регулирования деятельности самозанятых граждан, представляется важным наработанную практику «экспериментального периода» экстраполировать на исследуемый предмет, а также учесть высказанные в доктрине предложения по оптимизации законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бердникова Г.И.* Самозанятость на селе: проблемы и тенденции развития: дис. ... канд. экон. наук. М., 2013.
2. *Ершова И.В.* Микропредприятие: «микро» не значит «малое» // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 11–18.
3. *Ершова И.В., Трофимова Е.В.* Самозанятость: реперные точки формирования правового режима // Предпринимательское право. 2017. № 3. С. 3–12.
4. *Ершова И.В., Шишмарева Т.П., Енькова Е.Е.* Правовой статус самозанятых как субъектов предпринимательства: проблемы и перспективы реформирования // Журнал Сибирского федерального ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14. № 11. С. 1653, 1655–1657.
5. *Клеандров М.И.* О необходимости обретения незарегистрированным предпринимателем легального статуса // Предпринимательское право. 2015. № 3. С. 3–12.
6. *Кориненко Е.* Всем выйти из сумрака. URL: https://ieonline.microsoft.com/#ieslice (дата обращения: 12.07.2022).
7. *Кремнев А.А.* Взаимопереход занятости и самозанятости (формы, тенденции и закономерности в современной экономике): дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д., 2002.
8. *Курбанов Р.А.* Правовое обеспечение частных и публичных интересов: диалектика развития в российском праве // Государство и право. 2020. № 1. С. 103.
9. *Лаутс Е.Б., Тарасенко О.А.* Правовое регулирование деятельности самозанятых граждан в системе антикризисных мер по борьбе с коронавирусной инфекцией // Право и экономика. 2020. № 4. С. 5–15.
10. *Максимович Л.В.* Самозанятость населения в российской экономике: формирование и регулирование: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2006.
11. *Мишустин М.В.* Вы вернулись в правовое поле – к вам нет вопросов: интервью газете «Коммерсантъ» // Коммерсантъ. 2018. 27 июня.
12. *Мукучян Р.Р.* Разработка инструментов и механизмов организации и стимулирования инновационной самозанятости населения в экономике России: дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д., 2014.
13. *Овчарук К.В.* Самозанятые: драйвер экономики или нежелательное поведение. URL: http://bujet.ru/article/334551.php (дата обращения: 21.07.2022).
14. *Павловская О.Ю.* Занятость как правовая категория в отечественной доктрине: классика и современность // Государство и право. 2021. № 8. С. 97.
15. *Поленина С.В.* «Женский вопрос» в XXI веке // Государство и право. 2019. № 3. С. 120, 121.
16. *Ручкина Г.Ф.* Новые специальные налоговые режимы в законодательстве Российской Федерации как реализация публичных интересов государства // Налоги. 2019. № 1. С. 28–33.
17. *Тарасенко О.А.* Я б в самозанятые пошел, пусть меня научат! // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 27–33.
18. *Шапсугова М.Д.* О влиянии неопределенности материально-правового статуса самозанятого на неопределенность его процессуального статуса // Право и экономика. 2021. № 3. С. 5–9.
19. *Bari L.* Who are solo self-employed women? Analysis of the trends and characteristics of solo self-employed women in Ireland 2003–2019 // Irish Journal of Management. 2021. No. 40 (1). P. 42–60.
20. *Besamusca J.* The Short or Long End of the Stick? Mothers' Social Position and Self-Employment Status from a comparative perspective // Gender, Work & Organization. 2020. No. 27.
21. *Bosch N., Boer H.W.* Income and occupational choice responses of the self-employed to tax rate changes: Heterogeneity across reforms and income // Labour Economics. 2019. No. 58. P. 1–20.
22. *Cowling M., Millán J.M., Yue W.* Two decades of European Entrepreneurship: Is the answer to who becomes self-employed different over time and countries? // Journal

[58] См.: *Vinberg S., Landstad B., Tjulin Å., & Nordenmark M.* Sickness Presenteeism Among the Swedish Self-Employed During the Covid-19 Pandemic // Frontiers in Psychology. 2021. No. 12. URL: https://www.researchgate.net/publication/354730328_Sickness_Presenteeism_Among_the_Swedish_Self-Employed_During_the_Covid-19_Pandemic/citation/download (дата обращения: 27.07.2022).

of Business Venturing Insights. 2019. No. 12 (C). URL: https://www.researchgate.net/publication/336149722_Two_decades_of_European_Entrepreneurship_Is_the_answer_to_who_makes_an_entrepreneur_different_over_time_and_countries (дата обращения: 29.07.2022).

23. *Ershova I.V., Tarasenko O.A.* Small and medium-sized enterprises: transformation of the Russian crediting and microfinancing system // Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki. 2018. № 39. P. 99–124.

24. *Ferrin M.* Self-Employed Women in Europe: Lack of Opportunity or Forced by Necessity? // Work, Employment and Society. 2021. P. 095001702110353. URL: https://www.researchgate.net/publication/354568730_Self-Employed_Women_in_Europe_Lack_of_Opportunity_or_Forced_by_Necessity (дата обращения: 20.07.2022).

25. *Gengzhi H., Desheng X., Yan G., Changjian W.* Constrained voluntary informalization: Analyzing motivations of self-employed migrant workers in an urban village, Guangzhou // Cities. 2020. No. 105. P. 102760. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275119309783 (дата обращения: 20.07.2022).

26. *Georgellis Y., Wall H.* Gender Differences in Self-Employment // International Review of Applied Economics. 2005. No. 19. P. 321–342. URL: https://www.researchgate.net/publication/24082571_Gender_Differences_in_Self-Employment

27. *Gevaert J., Moortel D., Wilkens M., Vanroelen C.* What's up with the self-employed? A cross-national perspective on the self-employed's work-related mental well-being // SSM-Population Health. 2018. No. 4. P. 317–326. URL: https://www.researchgate.net/publication/324256612_What's_up_with_the_self-employed_A_Cross-National_Perspective_on_the_self-employed's_Work-Related_Mental_Well-being (дата обращения: 29.07.2022).

28. *Hatfield I.* Is being self-employed becoming the new normal? // The New Statesman, 07.01.2015. URL: http://www.newstatesman.com/politics/2015/01/being-self-employed-becoming-new-normal (дата обращения: 20.07.2022).

29. *Nikulin D.* The Determinants of False Self-Employment: A Survey of Polish Enterprises. In: Eastern European Economics 2021. No. 1. P. 70–81. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00128775.2020.1782754 (дата обращения: 29.07.2022).

30. *Nordenmark M., Hagqvist E., Vinberg S.* Sickness Presenteeism among the Self-employed and Employed in Northwestern Europe. – The Importance of Time Demands // Safety and Health at Work. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 224–228. URL: https://www.researchgate.net/publication/330331965_Sickness_presenteeism_among_self-employed_and_employed_in_northwestern_europe_-_the_importance_of_time_demands (дата обращения: 29.07.2022).

31. *Vinberg S., Landstad B., Tjulin Å., & Nordenmark M.* Sickness Presenteeism Among the Swedish Self-Employed During the Covid-19 Pandemic // Frontiers in Psychology. 2021. No. 12. URL: https://www.researchgate.net/publication/354730328_Sickness_Presenteeism_Among_the_Swedish_Self-Employed_During_the_Covid-19_Pandemic/citation/download (дата обращения: 27.07.2022).

32. *Wolfe M.T., Patel P.C.* Exploring the differences in perceptions of work importance and job usefulness to society between self-employed and employed individuals // Journal of Business Venturing Insights. 2019. No. 12(6). P. e00146. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2352673419300952?via%3Dihub (дата обращения: 29.07.2022).

33. *Wolfe M.T., Patel P.C.* Labor of love? The influence of work-conditions among self-employed and work stress // Journal of Business Venturing Insights. 2019. No. 11 (C). P. e00118. URL: https://www.researchgate.net/publication/331704437_Labor_of_love_The_influence_of_work-conditions_among_self-employed_and_work_stress (дата обращения: 29.07.2022).

REFERENCES

1. *Berdnikova G.I.* Self-employment in rural areas: problems and development trends: dis. ... Candidate of Economic Sciences. M., 2013 (in Russ.).

2. *Ershova I.V.* Microenterprise: "micro" does not mean "small" // Entrepreneurial Law. 2018. No. 2. P. 11–18 (in Russ.).

3. *Ershova I.V., Trofimova E.V.* Self-employment: reference points of the formation of the legal regime // Entrepreneurial Law. 2017. No. 3. P. 3–12 (in Russ.).

4. *Ershova I.V., Shishmareva T.P., Enkova E.E.* The legal status of the self-employed as business entities: problems and prospects of reformation // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. 2021. Vol. 14. No. 11. P. 1653, 1655–1657 (in Russ.).

5. *Kleandrov M.I.* On the need for an unregistered entrepreneur to acquire legal status // Entrepreneurial Law. 2015. No. 3. P. 3–12 (in Russ.).

6. *Korinenko E.* Everyone come out of the twilight. URL: https://ieonline.microsoft.com/#ieslice (accessed: 12.07.2022) (in Russ.).

7. *Kremnev A.A.* The mutual transition of employment and self-employment (forms, trends and patterns in the modern economy): dis. ... Candidate of Economic Sciences. Rostov n/D., 2002 (in Russ.).

8. *Kurbanov R.A.* Legal support of private and public interests: dialectics of development in Russian law // State and Law. 2020. No. 1. P. 103 (in Russ.).

9. *Lauts E.B., Tarasenko O.A.* Legal regulation of the activities of self-employed citizens in the system of anti-crisis measures to combat coronavirus infection // Law and Economics. 2020. No. 4. P. 5–15 (in Russ.).

10. *Maksimovich L.V.* Self-employment of the population in the Russian economy: formation and regulation: dis. ... Candidate of Economic Sciences. Saratov, 2006 (in Russ.).

11. *Mishustin M.V.* You have returned to the legal field – there are no questions for you: interview to the newspaper "Kommersant" // Kommersant. 2018. June 27 (in Russ.).

12. *Mukuchyan R.R.* Development of tools and mechanisms for organizing and stimulating innovative self-employment of the population in the Russian economy: dis. ... Candidate of Economic Sciences. Rostov n/D., 2014 (in Russ.).

13. *Ovcharuk K.V.* Self-employed: the driver of the economy or undesirable behavior. URL: http://bujet.ru/article/334551.php (accessed: 21.07.2022) (in Russ.).

14. *Pavlovskaya O. Yu.* Employment as a legal category in the Russian doctrine: classics and modernity // State and Law. 2021. No. 8. P. 97 (in Russ.).

15. *Polenina S.V.* "Women's question" in the XXI century // State and Law. 2019. No. 3. P. 120, 121 (in Russ.).

16. *Ruchkina G.F.* New special tax regimes in the legislation of the Russian Federation as the realization of public interests of the state // Taxes. 2019. No. 1. P. 28–33 (in Russ.).

17. *Tarasenko O.A.* I would go to the self-employed, let them teach me! // Entrepreneurial Law. 2020. No. 3. P. 27–33 (in Russ.).

18. *Shapsugova M.D.* On the influence of the uncertainty of the material and legal status of the self-employed on the uncertainty of his procedural status // Law and Economics. 2021. No. 3. P. 5–9 (in Russ.).

19. *Bari L.* Who are solo self-employed women? Analysis of the trends and characteristics of solo self-employed women in Ireland 2003–2019 // Irish Journal of Management. 2021. No. 40 (1). P. 42–60.

20. *Besamusca J.* The Short or Long End of the Stick? Mothers' Social Position and Self-Employment Status from a comparative perspective // Gender, Work & Organization. 2020. No. 27.

21. *Bosch N., Boer H.W.* Income and occupational choice responses of the self-employed to tax rate changes: Heterogeneity across reforms and income // Labour Economics. 2019. No. 58. P. 1–20.

22. *Cowling M., Millán J.M., Yue W.* Two decades of European Entrepreneurship: Is the answer to who becomes self-employed different over time and countries? // Journal of Business Venturing Insights. 2019. No. 12 (C). URL: https://www.researchgate.net/publication/336149722_Two_decades_of_European_Entrepreneurship_Is_the_answer_to_who_makes_an_entrepreneur_different_over_time_and_countries (accessed: 29.07.2022).

23. *Ershova I.V., Tarasenko O.A.* Small and medium-sized enterprises: transformation of the Russian crediting and microfinancing system // Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki. 2018. № 39. P. 99–124.

24. *Ferrin M.* Self-Employed Women in Europe: Lack of Opportunity or Forced by Necessity? // Work, Employment and Society. 2021. P. 095001702110353. URL: https://www.researchgate.net/publication/354568730_Self-Employed_Women_in_Europe_Lack_of_Opportunity_or_Forced_by_Necessity (accessed: 20.07.2022).

25. *Gengzhi H., Desheng X., Yan G., Changjian W.* Constrained voluntary informalization: Analyzing motivations of self-employed migrant workers in an urban village, Guangzhou // Cities. 2020. No. 105. P. 102760. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275119309783 (accessed: 20.07.2022).

26. *Georgellis Y., Wall H.* Gender Differences in Self-Employment // International Review of Applied Economics. 2005. No. 19. P. 321–342. URL: https://www.researchgate.net/publication/24082571_Gender_Differences_in_Self-Employment

27. *Gevaert J., Moortel D., Wilkens M., Vanroelen C.* What's up with the self-employed? A cross-national perspective on the self-employed's work-related mental well-being // SSM-Population Health. 2018. No. 4. P. 317–326. URL: https://www.researchgate.net/publication/324256612_What's_up_with_the_self-employed_A_Cross-National_Perspective_on_the_self-employed's_Work-Related_Mental_Well-being (accessed: 29.07.2022).

28. *Hatfield I.* Is being self-employed becoming the new normal? // The New Statesman, 07.01.2015. URL: http://www.newstatesman.com/politics/2015/01/being-self-employed-becoming-new-normal (accessed: 20.07.2022).

29. *Nikulin D.* The Determinants of False Self-Employment: A Survey of Polish Enterprises. In: Eastern European Economics 2021. No. 1. P. 70–81. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00128775.2020.1782754 (accessed: 29.07.2022).

30. *Nordenmark M., Hagqvist E., Vinberg S.* Sickness Presenteeism among the Self-employed and Employed in Northwestern Europe.– The Importance of Time Demands // Safety and Health at Work. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 224–228. URL: https://www.researchgate.net/publication/330331965_Sickness_presenteeism_among_self-employed_and_employed_in_northwestern_europe_-_the_importance_of_time_demands (accessed: 29.07.2022).

31. *Vinberg S., Landstad B., Tjulin Å., & Nordenmark M.* Sickness Presenteeism Among the Swedish Self-Employed During the Covid-19 Pandemic // Frontiers in Psychology. 2021. No. 12. URL: https://www.researchgate.net/publication/354730328_Sickness_Presenteeism_Among_the_Swedish_Self-Employed_During_the_Covid-19_Pandemic/citation/download (accessed: 27.07.2022).

32. *Wolfe M.T., Patel P.C.* Exploring the differences in perceptions of work importance and job usefulness to society between self-employed and employed individuals // Journal of Business Venturing Insights. 2019. No. 12(6). P. e00146. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2352673419300952?via%3Dihub (accessed: 29.07.2022).

33. *Wolfe M.T., Patel P.C.* Labor of love? The influence of work-conditions among self-employed and work stress // Journal of Business Venturing Insights. 2019. No. 11 (C). P. e00118. URL: https://www.researchgate.net/publication/331704437_Labor_of_love_The_influence_of_work-conditions_among_self-employed_and_work_stress (accessed: 29.07.2022).

Сведения об авторах

ЕРШОВА Инна Владимировна –
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ЛАПТЕВ Василий Андреевич –
доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ТАРАСЕНКО Ольга Александровна –
доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Authors' information

ERSHOVA Inna V. –
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

LAPTEV Vasily A. –
Doctor of Law, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

TARASENKO Olga A. –
Doctor of Law, Professor of the of the Department of the Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 48–58
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 48–58

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ЭТНОЗООЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК МОДЕЛЬ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© 2023 г. А. М. Плешаков*, Г. С. Шкабин**

Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва

**E-mail: pam7185@ya.ru*
***E-mail: uprzn@ya.ru*

Поступила в редакцию 02.08.2022 г.

Аннотация. В статье речь идет об использовании животных против людей и других представителей животного мира. Подобное насилие фактически признается видом инструментального принуждения. Одновременно этнозоологическое насилие рассматривается как этнокультурный феномен, основанный на ментальном наследии предыдущих поколений. Утверждается, что насилие с использованием животных имеет социально-психологическое происхождение, которое характерно для большинства государств. Как феномен человеческой практики оно является родовым понятием по отношению к его крайней форме – преступному насилию. Соответственно, любое принудительное воздействие на других людей с использованием животных является моделью для преступных деяний в виде причинения вреда жизни или здоровью человека. Рассмотрение этнозоологического насилия в любом аспекте показало, что эти формы всегда подчиняются общим социально-психологическим закономерностям.

***Ключевые слова**:* насилие, животные, преступление, модель поведения, принуждение.

Цитирование: *Плешаков А.М., Шкабин Г.С.* Этнозоологическое насилие как модель для совершения преступления // Государство и право. 2023. № 1. С. 48–58.

DOI: 10.31857/S102694520024125-8

ETHNOZOOLOGICAL VIOLENCE AS A MODEL FOR COMMITTING A CRIME

© 2023 A. M. Pleshakov*, G. S. Shkabin**

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow

**E-mail: pam7185@ya.ru*
***E-mail: uprzn@ya.ru*

Received 02.08.2022

Abstract. The article deals with the use of animals against humans and other representatives of the animal world. Such violence is actually recognized as a kind of instrumental coercion. At the same time, ethnozoological violence is considered as an ethnocultural phenomenon based on the mental heritage of previous generations. It is argued that violence with the use of animals has a socio-psychological origin, which is typical for most States. As a phenomenon of human practice, it is a generic concept in relation to its extreme form – criminal violence. Accordingly, any coercive influence on other people using animals is a model for criminal acts in the form of harm to human life or health. Consideration of ethnozoological violence in any aspect has shown that these forms always obey general socio-psychological laws.

Key words: violence, animals, crime, behavior model, coercion.

For citation: *Pleshakov, A.M., Shkabin, G.S. (2023).* Ethnozoological violence as a model for committing a crime // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 48–58.

Социально-правовая характеристика насильственных преступлений с использованием животных

Судебно-следственной статистики о совершении насильственных преступлений с использованием животных не существует. Ни одна правоохранительная структура ни в одной стране не вела и не ведет специального учета подобных деяний. Этнозоологическое преступление представляет собой скрытый правовой феномен, т.е. является латентным, официально не известным правоохранительным структурам. Согласно заявлению Пирс Бейрна, это понятие впервые было введено в научный оборот социологом Клифтом Брайнтем (Clifton Bryant) в 1979 г.[1]

Вместе с тем история борьбы с преступлениями зафиксировала такое количество отдельных эпизодов, примеров, случаев и фактов совершения насильственных преступлений с использованием животных, что это позволяет говорить о существовании реального уголовно-правового явления. Однако отношение к насильственным преступлениям с использованием животных никогда не менялось. Всегда и везде они определялись как необычные или нетипичные криминальные события, как исключительные случаи либо как нечто неординарное и даже экзотическое.

Каждое насильственное преступление с использованием животных представляет собой стихийное (хаотичное) событие. Это всегда самостоятельный, индивидуальный акт произвола. Каждое преступление посягает обособленно от других деяний подобного рода, одно из них автоматически не порождает другого. В то же время насильственные преступления с использованием животных совершаются непрерывно. Это означает, что хотя они и фиксируются редко, через определенный промежуток времени, от случая к случаю (иррегулярно), однако подобное происходит из года в год, из десятилетия в десятилетие. Соответственно, эмпирические показатели насильственных этнозоологических преступлений всегда повторяются. Животные используются как биологическое оружие либо как предметы, заменяющие оружие, или как средства и орудия преступных посягательств, либо они определяют насильственный способ преступления.

Специальных монографических работ, посвященных роли животных в совершении насильственных преступлений (в качестве орудия, предмета, используемого как оружие, средства и т.п.), не имеется. В позапрошлом и прошлом веках в отдельных публикациях приводились историко-правовые и этнографические обзоры о судебных процессах над животными, когда они признавались виновниками преступлений[2]. Ныне ни одна уголовно-правовая система не содержит установлений о возможности признания животного субъектом преступления.

Значительное внимание уделялось такой проблеме, как жестокое обращение с животными, в том числе и с использованием других представителей фауны[3]. В этих работах в кратком виде говорилось о возможности применения животных в преступлениях против жизни и здоровья человека. Имеются отдельные публикации, в которых в обзорном или тезисном порядке отмечается, что животные могут использоваться в конкретных преступлениях: при разбое[4], изнасиловании[5], жестоком обращении с животными[6]. В научно-публицистической литературе приводились отдельные примеры о пытках (как о способе принудительного воздействия) с помощью насекомых (муравьев, клопов, комаров, мошки и т.п.)[7]. Таким образом, этнозоологическое насилие как социально-правовое явление, его структура и влияние на преступное поведение рассматривались в недостаточной степени.

Изучение этнозоологического насилия как модели для совершения преступления происходило в рамках такой новой научной парадигмы, как уголовная этнозоология. По мнению авторов, подобное название этого инновационного метода вполне допустимо. Дело в том, что и ранее для дальнейшего увеличения знаний в области уголовного права выделялись такие направления, как «уголовная антропология» и «уголовная биология»[8]. Уголовная этнозоология представляет собой консолидацию знаний о фактах, событиях и явлениях, в которых участвуют человек и животное как в рамках материального права, так и вне его. Уголовная этнозоология базируется на интеграции предметных областей трех наук: этнологии, зоологии и уголовного

[1] См.: *Beirne P.* The Use and Abuse of Animals in Criminology: A Brief History And Current Review Author(s) // Social Justice. 1995. Vol. 22. No. 1 (59). Issues in Critical Criminology. P. 5–31.

[2] См.: *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права: лекции. СПб., 1894. Часть Общая; *Канторович Я.А.* Процессы против животных в Средние века. М., 1894; *Evans E.P.* The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.

[3] См.: *Китаева В.Н.* Жестокое обращение с животными как способ психического насилия // Уголовное право. 2011. № 3; *Семенов К.П.* Животные как предмет и средство преступления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.

[4] См.: Применение насилия. Понятие и квалификация / под ред. А.В. Галахова. М., 2016.

[5] См.: Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева: в 5 т. СПб., 2008.

[6] См.: *Тутуков А.Ю.* Проблемы противодействия жестокому обращению с животными в Российской Федерации // Пробелы в росс. законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 156–158.

[7] См.: *Jacques Rossi.* The gulag handbook: A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. London, 1987.

[8] *Мечников В.* Об уголовной антропологии. СПб., 1886.

права. Насилие с использованием животных в жизни социума и его влияние на преступное поведение изучалось в рамках указанной парадигмы с использованием историко-логического метода. Анализировались возникновение, становление и развитие этнозоологического насилия в его многочисленных формах на протяжении тысячелетий: участие животных в жертвоприношениях[9], войнах, казнях и т.п.

В уголовной этнозоологии сосредоточены предыдущие достижения социально-поведенческих и естественных наук, касающихся прежде всего отношения с животными. При изучении этнозоологических преступлений были использованы положения: психогенетики (наследственное поведение индивида); биоэтики (теория возникновения человеческой морали); этологии человека (его поведение как высшего животного). Были задействованы заключения социальной психологии (поведение людей в социальных группах), социобиологии (генетика общественного поведения людей), психологической антропологии, т.н. психологии народов и др. Широко применялись и достижения биологических наук. Использовались положения этологии (приспособительное поведение животных в естественной среде обитания), зоопсихологии (происхождение и наследование психических процессов у животных), сравнительной психологии (способности к обучению у животных разных видов) и др.

В процессе исследования мы использовали и ряд эмпирических методов: сравнительно-правовой, документально-аналитический (контент-анализ) и конкретно-социологический.

Сравнительно-правовой метод. Установление сходства и различия в англосаксонской и романо-германских системах права показало, что, во-первых, использование животных имеет универсальный характер, т.е. их совершение подчиняется общим психологическим закономерностям. Во-вторых, нет никаких национальных особенностей в юридическом отражении возможного использования животных в преступных целях.

Конкретно-социологический метод включил в себя опрос 220 респондентов. К ним относились: потерпевшие от преступлений; очевидцы события; лица, которые в силу своих профессиональных обязанностей наблюдали неблагоприятные последствия физического конфликта с животными, – медицинские работники, охотинспектора, цирковые дрессировщики, кинологи, сотрудники полиции и др.

Наибольший объем информации был получен при помощи контент-анализа. Нами было выявлено и изучено 483 описанных в средствах массовой информации случая использования животных при совершении насильственных преступлений. Данный метод был направлен на достижение следующих целей: сформировать общее представление о конфликтных отношениях человека и животного и оценить ситуации, при которых происходят такие события; исследовать крайнюю степень подобного противостояния и установить частоту умышленных и неосторожных этнозоологических преступлений.

Понятие и содержание этнозоологического насилия

Опыт человечества показывает, что насилие само по себе – это феномен глобального масштаба. Насилие существовало всегда и у всех народов. Как социальное явление оно представляет собой форму принуждения человека к чему-либо с помощью активных действий.

В истории цивилизаций насилие всегда составляло неотъемлемую часть общественной жизни и выступало необходимым инструментом для преобразования действительности. В современном мире сфера принуждения охватывает чрезвычайно широкий круг отношений между людьми. В общей структуре принудительного воздействия на человека обоснованно выделяют многочисленные и многоликие разновидности такого принуждения. Разумеется, в основе подобного ранжирования лежат разные социальные критерии. В частности, помимо элементарного физического и психического насилия выделяют интеллектуальное, семейное (бытовое), воспитательное, этническое, политическое и др.[10] Соответственно, в методических целях вполне допустимо, на наш взгляд, говорить и об этнозоологическом насилии, под которым следует понимать использование животных против людей и других животных. Такое название обусловлено тем, что деятельность миллиардов людей на протяжении сотен веков, их желание и воля по использованию животных против других всегда были бесконечно разнообразными. Подобная практика по своей сути является функционально целесообразной. У такого явления всегда есть или должна быть цель и соответствующая мотивация. В общественном насилии подобной целью является приобретение (или сохранение) господства над другими, удовлетворение тех или иных интересов, завоевание или получение конкретных прав, преимуществ и привилегий. В свою очередь, господство – это власть, право распоряжаться и подчинять своей воле других и тем самым подавлять свободное волеизъявление остальных.

[9] См.: *Pleshakov A.M., Shkabin G.S.* El sacrificio de animales como una forma de violencia zoológica // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores // VII Número: Edición Especial Artículo. 2019. no.: 96 Período: Octubre.

[10] См.: *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005.

Вместе с тем любая форма этнозоологического насилия представляет собой социокультурный феномен. Это означает, что каждая отдельная «зоологическая» культура имеет целостный характер. Любая из них построена на ментальном наследии предыдущих поколений.

По мнению многих ученых, насилие имеет биологическое происхождение. Австрийский зоолог, один из создателей этологии – науки о поведении животных в естественных условиях, К. Лоренц (1903–1989) говорил, что агрессия и насилие – это явления одного порядка. У каждого человека существует врожденная установка на агрессию, и она, по существу, представляет собой антропологическую константу[11]. Агрессия вызывается страхом, и эти психологические чувства взаимосвязаны.

В общебытовом значении слова и во многих поведенческих науках (в том числе в уголовном праве) мы, как правило, понимаем под агрессией враждебные действия, причем неоправданные, неожиданные, несправедливые. В свою очередь, в этологии термин «агрессивность» означает злость, злобу, ярость. Этот термин эмоционально никак не окрашен – ни негативно, ни позитивно, он нейтрален[12]. Соответственно, биологически запрограммированное поведение (без злости) этологами не называется агрессией. Допустим, волк ловит зайца – это лишь естественная охота.

В отношении человека понятийный смысл слова «агрессия» меняется. З. Фрейд отмечал, что у каждого из людей в глубине души таится зверь агрессии и сладострастия, то самое Оно, которое можно сравнить с необъезженной лошадью. Всегда есть искушение сделать ближнего своего средством удовлетворения агрессии, не спрашивая согласия, использовать как сексуальный объект, лишить имущества, унизить, причинить боль, мучить и убивать[13].

Другой психиатр К. Юнг фактически говорил о том же самом: каждый имеет свою Тень, которая олицетворяет все темные стороны человеческого Я[14]. Это биологическая сущность человека была замечена давно. Тысячелетия назад она породила оскорбительную «животную» поговорку: Home homini – lupus est (человек человеку – волк). Однако зоологическая правда в том, что волк-то волку – человек.

Отдельные ученые-биологи и генетики также отмечают, что агрессивность человеческой особи представляет собой природное свойство, т.е. насилие запрограммировано генетически[15]. Это характерное качество дает преимущество индивиду в межличностных конфликтах. Вместе с тем выживание биологической группы подвергается опасности в случае нападения ее членов друг на друга. Соответственно, противоположная направленность, а именно стремление оказывать помощь другим, альтруизм, готовность к самопожертвованию значительно уменьшают шансы индивида на биологическое существование. Однако такие свойства, видимо, также имеют природное происхождение, поскольку благоприятны для выживания конкретной группы в целом по сравнению с другими группами, где преобладают агрессивные особи[16].

Следовательно, в общественной жизни насилие имеет как минимум двойную природу – этнокультурную (социальную) и естественно-генетическую. В силу подобных факторов, как об этом сказано в литературе, человек представляет собой крайне опасное животное[17].

Ситуативная хищность людей зависит от множества социальных детерминантов. Однако естественный рефлекс насилия сохраняется всегда. Образно говоря, человек зверем рожден, зверем и останется, т.е. до конца своих дней каждый из нас будет подчиняться биологическим закономерностям. Только мораль, религия и нормы социального общежития держат искушения и страсти человека в узде. Но больше всего его сдерживает страх, страх возмездия и наказания за содеянное. Стоит переступить его, как тут же у громадного числа людей может проявиться их биологическая сущность.

Таким образом, насилие одного человека есть его собственная злая воля и индивидуальный акт агрессивного поведения, а насилие многих – это уже природное явление планетарного масштаба. Последнее положение не требует какой-либо нравственной оценки, поскольку это лишь констатация факта. Социальное насилие существует помимо всеобщей воли и разума людей. Индивидуально-психологическое и общественно-психологическое неприятие насилия не меняют агрессивной сущности человеческого рода.

В процессе своего развития люди не выработали те запретительные механизмы, которые обеспечивают сохранение и / или выживание собственного вида. У нас нет такой формы поведения, как «ритуальная агрессия», известная громадной части других представителей животного мира и выполняющая роль предупредительного средства. Люди и, пожалуй, крысы – исключения из числа млекопитающих и способны к убийству своих сородичей

[11] См.: *Лоренц К.* Агрессия. М., 2018.

[12] См.: *Долин В.Р.* Непослушное дитя биосферы. СПб.; М., 2009.

[13] См.: *Фрейд З.* Психология бессознательного. СПб., 2019.

[14] См.: *Юнг К.Г.* Практика психотерапии. М., 2003.

[15] См.: *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. М., 2020.

[16] См.: *Ауэрбах Ш.* Генетика. М., 1968.

[17] См.: *Гюггенбюль-Крейг А.* Благо сатаны. СПб., 1997.

в огромных масштабах. Иными словами, они готовы убивать себе подобных.

Любая теория предмета, как известно, начинается с его предыстории. Соответственно, необходимо хотя бы ориентировочно выяснить, когда зародилось этнозоологическое насилие, как оно развивалось, как вписывалось в систему общественных отношений и подчинялось его закономерностям.

Ретроспективный анализ данного вида принуждения следует рассматривать с т.н. периода доместикации (приручения, одомашнивания диких животных). Он начался около 10–15 тыс. лет назад и связан с возникновением индивидуальной охоты, скотоводства и земледелия. Первым прирученным животным, судя по всему, стала дикая собака. Она постепенно стала использоваться человеком для охоты с ее процессами выслеживания, скрадывания и преследования. Этнозоологическое насилие как таковое еще не сформировалось, хотя «инструмент» для него уже появился.

Во времена неолита (около 10 тыс. лет назад) начали возникать предпосылки для появления общинного скотоводства. Этнозоологического насилия все еще не было, но домашний скот уже нуждался в защите, хотя бы от хищников.

В период т.н. неолитической революции (возникновение колеса, ирригационных сооружений, свайных построек, гончарного производства и пр.) наряду со скотоводством появляется оседлое земледелие. Полагаем, что именно в это время появились предметы, которые нуждались в охране от посягательств других людей. Соответственно, начинают формироваться защитные функции первых примитивных собак человека. Животные использовались для охраны земли, жилища, имущества, домашнего скота и самого хозяина с его домочадцами. Появляется одна из первых форм этнозоологического (инструментального) насилия, которая базировалась на природной силе собак.

Разумеется, не сама по себе доместикация либо появление скотоводства и земледелия породили агрессивное использование животных. Это лишь указание на приблизительные временные границы возникновения этнозоологического насилия в жизни современных людей – прапотомков древних кроманьонцев.

Этнозоологическое насилие как модель поведения

Обобщение исторических сведений показывает, что с течением времени этнозоологическое насилие стало подчиняться общим закономерностям общественных отношений. Принуждение с использованием животных постепенно стало частью общечеловеческого опыта. Данное положение обусловлено тем, что предыдущая практическая деятельность всегда содержала обучающую информацию и задействовала знания о результатах ранее совершенного. В то же время человеческая практика всегда трансформировалась в зависимости от общественных потребностей в преобразовании действительности.

В свою очередь, совокупность социальных навыков и приемов базируется на прецедентах, т.е. на конкретных примерах для подражания при использовании животных против других людей. Социально-психологическая характеристика преемственности поведения служит ориентиром и для попыток повторения сходных действий в дальнейшем.

Насилие с помощью животных как общественный феномен является родовым понятием по отношению к его виду – преступному насилию. По своему содержанию границы последнего определяются уголовным законом. Соответственно, любое принудительное воздействие на других людей с помощью животных является моделью для преступного деяния, т.е. это то, чему можно следовать, подражать или повторять.

Понятие модели представляет собой гносеологическую категорию, которая характеризует один из путей познания социальных процессов. С методических позиций модель – это общий «заменитель» оригинала как в теории, так и на практике. Следовательно, этнозоологическое насилие как модель социального поведения является увеличенным (расширенным) образцом для общественно опасного деяния, равно как преступное насилие с использованием животных – это своеобразная уменьшенная копия оригинала.

В уголовном праве преступное насилие обычно анализируют в двух аспектах – в широком и узком смысле слова. В широком смысле, с общеметодических позиций, насилие рассматривается как физическое или психическое воздействие на личность[18]. Первое всегда связано с нарушением телесной (физической) неприкосновенности лица, а второе выражается в угрозе его применения. Таким образом, моделью для преступного этнозоологического насилия следует считать любое физическое воздействие на другого человека с помощью мускульной силы (энергии) животного либо угрозу такого воздействия.

В узком смысле слова насилие рассматривается как конструктивный (дополнительный) элемент деяния, т.е. в рамках объективной стороны состава преступления. С учетом последующего анализа и соответствующих выводов стоит кратко остановиться на двух основных теоретических

[18] См.: *Наумов А.В.* Уголовно-правовое значение насилия. М., 1997; *Кирюхин А.Б.* Концепция насилия в российском уголовном праве и уголовном законодательстве // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 7. С. 142–147.

концепциях по поводу сущности общественно опасного насилия в узком смысле. Можно выделить два подхода к определению сущности общественно опасного противоправного насилия. Первый из них заключается в том, что преступное насилие представляет собой форму принуждения, и это влечет наступление неблагоприятных последствий для пострадавшего. В таких случаях при любом варианте воздействия жертва всегда испытывает какие-либо ограничения – в телесной неприкосновенности, в здоровье, в интересах, в желаниях и т.п. Иными словами, пострадавшего принуждают претерпевать последствия, а само насилие оценивается в зависимости от результата, от тяжести неимущественного вреда, причиненного личности. Условно данную концепцию можно назвать «насилие-последствия»[19].

Вторая теоретическая концепция получила название «насилие-деяние», или учение о непосредственном насилии[20]. Эта система взглядов была сформирована в немецком уголовном праве[21]. В переводе с немецкого теория «насилия-деяния» звучит как «директ гевалд». В последующем эта идея о непосредственном насилии получила развитие в советской уголовно-правовой науке[22]. Суть ее в том, что любая форма насилия представляет собой непосредственное воздействие на объект уголовно-правовой охраны. При оценке преступного деяния основное внимание уделяется поведению виновного. Вне зависимости от последствий в первую очередь учитываются степень и характер (количество и качество) общественной опасности преступления.

На основе этих двух концепций, их взаимных «пересечений» и частных модификаций были сформулированы многочисленные варианты понятия преступного насилия. В юридической литературе высказывались разные точки зрения по этому поводу. Однако, несмотря на различия в деталях, все авторы, как правило, стремятся к унификации взглядов и к их комплексной системе. В связи с этой науковедческой тенденцией выделяются универсальные свойства насилия, связанного как с самим деянием, так и с его последствиями.

В обобщенном виде преступное насилие как компонент объективной стороны состава преступления альтернативно определяется как: общественно опасное, осознанное, противоправное, виновное (умышленное), внешнее (или силовое) воздействие на другого человека (или на его организм); действие, которое совершается принудительно, т.е. против (или помимо, вопреки) воли (волеизъявления) пострадавшего, его желаний или интересов; причинение реального (конкретного) физического вреда (травм) или для достижения такого результата в виде нарушения анатомической (анатомо-физиологической) целостности организма либо нормального функционирования органов потерпевшего[23] (Гаухман Л.Д., 1969; Бойцов А.И., 1988; Иващенко А.В., Марцев А.И., 1996; Иванова В.В., 2002; Шарапов Р.Д., 2006).

Вместе с тем у этих соподчиненных категорий (этнозоологическое насилие – его преступное проявление) различное правовое содержание. Насилие с использованием животных нередко имеет нормативно-разрешительный характер. Условия и порядок использования живых существ против других людей определяют границы допустимого поведения и регулируются, как правило, законодательными установлениями. Это касается правоохранительной деятельности и соответствующего использования собак для преследования и задержания преступников, охраны осужденных, защитно-караульной службы, поддержания общественного порядка, освобождения захваченных зданий и территорий и т.д. Это относится и к военной деятельности и применению животных в качестве боевых единиц, например использование морских млекопитающих для нейтрализации подводных диверсантов или для уничтожения военной техники. Подобное наблюдается и в экспериментальной или научно-технической деятельности, направленной на защиту государственных или общественных интересов, например при разработке новых видов вооружений, имеющих биологический или микробиологический характер. Соответственно, нарушение нормативно-разрешительных предписаний порождает противоправное или преступное поведение.

В свою очередь, уголовно наказуемое этнозоологическое насилие имеет и нормативно-запретительный характер. Суть подобных действий устанавливается через сам термин «насилие», который содержится в составах преступлений в качестве конструктивного или квалифицирующего признака. Таких статей в Уголовном кодексе РФ более 60. Если принять каждую часть статьи за самостоятельный состав, то указанное понятие содержится более чем в 200 составах преступлений. Практически

[19] *Таганцев Н.С.* Указ. соч.; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. СПб., 1890. Часть особенная.

[20] См.: *Неклюдов Н.А.* Руководство к Особенной части (уголовного права). СПб., 1876; *Лохвицкий А.В.* Курс уголовного права. СПб., 1887.

[21] См.: *Щегловитов С.К.* Учение о побоях, причиняющих смерть // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 2. 1876. № 1.

[22] См.: *Познышев С.Р.* Очерк основных начал науки уголовного права. М., 1923. Часть Особенная.

[23] См.: *Гаухман Л.Д.* Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969; *Иващенко А.В., Марцев А.И.* Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. Омск, 1996; *Иванова В.В.* Преступное насилие. М., 2002; *Шарапов Р.Д.* Преступное насилие. М., 2009.

каждое из таких общественно опасных деяний возможно с применением животного, т.е. в этих случаях преступное этнозоологическое насилие является очевидным.

В уголовном законодательстве используются различные словосочетания для обозначения физического насилия. По крайней мере можно выделить три их формы. Все они имеют одинаковое внутреннее содержание, но отличаются между собой по объективным признакам причинения вреда пострадавшему. Это – «простое» насилие без указания на какую-либо степень его опасности; это физическое воздействие на телесную неприкосновенность пострадавшего, не опасное для его жизни и здоровья, и это насилие, опасное для жизни и здоровья. Преступное этнозоологическое насилие может обозначаться и другими терминами, в которых само это слово не указывается, но логически предполагается. Это т.н. смежные по своему юридическому содержанию понятия. К ним, например, относятся: убийство, умышленное причинение вреда здоровью, истязания, пытки, различные формы нападения, посягательства на жизнь, сопротивление, воспрепятствование, принуждение, удержание, захват власти, вооруженный мятеж, превышение полномочий и др.

Подобные сопредельные понятия содержатся еще как минимум в 100 составах преступлений. Соответственно, возможность использования животного против другого человека предусмотрена примерно в 300 преступных деяниях. В общем объеме это составляет почти половину всех составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ.

Вместе с тем в некоторых статьях, где есть термин «насилие», использование животных вряд ли возможно. Это либо нецелесообразно, либо неосуществимо в силу отсутствия реальных условий для достижения преступного результата. К таким составам могут относиться, например: ограничение конкуренции (ст. 178); надругательство над телами умерших (ст. 244). Разумеется, мы не исключаем вероятности использования животного против людей в каких-то невероятных, исключительных случаях, даже противоречащих элементарному здравому смыслу.

Социальное насилие как явление глобального характера всегда и везде требовало не только юридического регулирования, но и морального оправдания. В данной сфере общественных отношений возникает ряд проблемных ситуаций, связанных с правовой и нравственной оценкой этнозоологического насилия. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, найти ответы на следующие вопросы: допустимо ли применение насилия к другим живым обитателям планеты, в том числе в массовом порядке; какие нравственные категории используются в бланкетных нормах ряда нормативных актов, регламентирующих насилие в отношении животных?

В юридической литературе высказывались мнения о том, что насилие к животным применить невозможно. Жестокое обращение с представителями фауны, повлекшее за собой их гибель или увечье, уничтожение зверей или птиц как имущества являются преступлениями, но определять такие действия как насильственные нельзя[24].

Данная позиция базировалась на основном аргументе: преступное насилие всегда связано с причинением вреда именно человеку, его жизни или здоровью. В тех случаях, когда животному причиняется физический вред, оно никак не может признаваться потерпевшим в уголовном-процессуальном плане. Это обусловлено тем, что в юридическом смысле в соответствии с Гражданским кодексом РФ все живые обитатели планеты (кроме человека) приравниваются к имуществу (ст. 137).

С позиций формальной логики здесь все вроде бы правильно. Однако с точки зрения здравого смысла подобное положение представляется искусственным, оторванным от жизни, т.е. схоластическим. Эта ситуация похожа на юридическое состояние древнеримских рабов, которые приравнивались к животным и вещам. Их убийство или причинение вреда здоровью считалось уничтожением или повреждением имущества. Следовательно, юридически раб насилию не подвергался.

Точка зрения о том, что насилие к животным применить невозможно, основана на концепции «насилие-последствия» (теория претерпевания ограничений), о которой мы говорили ранее. Как видим, эта основная идея не вписывается в систему правоотношений в сфере обращения с животными хотя бы по формальным основаниям. В связи с этим физическое воздействие на животных, по нашему мнению, следует оценивать в рамках концепции «насилие-деяние» (теория непосредственного насилия), т.е. с учетом характера и степени общественной опасности преступления.

При другом решении мы можем прийти к абсурдной оценке правовой ситуации. Как, например, определять действия виновного при массовом уничтожении животного мира (экоцид) или при массовом уничтожении зверей (незаконная охота)? Поскольку здесь предположительно нет насилия, то варианты ответов могут быть следующие: ненасильственное поголовное уничтожение представителей фауны; ненасильственное завладение природными ресурсами в большом объеме; неизбирательное массовое уничтожение вещей и т.п.

[24] См.: *Кирюхин А.Б.* Уголовно-правовая характеристика преступного насилия. М., 2008.

Вполне понятно, что при любом варианте это, как минимум, на наш взгляд, звучит нелогично.

Возможен и другой подход. О фактическом и реальном насилии к животным вообще не упоминать, никак это не обозначать, а по умолчанию констатировать – хотя насилие и есть, но его как бы и нет, поскольку для этого нет соответствующего названия.

По нашему мнению, применение насилия к животным все же возможно. Это допустимо, например, в ситуациях, когда физическое воздействие на них используется как способ совершения преступления (уничтожение чужого имущества, жестокое обращение и др.). В этом заключении мы исходим из постулата о том, что насилие «есть понятие дополнительное, созданное на случай неприменимости иных уголовно-юридических понятий»[25]. В данном случае «насилие к животным» в массовом объеме и выполняет такую дополнительную (вспомогательную) роль в понимании уголовно-правовых установлений.

Разумеется, насилие невозможно к вещам материального мира. Однако животные, приравненные к имуществу юридически, имеют в теории права соответствующее обозначение – «одушевленные предметы», что и позволяет допускать утверждение о возможности применения насилия к таким предметам.

Здесь мы впервые сталкиваемся с коллизиями уголовного права и категориями морали. Отметим, что при разрешении подобных ситуаций приоритет в подавляющем большинстве случаев остается за юридическими установлениями.

Сама по себе проблема применения насилия к животным порождает и другие формы несоответствия между правом и моралью. Так, умышленное причинение смерти другому человеку, т.е. лишение жизни одного из биологических существ, признается убийством. Однако такие же действия по отношению к другим живым созданиям убийством юридически не являются. Иными словами, с позиций уголовного права «убить» животное нельзя. Подобное положение, тем не менее, логически обоснованно, поскольку при ином подходе может разрушиться вся структура человеческих правоотношений. Ведь уголовное право, как отмечалось ранее, – это исключительно антропоморфная система юридических установлений, которая рассчитана только на регулирование отношений между людьми, на защиту лишь человеческих ценностей и интересов.

Вместе с тем в нормативных установлениях различного уровня по поводу лишения жизни животных используются десятки других терминов-заменителей. Эти названия могут быть любыми, но только никогда они не определяются как умышленное причинение смерти. Например, в различных сферах общественной жизни, где человек соприкасается с животными, их убийство может обозначаться как законная добыча, правомерный отстрел, регулирование численности, щадящая борьба, контроль за популяцией хищников, поддержание биологического равновесия, восстановление природных связей, а также нейтрализация, ликвидация, уничтожение, истребление (вредных животных), утилизация по санитарно-эпидемиологическим или ветеринарным требованиям, биотехнические мероприятия, вынужденный забой, безболезненное усыпление, эвтаназия при ветеринарных услугах и т.д. и т.п. В этой сфере наблюдается известный всему миру социально-психологический феномен так называемой двойной морали. В силу природы человека двойная мораль представляет собой естественную защитно-психологическую рефлексию, наполненную лицемерием. При этой нравственной позиции отдается избирательное или необоснованное предпочтение одного перед другим или провозглашается положение о том, что приемлемо для одних, недопустимо для других. Лицемерие – это всегда показная добродетель, внешне пристойное поведение, демонстрация чистосердечия и т.п. На самом деле нередко это уловка, обман или неискренность.

В отношении животных нормативные установления бланкетного характера подчас содержат в себе такого рода «двойные стандарты». Видимо, без них человечество пока обойтись не может как в силу господства человека и его правовой воли, так и по причине ограниченности языка юриспруденции.

Мы не собираемся ни осуждать кого-либо, ни обвинять цивилизацию или отдельных людей в ханжеском поведении. Смысл в другом, в том, чтобы без эмоций зафиксировать эту социально-психологическую константу нашего биосоциального вида (юридическое «лицемерие» к животным). Необходимо обратить внимание и на то, что различного рода обозначения завуалированного убийства представителей фауны всегда выполняли и важнейшую роль в моральном оправдании собственных действий. С психологических позиций совершенно по-разному звучат фразы «об умышленном убийстве бездомных собак» и «уборкой бытового мусора».

Рассмотрение этнозоологического насилия в любом аспекте – либо как глобального социального феномена, либо как основы для его локального проявления, либо как некоего экстраординарного, но частного события, показывает, что все эти формы обладают общими социально-психологическими свойствами. Принудительное воздействие на людей силой животных всегда преследует цель

[25] *Фойницкий И.Я.* Указ. соч.

подавить волю к сопротивлению, вызвать страх, причинить физический вред, установить господство над ситуацией, т.е. это потенциальная модель для преступления.

В процессе исследования была подтверждена гипотеза о том, что все преступления с использованием животных имеют этнозоологическую основу. Это предположение построено на объективных показателях. Во все времена у разных этносов, начиная с процесса доместикации (одомашнивание этих животных), животные всегда являлись и являются непременными участниками или партнерами в хозяйственной деятельности, социальной практике и духовной жизни. В связи с этим глобальным и позитивным положением цивилизация и в дальнейшем будет развиваться в неразрывном взаимодействии с животным миром, а раз это так, то всегда будут существовать и социально-негативные последствия использования животных.

Прогностическая сила данного вывода состоит в том, что она способна предсказать что-то новое, неизвестное в уголовно-правовой практике. Речь, например, может идти о новых формах обучения животных для совершения преступлений, о разнообразных индивидуальных действиях виновных лиц, неизвестных способах и приемах совершения преступных посягательств. Можно предположить, что будут созданы новые и опасные виды микроорганизмов или бактерий для биологического оружия, разработаны неизвестные пока формы использования животных для совершения террористических актов, диверсий, массовых беспорядков, геноцида и т.д. Соответственно, возможно появление новых видов этнозоологических преступлений, не обнаруженных эмпирически, а предполагаемых только теоретически.

* * *

Многовековая эра этнозоологического насилия, возникшая на заре человечества, не могла пройти бесследно. Опыт использования животных против людей безусловно оставил социально-психологическую память у сотен предшествующих поколений. Возможно, это уже и генетическая память, т.е. у нас сформировалось наследственное поведение, характерное для огромного числа предыдущих серийных убийц. В связи с этим вполне понятно, что эпоха этнозоологического насилия, в том числе и преступного характера, будет продолжаться по крайней мере до того времени, пока существует наш биосоциальный вид. Этот прогноз обусловлен тем фактором, что жизнь человечества немыслима без других живых существ.

При изучении исторических форм использования животных против человека эти процессы следует рассматривать в наивысшей точке развития, т.е., когда их существенные стороны проявлялись в полной мере и не имели сугубо индивидуальные черты. По мере необходимости было бы правильным анализировать параллельные или пересекающиеся формы этнозоологического насилия.

В истории цивилизаций животные как непосредственные «насильники» использовались: для культовых и языческих церемоний (как жертвоприниматели); казней (как палачи); публичных и кровавых зрелищ (как основные участники); осуществления репрессивных функций (как специальные инструменты); войны (как орудия уничтожения); диверсионных операций (как боевые биотехнические системы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. М., 2020.
2. *Ауэрбах Ш.* Генетика. М., 1968.
3. *Гаухман Л.Д.* Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969.
4. *Гюггенбюль-Крейг А.* Благо сатаны. СПб., 1997.
5. *Долин В.Р.* Непослушное дитя биосферы. СПб.; М., 2009.
6. *Иванова В.В.* Преступное насилие. М., 2002.
7. *Иващенко А.В., Марцев А.И.* Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. Омск, 1996.
8. *Канторович Я.А.* Процессы против животных в Средние века. М., 1894.
9. *Кирюхин А.Б.* Концепция насилия в российском уголовном праве и уголовном законодательстве // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 7. С. 142–147.
10. *Кирюхин А.Б.* Уголовно-правовая характеристика преступного насилия. М., 2008.
11. *Китаева В.Н.* Жестокое обращение с животными как способ психического насилия // Уголовное право. 2011. № 3.
12. *Лоренц К.* Агрессия. М., 2018.
13. *Лохвицкий А.В.* Курс уголовного права. СПб., 1887.
14. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005.
15. *Мечников В.* Об уголовной антропологии. СПб., 1886.
16. *Наумов А.В.* Уголовно-правовое значение насилия. М., 1997.
17. *Неклюдов Н.А.* Руководство к Особенной части (уголовного права). СПб., 1876.
18. *Познышев С.Р.* Очерк основных начал науки уголовного права. М., 1923. Часть Особенная.
19. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева: в 5 т. СПб., 2008.
20. Применение насилия. Понятие и квалификация / под ред. А.В. Галахова. М., 2016.
21. *Семенов К.П.* Животные как предмет и средство преступления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.

22. *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права: лекции. СПб., 1894. Часть Общая.

23. *Тутуков А.Ю.* Проблемы противодействия жестокому обращению с животными в Российской Федерации // Пробелы в росс. законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 156–158.

24. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. СПб., 1890. Часть особенная.

25. *Фрейд З.* Психология бессознательного. СПб., 2019.

26. *Шарапов Р.Д.* Преступное насилие. М., 2009.

27. *Щегловитов С.К.* Учение о побоях, причиняющих смерть // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 2. 1876. № 1.

28. *Юнг К.Г.* Практика психотерапии. М., 2003.

29. *Beirne P.* The Use and Abuse of Animals In Criminology: A Brief History And Current Review Author(s) // Social Justice. 1995. Vol. 22. No. 1 (59). Issues in Critical Criminology. P. 5–31.

30. *Evans E.P.* The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.

31. *Jacques Rossi.* The gulag handbook: A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. London, 1987.

32. *Pleshakov A.M., Shkabin G.S.* El sacrificio de animales como una forma de violencia zoológica // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores // VII Número: Edición Especial Artículo. 2019. no.: 96 Período: Octubre.

REFERENCES

1. *Antsupov A. Ya., Shipilov A.I.* Conflictology. M., 2020 (in Russ.).

2. *Auerbach S.* Genetics. M., 1968 (in Russ.).

3. *Gaukhman L.D.* Struggle against violent encroachments. M., 1969 (in Russ.).

4. *Guggenbuhl-Craig A.* The good of Satan. SPb., 1997 (in Russ.).

5. *Dolin V.R.* The naughty child of the biosphere. SPb.; M., 2009 (in Russ.).

6. *Ivanova V.V.* Criminal violence. M., 2002 (in Russ.).

7. *Ivashchenko A.V., Martsev A.I.* Methodology of legal research of violence // Socio-legal problems of combating violence. Omsk, 1996 (in Russ.).

8. *Kantorovich Ya. A.* Processes against animals in the Middle Ages. M., 1894 (in Russ.).

9. *Kiryukhin A.B.* The concept of violence in Russian criminal law and criminal legislation // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 7. P. 142–147 (in Russ.).

10. *Kiryukhin A.B.* Criminal-legal characteristics of criminal violence. M., 2008 (in Russ.).

11. *Kitaeva V.N.* Animal cruelty as a method of mental violence // Criminal Law. 2011. No. 3 (in Russ.).

12. *Lorenz K.* Aggression. M., 2018 (in Russ.).

13. *Lokhvitsky A.V.* Course of criminal law. St. Petersburg, 1887 (in Russ.).

14. *Luneev V.V.* Crime of the twentieth century. Global, regional and Russian trends. 2nd ed. M., 2005 (in Russ.).

15. *Mechnikov V.* On criminal anthropology. St. Petersburg, 1886 (in Russ.).

16. *Naumov A.V.* The criminal-legal meaning of violence. M., 1997 (in Russ.).

17. *Neklyudov N.A.* Guide to the Special part (criminal law). St. Petersburg, 1876 (in Russ.).

18. *Poznyshev S.R.* An essay on the basic principles of the science of criminal law. M., 1923. Part Special (in Russ.).

19. The complete course of Criminal Law / ed. by A.I. Korobeev: in 5 vols. SPb., 2008 (in Russ.).

20. The use of violence. Concept and qualification / ed. by A.V. Galakhov. M., 2016 (in Russ.).

21. *Semenov K.P.* Animals as an object and means of crime: dis. ... PhD in Law. SPb., 2015 (in Russ.).

22. *Tagantsev N.S.* Course of Criminal Law: lectures. St. Petersburg, 1894. The General part (in Russ.).

23. *Tutukov A. Yu.* Problems of countering animal cruelty in the Russian Federation // Gaps in Russ. legislation. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 156–158 (in Russ.).

24. *Foynitsky I. Ya.* Course of Criminal Law. St. Petersburg., 1890. Part Special (in Russ.).

25. *Freud Z.* Psychology of the unconscious. SPb., 2019 (in Russ.).

26. *Sharapov R.D.* Criminal violence. M., 2009 (in Russ.).

27. *Shcheglovitov S.K.* Doctrine beating, causing death // Journal of Civil and Criminal Law. Book. 2. 1876. No. 1 (in Russ.).

28. *Jung K.G.* The practice of psychotherapy. M., 2003 (in Russ.).

29. *Beirne P.* The Use and Abuse of Animals in Criminology: A Brief History And Current Review Author(s) // Social Justice. 1995. Vol. 22. No. 1 (59). Issues in Critical Criminology. P. 5–31.

30. *Evans E.P.* The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.

31. *Jacques Rossi.* The gulag handbook: A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. London, 1987.

32. *Pleshakov A.M., Shkabin G.S.* El sacrificio de animales como una forma de violencia zoológica // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores // VII Número: Edición Especial Artículo. 2019. no.: 96 Período: Octubre.

Сведения об авторах

ПЛЕШАКОВ Александр Михайлович –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний;
125130 г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а
ORCID: 0000-0003-4166-9280

ШКАБИН Геннадий Сергеевич –
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний;
125130 г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а
ORCID: 0000-0002-1908-668X

Authors' information

PLESHAKOV Alexander M. –
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Research on Security Problems in Institutions of the Penitentiary System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service;
15a Narvskya str., 125130 Moscow, Russia

SHKABIN Gennadiy S. –
Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penitentiary System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service;
15a Narvskya str., 125130 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 59–67
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 59–67

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2023 г. И. А. Адмиралова[1, *], М. В. Костенников[1, **], А. В. Куракин[2, *]**

[1]Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Московская область, г. Домодедово
[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

**E-mail: irina_adm@mail.ru*
***E-mail: m-2263768@yandex.ru*
****E-mail: kurakinaleksey@gmail.com*

Поступила в редакцию 19.04.2022 г.

Аннотация. Институт административной ответственности является одним из ключевых в административном праве. Однако для того, чтобы он таким стал, потребовалось достаточно много времени, правовое обеспечение института административной ответственности формировалось практически все двадцатое столетие. Сегодня сформировалась двухуровневая система законодательства об административной ответственности. В статье обращено внимание на законодательные и доктринальные положения, связанные с вопросами административной ответственности.

Ключевые слова: правонарушение, ответственность, принуждение, состав, охрана, процесс, производство, администрация, исполнение, права граждан, кодификация.

Цитирование: *Адмиралова И.А., Костенников М.В., Куракин А.В.* К вопросу о тенденциях развития правового установления административной ответственности // Государство и право. 2023. № 1. С. 59–67.

DOI: 10.31857/S102694520024140-5

ON THE ISSUE OF TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL ESTABLISHMENT OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

© 2023 I. A. Admiralova[1, *], M. V. Kostennikov[1, **], A. V. Kurakin[2, *]**

[1]All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow region, Domodedovo
[2]Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

**E-mail: irina_adm@mail.ru*
***E-mail: m-2263768@yandex.ru*
****E-mail: kurakinaleksey@gmail.com*

Received 19.04.2022

Abstract. The institution of administrative responsibility is one of the key ones in Administrative Law. However, in order for it to become so, it took quite a long time, the legal support of the institution of administrative responsibility was formed almost throughout the twentieth century. Today, a two-level system of legislation on administrative responsibility has been formed. The article draws attention to legislative and doctrinal provisions related to issues of administrative responsibility.

Key words: offense, responsibility, coercion, composition, protection, process, production, administration, execution, citizens' rights, codification.

For citation: *Admiralova, I.A., Kostennikov, M.V., Kurakin, A.V. (2023).* On the issue of trends of the development of the legal establishment of administrative responsibility // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 59–67.

Проблему относительно правового установления административной ответственности в нашей стране новой назвать никак нельзя. С 1 июля 2002 г. действует Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях[1]. Его принятию предшествовала долгая и содержательная работа профессионального сообщества. В субъектах Российской Федерации также уже приняты соответствующие нормативные правовые акты или действуют законы об административной ответственности или административных правонарушениях. Можно считать, что сформировалась двухуровневая система законодательства об административных правонарушениях (административной ответственности), федерального уровня и уровня субъектов Российской Федерации, тем не менее как само законодательство, так и в целом феномен административной ответственности привлекает внимание ученых и практиков. В этой связи небольшая по объему, но весьма содержательная работа М.С. Студеникиной «Что такое административная ответственность?»[2] как никогда актуальна. А поэтому зададим еще раз вопрос: *«Что такое административная ответственность?»* и какова ее роль и функциональность в системе обеспечения правопорядка в Российской Федерации, ведь многие государства в своей правовой системе не имеют такого вида юридической ответственности, как *«административная ответственность»*.

Отметим, что рассматриваемый правовой институт все больше затрагивает и граждан, которые ранее если и сталкивались с административной ответственностью, то только за нарушение правил дорожного движения или привлекались к данной ответственности за безбилетный проезд в городском общественном транспорте. Правда, были всегда и лица, так называемые «постоянные клиенты» отделов полиции, которые попадали туда, как правило, за потребление алкогольной продукции в запрещенных местах, «бытовое дебоширство» и др.

Обратим внимание, что термин «дебоширство», каким бы бытовым и обыденным он не казался, получил свое юридическое закрепление. Так, согласно ч. 1 ст. 7.8 Закона Пермского края от 6 апреля 2015 г. «Об административных правонарушениях в Пермском крае»[3] «бытовое дебоширство» есть совершение на защищаемых территориях и в защищаемых помещениях действий, нарушающих спокойствие людей и создающих конфликтную ситуацию, сопровождающуюся шумом, нецензурной бранью и (или) унижением человеческого достоинства. Такое понимание обозначенного деяния очень похоже на мелкое хулиганство в симбиозе с оскорблением и побоями.

Следует указать, что в советский период, как правило, применение мер административной ответственности именно в быту зачастую ограничивалось ответственностью именно за «семейное дебоширство», которое, по сути, расценивалось как мелкое хулиганство. Таким образом, административная ответственность *системно* применялась за совершение различных, однако все-таки «мелких» нарушений общественного порядка, а также за нарушение правил дорожного движения.

Правда, были и составы административных правонарушений, появление которых в свое время в КоАП РСФСР объясняется неоднозначными социальными и экономическими обстоятельствами. Так, можно вспомнить состав, предусматривающий административную ответственность за нарушение правил обучения каратэ (ст. 177), после его появления в КоАП были закрыты все спортивные секции, в которых обучали данному восточному единоборству. Дефицит продуктов питания в СССР, а также защита интересов потребителей вызвали необходимость установления административной ответственности за скупку в магазинах хлеба и других пищевых продуктов для скармливания скоту и птице (ст. 152).

Недостаточность предложения на потребительском рынке и дороговизна алкогольной продукции способствовали установлению ответственности за приобретение крепких спиртных напитков домашней выработки (ст. 160). Институт административной ответственности был необходимым и для обеспечения советского экономического правопорядка. Так, предусматривалась ответственность за мелкую спекуляцию, т.е. скупку и перепродажу с целью наживы в небольших размерах товаров народного потребления и иных ценностей (ст. 151).

Подобных составов административных правонарушений в советский период было более чем достаточно. Перед применением мер административной ответственности не ставилась задача юридической «кары», административные штрафы были незначительными, кроме того, контроль за их уплатой практически не осуществлялся. Напомним, что субъектами административной ответственности в СССР были только граждане и должностные лица. В условиях развития рыночной экономики субъектами административной ответственности стали и юридические лица. Как отметил Б.В. Россинский, «институт административной

[1] См.: Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 196-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 2.

[2] *Студеникина М.С.* Что такое административная ответственность? М., 1990.

[3] См.: Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2015. № 9.

ответственности юридических лиц в силу значимости применяемых санкций становится мощным рычагом государственного регулирования экономики. Причем этот институт имеет не только правоохранительный аспект, но и ярко выраженную фискальную направленность»[4].

Правовое регулирование и применение мер административной ответственности вышли на иной «качественный» уровень, и сейчас невозможно найти сферу управления или жизнедеятельности людей, где бы отсутствовал охранительный и принудительный потенциал данного вида юридической ответственности. Можно констатировать обнаружение тенденции, когда практически на любые проблемы государство реагирует путем либо ужесточения, либо установления административной ответственности как для граждан, так и для хозяйствующих субъектов, – в этом процессе есть как положительный момент, так и весьма отрицательная тенденция. Отрицательный момент достаточно очевиден – за отдельные административные правонарушения, не представляющие какой-либо существенной социальной опасности, предусмотрены неадекватно высокие административные штрафы. Например, согласно Закону г. Москвы от 21 ноября 2007 г. «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях»[5] за неуплату за размещение транспортного средства на платной городской парковке предусмотрен административный штраф в сумме пять тысяч рублей (ст. 8.14). Подобное регулирование данных отношений поддержать нельзя. Как писал в свое время А.Е. Лунев, «практика увлечения административными штрафами является отрицательной»[6].

Очевидно, что поведение людей в публично-правовой сфере, а также в местах их внеколлективного общения начало достаточно жестко «регулироваться» правовыми запретами и ограничениями, а также мерами административной ответственности, которые устанавливаются за их нарушения. Что, конечно же, не может вызывать большой поддержки у той половины общества, которая занимает социально активную позицию.

Административная ответственность по своему этимологическому смыслу не отражает своего содержания. Возможности данного вида юридической ответственности гораздо шире сферы публичного управления, а поэтому термин «административная ответственность» во многом носит условный характер. Хотя надо подчеркнуть, что термин «административная ответственность» достаточно устоявшийся и благозвучный. Административная ответственность по своей сущности, а также способу воздействия на общественные отношения является ответственностью полицейской, а КоАП – один из важнейших источников «полицейского права», а поэтому, как представляется, можно было бы ввести в правовой оборот такой вид юридической ответственности, как *«полицейская ответственность»*. Отметим, что в свое время К.С. Бельский отнес административную ответственность к методу «полицейского права», при этом акцентировал внимание именно на процессуальном аспекте данного вида юридической ответственности, указав, что «официальная оценка поведения нарушителя является сущностным элементом административной ответственности»[7].

Уже было отмечено, что ряд государств не имеют в своей правовой системе и структуре юридической ответственности такого вида ответственности, как «административная ответственность». Однако всегда есть необходимость дифференциации противоправных деяний и определения адекватных наказаний за их совершение. Это послужило осуществлению работы по постепенному отделению деяний, которые не представляют (или не имеют) большой общественной опасности, от правонарушений, имеющих существенную социальную опасность. Как писал О.Ф. Шишов, «необходимым условием успешной борьбы с правонарушениями, условиями законного и обоснованного применения мер правового воздействия продолжает оставаться правильная квалификация совершенных правонарушений. Поэтому вопрос относительно разграничения преступлений и смежных административных правонарушений и установление в каждом конкретном случае критериев этого разграничения имеет под собой не только теоретическое, но и важное практическое значение»[8].

Подобная необходимость была замечена в европейских странах еще в XIX в., особенно во Франции и Германии. «В девятнадцатом столетии в некоторых частях Германии администрация пользовалась правом налагать взыскания за так называемые полицейские и фискальные правонарушения, и это делалось на основании императорского устава уголовного судопроизводства. При этом карательное распоряжение администрации рассматривалось как судебно-административный

---

[4] *Россинский Б.В.* О расширении компетенции административных судов // Судебная реформа в России. М., 2001. С. 194.

[5] См.: Ведомости Московской городской Думы. 2008. № 12, ст. 251.

[6] *Лунев А.Е.* Некоторые вопросы административного права в связи с его кодификацией // Сов. государство и право. 1960. № 12. С. 23.

[7] *Бельский К.С.* Полицейское право / под ред. А.В. Куракина. М., 2004. С. 655.

[8] *Шишов О.Ф.* О разграничении преступлений и административных проступков в советском праве // Сов. государство и право. 1961. № 6. С. 64.

акт, подчиняющийся общим требованиям уголовного права»[9].

В дальнейшем данный опыт был использован и в Российской Империи, особенно заметен он после проведения судебной реформы 1864 г. Именно с данного момента, по сути, берет свое начало и развитие институт административной ответственности. Как отметил П.П. Серков, «институт административной ответственности в России начал формироваться со второй половины XIX в., после принятия в 1864 г. Устава о наказаниях. Изначально он являлся важнейшей составной частью полицейского, а затем административного права и рассматривался как механизм осуществления государственного управления в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности»[10].

Обратим внимание, что как в Западной Европе, так и в России на развитие административной ответственности оказывало влияние уголовное право. Это во многом объясняется первичностью развития института уголовной ответственности (уголовной кары), которая на протяжении многих веков носила суровый, а местами и бесчеловечный характер. Однако буржуазные революции, прокатившиеся по Европе в XIX столетии, развитие института парламентаризма, а также появление идей относительно охраны и защиты прав человека вызвали объективную необходимость смягчения уголовного принуждения и появления принуждения административного, а точнее – полицейского принуждения.

Заметим, что развитие административной ответственности во второй половине XX в. шло во взаимосвязи с ответственностью уголовной. Об этом свидетельствует, в частности, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»[11]. В данном документе предусматривалась ответственность как за мелкое, так и за злостное хулиганство. Следует отметить, что время от времени также проходит декриминализация, и некоторые преступления, не представляющие большой общественной опасности, переходят в разряд административных правонарушений. В частности, это можно видеть на примере таких административных правонарушений, закрепленных в КоАП, как побои (6.1.1), оскорбление (5.61.1), клевета (5.61) и др.

Обратим внимание, что развитие административной ответственности изначально шло медленно, однако данный процесс существенно ускорился после событий 1917 г. и прихода к власти большевиков. Именно для большевистского, а затем уже и советского правопорядка был весьма востребован институт административной ответственности. После окончания гражданской войны был принят целый ряд документов, направленных на формирование правовой основы административной ответственности. Особо следует упомянуть декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июня 1921 г. «О порядке наложения административных взысканий»[12]. В этом документе закреплялось, что «административные взыскания налагаются на граждан за нарушение обязательных постановлений местной власти». Подчеркнем, что в нем не содержалось статей, описывающих объективные и субъективные признаки того или иного состава административного правонарушения. В обозначенном нормативном правовом акте закреплялись лишь виды административных взысканий, в частности предусматривались такие административные взыскания, как административный штраф, лишение свободы сроком до двух недель (административный арест), назначение на принудительные работы без лишения свободы сроком до одного месяца и др.

Представленный документ достаточно интересен тем, что, несмотря на суровое время разрухи, голод, «буйство» различного рода инфекционных заболеваний, рост преступности, сложившуюся в стране бюрократию, он закреплял важные гарантии законности при применении административных взысканий. Так, «лицо, привлеченное за совершение какого-либо проступка к судебной ответственности, не может подлежать за то же деяние наказанию в административном порядке». Актуальным выглядит и такое его положение, как «незаконное и неосмотрительное наложение административных взысканий влечет за собой не только отмену постановлений о взыскании, но и предание виновных в том должностных лиц суду, как по почину отдельных граждан, так и в порядке надзора». В таком положении можно видеть прямое закрепление принципа ответственности государства в лице соответствующего должностного лица перед гражданином. Вполне очевидно, что обозначенный принцип весьма востребован и ныне, причем не только в сфере действия норм об административной ответственности.

Конечно, следует отметить, что процессуальная часть, касающаяся административной ответственности, практически отсутствовала – для ее разработки и нормативного закрепления потребовалось значительное время, а о полноценном процессуальном аспекте административной ответственности можно было говорить лишь после принятия КоАП РСФСР (1984). К числу важных

[9] *Елистратов А.И.* Очерк административного права. М., 1923. С. 101.

[10] *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М., 2012. С. 18.

[11] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30, ст. 595.

[12] См.: СУ РСФСР. 1921. № 52, ст. 310.

нормативных документов относительно административной ответственности, которые действовали в ранние периоды советской власти, можно отнести и декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июля 1922 г. «Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке»[13].

В данном документе уже была предпринята попытка закрепления составов административных правонарушений. Так, закреплялось, что «в случае нарушения обязательного постановления составляется протокол, который подписывается уполномоченным на его составление должностным лицом, равным образом нарушителем и свидетелем». В деле формирования правовой основы административной ответственности важным видится постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 4 января 1928 г. «Об ограничении наложения штрафов в административном порядке»[14]. В этом документе говорилось, что «наложение в административном порядке штрафов допускается в том случае, если эти штрафы прямо установлены законом», и др.

Заметим, что нормативные правовые акты, предусматривающие административную ответственность, принимались по актуальным проблемам, в частности – связанным с обеспечением законности и дисциплины в сфере государственного управления. По вопросу обеспечения правопорядка в финансовой системе был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 февраля 1923 г. «О порядке наложения взысканий за нарушение постановлений о косвенных налогах (акцизах)»[15].

Для обеспечения безопасности дорожного движения и охраны общественного порядка принимается декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О порядке наложения административных взысканий за нарушение обязательных постановлений, устанавливающих правила уличного движения и порядка в общественных местах»[16].

Обращает на себя внимание и тот факт, что законодательство об административной ответственности (административных правонарушениях) не было систематизировано, а это обстоятельство всегда затрудняет применение правовых норм. В этой связи не случайно, что в некоторых республиках СССР осуществлялась работа по принятию Административного кодекса, в котором были бы систематизированы в том числе и нормы об административной ответственности. Так, после тщательной и длительной нормотворческой работы был принят Административный кодекс УССР (1927), а в РСФСР подготовлен проект Административного кодекса (Устава). Как писал В.М. Курицын, «разработка проекта Административного кодекса РСФСР началась в декабре 1922 г. и велась в течение ряда лет, но так и не была закончена»[17].

Причиной того, что Административный кодекс в РСФСР так и не был принят, является то обстоятельство, что его разработчики определили чрезмерно широкий предмет его регулирования, а по ключевым вопросам его действия так и не достигли необходимого компромисса.

Как уже отмечалось, в Украинской ССР удалось принять Административный кодекс с достаточно широким предметом регулирования. Как заметил В.П. Михайленко, «Административный кодекс УССР регулировал достаточно сложные и разноплановые отношения, которые нередко по-разному решались в административной практике»[18]. Предметом регулирования Административного кодекса УССР была и административная ответственность, однако нужно понимать, что обозначенный объект правового регулирования в данном Кодексе был далеко не центральным. Учитывая специфику отношений, связанных с регулированием административной ответственности, в дальнейшем уже не ставилась задача принятия единого кодифицированного закона в форме «Административного кодекса», было принято решение идти по пути предметной кодификации норм административного права и создавать Кодекс об административных правонарушениях.

Практически с самого начала развитие законодательства об административных правонарушениях РСФСР пошло по пути децентрализованного формирования, учитывая интересы национальных автономно-территориальных образований. Данная тенденция сохранилась. Так, согласно Конституции РФ административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «к» ст. 72). В развитие Конституции РФ КоАП РФ закрепляет предметы ведения Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях (ст. 1.3) и предметы ведения субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях (ст. 1.3.1).

Подчеркнем, что такое двухуровневое регулирование даже в условиях федеративного государства

[13] См.: СУ РСФСР. 1922. № 48, ст. 603.

[14] См.: СЗ СССР. 1928. № 5, ст. 42.

[15] См.: СУ РСФСР. 1923. № 14, ст. 183.

[16] См.: СУ РСФСР. 1924. № 89, ст. 909.

[17] *Курицын В.М.* Из истории советского административного права // Сов. государство и право. 1981. № 10. С. 127.

[18] *Михайленко В.П.* К истории создания первого советского Административного кодекса // Сов. государство и право. 1984. № 12. С. 108.

не нужно, поскольку это объективно порождает противоречия. Нередки случаи, когда в субъектах Российской Федерации устанавливаются составы административных правонарушений, диспозиции которых либо в полном объеме или частично воспроизводят то, что уже есть на федеральном уровне правового регулирования. Так, Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. «Об административных правонарушениях в Республики Крым»[19] предусматривает ответственность за «приставание к гражданам в общественных местах, то есть нарушение общественного порядка, выразившееся в навязчивых действиях гражданина, осуществляемых в отношении других граждан против их воли, с целью купли-продажи, обмена или приобретения вещей иным способом, а также навязывания им иных услуг в общественных местах» (ст. 7.2 «Приставание к гражданам в общественных местах»). Подобное поведение – не что иное, как несколько детализированное «мелкое хулиганство», ответственность за которое предусмотрена в ст. 20.1 КоАП РФ. В Кодексе Республики Башкортостан об административных правонарушениях от 23 июня 2011 г.[20] также предусмотрена ответственность за приставание к гражданам с целью гадания, попрошайничества, выражающееся в действиях гражданина, осуществляемых в отношении других граждан против их воли (ст. 13.3).

Данные примеры подтверждают положение о том, что в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации имеет место дублирование федеральных предписаний, особенно это прослеживается при установлении административной ответственности в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности дорожного движения. Борьба с данными административными правонарушениями осуществляется органами полиции. Как следует из Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции»[21], «полиция в своей деятельности руководствуется законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданными в пределах их компетенции» (ст. 3). Однако полиция реализует законодательство об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации только при наличии соответствующего соглашения с субъектом Федерации. Так, КоАП определяет, что «протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, составляются должностными лицами полиции в случае, если передача этих полномочий предусматривается соглашениями между МВД и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления части полномочий» (ст. 28.3).

Вполне очевидно, что при коллизии статей КоАП РФ и статей законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях должны применяться федеральные нормы, которые предусматривают ответственность за соответствующее административное правонарушение.

Для исключения противоречий представляется целесообразным определить в Конституции РФ, что административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, за исключением законодательства об административных правонарушениях. По нашему мнению, законодательство об административных правонарушениях должно действовать только на федеральном уровне, учитывая при этом как общефедеральные, так и публичные интересы субъектов Российской Федерации.

Целесообразность такого подхода может быть обоснована и тем, что в субъектах Российской Федерации может быть разное понимание, какое деяние нужно признавать административным правонарушением, а также какими дополнительными объективными признаками оно должно обладать.

Еще несколько тезисов об истории развития законодательства об административных правонарушениях. Важным этапом в развитии правовой основы административной ответственности считается Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке»[22]. Обозначенный документ можно считать отправной точкой в деле систематизации законодательства об административных правонарушениях, которая окончательно завершилась в 1980-е годы. Связано это было с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях от 23 октября 1980 г. и принятием КоАП РСФСР от 20 июня 1984 г.

Развитию законодательства об административных правонарушениях, а также его кодификации предшествовали большая теоретическая и практическая работа, а также проведение научных исследований, посвященных институту административной ответственности в целом. Поэтому далее остановимся на доктринальном анализе понятия «административная ответственность». Но перед этим отметим важность подготовки Кодекса РФ об

[19] См.: Ведомости Государственного совета Республики Крым. 2015. № 6 (ч. 2).

[20] См.: Ведомости Государственного собрания – курултая Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2011. № 16, ст. 1151.

[21] См.: СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900.

[22] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 35, ст. 368.

административных правонарушениях и Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях. Данные нормативные правовые акты после их принятия кардинально изменят подход к институту административной ответственности с точки зрения его материального и процессуального обеспечения. Их принятие лежит по большей части в политической плоскости, поскольку это меняет подход к реализации административно-деликтной политики, потребует значительных материальных и кадровых ресурсов.

Возвращаясь к анализу такой категории, как «административная ответственность», следует отметить, что обозначенная дефиниция исследуется как через материальный аспект, посвященный административным взысканиям, или административным санкциям, так и через производство по делам об административных правонарушениях. Исходя из этого, обратим внимание на позиции относительно института административной ответственности. Это представляется необходимым для получения ответа на вопрос, что с функциональной и доктринальной точки зрения представляет собой такой феномен, как *«административная ответственность»*.

Как представляется, определений административной ответственности достаточно много. Так, А.В. Мурашев писал, что «административная ответственность представляет собой отрицательную государственно-правовую оценку административного правонарушения и лица, его совершившего. Это проявляется путем наложения на виновного административного взыскания, влекущего для него обязанность претерпевать лишения, определенные органом, в пределах санкции нарушенной нормы, а также исполнение этой обязанности под воздействием государственного принуждения в целях воспитания граждан и предупреждения новых правонарушений»[23].

В данном определении акцент сделан на понимание административной ответственности через наказание. Такая позиция является в целом традиционной в деле понимания сущности рассматриваемого вида юридической ответственности и, более того, она имеет под собой и правовую основу. Как следует из КоАП, «административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения» (ст. 3.1). Представленный автор указывает и на функциональность административной ответственности, говоря о том, что она направлена на воспитание граждан. К сожалению, КоАП РФ закрепляет положение только о том, что административное наказание применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами (ст. 3.1).

По нашему мнению, административная ответственность не должна ограничиваться только вопросом предупреждения административных правонарушений. Должно учитываться и воспитание правонарушителя, формирование у него необходимого уровня правовой культуры. Следует согласиться с тем, что исполнение обязанности административной ответственности осуществляется под воздействием государственного принуждения (ст. 20.25 КоАП).

В духе своего времени определял административную ответственность А.И. Галаган: «Под административной ответственностью следует понимать применение в установленном порядке уполномоченным субъектом административных взысканий к виновному в совершении административного правонарушения лицу, содержащие государственное и общественное осуждение, порицание его личности и противоправного деяния, выражающиеся в отрицательных для него последствиях, которые он должен исполнить, и преследующие цели его наказания, исправления и перевоспитания, а также охраны общественных отношений в сфере государственного управления»[24]. На наш взгляд, следует согласиться с тем, что одной из задач административной ответственности является исправление правонарушителя.

Отметим также, что административная ответственность есть самый содержательный вид государственного принуждения, реализация которого влечет за собой ограничение прав того субъекта, к которому она применяется. С точки зрения законности важно, чтобы административная ответственность применялась при наличии соответствующих оснований. А поэтому не случайно, что в свое время М.С. Студеникина отметила, что «административная ответственность – это форма реагирования государства на правонарушение. Административная ответственность выражается, во-первых, в применении к нарушителю карательных административных санкций, во-вторых, обязанность виновного лица претерпевать за свое поведение неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией правовой нормы»[25].

[23] *Мурашев А.В.* Освобождение правонарушителей от административной ответственности органами внутренних дел. М., 1985. С. 7.

[24] *Галаган А.И.* Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1979. С. 41.

[25] *Студеникина М.С.* Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Сов. государство и право. 1968. № 10. С. 20.

И.В. Максимов, осуществляя анализ административных наказаний, пишет: «Административная ответственность – это возникающее в связи с совершением лицом административного правонарушения особое состояние ограничения прав и свобод, обусловленное административным преследованием и административным наказанием такого лица»[26]. В свою очередь, А.Б. Агапов подчеркнул, что «административная ответственность обеспечивается посредством публичных санкций, административных наказаний и мер административного пресечения»[27].

Из этого можно сформулировать вывод о том, что конструктивная сложность и многофункциональность института административной ответственности обусловливает объективную необходимость должного процессуального и организационного обеспечения реализации данного вида юридической ответственности. Обозначенный выше подход говорит исключительно о принудительном аспекте административной ответственности, что еще раз подчеркивает органичное место данного вида юридической ответственности в системе административного принуждения.

Вопрос относительно административной ответственности рассматривается и с процессуальной точки зрения, что помогает отграничить «административную ответственность» от «административного наказания». Так, С.М. Скворцов указал, что «административная ответственность и административное наказание тесно взаимосвязаны, однако не идентичны»[28]; «обозначенные категории преследуют разные цели. Так, ответственность как официальная отрицательная оценка деяния лица наступает, безусловно, неотвратимо, то взыскание относительно обусловлено определенными факторами, а именно личностью виновного, характером совершенного правонарушения». С данным подходом можно согласиться, поскольку на объем административного наказания влияет множество субъективных и объективных факторов, которые учитываются при назначении административного наказания. Кроме того, административная ответственность определяет процессуальную форму для назначения административного наказания, а также дает возможность привлеченному к ответственности лицу осуществить защиту своих прав. Так, К.С. Бельский писал, что «административную ответственность можно определить как специфическое положение правонарушителя, который, наряду с претерпеванием административно-принудительных средств воздействия, реализует свои процессуальные права на дачу объяснения по существу нарушения, справедливую и объективную оценку компетентным органом совершенного деяния и корректное с правовой и моральной точек зрения применение к нему административного наказания»[29].

* * *

Таким образом, можно заключить, что *административная ответственность является видом юридической ответственности, определяющей процессуальную форму для применения административного наказания с целью справедливого воздействия на правонарушителя, для исправления его противоправного поведения, воспитания его в духе соблюдения законности, а также предупреждения правонарушений как им самим, так и другими субъектами.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агапов А.Б.* Административная ответственность. М., 2013. С. 22.
2. *Бельский К.С.* Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // Государство и право. 1999. № 12. С. 12.
3. *Бельский К.С.* Полицейское право / под ред. А.В. Куракина. М., 2004. С. 655.
4. *Галаган А.И.* Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1979. С. 41.
5. *Елистратов А.И.* Очерк административного права. М., 1923. С. 101.
6. *Курицын В.М.* Из истории советского административного права // Сов. государство и право. 1981. № 10. С. 127.
7. *Лунев А.Е.* Некоторые вопросы административного права в связи с его кодификацией // Сов. государство и право. 1960. № 12. С. 23.
8. *Максимов И.В.* Административные наказания. М., 2009. С. 55.
9. *Михайленко В.П.* К истории создания первого советского Административного кодекса // Сов. государство и право. 1984. № 12. С. 108.
10. *Мурашев А.В.* Освобождение правонарушителей от административной ответственности органами внутренних дел. М., 1985. С. 7.
11. *Россинский Б.В.* О расширении компетенции административных судов // Судебная реформа в России. М., 2001. С. 194.

[26] *Максимов И.В.* Административные наказания. М., 2009. С. 55.

[27] *Агапов А.Б.* Административная ответственность. М., 2013. С. 22.

[28] *Скворцов С.М.* Принципы наложения административных взысканий и их реализация в деятельности органов внутренних дел. М., 1984. С. 15.

[29] *Бельский К.С.* Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // Государство и право. 1999. № 12. С. 12.

12. *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М., 2012. С. 18.

13. *Скворцов С.М.* Принципы наложения административных взысканий и их реализация в деятельности органов внутренних дел. М., 1984. С. 15.

14. *Студеникина М.С.* Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Сов. государство и право. 1968. № 10. С. 20.

15. *Студеникина М.С.* Что такое административная ответственность? М., 1990.

16. *Шишов О.Ф.* О разграничении преступлений и административных проступков в советском праве // Сов. государство и право. 1961. № 6. С. 64.

REFERENCES

1. *Agapov A.B.* Administrative responsibility. M., 2013. P. 22 (in Russ.).

2. *Belsky K.S.* Administrative responsibility: genesis, main features, structure // State and Law. 1999. No. 12. P. 12 (in Russ.).

3. *Belsky K.S.* Police Law / ed. by A.V. Kurakin. M., 2004. P. 655 (in Russ.).

4. *Galagan A.I.* Administrative responsibility in the USSR (state and material-legal research). Voronezh, 1979. P. 41 (in Russ.).

5. *Elistratov A.I.* Essay of Administrative Law. M., 1923. P. 101 (in Russ.).

6. *Kuritsyn V.M.* From the history of Soviet administrative law // Soviet State and Law. 1981. No. 10. P. 127 (in Russ.).

7. *Lunev A.E.* Some issues of administrative law in connection with its codification // Soviet State and law. 1960. No. 12. P. 23 (in Russ.).

8. *Maksimov I.V.* Administrative punishments. M., 2009. P. 55 (in Russ.).

9. *Mikhailenko V.P.* On the history of the creation of the first Soviet Administrative Code // Soviet State and Law. 1984. No. 12. P. 108 (in Russ.).

10. *Murashev A.V.* Release of offenders from administrative responsibility by internal affairs bodies. M., 1985. P. 7 (in Russ.).

11. *Rossinsky B.V.* On expanding the competence of administrative courts // Judicial reform in Russia. M., 2001. P. 194 (in Russ.).

12. *Serkov P.P.* Administrative responsibility in Russian law: modern understanding and new approaches. M., 2012. P. 18 (in Russ.).

13. *Skvortsov S.M.* Principles of imposing administrative penalties and their implementation in the activity of internal affairs bodies. M., 1984. P. 15 (in Russ.).

14. *Studenikina M.S.* Correlation of administrative coercion and administrative responsibility // Soviet State and Law. 1968. No. 10. P. 20 (in Russ.).

15. *Studenikina M.S.* What is administrative responsibility? M., 1990 (in Russ.).

16. *Shishov O.F.* On the differentiation of crimes and administrative offenses in Soviet law // Soviet State and Law. 1961. No. 6. P. 64 (in Russ.).

Сведения об авторах

АДМИРАЛОВА Ирина Александровна –
доктор юридических наук, профессор кафедры Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России; 142007 Московская область, г. Домодедово, мкрн. Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3

КОСТЕННИКОВ Михаил Валерьевич –
доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника кафедры Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России; 142007 Московская область, г. Домодедово, мкрн. Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3

КУРАКИН Алексей Валентинович –
доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; 109456 г. Москва, 4-й Вешняковский проезд, д. 4, корп. 2

Authors' information

ADMIRALOVA Irina A. –
Doctor of Law, Professor of the Department, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 3 Pikhtovaya str., 142007 Moscow region, Domodedovo, microdistrict Aviatsionny, Russia

KOSTENNIKOV Mikhail V. –
Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Department, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 3 Pikhtovaya str., 142007 Moscow region, Domodedovo, microdistrict Aviatsionny, Russia

KURAKIN Alexey V. –
Doctor of Law, Professor of the Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation; 4, bldg. 2, 4th Veshnyakovsky proezd, 109456 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 68–78
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 68–78

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧАТ-БОТОВ В СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ

© 2023 г. Л. В. Санникова*, И. М. Сокольщик**

Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), г. Москва

**E-mail: 7718609@mail.ru*
***E-mail: isokolshchik@gaugn.ru*

Поступила в редакцию 07.11.2022 г.

Аннотация. Политические боты стали важным инструментом политтехнологов. Во всех важнейших электоральных процессах в мире было зафиксировано активное использование чат-ботов в социальных сетях. При этом исследователи выявили негативное влияние таких ботов на политические процессы. Деструктивный характер политических ботов заключается в том, что они являются цифровыми инструментами манипулирования общественным сознанием. В связи с этим возникает необходимость в установлении правовых рамок и границ для использования таких систем искусственного интеллекта в социополитических коммуникациях. На основе анализа опыта зарубежных стран в статье обоснована необходимость законодательного закрепления принципа прозрачности систем искусственного интеллекта, что позволит обязать разработчиков и владельцев таких систем маркировать их. Информирование пользователей о том, что они взаимодействуют с системой искусственного интеллекта, позволит снизить риск манипулирования общественным сознанием.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политические чат-боты, социальные сети, политические технологии, правовое регулирование ИИ, прозрачность ИИ, маркировка ботов.

Цитирование: *Санникова Л.В., Сокольщик И.М.* Правовые проблемы использования чат-ботов в социополитических коммуникациях // Государство и право. 2023. № 1. С. 68–78.

Проект 122101000041-6 реализован в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведённых Министерством науки и высшего образования РФ и ЭИСИ.

DOI: 10.31857/S102694520024146-1

LEGAL ISSUES IN THE USE OF CHATBOTS IN SOCIO-POLITICAL COMMUNICATIONS

© 2023 L. V. Sannikova*, I. M. Sokolshchik**

State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow

**E-mail: 7718609@mail.ru*
***E-mail: isokolshchik@gaugn.ru*

Received 07.11.2022

Abstract. Political bots have become an important tool for political technologists. In all major electoral processes around the world, the active use of chatbots on social media has been documented. However, researchers have identified the negative effects of such bots on political processes. The destructive essence of political bots is that they are a digital tool to manipulate public consciousness. Therefore, there is a need to establish a legal framework for the use of such artificial intelligence systems in sociopolitical communications. The article analyses the experience of foreign countries and substantiates the necessity of legislative consolidation of the principle of transparency of artificial intelligence systems, which will allow to oblige developers and owners of such systems to mark them. Informing users that they are interacting with an artificial intelligence system will reduce the risk of manipulating the public consciousness.

Key words: artificial intelligence, political chatbots, social media, political technology, legal regulation of AI, transparency of AI, marking of bots.

For citation: *Sannikova, L.V., Sokolshchik, I.M. (2023).* Legal issues in the use of chatbots in sociopolitical communications // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 68–78.

Project 122101000041-6 implemented at the State Academic University for the Humanities following the selection of research projects conducted by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and EISI.

Введение

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) все активнее проникают во все сферы общественной жизни современного общества, существенно изменяя его. Однако не все происходящие изменения носят позитивный характер. Многие вопросы, связанные с применением искусственного интеллекта, вызывают обоснованные опасения и становятся объектом острых дискуссий. Одна из таких дискуссий ведется по поводу негативного влияния чат-ботов на политические процессы. Использование политических чат-ботов было выявлено в ходе проведения голосований по Брекзиту[1], выборам президента США в 2016 г.[2], отделению Каталонии[3] и др. Нельзя не признать, что именно успешная предвыборная кампания экс-президента США Д. Трампа, которую он активно проводил в социальных сетях, обусловила обсуждение в зарубежном экспертном и научном сообществе перспектив правового регулирования использования ботов в социально-политических коммуникациях[4].

Российские политологи и социологи также изучают использование ботов в социальных сетях, прогнозируя возможные политические риски[5]. Однако исследования о применении политических ботов (политботов) во внутриполитической жизни страны отсутствуют, основной акцент делается на внешнеполитические угрозы[6]. По мнению исследователей, политботы могут использоваться недружественными государствами для дестабилизации обстановки в стране, особенно в условиях обострившегося геополитического противостояния. В связи с этим представляется актуальным исследовать необходимость установления правовых рамок и границ для использования таких интеллектуальных систем в социополитической коммуникации.

Понятие и виды политботов

Под ботами понимаются автоматизированные или полуавтоматизированные программы, создаваемые на основе технологий искусственного интеллекта. Многообразие ботов нашло отражение в классификациях, предлагаемых исследователями. Так, Robert Gorwa и Douglas Guilbeault предложили выделять следующие виды ботов:

веб-роботы (краулеры и скреперы);

чат-боты (диалоговые системы «человек-компьютер», использующие естественный язык посредством текста или речи);

спам-боты;

социальные боты (различные системы автоматизации, работающие на платформах социальных сетей);

“sockpuppets” и тролли (поддельные личности, используемые для взаимодействия с обычными пользователями в социальных сетях);

киборги и гибридные аккаунты (боты, управляемые человеком).

Несмотря на широкое распространение данной типологии ботов в научной литературе, следует признать, что исследователям не удалось выделить и обосновать четкие критерии классификации. В представленной типологии имеет место простое перечисление различных видов ботов. Полагаем, что к чат-ботам относятся социальные боты,

[1] См.: *Howard P.N., Kollanyi B.* Bots, #Strongerin, and #Brexit: Computational Propaganda During the UK-EU Referendum // SSRN. 2016. DOI: 10.2139/ssrn.2798311

[2] См.: *Bessi A., Ferrara E.* Social Bots Distort the 2016 U.S. Presidential Election Online Discussion // First Monday. 2016. No. 21(11); *Woolley S., Guilbeault D.* Computational Propaganda in the United States of America: Manufacturing Consensus Online / S. Woolley, Ph.N. Howard (eds). Working Paper. 2017.5. Oxford, P. 1–28; *Howard P., Woolley S., Calo R.* Algorithms, bots, and political communication in the US2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration // Journal of Information Technology & Politics. 2018. No. 15(2). P. 81–93. DOI: 10.1080/19331681.2018.1448735

[3] См.: *Massimo S., Ferrara E., De Domenico M.* Bots Increase Exposure to Negative and Inflammatory Content in Online Social Systems // Proceedings of the National Academy of Sciences 115. 2018. No. 49. P. 12435–12440. DOI: 10.1073/pnas.1803470115

[4] См.: *Pedrazzi S., Oehmer F.* Communication Rights for Social Bots? Options for the Governance of Automated Computer-Generated Online Identities // Journal of Information Policy. 2020. No. 10. P. 549–581.

[5] См.: *Михайленок О.М., Малышева Г.А.* Роботизация социальных сетей и ее политические последствия // Власть. 2020. № 1. С. 85–91; *Василькова В.В., Легостаева Н.И.* Социальные боты в политической коммуникации // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 121–133; *Мартьянов Д.С.* Политический бот как профессия // ПОЛИТЭКС. 2016. № 1. С. 74–89.

[6] См.: *Чесноков В.О.* Применение алгоритма выделения сообществ в информационном противоборстве в социальных сетях // Вопросы кибербезопасности. 2017. № 1. С. 37–44.

которые, в свою очередь, могут быть “sockpuppets”, троллями, киборгами, гибридными аккаунтами.

Чат-боты – широкое понятие, объединяющее автоматизированные / полуавтоматизированные интеллектуальные системы. Они имитируют диалог с человеком, что позволяет выполнять запросы пользователей цифровой платформы без привлечения человеческих ресурсов. Чат-боты получили широкое распространение в самых различных сферах: финансовой, здравоохранения, образования, правовых услуг и др. Они активно используются для онлайн-консультаций, ответов на стандартные вопросы пользователей, организации сервисных рассылок и т.д. Таким образом, основная функция ботов заключается в распространении информации.

В социальных сетях чат-боты играют важную роль в коммуникациях с пользователями. Под социальным ботом понимается учетная запись, оснащенная программным обеспечением для автоматизации взаимодействия с другими учетными записями пользователей, прежде всего реальных людей. Создатели социальных ботов стремятся к максимальной имитации учетных записей реальных пользователей соцсети, в том числе путем размещения соответствующего контента (фальшивых фотографий и т.д.), чтобы у пользователя не возникло сомнение, что он получает сообщения от реального человека. Тем не менее существуют определенные признаки, по которым можно вычислить такие фейковые аккаунты (например, распространение одинаковых сообщений в одно и то же время). Следует особо отметить, что для создания ботов используются специальные сервисы, причем один сервис может обеспечивать разработку чат-ботов для нескольких разных социальных платформ.

Фейковые аккаунты могут использоваться пользователями соцсетей в различных целях (например, для «раскрутки» личного блога с целью увеличения числа подписчиков). В тех случаях, когда такие социальные боты участвуют в политических коммуникациях, например в рамках обсуждения политических вопросов, в электоральном процессе и т.д., они могут обозначаться как политические боты. Наиболее часто политботы используются политтехнологами для формирования общественного мнения по самым острым проблемам.

Влияние политботов на политические коммуникации

Механизм функционирования политботов в социальных сетях и их влияние на политические процессы стали объектом многочисленных исследований. Сложность таких исследований заключается в непрозрачности алгоритмов («черный ящик»), что затрудняет понимание того, как проявляется их влияние. Зарубежные ученые активно изучают использование политботов в конкретных социальных сетях[7], что позволяет им выявлять общие закономерности их применения в политических коммуникациях.

Изначально привлекательность политботов обусловливалась их широкими возможностями по распространению информации в социальных сетях благодаря сетевому эффекту. Для проведения политической кампании важно создать впечатление, что большое количество людей поддерживают кандидата или определенную позицию по вопросу, имеющему политическое значение. При отсутствии достаточного количества сторонников или финансов для их привлечения решением проблемы может быть использование политботов – фейковых учетных аккаунтов[8]. С помощью политботов, запрограммированных на распространение определенных мнений, суждений, мемов, ссылок на онлайн-ресурсы, в политическую кампанию вовлекаются реальные пользователи соцсетей, на которых подписываются боты. При этом у реальных пользователей сетей формируется ложное представление о политических предпочтениях большинства, что оказывает влияние и на их собственную позицию.

Как отмечают исследователи, люди предпочитают общение с теми, кто близок им по своим взглядам, интересам, образованию и т.д., образуя в соцсетях гомофильные (однородные) сообщества[9]. Соответственно, их участники склонны придерживаться мнения большинства, что может побуждать отдельного индивида либо высказывать свою позицию более активно, чувствуя поддержку большинства, либо скрывать ее, боясь негативной реакции, либо изменить свою позицию, исходя из мнения большинства. Таким образом, реакция пользователей соцсетей на деятельность политботов может быть различной: от «политической мобилизации» до «спирали молчания». Политическая мобилизация с помощью политических ботов достигается путем стимулирования пользователей к выражению своих политических предпочтений для объединения единомышленников, что использовалось

---

[7] См.: *Caldarelli G., De Nicola R., Del Vigna F. et al.* The role of bot squads in the political propaganda on Twitter // Commun Phys. 2020. No. 3. P. 81. DOI: 10.1038/s42005-020-0340-4; *Bonneau J., Grondin-Robillard L., Ménard M., Mondoux A.* Fighting the “System”: A Pilot Project on the Opacity of Algorithms in Political Communication // *Hepp A., Jarke J., Kramp L. (eds).* New Perspectives in Critical Data Studies. Transforming Communications – Studies in Cross-Media Research. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-030-96180-0_5; *Santia G., Mujib M., Williams J.* Detecting Social Bots on Facebook in an Information Veracity Context // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2019. No. 13(01). P. 463–472.

[8] См.: *Howard P., Woolley S., Calo R.* Op. cit.

[9] См.: *McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M.* Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // Annual Review of Sociology. 2001. No. 27(1). P. 415–444.

политтехнологами для организации массовых протестов, «цветных революций» и т.д. Теория «спирали молчания» объясняет страх социальной изоляции, который может заставить пользователей соцсетей скрывать свое мнение, если оно отличается от позиции якобы большинства, создаваемого политботами[10]. В любом случае политические боты выступают инструментом манипуляции общественным сознанием[11].

Описывая влияние политботов на политические процессы, исследователи[12] отмечают распространение политботами незаконной или недостоверной информации, клеветы и т.д. Однако такая информация в эпоху «постправды» распространяется и традиционными способами, в частности через официальные СМИ. Основная опасность политботов заключается именно в манипулировании общественным мнением независимо от распространяемого ими контента. Негативный эффект от такого манипулирования лишь усиливается при распространении политботами клеветы, недостоверной или ложной информации.

Таким образом, большинство исследователей приходят к выводу о негативном влиянии политботов на политические процессы, выделяя при этом три их основные характеристики:

«– распространение незаконного контента и дезинформации;

– под ложным предлогом человеческой идентичности;

– с помощью потенциально неограниченного числа коммуникационных и сетевых действий»[13].

Вместе с тем в литературе можно встретить и более позитивный взгляд на политботы. Сторонники такого подхода пытаются рассматривать последние в качестве нового цифрового инструмента политических технологий, который может использоваться и в общеполезных целях, например для «демократического блага»[14]. В этом же ряду стоит и предложение J. Haeg выделять наряду с «вредоносными» политботами «святые» политботы, «запрограммированные делиться непредвзятой и политически значимой информацией, которая часто не распространяется в основных источниках»[15]. Российские исследователи выявили применение бот-технологий гражданскими активистами, что позволило им рассматривать использование социальных ботов как инструмента для реализации различных форм гражданского участия[16].

Представляется, что такой подход имеет право на существование и может приниматься во внимание при разработке правового регулирования. Однако его сторонники не учитывают, что суть негативного эффекта политботов заключается в том, что это инструмент манипуляции общественным сознанием. Попытка оправдать использование политботов необходимостью распространения полезного контента или достижения общеполезной цели представляется не вполне убедительной. В ситуации общественной дискуссии или тем более конфликта в обществе у каждой из противостоящих сторон складывается свое представление о правдивости информации и поставленных целях. О манипуляции свидетельствует сам факт использования ложной человеческой идентичности политботами независимо от распространяемого ими контента и заданных целей.

Применение манипулятивных политтехнологий имеет долгую историю, однако с появлением Интернета и новых цифровых технологий, прежде всего искусственного интеллекта, способы и характер политической манипуляции претерпели существенные изменения. В.Б. Строганов предложил ввести новое понятие ризоморфной политической манипуляции, под которой понимается «неосознаваемый личностью способ ее ориентации в политической среде посредством создания и распространения политического контента в медиасфере, результатом реализации которого является формирование политических установок»[17]. И хотя автор не упоминает политботы в качестве разновидности, делая акцент на интернет-мемы, первые вполне могут быть отнесены к ризоморфным политтехнологиям, так как ориентированы строго на интернет-коммуникацию. Данное исследование

[10] См.: *Ross B., Pilz L., Cabrera B., Brachten F., Neubaum G., Stieglitz S.* Are social bots a real threat? An agent-based model of the spiral of silence to analyse the impact of manipulative actors in social networks // European Journal of Information Systems. 2019. No. 28(4). P. 394–412.

[11] См.: *Keller T.R., Klinger U.* Social Bots in Election Campaigns: Theoretical, Empirical, and Methodological Implications // Political Communication. 2019. No. 36(1).

[12] См.: *Ferrara E.* Disinformation and Social Bot Operations in the Run up to the 2017 French Presidential Election // First Monday. 2017. No. 22(8). DOI: 10.5210/fm.v22i8.8005

[13] *Pedrazzi S., Oehmer F.* Op. cit. P. 552.

[14] *Woolley S.* Bots and Computational Propaganda: Automation for Communication and Control // *Persily N., Tucker J. (eds)*. Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform. Cambridge, 2020. P. 89–110.

[15] *Haeg J.* The Ethics of Political Bots: Should We Allow Them for Personal Use? // Journal of Practical Ethics. 2017. No. 5(2). P. 85–104.

[16] См.: *Василькова В.В., Легостаева Н.И., Радушевский В.Б.* Социальные боты как инструмент развития гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 19–42. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.02

[17] *Строганов В.Б.* Технологии политической манипуляции в интернете: дис. ... канд. полит. наук. 23.00.02. Екатеринбург, 2019. С. 10 (209).

представляет интерес и с той точки зрения, что автор предложил отказаться от этических оценок данного феномена. При этом он отмечает, что большинство ученых, как российских[18], так и зарубежных[19], признают деструктивный характер манипуляций общественным сознанием.

Таким образом, несмотря на дискуссионный характер рассматриваемых вопросов, можно с уверенностью констатировать, что использование политботов в политических коммуникациях вызывает обоснованные опасения у исследователей. В связи с этим представляются довольно справедливыми их упреки в адрес законодателей, которые «сознательно или бессознательно не принимают стандарты против вредоносной деятельности ботов, операторов социальных сетей (включая их руководство, программистов и т.д.), чья сетевая инфраструктура и условия использования допускают или даже поощряют вредоносную деятельность ботов»[20].

Правовые проблемы регулирования использования политботов

Для целей правового регулирования этический подход имеет принципиальное значение при решении вопроса о допустимости использования систем на основе искусственного интеллекта в качестве манипулятивных политических технологий. В силу принципа технологической нейтральности права, которого стремится придерживаться законодатель, ответ на данный вопрос позволит определить вектор развития законодательства в отношении не только политботов, но и других разработок в области искусственного интеллекта, применяемых в коммуникациях. Отказ от этической оценки таких интеллектуальных систем означал бы нецелесообразность разработки для них правового регулирования, так как задача права состоит не в регулировании той или иной цифровой технологии, а в минимизации социальных рисков при ее применении. Такой подход реализован в Предложениях Европейской комиссии о Регламенте, устанавливающем согласованные правила в отношении искусственного интеллекта, в которых указывается, что «эта технология также может использоваться не по назначению и предоставлять новые и мощные инструменты для манипулятивных, эксплуататорских и социальных методов контроля. Такая практика особенно вредна и должна быть запрещена...»[21].

Признание деструктивного характера политических манипуляций закономерно приводит к выводу о деструктивном характере цифровых инструментов на основе искусственного интеллекта, используемых для таких манипуляций. При этом вряд ли целесообразно установление запрета на использование ботов. Такой запрет не вполне оправдан, когда речь не идет о распространении незаконной информации. Кроме того, технически его реализовать как минимум проблематично. Более взвешенный подход предполагает введение обязанности по информированию пользователя о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта. Информирование производится путем маркировки ботов, что позволяет пользователям соцсетей более критично относиться к той информации, которую распространяют боты.

В целом требование о маркировке ботов соответствует общим принципам регулирования искусственного интеллекта, прежде всего принципу прозрачности[22]. Данный принцип получил признание как на международном, так и на национальном уровне в большинстве стран. В 2019 г. государствами – членами и партнерами ОЭСР были подписаны Принципы ОЭСР в отношении искусственного интеллекта. В числе пяти основанных на ценностях принципов ответственного внедрения надежного искусственного интеллекта был назван принцип «прозрачности и открытости», согласно которому субъекты ИИ должны соблюдать прозрачность и ответственное раскрытие информации о системах ИИ[23]. В Рекомендациях ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта, принятых в 2021 г., «прозрачность и объяснимость» указаны в числе принципов деятельности. При этом под прозрачностью понимается, в частности, «предоставление должной информации соответствующим адресатам для обеспечения понимания и повышения доверия»[24].

В Регламенте ЕС, устанавливающем согласованные правила в отношении искусственного

---

[18] См.: *Грачев Г., Мельник И.* Манипулирование личностью. Изд-во «Алгоритм», формат PDF. 1999; *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2012; *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.

[19] См.: *Шостром Э.* Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. Киев, 2003; *Van Dijk T.* Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. No. 17(2).

[20] *Pedrazzi S., Oehmer F.* Op. cit. P. 556.

[21] Proposal for a Regulation of the European parliament and of the Council laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence act) and amending certain legislative acts. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206

[22] См.: *Walmsley J.* Artificial intelligence and the value of transparency // AI & Soc. 2021. No. 36. P. 585–595. https://doi.org/10.1007/s00146-020-01066-z; *Larsson S., Heintz F.* Transparency in artificial intelligence // Internet Policy Review. 2020. No. 9(2). https://doi.org/10.14763/2020.2.1469

[23] См.: URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449

[24] URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus

интеллекта, разд. IV посвящен обязательствам по обеспечению прозрачности для определенных систем ИИ. Согласно ст. 52 Регламента провайдеры (разработчики или владельцы систем ИИ) должны обеспечить, чтобы системы ИИ, предназначенные для взаимодействия с физическими лицами, были спроектированы и разработаны таким образом, чтобы последние были проинформированы о том, что они взаимодействуют с системой ИИ, если это не очевидно из обстоятельств и контекста использования. В США принцип прозрачности ИИ в законопроекте о правах в области искусственного интеллекта (Blueprint for an AI Bill of Rights) сформулирован как «уведомление и разъяснение»: «Вы должны знать, когда используется автоматизированная система, и понимать, как и почему она способствует достижению результатов, которые влияют на вас»[25].

В целях реализации принципа прозрачности ИИ на законодательном уровне должно быть установлено требование о маркировке ботов. В некоторых странах такое требование уже получило законодательное закрепление.

Первая попытка законодательного регулирования использования ботов была предпринята в штате Калифорния. В 2019 г. вступил в силу Закон California Senate Bill 1001, который также называется Законом о поддержке прозрачности в Интернете (Bolstering Online Transparency Act – CA Bot Act). Согласно ему признается незаконным использование бота для общения или взаимодействия в Интернете с жителями Калифорнии с целью стимулирования продажи или сделки с товарами или услугами или влияния на голосование на выборах без раскрытия информации о том, что общение осуществляется с помощью бота. Требование о раскрытии информации распространяется на публичные веб-сайты, приложения или социальные сети, которые имеют не менее 10 млн ежемесячных посетителей или пользователей в США. Закон не предоставляет пострадавшим потребителям право подать иск в суд, но дает генеральному прокурору штата широкие полномочия по взысканию штрафов до 2500 долл. за нарушение законов Калифорнии о недобросовестной конкуренции, а также возможность использования средств правовой защиты по праву справедливости.

В 2020 г. в Германии было принято Межгосударственное соглашение о СМИ (Medienstaatsvertrag – MStV), в котором установлена обязанность владельцев аккаунтов маркировать социальные боты путем указания на «факт автоматизации в случае контента или сообщений, созданных автоматически с помощью компьютерной программы» (§ 18(3))[26]. Данная обязанность распространяется и на социальные сети, которые должны обеспечить соблюдение поставщиками услуг обязательств по маркировке. Способ маркировки соцсети выбирают самостоятельно[27].

Вместе с тем установление правовой обязанности должно быть обеспечено надлежащей ответственностью за ее неисполнение. В связи с этим возникает вопрос о возможной ответственности за нарушение требования о маркировке ботов. Привлечение к ответственности физических и юридических лиц, использующих боты без раскрытия соответствующей информации, представляется весьма проблематичным из-за сложностей доказывания. Поэтому большинство экспертов высказываются за необходимость установления ответственности в отношении онлайн-платформ. Так, по мнению B. Stricke, основным недостатком California Senate Bill 1001 является отсутствие в нем ответственности для онлайн-платформ: «Снятие всей ответственности с онлайн-платформ значительно снижает шансы закона на успех»[28].

Для установления ответственности онлайн-платформ необходимо убедиться в наличии у них технических возможностей по выявлению ботов. Следует учитывать, что обнаружение ботов – сложная техническая проблема. Как и в других сферах, связанных с кибербезопасностью, боты эволюционируют, что заставляет представителей компьютерных наук постоянно развивать способы и методы их обнаружения. Для распознавания ботов использовалось машинное обучение на наборе данных с помеченными учетными записями ботов и не-ботов[29]. Такой подход не оправдал себя, так как обучение не успевало за эволюционированием ботов, соответственно, основанные на таком подходе инструменты не могли

[25] URL: https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/10/04/blueprint-for-an-ai-bill-of-rightsa-vision-for-protecting-our-civil-rights-in-the-algorithmic-age/

[26] См.: URL: https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/MStV-18

[27] См.: *Holznagel B., Kalbhenn J.C.* Media law regulation of social networks – country report: Germany // Perspectives on Platform Regulation: Concepts and Models of Social Media Governance Across the Globe / J. Bayer, B. Holznagel, P. Korpisaari, L. Woods (eds). Nomos, 2021.

[28] *Stricke B.* People v. Robots: A Roadmap for Enforcing California's New Online Bot Disclosure Act // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2020. No. 22(4). P. 839–894.

[29] См.: *Ramalingaiah A., Hussaini S., Chaudhari S.* Twitter bot detection using supervised machine learning // Journal of Physics: Conference Series. 2021. Vol. 1950 012006. 1950. URL: https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1950/1/012006/meta; *Sainath Gannarapu S., Dawoud A., Dawoud A. et al.* Bot Detection Using Machine Learning Algorithms on Social Media Platforms: Conference: 5th International Conference on Innovative Technologies in Intelligent Systems and Industrial Applications (CITISIA). 2020; *Subrahmanian V.S., Azaria A., Durst S. et al.* The DARPA Twitter bot challenge // Computer. 2016. No. 49(6). P. 38–46.

выявить новые виды ботов[30]. Широкое распространение получили методы распознавания ботов на основе анализа аномалий сетевого трафика, в частности, большие объемы трафика могут свидетельствовать о вредоносной атаке ботов. Для обнаружения новых поколений ботов требуется применение передовых технологий, таких как глубокое обучение, сложные / комплексные сети, роевой интеллект, защита с использованием подвижных целей (MTD), программно-конфигурируемая сеть (SDN)[31].

Создаваемые с использованием таких технологий цифровые сервисы позволяют выявлять и удалять боты из социальных сетей. В качестве примера можно привести Botometer, который проверяет активность учетной записи в Twitter и дает ей оценку[32]. Однако эффективность таких цифровых сервисов остается недостаточно высокой, что наглядно продемонстрировало исследование социологов[33], в котором был проведен сравнительный анализ результатов применения трех различных цифровых сервисов идентификации ботов в Twitter. Результаты академического исследования нашли косвенное подтверждение и в преддоговорном споре Илона Маска с соцсетью Twitter в процессе приобретения последней. Представители Twitter утверждали, что боты составляют не более 5% от всех учетных записей. Анализ, проведенный компанией Cyabra по заказу Илона Маска, показал, что количество ботов в соцсети составляет 11%. Уровень достоверности результатов проведенного анализа генеральный директор Cyabra Дэн Брами оценил в 80%, отметив существующие ограничения на использование его компанией алгоритмов машинного обучения для определения того, являются ли учетные записи подлинными[34].

Следовательно, у онлайн-платформ отсутствуют надежные инструменты для выявления ботов, что, в свою очередь, затрудняет и возможность эффективного контроля за тем, как сами социальные сети предпринимают усилия по борьбе с ботами. Как справедливо указывают исследователи, «регулирующие органы не могут эффективно отслеживать, достаточно ли усилий предпринимают такие платформы, как Twitter, против манипулирования платформой с помощью автоматических учетных записей, или даже делают ли они то, о чем они заявляют»[35].

Таким образом, в настоящее время эффективный правовой механизм реализации требования об обязательной маркировке ботов не создан ни в одной правовой системе мира. Тем не менее первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. Так, социальная сеть Twitter потребовала от разработчиков раскрытия информации об учетной записи в своих обновленных правилах 2020 г., а в начале 2022 г. у разработчиков появилась возможность маркировать свои боты в Twitter[36]. При несоблюдении владельцами ботов обязанности по их маркировке социальные сети, обладая определенными полномочиями по модерации размещаемого контента, вправе удалять такие фальшивые аккаунты.

Рассматривая проблему борьбы с политботами в более широком контексте, как борьбу с распространением незаконного или ложного контента в соцсетях, необходимо указать на наличие существенных различий в законодательствах разных стран. В США ситуация с политботами осложняется тем, что онлайн-платформы по общему правилу, установленному в разд. 47 U.S. Code § 230[37], освобождены от ответственности за размещаемый сторонний контент.

В отличие от США российское законодательство устанавливает обязанности для владельцев социальных сетей в ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Обязанности владельцев соцсетей заключаются в соблюдении требования законодательства Российской Федерации при распространении информации, прежде всего недопущение распространения незаконной информации, такой как призывы к терроризму и экстремизму, пропаганда порнографии, культа насилия и жестокости и др. В рамках исполнения данной обязанности владельцы соцсетей должны осуществлять мониторинг соцсети, направленный на выявление такой информации и в случае обнаружения ограничивать доступ к ней пользователей. За нарушение порядка ограничения доступа к такой информации и (или) порядка ее удаления в ст. 13.41 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность

---

[30] См.: *Sayyadiharikandeh M., Varol O., Yang K.C. et al.* Detection of novel social bots by ensembles of specialized classifiers // Proceedings of the 29th ACM International Conference on Information & Knowledge Management (CIKM '20). 2020. P. 2725–2732.

[31] См.: *Xing Y., Shu H., Zhao H. et al.* Survey on Botnet Detection Techniques: Classification, Methods, and Evaluation // Mathematical Problems in Engineering. 2021. P. 1–24. https://doi.org/10.1155/2021/6640499

[32] См.: URL: https://botometer.osome.iu.edu/

[33] См.: *Martini F., Samula P., Keller T.R., Klinger U.* Bot, or not? Comparing three methods for detecting social bots in five political discourses // Big Data & Society. 2021. No. 8(2). https://doi.org/10.1177/20539517211033566

[34] См.: *Duffy C., Fung B.* Elon Musk commissioned this bot analysis in his fight with Twitter. Now it shows what he could face if he takes over the platform // CNN. 2022. October 10. URL: https://edition.cnn.com/2022/10/10/tech/elon-musk-twitter-bot-analysis-cyabra/index.html

[35] *Martini F., Samula P., Keller T.R., Klinger U.* Op. cit.

[36] См.: URL: https://www.socialmediatoday.com/news/twitter-takes-another-step-towards-identifying-bots-with-new-developer-poli/573953/

[37] См.: URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230

в виде штрафов, размер которых для юридических лиц может достигать восьми миллионов рублей.

Таким образом, нормы российского законодательства не только позволяют, но и обязывают социальные сети бороться с политботами, распространяющими незаконную информацию. Однако они не решают проблему манипулирования общественным сознанием с использованием политботов в полном объеме. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности разработки особых правовых норм, регламентирующих использование ботов в электоральных и других политических процессах.

Учитывая отсутствие данных о широком использовании политботов в российском политическом пространстве, такой подход вряд ли будет востребован. Необходимо также учитывать, что в настоящее время основные угрозы использования политботов возникают не из-за внутриполитических дискуссий, для которых требовалось бы установление правовых границ, а из-за геополитического противостояния. Возможные попытки дестабилизации политической ситуации внутри страны с использованием политботов, действующих из недружественных стран, не могут быть эффективно пресечены с помощью национального законодательства. На низкую эффективность последнего указывают и зарубежные исследователи: «Поскольку деятельность социальных ботов не ограничена национальными границами, национальное регулирование представляется несколько анахроничным»[38].

Тем не менее представляется целесообразным в рамках формирующегося российского законодательства об искусственном интеллекте предусмотреть обязанность разработчиков и владельцев ботов маркировать их таким образом, чтобы это было понятно взаимодействующему с ними человеку. В настоящее время в России действует Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, подписанный в 2021 г. В нем содержится указание на необходимость идентификации ИИ в общении с человеком в рамках ответственного подхода к созданию и использованию искусственного интеллекта: «Акторам ИИ рекомендуется осуществлять добросовестное информирование пользователей об их взаимодействии с СИИ, когда это затрагивает вопросы прав человека и критических сфер его жизни, и обеспечивать возможность прекратить такое взаимодействие по желанию пользователя»[39].

Необходимо переходить от этических правил в области ИИ к правовым нормам, четко регламентирующим обязанности разработчиков и владельцев систем ИИ, в том числе в отношении использования ботов. Ограниченные технические возможности по обнаружению ботов на данном этапе развития цифровых технологий могут рассматриваться в качестве аргумента для отказа от установления ответственности для онлайн-платформ за выявление и удаление ботов, но не для отказа от обязательной маркировки ботов. Представляется, что законодательное закрепление требования о маркировке будет способствовать снижению риска манипуляции общественным сознанием с использованием ботов, в том числе и в политических коммуникациях.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить деструктивный характер политических ботов, который заключается в манипулировании общественным сознанием. О манипуляции свидетельствует сам факт использования ложной человеческой идентичности политботами независимо от распространяемого ими контента и заданных целей. Снизить риск негативного влияния позволит маркировка ботов, которая информирует пользователя о том, что он взаимодействует с системой ИИ. Обязанность по маркировке должна быть возложена на разработчиков и владельцев таких систем. При этом установление ответственности для социальных сетей за обнаружение и удаление ботов нецелесообразно ввиду отсутствия в настоящее время технических возможностей для создания эффективных цифровых сервисов. Владельцы социальных сетей должны нести ответственность согласно действующему законодательству только за блокировку ботов, распространяющих незаконную информацию. Законодательно закрепить обязанность по маркировке ботов предлагается в формирующемся российском законодательстве об искусственном интеллекте в рамках реализации общепризнанного принципа прозрачности искусственного интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Василькова В.В., Легостаева Н.И.* Социальные боты в политической коммуникации // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 121–133.
2. *Василькова В.В., Легостаева Н.И., Радушевский В.Б.* Социальные боты как инструмент развития гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 19–42. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.02
3. *Грачев Г., Мельник И.* Манипулирование личностью. Изд-во «Алгоритм», формат PDF. 1999.
4. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.
5. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2012.

[38] *Pedrazzi S., Oehmer F.* Op. cit. P. 578.

[39] URL: https://a-ai.ru/ethics/index.html

6. *Мартьянов Д. С.* Политический бот как профессия // ПОЛИТЭКС. 2016. № 1. С. 74–89.

7. *Строганов В. Б.* Технологии политической манипуляции в интернете: дис. ... канд. полит. наук. 23.00.02. Екатеринбург, 2019. С. 10 (209).

8. *Чесноков В. О.* Применение алгоритма выделения сообществ в информационном противоборстве в социальных сетях // Вопросы кибербезопасности. 2017. № 1. С. 37–44.

9. *Шостром Э.* Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. Киев, 2003.

10. *Bessi A., Ferrara E.* Social Bots Distort the 2016 U.S. Presidential Election Online Discussion // First Monday. 2016. No. 21(11).

11. *Bonneau J., Grondin-Robillard L., Ménard M., Mondoux A.* Fighting the "System": A Pilot Project on the Opacity of Algorithms in Political Communication // *Hepp A., Jarke J., Kramp L. (eds)*. New Perspectives in Critical Data Studies. Transforming Communications – Studies in Cross-Media Research. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-030-96180-0_5

12. *Caldarelli G., De Nicola R., Del Vigna F. et al.* The role of bot squads in the political propaganda on Twitter // Commun Phys. 2020. No. 3. P. 81. DOI: 10.1038/s42005-020-0340-4

13. *Duffy C., Fung B.* Elon Musk commissioned this bot analysis in his fight with Twitter. Now it shows what he could face if he takes over the platform // CNN. 2022. October 10. URL: https://edition.cnn.com/2022/10/10/tech/elon-musk-twitter-bot-analysis-cyabra/index.html

14. *Ferrara E.* Disinformation and Social Bot Operations in the Run up to the 2017 French Presidential Election // First Monday. 2017. No. 22(8). DOI: 10.5210/fm.v22i8.8005

15. *Haeg J.* The Ethics of Political Bots: Should We Allow Them for Personal Use? // Journal of Practical Ethics. 2017. No. 5(2). P. 85–104.

16. *Holznagel B., Kalbhenn J. C.* Media law regulation of social networks – country report: Germany // Perspectives on Platform Regulation: Concepts and Models of Social Media Governance Across the Globe / J. Bayer, B. Holznagel, P. Korpisaari, L. Woods (eds). Nomos, 2021.

17. *Howard P. N., Kollanyi B.* Bots, #Strongerin, and #Brexit: Computational Propaganda During the UK-EU Referendum // SSRN. 2016. DOI: 10.2139/ssrn.2798311

18. *Howard P., Woolley S., Calo R.* Algorithms, bots, and political communication in the US2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration // Journal of Information Technology & Politics. 2018. No. 15(2). P. 81–93. DOI: 10.1080/19331681.2018.1448735

19. *Keller T. R., Klinger U.* Social Bots in Election Campaigns: Theoretical, Empirical, and Methodological Implications // Political Communication. 2019. No. 36(1).

20. *Larsson S., Heintz F.* Transparency in artificial intelligence // Internet Policy Review. 2020. No. 9(2). https://doi.org/10.14763/2020.2.1469

21. *Martini F., Samula P., Keller T. R., Klinger U.* Bot, or not? Comparing three methods for detecting social bots in five political discourses // Big Data & Society. 2021. No. 8(2). https://doi.org/10.1177/20539517211033566

22. *Massimo S., Ferrara E., De Domenico M.* Bots Increase Exposure to Negative and Inflammatory Content in Online Social Systems // Proceedings of the National Academy of Sciences 115. 2018. No. 49. P. 12435–12440. DOI: 10.1073/pnas.1803470115

23. *McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M.* Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // Annual Review of Sociology. 2001. No. 27(1). P. 415–444.

24. *Pedrazzi S., Oehmer F.* Communication Rights for Social Bots? Options for the Governance of Automated Computer Generated Online Identities // Journal of Information Policy. 2020. No. 10. P. 549–581.

25. *Ramalingaiah A., Hussaini S., Chaudhari S.* Twitter bot detection using supervised machine learning // Journal of Physics: Conference Series. 2021. Vol. 1950012006. 1950. URL: https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1950/1/012006/meta

26. *Ross B., Pilz L., Cabrera B., Brachten F., Neubaum G., Stieglitz S.* Are social bots a real threat? An agent-based model of the spiral of silence to analyse the impact of manipulative actors in social networks // European Journal of Information Systems. 2019. No. 28(4). P. 394–412.

27. *Sainath Gannarapu S., Dawoud A., Dawoud A. et al.* Bot Detection Using Machine Learning Algorithms on Social Media Platforms: Conference: 5th International Conference on Innovative Technologies in Intelligent Systems and Industrial Applications (CITISIA). 2020.

28. *Santia G., Mujib M., Williams J.* Detecting Social Bots on Facebook in an Information Veracity Context // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2019. No. 13(01). P. 463–472.

29. *Sayyadiharikandeh M., Varol O., Yang K. C. et al.* Detection of novel social bots by ensembles of specialized classifiers // Proceedings of the 29th ACM International Conference on Information & Knowledge Management (CIKM '20). 2020. P. 2725–2732.

30. *Stricke B.* People v. Robots: A Roadmap for Enforcing California's New Online Bot Disclosure Act // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2020. No. 22(4). P. 839–894.

31. *Subrahmanian V. S., Azaria A., Durst S. et al.* The DARPA Twitter bot challenge // Computer. 2016. No. 49(6). P. 38–46.

32. *Van Dijk T.* Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. No. 17(2).

33. *Xing Y., Shu H., Zhao H. et al.* Survey on Botnet Detection Techniques: Classification, Methods, and Evaluation // Mathematical Problems in Engineering. 2021. P. 1–24. https://doi.org/10.1155/2021/6640499

34. *Walmsley J.* Artificial intelligence and the value of transparency // AI & Soc. 2021. No. 36. P. 585–595. https://doi.org/10.1007/s00146-020-01066-z

35. *Woolley S.* Bots and Computational Propaganda: Automation for Communication and Control // *Persily N., Tucker J. (eds)*. Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform. Cambridge, 2020. P. 89–110.

36. *Woolley S., Guilbeault D.* Computational Propaganda in the United States of America: Manufacturing Consensus Online / S. Woolley, Ph. N. Howard (eds). Working Paper. 2017.5. Oxford. P. 1–28.

REFERENCES

1. *Vasilkova V.V., Legostaeva N.I.* Social bots in political communication // Herald RUDN. Ser.: Sociology. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 121–133 (in Russ.).
2. *Vasilkova V.V., Legostaeva N.I., Koroshdevsky V.B.* Social bots as a tool for the development of civic participation // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2019. No. 5. P. 19–42. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019 .5.02 (in Russ.).
3. *Grachev G., Melnik I.* Manipulation of personality. Publishing house "Algorithm", PDF format. 1999 (in Russ.).
4. *Dotsenko E.L.* Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. M., 1997 (in Russ.).
5. *Kara-Murza S.G.* Manipulation of consciousness. M., 2012 (in Russ.).
6. *Martyanov D.S.* Political bot as a profession // POLITEX. 2016. No. 1. P. 74–89 (in Russ.).
7. *Stroganov V.B.* Technologies of political manipulation on the Internet: dis. ... Candidate of Political Sciences'. 23.00.02. Ekaterinburg, 2019. P. 10 (209) (in Russ.).
8. *Chesnokov V.O.* Application of the community allocation algorithm in information warfare in social networks // Cybersecurity issues. 2017. No. 1. P. 37–44 (in Russ.).
9. *Shostrom E.* The manipulator man. The inner journey from manipulation to actualization. Kiev, 2003 (in Russ.).
10. *Bessi A., Ferrara E.* Social Bots Distort the 2016 U.S. Presidential Election Online Discussion // First Monday. 2016. No. 21(11).
11. *Bonneau J., Grondin-Robillard L., Ménard M., Mondoux A.* Fighting the "System": A Pilot Project on the Opacity of Algorithms in Political Communication // *Hepp A., Jarke J., Kramp L. (eds).* New Perspectives in Critical Data Studies. Transforming Communications – Studies in Cross-Media Research. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-030-96180-0_5
12. *Caldarelli G., De Nicola R., Del Vigna F. et al.* The role of bot squads in the political propaganda on Twitter // Commun Phys. 2020. No. 3. P. 81. DOI: 10.1038/s42005-020-0340-4
13. *Duffy C., Fung B.* Elon Musk commissioned this bot analysis in his fight with Twitter. Now it shows what he could face if he takes over the platform // CNN. 2022. October 10. URL: https://edition.cnn.com/2022/10/10/tech/elon-musk-twitter-bot-analysis-cyabra/index.html
14. *Ferrara E.* Disinformation and Social Bot Operations in the Run up to the 2017 French Presidential Election // First Monday. 2017. No. 22(8). DOI: 10.5210/fm.v22i8.8005
15. *Haeg J.* The Ethics of Political Bots: Should We Allow Them for Personal Use? // Journal of Practical Ethics. 2017. No. 5(2). P. 85–104.
16. *Holznagel B., Kalbhenn J.C.* Media law regulation of social networks – country report: Germany // Perspectives on Platform Regulation: Concepts and Models of Social Media Governance Across the Globe / J. Bayer, B. Holznagel, P. Korpisaari, L. Woods (eds). Nomos, 2021.
17. *Howard P.N., Kollanyi B.* Bots, #Strongerin, and #Brexit: Computational Propaganda During the UK-EU Referendum // SSRN. 2016. DOI: 10.2139/ssrn.2798311
18. *Howard P., Woolley S., Calo R.* Algorithms, bots, and political communication in the US2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration // Journal of Information Technology & Politics. 2018. No. 15(2). P. 81–93. DOI: 10.1080/19331681.2018.1448735
19. *Keller T.R., Klinger U.* Social Bots in Election Campaigns: Theoretical, Empirical, and Methodological Implications // Political Communication. 2019. No. 36(1).
20. *Larsson S., Heintz F.* Transparency in artificial intelligence // Internet Policy Review. 2020. No. 9(2). https://doi.org/10.14763/2020.2.1469
21. *Martini F., Samula P., Keller T.R., Klinger U.* Bot, or not? Comparing three methods for detecting social bots in five political discourses // Big Data & Society. 2021. No. 8(2). https://doi.org/10.1177/20539517211033566
22. *Massimo S., Ferrara E., De Domenico M.* Bots Increase Exposure to Negative and Inflammatory Content in Online Social Systems // Proceedings of the National Academy of Sciences 115. 2018. No. 49. P. 12435–12440. DOI: 10.1073/pnas.1803470115
23. *McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M.* Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // Annual Review of Sociology. 2001. No. 27(1). P. 415–444.
24. *Pedrazzi S., Oehmer F.* Communication Rights for Social Bots? Options for the Governance of Automated Computer Generated Online Identities // Journal of Information Policy. 2020. No. 10. P. 549–581.
25. *Ramalingaiah A., Hussaini S., Chaudhari S.* Twitter bot detection using supervised machine learning // Journal of Physics: Conference Series. 2021. Vol. 1950012006. 1950. URL: https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1950/1/012006/meta
26. *Ross B., Pilz L., Cabrera B., Brachten F., Neubaum G., Stieglitz S.* Are social bots a real threat? An agent-based model of the spiral of silence to analyse the impact of manipulative actors in social networks // European Journal of Information Systems. 2019. No. 28(4). P. 394–412.
27. *Sainath Gannarapu S., Dawoud A., Dawoud A. et al.* Bot Detection Using Machine Learning Algorithms on Social Media Platforms: Conference: 5th International Conference on Innovative Technologies in Intelligent Systems and Industrial Applications (CITISIA). 2020.
28. *Santia G., Mujib M., Williams J.* Detecting Social Bots on Facebook in an Information Veracity Context // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2019. No. 13(01). P. 463–472.
29. *Sayyadiharikandeh M., Varol O., Yang K.C. et al.* Detection of novel social bots by ensembles of specialized classifiers // Proceedings of the 29th ACM International Conference on Information & Knowledge Management (CIKM '20). 2020. P. 2725–2732.
30. *Stricke B.* People v. Robots: A Roadmap for Enforcing California's New Online Bot Disclosure Act // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2020. No. 22(4). P. 839–894.
31. *Subrahmanian V.S., Azaria A., Durst S. et al.* The DARPA Twitter bot challenge // Computer. 2016. No. 49(6). P. 38–46.
32. *Van Dijk T.* Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. No. 17(2).

33. *Xing Y., Shu H., Zhao H. et al.* Survey on Botnet Detection Techniques: Classification, Methods, and Evaluation // Mathematical Problems in Engineering. 2021. P. 1–24. https://doi.org/10.1155/2021/6640499

34. *Walmsley J.* Artificial intelligence and the value of transparency // AI & Soc. 2021. No. 36. P. 585–595. https://doi.org/10.1007/s00146-020-01066-z

35. *Woolley S.* Bots and Computational Propaganda: Automation for Communication and Control // *Persily N., Tucker J. (eds).* Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform. Cambridge, 2020. P. 89–110.

36. *Woolley S., Guilbeault D.* Computational Propaganda in the United States of America: Manufacturing Consensus Online / S. Woolley, Ph.N. Howard (eds). Working Paper. 2017.5. Oxford. P. 1–28.

Сведения об авторах

САННИКОВА Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН); 119049 г. Москва, Мароновский переулок, д. 26

СОКОЛЬЩИК Илья Михайлович – кандидат юридических наук, врио ректора, декан юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН); 119049 г. Москва, Мароновский переулок, д. 26

Authors' information

SANNIKOVA Larisa V. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Legal Studies of Digital Technologies, State Academic University for the Humanities (GAUGN); 26 Maronovsky lane, 119049 Moscow, Russia

SOKOLSHCHIK Ilya M. – PhD in Law, Acting Rector, Dean of the Faculty of Law, State Academic University for the Humanities (GAUGN); 26 Maronovsky lane, 119049 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 79–91
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 79–91

КИБЕРТЕРРОРИЗМ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КВАЛИФИКАЦИЯ

© 2023 г. В. В. Красинский[1, *], В. В. Машко[2, **]

[1]Главное управление региональной безопасности Московской области, г. Красногорск
[2]Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

**E-mail: krasinskijvv@fedsfm.ru*
***E-mail: kmbiai@yandex.ru*

Поступила в редакцию 23.05.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема кибертеррористических посягательств на информационные ресурсы и информационную инфраструктуру. Авторы дают криминологическую характеристику различных видов кибертерроризма и предлагают варианты квалификации преступлений кибертеррористического характера. На основе зарубежного опыта обосновываются различные модели и актуальные направления противодействия кибертерроризму.

Ключевые слова: кибертерроризм, виды кибертерроризма, информационные ресурсы, информационная инфраструктура, информационные технологии, киберпространство, кибератаки, кибербезопасность, противодействие кибертерроризму, модели противодействия кибертерроризму.

Цитирование: *Красинский В.В., Машко В.В.* Кибертерроризм: криминологическая характеристика и квалификация // Государство и право. 2023. № 1. С. 79–91.

DOI: 10.31857/S102694520024122-5

CYBERTERRORISM: CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND QUALIFICATION

© 2023 V. V. Krasinsky[1, *], V. V. Mashko[2, **]

[1]Main Department of Regional Security of the Moscow Region, Krasnogorsk
[2]Russian State University for the Humanities, Moscow

**E-mail: krasinskijvv@fedsfm.ru*
***E-mail: kmbiai@yandex.ru*

Received 23.05.2022

Abstract. The article addresses the problem of the problem of cyberterrorist attacks on information resources and information infrastructure. Authors gives a criminological description of various types of cyberterrorism and offers options for qualifying crimes of a cyberterrorist nature. Based on foreign experience, various models and main directions of countering cyberterrorism are substantiated.

Key words: cyberterrorism, types of cyberterrorism, information resources, information infrastructure, information technology, cyberspace, cyberattacks, cybersecurity, countering cyberterrorism, models of countering cyberterrorism.

For citation: *Krasinsky, V.V., Mashko, V.V. (2023).* Cyberterrorism: criminological characteristics and qualification // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 79–91.

В последние годы значительно актуализировались угрозы, связанные с попытками террористических структур использовать современные технологии для несанкционированного доступа и уничтожения информации, деструктивного воздействия на информационные ресурсы и информационную инфраструктуру различных государств, в том числе Российской Федерации. Такое положение привело к формированию нового вида преступной деятельности – кибертерроризма.

Актуальность изучения кибертерроризма определяется: широким внедрением в различные секторы государственного управления и экономики информационных технологий, уязвимостью оборудования, инфраструктуры и программного обеспечения перед киберугрозами; высокой степенью общественной опасности террористических кибератак[1]; развитием рынка хакерских услуг и потребителей кибертеррористических сервисов в даркнете; совершенствованием уровня организации и тактики террористической деятельности; усилением межгосударственного противоборства в киберпространстве[2] и использованием кибертерроризма как инструмента борьбы с недружественными государствами и военными противниками.

Примечательно, что возможность использования кибертерроризма в качестве компонента информационной войны была отмечена исследователями еще в начале XXI в.[3]

Террористическими структурами кибертерроризм рассматривается главным образом как элемент брендирования и поддержания репутации успешной организационной структуры. При этом большинство террористических организаций используют возможности сети Интернет не для осуществления кибертеррористических атак, а для распространения своей джихадистской идеологии, «теологического» обоснования террористических действий, размещения инструкций для подготовки и осуществления террористических актов, вербовочной деятельности и т.п.[4] В силу этого политики многих государств недооценивают угрозы, исходящие от кибертерроризма, и не уделяют должного внимания вопросам совершенствования механизмов противодействия данному явлению[5]. И это, несмотря на то что по характеру своего психологического воздействия на население кибертеррористические атаки сопоставимы с последствиями совершения традиционных актов терроризма. В частности, в серии исследований, касающихся явлений кибертерроризма, группа психологов во главе с Мишелем Гроссом эмпирически измерила последствия воздействия кибертерроризма в контролируемых экспериментальных условиях. Их ключевым выводом стало то, что воздействие кибертерроризма вызывает значительные негативные эмоции и когнитивные реакции (восприятие угрозы) на уровне, эквивалентном уровню обычных террористических актов, и усиливает у людей чувство уязвимости, тревоги, а также подрывает авторитет действующей власти[6].

Многие государства столкнулись с угрозами кибертерроризма в период существования квазигосударственного образования МТО «Исламское государство» на территории Сирии и Ирака.

Так, одним из первых хакеров ИГИЛ был Джунаид Хуссейн, представлявший группировку «Кибер-халифат». В марте 2015 г. указанная группировка опубликовала в свободном доступе списки военнослужащих армии США с призывами к нападениям на них и членов их семей.

В апреле 2016 г. МТО «Исламское государство» объявило о создании «Объединенной кибер-армии» («Объединенный кибер-халифат»), которая включала четыре хакерские группы, ранее действовавшие самостоятельно: «Кибер-армия Халифата», «Армия Сыновей Халифата», «Призраки Халифата» и «Команда электронной безопасности Калашникова».

В июне 2016 г. в Telegram был распространен список с личными данными более 4600 человек. Список сопровождался инструкцией: «Волки Исламского государства, список “смерти” очень важен. Убейте их немедленно. Кибер-армия Халифата, Объединенный кибер-халифат, Исламское государство»[7].

---

[1] Кибератаки – непреднамеренный или несанкционированный доступ, использование, манипулирование, прерывание или уничтожение с помощью электронных устройств, процессов и инфраструктуры обработки информации.

[2] Под киберпространством понимается область информационной среды, включающая взаимозависимую совокупность информационно-технической инфраструктуры, в том числе информационные и телекоммуникационные сети и компьютерные системы, предназначенные для хранения, обработки, модификации и обмена данными.

[3] См.: *Taylor R.W., Caeti T.J., Loper D.K. et al.* Digital Crime and Digital Terrorism. Pearson / Prentice Hall, 2006. P. 20.

[4] См.: *Tesauro L.* The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/role-al-qaeda-plays-cyberterrorism (дата обращения: 25.12.2021).

[5] См.: *Saurabh Ranjan Srivastava and Sachin Dube.* Cyberattacks, Cybercrime and Cyberterrorism // Cyber Warfare and Terrorism: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications // Information Resources Management Association (USA). 2020. P. 931–963.

[6] См.: *Canetti D., Gross M., Waismel-Manor I. et al.* How Cyberattacks Terrorize: Cortisol and Personal Insecurity Jump in the Wake of Cyberattacks // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 72–77.

[7] “Killing Lists” – The Evolution of Cyber Terrorism? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.ict.org.il/Article/1793/killing-lists-the-evolution-of-cyber-terrorism#gsc.tab=0 (дата обращения: 25.12.2021).

Наиболее известными хакерскими группами, аффилированными с МТО «Аль-Каида», являются: «Альянс Аль-Каиды Онлайн» (ответвление хакерской группы "GForce Pakistan", которая 17 октября 2001 г. нарушила функционирование веб-сервера Национального управления океанических и атмосферных исследований (NOAA)) и «Электронная Аль-Каида» (хакерская группа, которая специализируется на DDoS-атаках и похищениях данных)[8].

Следует отметить, что многие кибератаки, организованные структурами Аль-Каиды, оказались нерезультативными (в их числе DDoS-атака на веб-сайт Ватикана, кибератаки на финансовые учреждения США, фондовую биржу и системы SCADA, а также попытка провести DDoS-атаки 11 ноября 2017 г.).

Как справедливо отмечает бывший аналитик ЦРУ, в настоящее время директор Инициативы Атлантического совета по стратегическому прогнозированию Мэтью Берроуз, кибертерроризм несет в себе важную символическую функцию: он позволяет террористам наносить урон инфраструктуре, которую они считают символом ненавистной им западной цивилизации[9].

О масштабах и остроте угроз кибертерроризма свидетельствуют и социологические исследования. Так, согласно данным опроса Института Гэллапа, 82% респондентов рассматривают кибертерроризм как главную угрозу[10].

Несмотря на то что самому термину «кибертерроризм» уже более 40 лет[11], среди ученых, политиков и практиков нет единого мнения относительно того, что представляет собой кибертерроризм. Сформировалось два основных подхода к трактовке кибертерроризма.

Сторонники «узкого» понимания кибертерроризма рассматривают его как политически или идеологически мотивированное посягательство на информационные системы и использование IT-технологий с целью устрашения органов власти и населения или нанесения ущерба жизненно важным объектам инфраструктуры[12].

Так, Уилсон под кибертерроризмом понимает политически мотивированное использование компьютеров в качестве оружия (или целей) субнациональными группами или тайными агентами, стремящимися повлиять на аудиторию или заставить правительство изменить свою политику[13].

Сулейман Озерен полагает, что кибертерроризм можно просто определить как принуждение других к политическим действиям с использованием компьютерных ресурсов в киберпространстве[14].

В.А. Голубев под кибертерроризмом понимает преднамеренную атаку на информацию, обрабатываемую компьютером, компьютерную систему или сеть, которая создает опасность для жизни и здоровья людей или наступления других тяжких последствий, если такие действия были совершены с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения или провокации военного конфликта[15]. Ю.В. Гаврилов и Л.В. Смирнов в качестве кибертерроризма рассматривают оказание противоправного воздействия на информационные системы, совершенное в целях создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы такой опасности[16].

Эксперты НАТО определяют кибертерроризм как «кибератаку с использованием компьютера или коммуникационных сетей с целью вызвать разрушения, страх или запугать общество ради достижения собственных идеологических целей»[17].

---

[8] См.: *Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C.* Cybercrime and digital forensics. NY, 2017.

[9] См.: *Charlton C.* Armchar warriors. Terrifying new generation of 'cybernative' ISIS terrorists could target 'Facebook and West's energy grids' in a bid to cause mass panic and mayhem [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.thesun.co.uk/news/2643688/cyber-terrorism-attacks-threat-level-isis-facebook-energy (дата обращения: 25.12.2021).

[10] См.: *Choi J.* 8 in 10 say cyberterrorism is top potential threat: Gallup [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://thehill.com/policy/cybersecurity/544274-8-in-10-say-cyberterrorism-is-top-potential-threat-gallup (дата обращения: 25.12.2021).

[11] В 1980-х годах Барри К. Коллин, старший научный сотрудник Института безопасности и разведки в Калифорнии, впервые ввел в научный оборот словосочетание "cyber terror" («кибертеррор»), определив его как «конвергенцию кибернетики и терроризма».

[12] См.: *Fowler M.* Cyber terrorism: Sci-Fi fantasy or legitimate threat? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://thehill.com/opinion/cybersecurity/578868-cyber-terrorism-sci-fi-fantasy-or-legitimate-threat (дата обращения: 24.12.2021); *Саркисян А.Ж.* Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Росс. следователь. 2019. № 3. С. 54–59.

[13] См.: *Wilson C.* Computer Attack and Cyber Terrorism: Vulnerabilities and Policy Issues for Congress, CRS Report RJ32114 (Washington, D.C.: Library of Congress, Congressional Research Service, 17 October 2003). P. 4.

[14] См.: *Ozeren S.* Global Response to Cyberterrorism and Cybercrime: a Matrix for International Cooperation and Vulnerability Assessment: Dissertation Prepared for the Degree of Doctor of Philosophy. University of North Texas, 2005. P. 7.

[15] См.: *Голубев В.А.* Кибертерроризм – угроза национальной безопасности [Электронный ресурс]. URL: www.crime-research.ru

[16] См.: *Гаврилов Ю.В., Смирнов Л.В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М., 2003.

[17] Responses to Cyber Terrorism / NATO Science for Peace and Security Series / Centre of Excellence Defence Against Terrorism, Ankara, Turkey. 2008.

Последователи «широкого» определения кибертерроризма указывают, что кибертерроризмом может считаться любое использование террористами интернет-технологий, любая форма онлайн-активности в киберпространстве, способная причинить вред или нести угрозу его причинения.

Так, В.А. Васенин под кибертерроризмом понимает совокупность противоправных действий, связанных с покушением на жизнь людей, угрозами расправ, деструктивными действиями в отношении материальных объектов, искажением объективной информации или рядом других действий, способствующих нагнетанию страха и напряженности в обществе с целью получения преимущества при решении политических, экономических или социальных задач[18].

Широкое толкование понятия «кибертерроризм» дает Национальная конференция законодательных собраний штатов США (NCSL). Под кибертерроризмом NCSL понимает использование информационных технологий террористическими группами и отдельными лицами для достижения своих целей[19].

По мнению криминолога Марджи Бритц, кибертерроризм – это «преднамеренное, методологическое, идеологически мотивированное распространение информации, облегчение коммуникации или атака на физические цели, цифровую информацию, компьютерные системы и / или компьютерные программы, которые предназначены для нанесения социального, финансового, физического или психологического вреда невоюющим объектам и аудиториям с целью воздействия на идеологические, политические или социальные изменения; или любое использование цифровой связи или информации, которая облегчает такие действия прямо или косвенно»[20].

Следует отметить, что большинство исследователей и экспертов-аналитиков в сфере безопасности придерживаются «узкого» понимания кибертерроризма[21].

«Широкое» понимание кибертерроризма, как правило, связано с ошибочным отождествлением кибертерроризма с другими видами террористической и преступной деятельности.

Так, сбор средств с использованием сети Интернет является самостоятельным видом терроризма – финансированием террористической деятельности.

Распространение с помощью информационно-коммуникационных сетей и интернет-мессенджеров направленной информации с целью формирования сочувствия террористам и их идеям, дальнейшего вовлечения в террористическую деятельность представляет собой пропаганду терроризма.

Использование информационных сетей и компьютерных технологий для планирования и координации террористической деятельности выступает элементом организации любой современной террористической деятельности.

Все эти признаки составов квалифицируются как преступления, не имеющие специфической киберокраски.

Такой же методологической ошибкой является механическое перенесение определения «терроризм» на любую противоправную деятельность в киберпространстве, так как оно не позволяет провести грань между кибертерроризмом и хактивизмом. В то же время возникает отождествление понятия киберпреступности и кибертерроризма.

Отличительным признаком кибертерроризма служит политический или идеологический мотив. При наличии экономической, корыстной мотивации кибератака квалифицируется как общеуголовное преступление.

Неверно относить к кибертерроризму размещение в Сети любой устрашающей население информации.

Любой шок-контент носит устрашающий характер. При этом он чаще всего никак не связан с терроризмом. Террористическая пропаганда также не является кибертерроризмом, поскольку отсутствуют посягательства на критически важные и потенциально опасные объекты инфраструктуры и информационные сети. Пропаганда терроризма направлена на рекрутирование и вербовку новых сторонников, на расширение социальной базы и спонсорской поддержки терроризма.

По этой же причине искажение объективной информации, распространение фейков в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями является пропагандой, а не кибертерроризмом.

Не может рассматриваться как кибертерроризм раскрытие информации ограниченного доступа с персональными данными военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов, а также призывами нападения на них. Данные деяния образуют совокупность составов преступлений, предусмотренных ст. 137 «Нарушение

---

[18] См.: *Васенин В.А.* Информационная безопасность и компьютерный терроризм [Электронный ресурс]. URL: www.crime-research.ru

[19] См.: Cyberterrorism / National Conference of State Legislatures [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.ncsl.org/programs/lis/CIP/cyberterrorism.htm (дата обращения: 12.04.2022).

[20] *Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C.* Op. cit.

[21] Узкий подход к кибертерроризму закреплен в разделе 3.11 Национальной стратегии кибербезопасности Великобритании 2016–2021 гг.

неприкосновенности частной жизни» и ч. 2 ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ.

Атаки кибертеррористов нацелены на вывод из строя критически важных и потенциально опасных объектов инфраструктуры, автоматизированных систем управления и информационных сетей или создание условий для техногенных аварий и катастроф.

В первую очередь речь идет о посягательствах на объекты здравоохранения, транспорта, связи, кредитно-финансовую систему, топливно-энергетический комплекс, ядерно опасные объекты, объекты оборонно-промышленного комплекса, ракетно-космическую промышленность, горнодобывающую промышленность, металлургию, химическую промышленность.

Первая известная компьютерная атака на систему промышленной автоматизации произошла в 1982 г. Это была атака на советский газопровод в Сибири. В результате вмешательства произошел взрыв мощностью до 3 кт. Был причинен значительный ущерб газотранспортной системе.

В 1993 г. террористы в Литве угрожали взорвать Игналинскую АЭС с помощью «трояна».

В 2010 г. вирусом Stuxnet были заражены ядерные объекты Ирана.

В результате кибератаки 23 декабря 2015 г. на украинские электрораспределительные предприятия «Прикарпатьеоблэнерго» и «Киевоблэнерго» была нарушена работа более 50 подстанций в распределительных сетях. Без электричества осталось более 220 тыс. жителей. Атака была осуществлена с использованием вредоносной программы BlackEnergy3.

В 2016 г. совершена кибератака на атомную станцию Gundremmingen в Германии. Для заражения промышленного сегмента использовалось «классическое» вредоносное программное обеспечение. Преступниками была заражена система визуализации загрузки топливных радиоактивных элементов станции. Критические элементы объекта не пострадали.

В 2017 г. произошла целевая атака на энергетический комплекс США (Wolf Creek Generating Station). Использовались вредоносное программное обеспечение, «фишинг», «watering-hole-атаки».

В феврале 2021 г. проведена атака хакеров на станцию очистки воды в г. Олдсмаре (США, штат Флорида), в ходе которой предпринята попытка повысить концентрацию гидроксида натрия в воде более чем в 100 раз, что чуть не привело к отравлению водоснабжения целого города.

На примере описанных актов кибертерроризма видно, что террористические кибератаки долгое время не являлись распространенными. Значительно больший общественный резонанс и ответную реакцию властей вызывали действия хакеров-вымогателей. Так, только в 2020 г. в ответ на действия подобных группировок 40 штатов США приняли более 280 законопроектов и резолюций, связанных с кибербезопасностью[22], а после кибератак, совершенных в 2021 г. на Colonial Pipeline и SolarWinds, ведущие производители программного обеспечения и органы правопорядка образовали международную группу по защите от интернет-вымогательства – *Ransomware Task Force*, в которую вошли компании Microsoft и Amazon, а также ФБР и Британское агентство по борьбе с организованной преступностью.

Вместе с тем отмечается заметная активизация актов кибертерроризма недружественных России государств в связи с проведением специальной военной операции на Украине.

Кроме того, «кибервойну» Российской Федерации объявил ряд хакерских группировок, включая Anonymous, а масштабным кибератакам регулярно подвергаются российские интернет-провайдеры и правительственные сайты, в том числе Роскомнадзора, Пенсионного фонда России, Федеральной антимонопольной службы и информационные ресурсы Крыма, а также крупные российские компании: «Газпром», «Лукойл», «Норникель» и «Яндекс».

Определять сущность кибертерроризма и разрабатывать его формулировку следует, прежде всего отталкиваясь от его характерных черт. К числу таковых можно отнести: 1) политический или идеологический мотив; 2) желание создать атмосферу страха в обществе; 3) наличие действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступлении иных тяжких последствий (или угроза совершения таких действий) для отраслевой или национальной экономики, правопорядка, обороноспособности и безопасности государства, его внешне- и внутриполитическим интересам; 4) использование информационно-телекоммуникационных технологий.

Основной целью кибертеррористов выступает вывод из строя информационно-технологической части инфраструктуры или применение данной инфраструктуры для создания условий, которые могут привести к техногенным авариям и катастрофам, а также устрашению населения.

[22] См.: *Keren L.G. Snider, Ryan Shandler, Shay Zandani, Daphna Canetti*. Cyberattacks, cyber threats, and attitudestoward cybersecurity policies // Journal of Cybersecurity. 2021. Vol. 7. Issue 1.

Важной отличительной характеристикой кибертерроризма в сравнении с традиционным терроризмом является цифровой аспект кибертерроризма.

Динамика и масштабы кибертерроризма зависят от уровня развития информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.

Криминологическая характеристика кибертерроризма связана с его особенностями.

Акты кибертерроризма носят трансграничный характер. Преступник может находиться в одной стране, совершать преступление в другой, наносить вред третьему государству. При этом зараженные сети могут охватывать тысячи компьютеров, находящихся в десятках стран.

Кибератаки могут затрагивать различные значимые для государства объекты и наносить значительный вред экономической безопасности, правопорядку, обороноспособности и безопасности государства.

В отличие от традиционных терактов кибератаки не требуют приобретения оружия и взрывчатых веществ. Наиболее распространенными способами кибертеррористической деятельности выступают дефейс сайтов, DDoS-атаки, распространение вирусов и программируемых криптов.

Кибератаки можно проводить удаленно и относительно анонимно.

Себестоимость кибератак позволяет рассматривать их как сравнительно недорогое и эффективное средство террористической деятельности.

Кибертерроризм может осуществляться путем как самостоятельных действий квалифицированных террористов-одиночек и технически подготовленных групп, так и вербовки и использования хакеров или сотрудников критически важных и потенциально опасных объектов (т.н. внутренние нарушители). Наиболее опасными и подготовленными являются акты государственного кибертерроризма, которые планируются, осуществляются, спонсируются и курируются недружественными государствами (спецслужбами и используемыми ими организациями).

Разнообразие организационных форм, программных средств и задействованной в кибератаках инфраструктуры позволяет вести речь о классификации кибертерроризма.

Эксперты различают несколько видов (типов) кибертерроризма: простой, структурированный и комплексный.

Для простого типа кибертерроризма характерны взломы отдельных систем, использование чужих программ и одиночный характер деятельности террориста.

Структурированный кибертерроризм сочетает атаки нескольких систем, создание собственных программ и наличие группы лиц с разделением ролей.

Комплексному кибертерроризму присущи массовые скоординированные атаки, способность к преодолению разнородных средств защиты, а также высокий уровень организации кибертеррористической деятельности (планирование, координация, контроль, обучение).

Как отмечалось, субъектами кибертерроризма могут выступать отдельные террористы, группы граждан с разделением ролей, террористические организации, спецслужбы и используемые ими организации недружественных государств.

Только спецслужбы и курируемые ими организации способны обеспечить высокий уровень организации и широкомасштабный характер кибертеррористической деятельности. Яркими примерами государственного кибертерроризма можно считать кибератаки спецслужб США на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации в марте 2021 г. под предлогом реагирования на «российские хакерские атаки» или кибероперации Украины и государств – участников НАТО в период проведения специальной военной операции на территории Украины.

Объектом кибертерроризма является общественная безопасность. Рассмотрение в качестве объекта преступления компьютерных систем необоснованно заужает сферу правового регулирования и уголовно-правового воздействия.

В широком смысле предметом кибертерроризма является информационная инфраструктура, в узком смысле – информация; объекты информатизации; информационные системы; сайты / аккаунты; сети связи; информационные технологии; деятельность по формированию и обработке информации, развитию и использованию информационных технологий, обеспечению информационной безопасности.

С объективной стороны кибертерроризм характеризуется: несанкционированным доступом; уничтожением информации, программ, ресурсов; созданием ботнетов; разрушением сетей и аппаратных средств; перезагрузкой узлов коммуникаций.

Представляется, что признаки объективной стороны кибертерроризма должны отвечать двум условиям: 1) связь с нанесением ущерба критически важным и потенциально опасным объектам, объектам обеспечения жизнедеятельности населения; 2) создание опасности причинения значительного вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц, отраслевой или национальной экономике, правопорядку, обороноспособности

и безопасности государства, внешне- и внутриполитическим интересам государства.

За основу оценки возможного ущерба можно взять определенные ст. 7 Федерального закона от 12 июля 2017 г. «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[23] критерии: социальную значимость (возможность причинения вреда жизни или здоровью людей, прекращения или нарушения функционирования объектов обеспечения жизнедеятельности населения, транспортной инфраструктуры, сетей связи, прекращения доступа к государственной услуге для ее получателей); политическую значимость (возможность причинения ущерба интересам государства в вопросах внутренней и внешней политики); экономическую значимость (возможность причинения прямого или косвенного ущерба субъектам критической информационной инфраструктуры и (или) государственному бюджету); экологическую значимость (возможность неблагоприятного воздействия на окружающую среду); значимость объекта критической информационной инфраструктуры для обеспечения обороны страны, безопасности государства и правопорядка).

С субъективной стороны акты кибертерроризма совершаются умышленно. Не может деликтоспособный субъект неосознанно удалять, изменять, повреждать, блокировать, перехватывать данные информационных систем, создавать зараженную сеть, причинять вред критически важному или потенциально опасному объекту и при этом не предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своих действий.

Рассматривая акты кибертерроризма, необходимо затронуть вопросы квалификации данного преступления.

Для эффективного применения уголовного законодательства в целях противодействия кибертерроризму необходима его четкая квалификация – установление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

Как справедливо отмечает В.П. Кашепов, «правильная и точная квалификация преступлений: обеспечивает соблюдение законности при осуществлении правосудия; выражает социально-политическую и юридическую оценку совершенного деяния; гарантирует права и законные интересы обвиняемого, способствуя индивидуализации уголовной ответственности; предопределяет законное и обоснованное применение институтов и норм Общей части уголовного законодательства, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности и наказания, погашение судимости; обусловливает процессуальный порядок расследования преступлений; позволяет правильно охарактеризовать состояние, структуру и динамику преступности и выработать эффективные меры борьбы с ней»[24].

Квалификация кибертерроризма как классического компьютерного преступления является некорректной и значительно снижает как степень общественной опасности, так и возможный размер наказания. Так, максимальная санкция по ст. 274^1 УК РФ предусматривает до десяти лет лишения свободы, по ст. 272, 273 УК РФ – до семи лет, а по ст. 274 УК РФ – до пяти лет лишения свободы. При этом максимальное наказание по ч. 3 ст. 205 УК РФ составляет до двадцати лет лишения свободы или пожизненное лишение свободы.

В юридической литературе вопросы квалификации кибертерроризма предлагается рассматривать в виде двух вариантов:

введение квалифицирующего состава в конструкцию ст. 205 УК РФ (теракт: с использованием информационных сетей; с использованием вредоносных программ; с получением неправомерного доступа к компьютерной информации конфиденциального характера либо к сведениям, содержащим государственную тайну)[25];

внесение изменений в ст. 272–274^1 УК РФ[26].

Представляется, что правильнее было бы введение самостоятельного состава «Акт кибертерроризма» в Уголовный кодекс РФ или дополнение ст. 205 «Террористический акт» УК РФ особым квалифицированным составом. Как уже отмечалось, вариант с изменением составов компьютерных преступлений не соответствует степени тяжести кибертерроризма и мерам наказания.

На практике встречаются факты совершения преступлений кибертеррористического характера лицами, признанными невменяемыми или не достигшими возраста уголовной ответственности. Данные обстоятельства не влияют на общественную опасность и противоправность совершенных деяний. Вместе с тем установленные в этих случаях правоохранительными органами лица субъектами

[23] См.: СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I), ст. 4736.

[24] *Кашепов В.П.* Переквалификация преступных деяний при изменении уголовного закона // Журнал росс. права. 2014. № 4. С. 8.

[25] См.: *Чекунов И.Г.* Киберпреступность: понятие и классификация // Росс. следователь. 2012. № 2. С. 37–44; *Соломатина Е.С.* Перспективы развития законодательства в сфере борьбы с кибертерроризмом // Закон и право. 2009. № 1. С. 47, 48.

[26] См.: *Капитонова Е.А.* Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2. С. 29–44.

преступлений не являются и уголовной ответственности не подлежат.

Можно предположить ситуацию, когда хакер или специалист IT-подразделения критически важного объекта под воздействием побоев, истязаний, незаконного лишения свободы или угроз применения насилия совершает акт кибертерроризма.

Преступность или непреступность подобного деяния зависит от того, сохраняло ли такое лицо способность руководить своими действиями. Если оно было незаконно лишено свободы, не имело возможности воспользоваться средствами связи, находилось под постоянным наблюдением террористов, обстоятельства позволяют рассматривать эту ситуацию как неспособность руководить своими действиями.

Если лицо сохраняло возможность руководить своими действиями (могло связаться с правоохранительными органами, проинформировать руководство объекта инфраструктуры о подготовке террористической атаки, предупредить коллег для принятия мер или др. способами избежать опасности), деяние будет считаться непреступным, только если физическое или психическое принуждение создавало состояние крайней необходимости и не были превышены ее пределы. Сложно предположить такую вероятность даже в теории.

Можно привести следующий пример. Для того чтобы избежать побоев или угрозы причинения вреда здоровью, лицо, по указанию группы террористов, осуществило несанкционированный доступ к информационным системам военного госпиталя, отключило автоматизированные системы управления медицинским оборудованием операционных, а также систему хранения донорской крови, что привело к гибели нескольких военнослужащих в операционных, порче донорской крови и ее компонентов. Очевидно, что причиненный вред гораздо значительней, чем вред предотвращенный. Думается, что физическое или психическое принуждение при сохранении возможности руководить действиями (волевой момент) можно рассматривать только как смягчающее обстоятельство.

Учитывая тяжесть состава кибертерроризма, в соответствии с ч. 2 ст. 75 УК РФ возможные основания освобождения от уголовной ответственности должны быть специально предусмотрены в соответствующей статье Особенной части УК РФ. Принимая во внимание террористический характер акта кибертерроризма, в ст. 78 УК РФ необходимо закрепить неприменение сроков давности по данному составу преступления.

В качестве смягчающего наказание обстоятельства также можно рассматривать явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников акта кибертерроризма.

Значительный интерес представляют вопросы противодействия кибертерроризму, которые можно рассмотреть на примере национальных моделей противодействия кибертерроризму в США, Великобритании, Канаде, ФРГ, Франции, Индии, КНР и Российской Федерации.

Первая развитая система противодействия кибертерроризму сформировалась в США.

В конце 1990-х годов основными полномочиями в области кибербезопасности[27] было наделено ФБР, которое в тот период осуществляло противодействие киберугрозам криминального характера. После террористической атаки 11 сентября 2001 г. вопросы кибербезопасности стали рассматриваться сквозь призму борьбы с терроризмом. Основным приоритетом стала защита критически важных объектов инфраструктуры.

В 2002 г. в ФБР создан киберотдел, в 2003 г. учреждено Агентство по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры Министерства внутренней безопасности США.

В 2003 г. опубликована Национальная стратегия кибербезопасности, в которой сделан акцент на превентивные действия, что потребовало усиления полномочий спецслужб и совершенствования государственного контроля информационной сферы.

Завершающим этапом формирования централизованной системы противодействия кибертерроризму стало создание в 2009 г. Киберкомандования США (USCYBERCOM). После создания киберкомандования ответственность за безопасность гражданской информационно-телекоммуникационной инфраструктуры была возложена на Министерство внутренней безопасности, а вопросы защиты военных информационных сетей переданы Киберкомандованию[28].

В 2011 г. утверждена Стратегия Министерства обороны США по действиям в киберпространстве[29]. Киберпространство стало официально рас-

[27] В рекомендации Международного союза Электросвязи X.1205 МСЭТ кибербезопасность определена как «набор средств, стратегий, принципов обеспечения безопасности, мер по обеспечению безопасности, руководящих принципов, подходов к управлению рисками, действий, профессиональной подготовки, практического опыта, страхования и технологий, которые могут быть использованы для защиты киберпространства, ресурсов организации и пользователя».

[28] См.: *Шариков П.А.* Эволюция американской политики кибербезопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 51–58.

[29] См.: Department of Defence. Strategy for Operating in Cyberspace. Washington. DC.US Department of Defence. 2011.

сматриваться как самостоятельный театр военных действий, а кибератаки приравнены к виду боевых действий.

В 2017 г. принят исполнительный указ Президента США «Об укреплении кибербезопасности федеральных сетей и критической инфраструктуры», который стал правовой и методической основой для развития подразделений кибербезопасности федеральных структур исполнительной власти Соединенных Штатов Америки.

В сентябре 2018 г. опубликована Национальная киберстратегия США. В документе заявлено, что «США вовлечены в продолжительное соперничество со стратегическими противниками, несостоявшимися государствами, террористами и криминальными сетями, которые развивают новые и эффективные кибервооружения»[30]. Провозглашена цель использовать наступательный киберпотенциал в интересах национальной безопасности.

В декабре 2020 г. в США принят Закон о кибербезопасности Интернета ("Internet of Things Cybersecurity Improvement Act"), который устанавливает требования к безопасности для оборудования сети Интернет, приобретаемого федеральным правительством. Кроме того, начиная с 2021 г. федеральное правительство значительно усилило взаимодействие с частным сектором в вопросах выявления киберугроз и обеспечения кибербезопасности США[31].

Традиционно схожий подход в США к обеспечению кибербезопасности и противодействию кибертерроризму заложен в британской модели.

В 2011 г. в Великобритании была разработана первая пятилетняя Национальная стратегия кибербезопасности, одним из направлений реализации которой определено противодействие кибертерроризму. Первоначально система противодействия кибертерроризму носила децентрализованный характер и включала Центр защиты национальной инфраструктуры (CPNI), Группу быстрого реагирования на инциденты в области компьютерной безопасности (CERT-UK) и Центр оценки киберугроз (CCA).

В Национальной стратегии кибербезопасности 2016–2021 гг. закрепили смешанную, государственно-коммерческую модель противодействия кибертерроризму. Головной координирующей и методической структурой стал Национальный центр кибербезопасности (NCSC) (учрежден в 2016 г.). Для защиты от кибератак в Вооруженных силах создан Военный центр операций по кибербезопасности.

Канадская модель строится на Стратегии создания безопасного киберпространства для всех канадцев. Ключевым органом является Центр реагирования на киберинциденты, который ведет мониторинг и оказывает консультативную помощь субъектам критической инфраструктуры в обнаружении, предупреждении и пресечении киберугроз. Информационно-пропагандистскую деятельность о потенциальных рисках и мерах безопасности в киберпространстве (программа Get Cyber Safe) осуществляет Служба общественной безопасности Канады[32].

В ФРГ центральная роль в обеспечении кибербезопасности и противодействии кибертерроризму отведена Министерству внутренних дел. При МВД действует Национальный ситуационный центр кибербезопасности, Национальный центр киберзащиты Германии, Центр по борьбе с киберпреступностью федеральной полиции.

Для проведения военных кибероперациий в бундесвере организованы киберкомандование Вооруженных сил ФРГ, группы по реагированию на инциденты в сфере кибербезопасности, отделы киберзащиты.

В 2021 г. принята Стратегия кибербезопасности Германии на 2021–2026 гг. Предусмотрено усиление кибербезопасности органов государственной власти, критической инфраструктуры и экономики, компаний малого и среднего бизнеса и граждан. В Стратегии закреплены новые полномочия государственных органов, в том числе возможность доступа следственных органов к результатам мониторинга телекоммуникационных сетей, проведения онлайн-обысков, расширены полномочия по взаимодействию полиции с подразделениями киберзащиты при расследовании киберпреступлений.

На федеральном, региональном и муниципальном уровнях реализуются совместные проекты в сфере кибербезопасности.

В отличие от англосаксонских стран Франция не считает кибербезопасность и противодействие кибертерроризму прерогативой спецслужб.

В 2009 г. было создано Национальное агентство безопасности информационных систем (ANSSI). Данный орган, находящийся в прямом подчинении премьер-министра Франции, отвечает за безопасность национальных информационных систем, а также координацию деятельности по

[30] National Cyber Strategy of the United States of America. Sept. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/08/18/statement-donald-j-trump-elevation-cyber-command (дата обращения: 14.05.2022).

[31] См.: Executive Order on Improving the Nation's Cybersecurity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/05/12/executive-order-on-improving-the-nations-cybersecurity/ (дата обращения: 14.05.2022).

[32] См.: *Гришин С.Е.* Формирование культуры кибербезопасности в обществе – актуальная задача современности // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. 2011. № 4. С. 170–173.

обеспечению кибербезопасности как в государственном, так и в частном секторе.

В 2011 г. в качестве реакции на серию кибератак на Минфин Франции была разработана первая национальная киберстратегия «Оборона и безопасность информационных систем: Стратегия Франции». Основные идеи данного документа получили развитие в Национальной стратегии цифровой безопасности Франции 2015 г. и Стратегическом обзоре по кибероборонe 2018 г.

Французский законодатель дифференцирует подходы к оборонительным и наступательным кибероперациям. При этом Франция, как и США, оставляет за собой право использования наступательных киберопераций и в качестве самостоятельного инструмента, и в поддержку действий Вооруженных сил Французской Республики[33].

Национальные органы в сфере кибербезопасности и противодействия кибертерроризму взаимодействуют с уполномоченными структурами ЕС – Европейским центром по борьбе с киберпреступностью и Европейским агентством по безопасности сети и информации.

Помимо этого, государства Европы периодически проводят совместные мероприятия в сети Интернет, направленные на блокирование ресурсов террористических структур. Так, 21 ноября 2019 г. под эгидой Европола прошел День борьбы с террористической онлайн-пропагандой ИГИЛ, в рамках которого девять интернет-компаний, считающихся лидерами в своих областях, в том числе Google, Telegram, Twitter, Instagram, осуществили при координирующей роли европейского полицейского агентства одно из самых масштабных за историю функционирования сети Интернет удалений страниц, использовавшихся сторонниками террористических и экстремистских структур[34].

В Индии разработка программных документов в сфере кибербезопасности началась в 2013 г. после разоблачений Э. Сноудена. Департаментом электроники и информационных технологий была подготовлена Национальная политика в области кибербезопасности. В спецслужбах Индии, включая аппарат советника по безопасности, внешнюю разведку, военную разведку, контрразведку и МВД, были сформированы подразделения, занимающиеся кибероперациями.

В 2018 г. учреждено Оборонное киберагентство (Defence Cyber Agency), которое по своему функционалу является киберкомандованием[35].

В КНР большое влияние на государственную политику в сфере кибербезопасности и противодействия кибертерроризму оказывает Коммунистическая партия Китая (КПК). Координирующую роль играет Центральный комитет по кибербезопасности и информатизации КПК.

Китайская система кибербезопасности и противодействия кибертерроризму охватывает не только техническую безопасность, но и необъемлющий контроль национальной информационной инфраструктуры. Для защиты информационных систем от кибератак и вирусов эффективно применяется «Золотой щит» – система фильтрации интернет-контента.

Российская система противодействия кибертерроризму возникла в 2013 г. Указом Президента РФ была образована Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы ГосСОПКА[36].

Задачами ГосСОПКА были определены: прогнозирование ситуации в области обеспечения информационной безопасности; обеспечение взаимодействия владельцев информационных ресурсов Российской Федерации, операторов связи, других субъектов, при решении задач, касающихся обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак; установление причин компьютерных инцидентов, связанных с функционированием информационных ресурсов Российской Федерации.

Обеспечение и контроль функционирования ГосСОПКА осуществляет ФСБ России. Для обеспечения координации по вопросам обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты создан Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам.

В 2017 г. принят Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической

[33] См.: *Чихачев А.* Франция: киберреспублика на марше. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-kiberrespublika-na-marshe

[34] См.: Referral Action Day Against Islamic State Online Terrorist Propaganda, Europol, 22 November 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/referral-action-day-against-islamic-state-online-terrorist-propaganda (дата обращения: 14.05.2022).

[35] См.: *Куприянов А.* Индия в эпоху кибервойн. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-epokhu-kibervoyn

[36] См.: Указ Президента РФ от 15.01.2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 3, ст. 178; Указ Президента РФ от 22.12.2017 г. № 620 «О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 52 (ч. I), ст. 8112.

информационной инфраструктуры Российской Федерации»[37].

В указанном Федеральном законе определены силы и средства, предназначенные для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты, определены значимые объекты критической информационной инфраструктуры и требования по обеспечению их безопасности, закреплены права и обязанности субъектов критической информационной инфраструктуры, порядок категорирования, оценки и государственного контроля в области обеспечения безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры.

Российская система противодействия кибертерроризму помимо специализированных государственных и координирующих органов включает известные компании, занимающие лидирующие позиции в рассматриваемой сфере («Лаборатория Касперского», «Информзащита», «Инфосистемы Джет», «Ростелеком-Солар», “Positive Technologies”, “Group-IB” и др.).

Анализ национальных киберстратегий позволяет выделить кибертерроризм в качестве самостоятельного элемента киберпреступности, фокусирует внимание на важной роли кибербезопасности в системе доктринальных документов, регламентирующих вопросы национальной безопасности, подчеркивает сходство основных направлений обеспечения кибербезопасности и противодействия кибертерроризму.

Выводы

Кибертерроризм представляет собой новый вид террористической деятельности, связанный с политически мотивированным деструктивным воздействием на информационные системы, автоматизированные системы управления и информационные сети для нанесения ущерба объектам жизнедеятельности населения, отраслевой или национальной экономике, правопорядку, обороноспособности и безопасности государства, внешне- и внутриполитическим интересам государства.

Кибертерроризм может осуществляться как путем самостоятельных действий террористов-одиночек и отдельных групп, так и путем вербовки и целевого использования хакеров или сотрудников критически важных и потенциально опасных объектов. Наиболее опасными являются акты государственного кибертерроризма, которые курируются спецслужбами и организациями иностранных государств.

Квалификация актов кибертерроризма как классического компьютерного преступления значительно снижает степень общественной опасности и возможный размер наказания. Актуальным является введение самостоятельного состава «Акт кибертерроризма» в Уголовный кодекс РФ или закрепление дополнительного квалифицирующего состава в конструкции ст. 205 «Террористический акт» УК РФ. Принимая во внимание террористический характер природы кибертерроризма, в ст. 78 УК РФ необходимо закрепить неприменение сроков давности по данному составу.

Сравнительный анализ существующих национальных киберстратегий указывает на ряд общих подходов. Большинство государств понимают кибербезопасность как элемент национальной безопасности. Кибероперации рассматриваются как инструмент борьбы с недружественными государствами и военными противниками. Констатируется значимость национального оборудования и программного обеспечения для полноценной защиты информационной безопасности.

Исходя из зарубежного и российского опыта, можно выделить несколько актуальных направлений противодействия кибертерроризму: анализ киберугроз и компьютерных инцидентов; анализ сведений об уязвимостях программного обеспечения и оборудования; мониторинг защищенности информационных ресурсов; развертывание системы верификации и фильтрации электронных сообщений; организация эшелонированной антивирусной защиты, блокировка вредоносных доменов и IP-адресов; разработка программных средств обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак; автоматизированная защита государственных цифровых услуг; обучение сотрудников обнаружению, предупреждению и ликвидации последствий целевых компьютерных атак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васенин В.А.* Информационная безопасность и компьютерный терроризм [Электронный ресурс]. URL: www. crime-research.ru
2. *Гаврилов Ю.В., Смирнов Л.В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М., 2003.
3. *Голубев В.А.* Кибертерроризм – угроза национальной безопасности [Электронный ресурс]. URL: www.crime-research.ru
4. *Гришин С.Е.* Формирование культуры кибербезопасности в обществе – актуальная задача современности // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. 2011. № 4. С. 170–173.
5. *Капитонова Е.А.* Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2. С. 29–44.

[37] См.: СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I), ст. 4736.

6. *Кашепов В.П.* Переквалификация преступных деяний при изменении уголовного закона // Журнал росс. права. 2014. № 4. С. 8.

7. *Куприянов А.* Индия в эпоху кибервойн. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-epokhu-kibervoyn

8. *Саркисян А.Ж.* Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Росс. следователь. 2019. № 3. С. 54–59.

9. *Соломатина Е.С.* Перспективы развития законодательства в сфере борьбы с кибертерроризмом // Закон и право. 2009. № 1. С. 47, 48.

10. *Чекунов И.Г.* Киберпреступность: понятие и классификация // Росс. следователь. 2012. № 2. С. 37–44.

11. *Чихачев А.* Франция: киберреспублика на марше. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-kiberrespublika-na-marshe

12. *Шариков П.А.* Эволюция американской политики кибербезопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 51–58.

13. *Canetti D., Gross M., Waismel-Manor I. et al.* How Cyberattacks Terrorize: Cortisol and Personal Insecurity Jump in the Wake of Cyberattacks // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 72–77.

14. *Charlton C.* Armchar warriors. Terrifying new generation of 'cybernative' ISIS terrorists could target 'Facebook and West's energy grids' in a bid to cause mass panic and mayhem [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.thesun.co.uk/news/2643688/cyber-terrorism-attacks-threat-level-isis-facebook-energy (дата обращения: 25.12.2021).

15. *Choi J.* 8 in 10 say cyberterrorism is top potential threat: Gallup [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://thehill.com/policy/cybersecurity/544274-8-in-10-say-cyberterrorism-is-top-potential-threat-gallup (дата обращения: 25.12.2021).

16. Cyberterrorism / National Conference of State Legislatures [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.ncsl.org/programs/lis/CIP/cyberterrorism.htm (дата обращения: 12.04.2022).

17. *Fowler M.* Cyber terrorism: Sci-Fi fantasy or legitimate threat? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://thehill.com/opinion/cybersecurity/578868-cyber-terrorism-sci-fi-fantasy-or-legitimate-threat (дата обращения: 24.12.2021).

18. *Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C.* Cybercrime and digital forensics. NY, 2017.

19. *Keren L.G. Snider, Ryan Shandler, Shay Zandani, Daphna Canetti.* Cyberattacks, cyber threats, and attitudestoward cybersecurity policies // Journal of Cybersecurity. 2021. Vol. 7. Issue 1.

20. "Killing Lists" – The Evolution of Cyber Terrorism? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.ict.org.il/Article/1793/killing-lists-the-evolution-of-cyber-terrorism#gsc.tab=0 (дата обращения: 25.12.2021).

21. *Ozeren S.* Global Response to Cyberterrorism and Cybercrime: a Matrix for International Cooperation and Vulnerability Assessment: Dissertation Prepared for the Degree of Doctor of Philosophy. University of North Texas, 2005. P. 7.

22. Responses to Cyber Terrorism / NATO Science for Peace and Security Series / Centre of Excellence Defence Against Terrorism, Ankara, Turkey. 2008.

23. *Taylor R.W., Caeti T.J., Loper D.K. et al.* Digital Crime and Digital Terrorism. Pearson / Prentice Hall, 2006. P. 20.

24. *Tesauro L.* The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/role-al-qaeda-plays-cyberterrorism (дата обращения: 25.12.2021).

25. *Saurabh Ranjan Srivastava and Sachin Dube.* Cyberattacks, Cybercrime and Cyberterrorism // Cyber Warfare and Terrorism: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications // Information Resources Management Association (USA). 2020. P. 931–963.

26. *Wilson C.* Computer Attack and Cyber Terrorism: Vulnerabilities and Policy Issues for Congress, CRS Report RJ32114 (Washington, D.C.: Library of Congress, Congressional Research Service, 17 October 2003). P. 4.

REFERENCES

1. *Vasenin V.A.* Information security and computer terrorism [Electronic resource]. URL: www. crime-research.ru (in Russ.).

2. *Gavrilov Yu. V., Smirnov L.V.* Modern terrorism: essence, typology, problems of counteraction. M., 2003 (in Russ.).

3. *Golubev V.A.* Cyberterrorism – a threat to national security [Electronic resource]. URL: www.crime-research.ru (in Russ.).

4. *Grishin S.E.* The formation of a cybersecurity culture in society is an urgent task of our time // Herald of the Saratov State Socio-Economic University. 2011. No. 4. P. 170–173 (in Russ.).

5. *Kapitonova E.A.* Features of cyberterrorism as a new kind of terrorist act // News of higher educational institutions. Volga Region. Social sciences. 2015. No. 2. P. 29–44 (in Russ.).

6. *Kashepov V.P.* Retraining of criminal acts when changing the criminal law // Journal of Russian law. 2014. No. 4. P. 8 (in Russ.).

7. *Kupriyanov A.* India in the era of cyberwar. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-epokhu-kibervoyn (in Russ.).

8. *Sarkisyan A.J.* Criminological characteristics of crimes committed in the field of information and communication technologies // Russ. Investigator. 2019. No. 3. P. 54–59 (in Russ.).

9. *Solomatina E.S.* Prospects for the development of legislation in the field of combating cyberterrorism // Law and Law. 2009. No. 1. P. 47, 48 (in Russ.).

10. *Chekunov I.G.* Cybercrime: concept and classification // Russ. Investigator. 2012. No. 2. P. 37–44 (in Russ.).

11. *Chikhachev A.* France: Cyber Republic on the march. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-kiberrespublika-na-marshe (in Russ.).

12. *Sharikov P.A.* Evolution of American cybersecurity policy // World economy and international relations. 2019. Vol. 63. No. 10. P. 51–58 (in Russ.).

13. *Canetti D., Gross M., Waismel-Manor I. et al.* How Cyberattacks Terrorize: Cortisol and Personal Insecurity Jump in the Wake of Cyberattacks // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 72–77.

14. *Charlton C.* Armchar warriors. Terrifying new generation of 'cybernative' ISIS terrorists could target 'Facebook and West's energy grids' in a bid to cause mass panic and mayhem [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.thesun.co.uk/news/2643688/cyber-terrorism-attacks-threat-level-isis-facebook-energy (accessed: 25.12.2021).

15. *Choi J.* 8 in 10 say cyberterrorism is top potential threat: Gallup [Electronic resource].– Access mode: URL: https://thehill.com/policy/cybersecurity/544274-8-in-10-say-cyberterrorism-is-top-potential-threat-gallup (accessed: 25.12.2021).

16. Cyberterrorism / National Conference of State Legislatures [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.ncsl.org/programs/lis/CIP/cyberterrorism.htm (accessed: 12.04.2022).

17. *Fowler M.* Cyber terrorism: Sci-Fi fantasy or legitimate threat? [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://thehill.com/opinion/cybersecurity/578868-cyber-terrorism-sci-fi-fantasy-or-legitimate-threat (accessed: 24.12.2021).

18. *Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C.* Cybercrime and digital forensics. NY, 2017.

19. *Keren L.G. Snider, Ryan Shandler, Shay Zandani, Daphna Canetti.* Cyberattacks, cyber threats, and attitudestoward cybersecurity policies // Journal of Cybersecurity. 2021. Vol. 7. Issue 1.

20. "Killing Lists" – The Evolution of Cyber Terrorism? [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.ict.org.il/Article/1793/killing-lists-the-evolution-of-cyber-terrorism#gsc.tab=0 (accessed: 25.12.2021).

21. *Ozeren S.* Global Response to Cyberterrorism and Cybercrime: A Matrix for International Cooperation and Vulnerability Assessment: Dissertation Prepared for the Degree of Doctor of Philosophy. University of North Texas, 2005. P. 7.

22. Responses to Cyber Terrorism / NATO Science for Peace and Security Series / Centre of Excellence Defence Against Terrorism, Ankara, Turkey. 2008.

23. *Taylor R.W., Caeti T.J., Loper D.K. et al.* Digital Crime and Digital Terrorism. Pearson / Prentice Hall, 2006. P. 20.

24. *Tesauro L.* The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/role-al-qaeda-plays-cyberterrorism (accessed: 25.12.2021).

25. *Saurabh Ranjan Srivastava and Sachin Dube.* Cyberattacks, Cybercrime and Cyberterrorism // Cyber Warfare and Terrorism: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications // Information Resources Management Association (USA). 2020. P. 931–963.

26. *Wilson C.* Computer Attack and Cyber Terrorism: Vulnerabilities and Policy Issues for Congress, CRS Report RJ32114 (Washington, D.C.: Library of Congress, Congressional Research Service, 17 October 2003). P. 4.

Сведения об авторах

КРАСИНСКИЙ Владислав Вячеславович –
доктор юридических наук, заместитель начальника управления противодействия экстремизму и терроризму Главного управления региональной безопасности Московской области; 143407 Московская область, г. Красногорск, бульвар Строителей, д. 1

МАШКО Владислав Валерьевич –
кандидат исторических наук, доцент кафедры международной безопасности Российского государственного гуманитарного университета; 125993 г. Москва, Миусская площадь, д. 6

Author's information

KRASINSKY Vladislav V. –
Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Counteraction to Extremism and Terrorism of the Main Department of Regional Security of the Moscow Region; 1 Stroiteley boulevard, 143407 Moscow Region, Krasnogorsk, Russia

MASHKO Vladislav V. –
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Security of the Russian State University for the Humanities; 6 Miusskaya square, 125993, Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 92–99
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 92–99

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

«ИНСТИТУТЫ ВМЕСТО ПРАВИЛ»: МЕХАНИЗМ ПРОВЕДЕНИЯ ЕДИНОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

© 2023 г. С. О. Шохин[1, *], Е. В. Кудряшова[2, **]

[1]Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
[2]Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК), г. Новосибирск

**E-mail: doctorsos07@rambler.ru*
**E-mail: ev_kudryashova@inbox.ru*

Поступила в редакцию 01.09.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается организационный механизм «институты вместо правил» как альтернатива наднациональным нормам и международным соглашениям в рамках международных союзов и интеграционных образований. На определенном этапе международной региональной интеграции возникает потребность в проведении согласованной финансовой политики государствами-членами. Однако государственные финансы – это чувствительная и сложная область для вмешательства наднациональных норм или международных соглашений. Технология «институты вместо правил», предполагающая создание независимых финансовых институтов, которые проводят мониторинг финансовой политики государств и могут давать рекомендации, служит гибкой альтернативой нормам права. Технология «институты вместо правил» применяется в Европейском Союзе, но пока недооценена в Евразийском экономическом союзе.

Ключевые слова: публичные финансы, независимые финансовые институты, международная интеграция, ЕС, ЕАЭС, бюджет, открытый метод координации.

Цитирование: *Шохин С.О., Кудряшова Е.В.* «Институты вместо правил»: механизм проведения единой финансовой политики в Европейском Союзе // Государство и право. 2023. № 1. С. 92–99.

DOI: 10.31857/S102694520024126-9

"INSTITUTIONS V. RULES": COMMON FINANCIAL POLITICS IMPLEMENTATION MECHANISM IN THE EUROPEAN UNION

© 2023 S. O. Shokhin[1, *], E. V. Kudryashova[2, **]

[1]Moscow State Institute (University) of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation
[2]Siberian University of Consumer Cooperation (SibUCC), Novosibirsk

**E-mail: doctorsos07@rambler.ru*
***E-mail: ev_kudryashova@inbox.ru*

Received 01.09.2022

Abstract. The organisational mechanism "institutions v. rules" is considered in the article as an alternative for supranational rules and international treaties within the international unions and integrational entities. On the certain stage of the international regional integration there is a need for common financial policy implemented by the member-states. However, public finance is a sensitive and complicated field for supranational regulation and international treaties. The technology "institutions v. rules" which implies creation of independent financial institutions monitoring and advising on the state's financial policy can be an alternative for legal norms. The technology "institutions v. rules" is applied in the European Union but still underestimated in the EAEU.

Key words: public finance governance, independent financial institutions, financial policy, international integration, EU, EAEU, budget, open method of coordination.

For citation: *Shokhin, S.O., Kudryashova, E.V. (2023).* "Institutions v. rules": common financial politics implementation mechanism in the European Union // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 92–99.

Исследование права включает в себя не только анализ норм и их реализации, но и исследование организационных альтернатив там, где нормы права оказываются недостаточно действенными.

В интеграционном образовании всегда остаются чувствительные области, где страны-участницы стремятся сохранить максимальную независимость. К таким чувствительным сферам практически во всех интеграционных образованиях относятся государственные финансы.

Вопрос о государственных финансах рассматривается как вопрос, не подлежащий наднациональному регулированию. Здесь сфера государственных финансов трактуется широко и включает финансово-бюджетную сферу, вопросы государственного долга, финансово-налоговую политику и т.д. – круг вопросов может расширяться и сужаться в зависимости от преобладания тенденций объединения или обособления.

Проведение наднациональной политики в странах – членах международного интеграционного образования – сложная задача, которая не всегда может быть решена с помощью наднационального регулирования, документов и норм. Порой требуется применение более сложных механизмов управления.

Проведение единой финансовой политики на основе наднационального правового регулирования зачастую сталкивается с противодействием в государствах-участниках, которые видят в нем наступление на их финансовый суверенитет. Отсюда поиск более гибких механизмов воздействия. Один из таких механизмов, который уже можно даже назвать технологией, – это формирование совещательных и мониторинговых институтов. В публикациях этот механизм уже назвали «институты вместо правил»[1].

Технология «институты вместо правил» стала обсуждаться в целом ряде публикаций в начале 2000-х годов[2]. В российских публикациях проблема в основном только упоминается[3], но подробно не рассматривается. В настоящей статье ставится задача показать, как внедрялся способ проведения единой политики в финансовой сфере европейской интеграции «институты вместо правил», преодолевая отсутствие политической воли для совместных действий государств – членов региональной международной интеграции в сфере публичных финансов. В этом смысле статья восполняет существующий пробел в российском академическом сообществе и отчасти в международной дискуссии.

Применяя диалектический метод познания социально-политических процессов, постараемся оценить технологию управления финансами «институты вместо правил». В исследовании мы будем следовать принципам развития, целостности и системности, присущим диалектическому методу. Объект исследования предполагает также широкое использование метода системного анализа.

Возникновение технологии «институты вместо правил» в Европейском Союзе

По мере развития интеграционных процессов в Европейском Союзе в 1990-х годах стали появляться идеи стабилизации сферы государственных финансов, учитывая разнородность финансовой ситуации в государствах-членах. В 1997 г. был заключен Пакт о стабильности и росте в Европе[4], который базировался на действовавших на тот момент ст. 99 и 104 Договора об образовании Европейского сообщества (в ныне действующей консолидированной версии Договора это ст. 121 и 126)[5].

Пакт предусматривал соблюдение всеми государствами Европейского Союза макроэкономических показателей (ограничение дефицитов бюджетов и ограничение государственного долга). Уже в 2002 г. сложилась ситуация, когда заявленные в Пакте показатели стали неприемлемыми даже для стран – инициаторов Пакта – Германии и Франции, а уже к 2003 г. заговорили о провале Пакта[6]. Параллельно в 2001 г. Европейская Комиссия заявила, что в тех сферах, где Европейский Союз не имеет прямой компетенции и которые относятся к исключительному ведению государств-членов, будет внедряться т.н. открытый метод координации[7]. Открытый метод координации не имеет правовой основы непосредственно в документах ЕС и является общим фактически реализуемым

[1] "Institutions versus rules" было бы точнее перевести как «институты против правил», но мы считаем, что нормы не следует жестко противопоставлять организационным технологиям. Скорее здесь речь идет о взаимозаменяемости и взаимном дополнении, поэтому – «институты вместо правил».

[2] См.: *Wyplosz C.* 'Fiscal Policy: Institutions Versus Rules' // National Institute Economic Review. 2005. No. 19. P. 64–78; *Koptis G. (ed.)* Rules-Based Fiscal Policy in Emerging Markets. Procyclicality of Financial Systems in Asia. Palgrave Macmillan. London, 2004.

[3] См.: *Токарева Е.В.* «Открытый метод координации» – новая модель управления в ЕС // Вестник Пермского ун-та. Сер.: Политология. 2010. № 3. С. 110–121; *Комиссарова Ж.Н., Сергеев Е.А.* Фискальное регулирование ЕС и консолидация бюджета в странах Вишеградской группы // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 3 (66). Р. 131–158.

[4] См.: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM: l25021

[5] См.: URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-and-fiscal-policy-coordination/eu-economic-governance-monitoring-prevention-correction/stability-and-growth-pact/legal-basis-stability-and-growth-pact_en

[6] См.: *Haan J., Berger H., Jansen D.* (2004) Why has the Stability and Growth Pact Failed? // International Finance. 2004. Vol. 7. No. 2. P. 235–260.

[7] См.: URL: https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vh7eg8ym3xy5

управленческим подходом[8]. Начался поиск политических технологий внедрения единой финансовой политики, учитывая уроки кризиса 1998 г. и принимая во внимание тенденцию игнорирования со стороны стран – участниц Пакта о стабильности и росте.

К 2005 г. было принято решение смягчить требования Пакта, а возможность применения санкций за его неисполнение было увязано с многочисленными условиями, что практически парализовало этот механизм. Тут проявились противоречия между властью и авторитетом в Европейском Союзе. Формально власти было достаточно, чтобы требовать соблюдение финансовой дисциплины от государств-членов, но выяснилось, что авторитета для реализации таких требований не хватает[9]. Авторитет играет важную роль в реализации единой политики. В реализации финансовой политики проявляется противостояние элитных групп национального и наднационального уровня, «борьба компетенций»[10].

Хорошую иллюстрацию к дискуссии о власти и авторитете дает Германия, где Конституционный суд принял решение, что имплементация Лиссабонского договора в национальном немецком правопорядке во всем, что касается управления экономикой, не соответствует Конституции ФРГ. Особо было подчеркнуто, что создаваемые новые институты могут начать развиваться самостоятельно и укрепятся политически, приобретая нежелательное влияние и расширяя сферу действия наднационального регулирования с вторжением в сферу внутренней политики по поводу экономических, культурных и социальных вопросов[11].

Кризис 2008 г. вновь вернул в повестку Европейского Союза проблему финансовой дисциплины государств-членов и вопрос о проведении единой финансовой политики. Страны – члены ЕС по-прежнему не спешили внедрять наднациональные решения в том, что касается их финансов, это коснулось в том числе стабилизационных мер. Кризис 2008 г. оживил дискуссию по поводу технологии «институты вместо правил» и в Директиве ЕС 2011 г. о требованиях к бюджетному процессу в государствах-членах уже появились положения, касающиеся мониторинга и оценки проектов бюджетов независимыми финансовыми институтами[12]. Положение Директивы повышало значение независимых фискальных институтов в проведении наднациональной стабилизационной политики.

2 марта 2012 г. 25 государств ЕС подписали Соглашение о стабильности, координации и управлении в Экономическом и валютном союзе (The Treaty on Stability, Coordination and Governance in the Economic and Monetary Union)[13]. Документ стал обязательным для всех участников зоны евро, а страны-члены, не вводившие евро, добровольно присоединились к нему. Государства обязались обеспечить (п. 2) на национальном уровне независимый мониторинг соответствия национальных финансовых систем показателям, заложенным в Соглашении о стабильности и ранее обозначенным в Пакте о стабильности и росте. Выполняя подписанное Соглашение о стабильности, государства-члены наделили независимые финансовые советы полномочиями проводить мониторинг финансовой политики, оценивать макроэкономические прогнозы, лежащие в основе бюджетов, а также отслеживать выполнение отдельными странами-членами требований к финансовым системам, которые заявлены на наднациональном уровне в ЕС.

На основе сравнительных исследований среди государств, подписавших Соглашение о стабильности, эффективный мониторинг проводят финансовые советы Нидерландов, Португалии и Словакии. Самые слабые позиции оказались у немецкого, люксембургского, эстонского и кипрского советов[14].

Отчасти технология «институты вместо правил» основана на успехах независимых центральных банков в проведении стабилизационной монетарной политики[15]. Успех предполагалось развить в рамках независимых финансовых институтов, которые бы проводили финансовую политику стабилизации финансовой системы государства в целом, а не только денежно-кредитной системы[16]. Независимые финансовые институты призваны проводить антикризисные меры и влиять на финансовую

---

[8] См.: *Токарева Е.В.* Указ. соч. С. 110–121.

[9] См.: *Сорбалэ А.Б.* Власть и авторитет в Европейском Союзе: «цари горы» и «большие коалиции» // Политическая наука. 2019. № 3. С. 200–221.

[10] *Adler-Nissen R.* Opting out of the European Union: diplomacy, sovereignty and European integration. Cambridge, 2014.

[11] См.: *Погорельская С.В.* Лиссабонский договор: проблемы политической консолидации ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 40–54.

[12] См.: Council Directive 2011/85/EU of 8 Nov. 2011 On requirements for budgetary frameworks of the Member States. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2011:306:0041:0047: EN: PDF

[13] См.: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:1403_3

[14] См.: *Horvath M.* (2018) EU Independent Fiscal Institutions: An Assessment of Potential Effectiveness // Journal of Common Market Studies. Vol. 56. No. 3. P. 504–519.

[15] Здесь, правда, следует отметить перемену тенденции: независимость центральных банков больше не возводят в абсолют и подчиняют государственной политике во многих государствах (см.: *Кудряшова Е.В.* Центральный банк Российской Федерации в системе стратегического планирования России // Банковское право. 2017. № 1. С. 20–24).

[16] См.: *Leith C.* (2005) Fiscal Stabilization Policy and Fiscal Institutions. Oxford Review of Economic Policy. Vol. 21. No. 4. P. 584–597; *Larch M., Braendle T.* (2018) Independent Fiscal Council: Neglected Siblings of Independent Central Banks? An EU prospective // Journal of Common Market Studies. No. 56 (2). P. 267–283.

политику с целью преодолеть нестабильность. Финансовая стабильность[17] постепенно как на национальном, так и на наднациональном уровне стала рассматриваться как благо, которое нужно обеспечивать национальными и наднациональными мерами. Создание специальных институтов, призванных обеспечивать так или иначе стабилизацию финансовой системы после кризиса 2008–2009 гг., стало рассматриваться уже не как нечто желательное, а как необходимая мера.

Национальные независимые финансовые институты и их виды

Внутри отдельных государств идея создания независимых финансовых экспертных органов уже реализована. В качестве первого независимого финансового органа называют бельгийский Высший финансовый совет, созданный в 1936 г.[18] Наиболее известный из экспертных финансовых органов – это Бюджетное управление Конгресса США, которое существует с 1974 г.

Следует посмотреть на проблему несколько шире и включить в число финансовых органов экспертного сопровождения независимые советы по управлению экономикой в целом. Четыре экспертных бюро обеспечивают экспертное сопровождение управления экономикой в Нидерландах: Голландское бюро по экологии, Бюро по территориальному планированию, Бюро по социальному и культурному планированию и Голландское бюро по анализу экономической политики[19]. Первым в 1945 г. было создано Голландское бюро по анализу экономической политики (Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis). Бюро по анализу экономической политики формально связано с Министерством экономики Нидерландов, но в то же время имеет гарантии независимости[20].

В ряде государств существует сразу несколько экономических экспертных советов. В Германии продолжает действовать созданный в 1963 г.[21] Совет экспертов при Правительстве ФРГ («совет мудрецов»)[22]. Это наиболее значимый Совет, с законодательным независимым статусом. Помимо него с 2001 г. в Германии действует независимый Совет экспертов по устойчивому развитию[23]. Существует также ряд других экспертных организаций без законодательно закрепленного статуса. Например, функционирует экономический совет при Христианско-демократической партии[24].

Экспертные институты, сопровождающие управление экономикой, в ряде случаев взяли на себя роль независимых финансовых органов, что представляется вполне логичным, учитывая неразрывную связь финансов и экономики. Роль независимого финансового органа в Нидерландах исполняет Голландское бюро по анализу экономической политики.

Однако возможно и создание параллельной структуры. В Германии при наличии сразу нескольких экспертных и вполне независимых институтов по экспертному сопровождению экономики со сложившимися традициями параллельно создан специализированный независимый финансовый институт – Совет по стабильности (Stabilitätsrat)[25].

Обобщение опыта функционирования независимых финансовых советов в разных государствах показывает, что сложилось две возможные модели – независимый орган под эгидой исполнительной власти (как это сделано в Голландии, где экспертные органы имеют статус независимых агентств) или парламентский экспертный орган (Бюджетное управление Конгресса США, Офис Парламентского комитета по бюджету в Канаде). В исследованиях отмечают, что модель с привязкой к исполнительной власти характерна для европейских государств, а парламентская модель характерна для государств за пределами

[17] См. подр.: *Поветкина Н.А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения. М., 2016; *Леднева Ю.В.* Учет фискальных интересов государства при оптимизации налогового режима для привлечения инвестиций // Журнал росс. права. 2020. № 7. С. 144–157; *Бочкарева Е.А., Запольский С.В., Кожушко С.В.* Общетеоретические проблемы российского финансового права: обзор научных исследований // Государство и право. 2020. № 11. С. 58–71; *Shashkova A.V.* Regulating principles of disclosure of information to shareholders under G20 / OECD principles / K.S. Soliman, Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference. IBIMA 2019. P. 1931–1936.

[18] См.: *Поветкина Н.А., Мейтарджян Д.А.* "Independent fiscal institution" в механизме обеспечения финансовой устойчивости государства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 113–117.

[19] См.: CPB, Centraal Planbureau, or Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis (www.cpb.nl); MNP, Milieu- en Natuurplanbureau, or Netherlands Environmental Assessment Agency (www.mnp.nl); RPB, Ruimtelijk Planbureau, or Netherlands Institute for Spatial Research (www.rpb.nl); SCP, Sociaal en Cultureel Planbureau, or Social and Cultural Planning Office of the Netherlands (www.scp.nl).

[20] См.: *Halffman W.* Measuring the Stakes: The Dutch Planning Bureaus in: *Lentsch J., Weingart P.* Scientific Advice to Policy Making: International Comparison. Opladen, 2009.

[21] См.: URL: https://www.sachverstaendigenrat-wirtschaft.de/fileadmin/dateiablage/Sonstiges/Gesetz_SRW.pdf

[22] См.: URL: https://www.sachverstaendigenrat-wirtschaft.de/ziele.html

[23] См.: URL: https://www.nachhaltigkeitsrat.de/en/the-council/

[24] См.: URL: https://www.wirtschaftsrat.de/wirtschaftsrat.nsf/id/was-macht-der-wirtschaftsrat-de

[25] См.: URL: http://www.stabilitaetsrat.de/EN/Home/home_node.html; jsessionid=C729E99E6BADB7247319D44E19CEA3E0.intranet2

Европы[26]. Хотя из этого правила есть исключения – Парламентское управление по бюджету в Италии (Ufficio parlamentare di bilancio)[27], созданное в 2014 г. при представительном органе власти Италии.

Идея создания независимых финансовых институтов вышла за рамки Европейского Союза и была по достоинству оценена международными организациями. В 2014 г. Организация по экономическому сотрудничеству и развитию выпустила Рекомендации о принципах независимых финансовых (фискальных) органов[28]. Согласно этому документу, под независимыми финансовыми органами понимаются организации с законодательно закрепленным за ними независимым статусом. Независимые финансовые органы должны обеспечивать мониторинг, объективный анализ, а также рекомендации по выбору финансовой политики и эффективному принятию финансовых решений. На эти же структуры возлагаются задачи по прогнозированию, разработке сценариев и моделированию экономических процессов. Независимость финансовых институтов определяют четыре составляющие – свободный доступ к необходимой информации, независимое финансирование, численность, соответствующая задачам, и юридическая независимость (нормативный акт, закрепляющий гарантии независимости)[29].

Концепция независимых финансовых институтов, сформированная в ряде международных документов, предполагает, что они должны ограничить дискрецию власти и произвольные решения, а также повысить прозрачность принятия финансовых решений, а в результате сделать предсказуемой финансовую политику[30]. С начала 2000-х годов финансовое регулирование стали считать чрезмерно политизированными и зависящими исключительно от текущей ситуации. Политики, сроки полномочий которых ограничены и переизбрание никогда не гарантировано, склонны к принятию недальновидных финансовых решений[31]. Отсюда функцию стабилизации финансовой системы предлагается деполитизировать и выделить в самостоятельное направление финансовой политики[32]. Отчасти, выделяя функцию стабилизации из управления финансами, предполагалось деполитизировать, насколько это возможно, управление финансами.

Независимые финансовые советы, создаваемые в отдельных государствах, призваны без политических пристрастий эффективно оценивать финансовую ситуацию, давать прогнозы и предлагать варианты решения финансовых проблем.

В рамках региональных межгосударственных объединений независимые финансовые институты могут приобретать особое значение. В Европейском Союзе независимые финансовые институты послужили инструментами мониторинга реализации стабилизационных мероприятий, одобренных на наднациональном уровне, даже в тех сферах, где ЕС не имеет прямой компетенции.

В рамках ЕС в 2015 г. была создана ассоциация национальных независимых финансовых советов для обмена опытом и аналитическими данными между ними – Сообщество независимых финансовых институтов[33]. Сообщество – это добровольная организация, открытая для вступления в нее финансовых советов, действующих в Европейском Союзе. Среди задач Сообщества – продвижение общеевропейской стабилизационной финансовой политики, содействие согласованию управления на разных уровнях с учетом принципа субсидиарности и повышения ответственности на местах за проведение общей финансово-экономической политики. Сообщество выпускает заявления в рамках своих задач. Например, в 2019 г. было выпущено заявление о необходимости повышения гарантий независимости финансовых советов и улучшения обеспечения их деятельности. Национальные финансовые советы были названы в нем «хрупкими» образованиями, требующими поддержки и продвижения их влияния со стороны Европейского союза[34]. Важной миссией Сообщества является взаимный обмен прогнозами и данными, которые необходимы для выработки, скоординированной финансовой и стабилизационной политики на уровне Европейского Союза.

---

[26] См.: *Грачева М.* Особенности деятельности независимого бюджетного Совета в Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 142–158.

[27] См.: URL: http://www.upbilancio.it/

[28] См.: OECD (2014) Recommendation of the Council on Principles for Independent Fiscal Institutions. URL: https://www.oecd.org/gov/budgeting/OECD-Recommendation-on-Principles-for-Independent-Fiscal-Institutions.pdf

[29] См.: *Beetsma R., Debrun X., Xiangming F. et al.* Independent Fiscal Councils: Recent Trends and Performance. IMF Working Paper WP 18/68 2018.

[30] См.: IMF (2017) The fiscal council dataset: a primer to the 2016 vintage. IMF.

[31] См.: *Schick A.* Fiscal Institutions versus Political Will. In: *Kopits G. (ed.)* Rules-Based Fiscal Policy in Emerging Markets. Procyclicality of Financial Systems in Asia. Palgrave Macmillan. London, 2004; *Шохин С.О.* Новый этап в развитии финансового контроля // Юрист. 2013. № 19. С. 32–36.

[32] О политизации управления финансами см. подр.: *Шохин С.О., Кудряшова Е.В.* Обратная связь – острая проблема правового регулирования публичных финансов // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 35–45.

[33] См.: URL: www.euifis.eu

[34] См.: Network EU fiscal institutions (2019) Statement on the Need to Reinforce and Protect EU IFIs. Network of 22 January 2019. URL: https://www.euifis.eu/download/statement_reinforcing_and_protecting_ifi_s.pdf

Заключение

Финансы представляют собой сложную и неоднородную сферу для наднационального регулирования, где многое зависит от политической воли государств. Если инициатива наднационального регулирования полностью поддержана политическими и деловыми кругами государств – членов интеграционного образования, то процессы гармонизации и даже унификации проходят быстро и эффективно. Развитие единого рынка финансовых услуг было поддержано политической волей государств. В 1999 г. появился программный документ – План действий в сфере финансовых услуг, где было введено понятие «общий финансовый рынок». Положения этого программного документа в последующем были воплощены в наднациональных актах – директивах и регламентах. К 2020 г. в ЕС был создан единый рынок финансовых услуг с едиными не только гармонизированными, но и унифицированными правовыми нормами, с единым регулирующим и надзорным механизмом[35].

Попытка стабилизационного регулирования финансово-бюджетной сферы в ЕС не была поддержана политической волей и даже встретила противодействие со стороны государств. Создать четкие обязательства для государств здесь так и не удалось. Здесь некоторых результатов удалось добиться на основе технологии «институты вместо правил».

Значение этого инструмента пока недооценивается в других международных интеграционных образованиях, хотя, как представляется, наднациональное правовое регулирование или международные соглашения успешно могут быть дополнены организационными механизмами в существующих и вновь создаваемых международных союзах и интеграциях.

Технология «институты вместо правил» может быть полезна и успешно дополнять усилия по интеграции в рамках ЕАЭС и достижению общей финансовой стабильности. Несмотря на то что создание независимых финансовых институтов признается одной из лучших практик в управлении публичными финансами в мире, они созданы не во всех странах – участницах ЕАЭС. Внедрение технологии «институты вместо правил» потребует времени и усилий со стороны государств-участников, которые в последующем оправдаются и предоставят дополнительные возможности для углубления интеграционных процессов.

[35] См.: *Kasyanov R., Kriger A.* (2020) Towards Single Market in Financial Services: Highlights of the EU and the EAEU Financial Markets Regulation // Russian Law Journal. Vol. 8. No. 1. P. 111–137.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бочкарева Е.А., Запольский С.В., Кожушко С.В.* Общетеоретические проблемы российского финансового права: обзор научных исследований // Государство и право. 2020. № 11. С. 58–71.
2. *Грачева М.* Особенности деятельности независимого бюджетного Совета в Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 142–158.
3. *Комиссарова Ж.Н., Сергеев Е.А.* Фискальное регулирование ЕС и консолидация бюджета в странах Вишеградской группы // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 3 (66). Р. 131–158.
4. *Кудряшова Е.В.* Центральный банк Российской Федерации в системе стратегического планирования России // Банковское право. 2017. № 1. С. 20–24.
5. *Леднева Ю.В.* Учет фискальных интересов государства при оптимизации налогового режима для привлечения инвестиций // Журнал росс. права. 2020. № 7. С. 144–157.
6. *Поветкина Н.А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения. М., 2016.
7. *Поветкина Н.А., Мейтарджян Д.А.* “Independent fiscal institution” в механизме обеспечения финансовой устойчивости государства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 113–117.
8. *Погорельская С.В.* Лиссабонский договор: проблемы политической консолидации ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 40–54.
9. *Сорбалэ А.Б.* Власть и авторитет в Европейском Союзе: «цари горы» и «большие коалиции» // Политическая наука. 2019. № 3. С. 200–221.
10. *Токарева Е.В.* «Открытый метод координации» – новая модель управления в ЕС // Вестник Пермского ун-та. Сер.: Политология. 2010. № 3. С. 110–121.
11. *Шохин С.О.* Новый этап в развитии финансового контроля // Юрист. 2013. № 19. С. 32–36.
12. *Шохин С.О., Кудряшова Е.В.* Обратная связь – острая проблема правового регулирования публичных финансов // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 35–45.
13. *Adler-Nissen R.* Opting out of the European Union: diplomacy, sovereignty and European integration. Cambridge, 2014.
14. *Beetsma R., Debrun X., Xiangming F. et al.* Independent Fiscal Councils: Recent Trends and Performance. IMF Working Paper WP 18/68 2018.
15. *Haan J., Berger H., Jansen D.* (2004) Why has the Stability and Growth Pact Failed? // International Finance. 2004. Vol. 7. No. 2. P. 235–260.
16. *Halffman W.* Measuring the Stakes: The Dutch Planning Bureaus in: *Lentsch J.*, *Weingart P.* Scientific Advice to Policy Making: International Comparison. Opladen, 2009.
17. *Horvath M.* (2018) EU Independent Fiscal Institutions: An Assessment of Potential Effectiveness // Journal of Common Market Studies. Vol. 56. No. 3. P. 504–519.

18. *Kasyanov R., Kriger A.* (2020) Towards Single Market in Financial Services: Highlights of the EU and the EAEU Financial Markets Regulation // Russian Law Journal. Vol. 8. No. 1. P. 111–137.

19. *Koptis G. (ed.)* Rules-Based Fiscal Policy in Emerging Markets. Procyclicality of Financial Systems in Asia. Palgrave Macmillan. London, 2004.

20. *Larch M., Braendle T.* (2018) Independent Fiscal Council: Neglected Siblings of Independent Central Banks? An EU prospective // Journal of Common Market Studies. No. 56 (2). P. 267–283.

21. *Leith C.* (2005) Fiscal Stabilization Policy and Fiscal Institutions. Oxford Review of Economic Policy. Vol. 21. No. 4. P. 584–597.

22. *Schick A.* Fiscal Institutions versus Political Will. In: *Kopits G. (ed.)* Rules-Based Fiscal Policy in Emerging Markets. Procyclicality of Financial Systems in Asia. Palgrave Macmillan. London, 2004.

23. *Shashkova A.V.* Regulating principles of disclosure of information to shareholders under G20 / OECD principles / K.S. Soliman, Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference. IBIMA 2019. P. 1931–1936.

24. *Wyplosz C.* 'Fiscal Policy: Institutions Versus Rules' // National Institute Economic Review. 2005. No. 19. P. 64–78.

REFERENCES

1. *Bochkareva E.A., Zapolsky S.V., Kozhushko S.V.* General theoretical problems of Russian Financial law: a review of scientific research // State and Law. 2020. No. 11. P. 58–71 (in Russ.).

2. *Gracheva M.* Features of the activity of the Independent Budget Council in Germany // Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 2. P. 142–158 (in Russ.).

3. *Komissarova Zh. N., Sergeev E.A.* Fiscal regulation of the EU and budget consolidation in the Visegrad Group countries // Herald of MGIMO University. 2019. No. 3 (66). P. 131–158 (in Russ.).

4. *Kudryashova E.V.* The Central Bank of the Russian Federation in the system of strategic planning of Russia // Banking Law. 2017. No. 1. P. 20–24 (in Russ.).

5. *Ledneva Yu. V.* Taking into account the fiscal interests of the state when optimizing the tax regime for attracting investments // Journal of Russian law. 2020. No. 7. P. 144–157 (in Russ.).

6. *Povetkina N.A.* Financial stability of the Russian Federation. Legal doctrine and practice of provision. M., 2016 (in Russ.).

7. *Povetkina N.A., Meitardjian D.A.* "Independent fiscal institution" in the mechanism of ensuring financial stability of the state // Journal of Foreign Legislation and comparative Jurisprudence. 2018. No. 3 (70). P. 113–117 (in Russ.).

8. *Pogorelskaya S.V.* The Lisbon Treaty: problems of political consolidation of the EU // World Economy and International Relations. 2010. No. 7. P. 40–54 (in Russ.).

9. *Sorbale A.B.* Power and authority in the European Union: "Kings of the mountain" and "grand coalitions" // Political Science. 2019. № 3. P. 200–221 (in Russ.).

10. *Tokareva E.V.* "Open method of coordination" – a new management model in the EU // Herald of the Perm University. Ser.: Political Science. 2010. No. 3. P. 110–121 (in Russ.).

11. *Shokhin S.O.* A new stage in the development of financial control // Lawyer. 2013. No. 19. P. 32–36 (in Russ.).

12. *Shokhin S.O., Kudryashova E.V.* Feedback – an acute problem of legal regulation of public finance // Law enforcement. 2020. Vol. 4. No. 4. P. 35–45 (in Russ.).

13. *Adler-Nissen R.* Opting out of the European Union: diplomacy, sovereignty and European integration. Cambridge, 2014.

14. *Beetsma R., Debrun X., Xiangming F. et al.* Independent Fiscal Councils: Recent Trends and Performance. IMF Working Paper WP 18/68 2018.

15. *Haan J., Berger H., Jansen D.* (2004) Why has the Stability and Growth Pact Failed? // International Finance. 2004. Vol. 7. No. 2. P. 235–260.

16. *Halffman W.* Measuring the Stakes: The Dutch Planning Bureaus in: *Lentsch J.*, *Weingart P.* Scientific Advice to Policy Making: International Comparison. Opladen, 2009.

17. *Horvath M.* (2018) EU Independent Fiscal Institutions: An Assessment of Potential Effectiveness // Journal of Common Market Studies. Vol. 56. No. 3. P. 504–519.

18. *Kasyanov R., Kriger A.* (2020) Towards Single Market in Financial Services: Highlights of the EU and the EAEU Financial Markets Regulation // Russian Law Journal. Vol. 8. No. 1. P. 111–137.

19. *Koptis G. (ed.)* Rules-Based Fiscal Policy in Emerging Markets. Procyclicality of Financial Systems in Asia. Palgrave Macmillan. London, 2004.

20. *Larch M., Braendle T.* (2018) Independent Fiscal Council: Neglected Siblings of Independent Central Banks? An EU prospective // Journal of Common Market Studies. No. 56 (2). P. 267–283.

21. *Leith C.* (2005) Fiscal Stabilization Policy and Fiscal Institutions. Oxford Review of Economic Policy. Vol. 21. No. 4. P. 584–597.

22. *Schick A.* Fiscal Institutions versus Political Will. In: *Kopits G. (ed.)* Rules-Based Fiscal Policy in Emerging Markets. Procyclicality of Financial Systems in Asia. Palgrave Macmillan. London, 2004.

23. *Shashkova A.V.* Regulating principles of disclosure of information to shareholders under G20 / OECD principles / K.S. Soliman, Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference. IBIMA 2019. P. 1931–1936.

24. *Wyplosz C.* 'Fiscal Policy: Institutions Versus Rules' // National Institute Economic Review. 2005. No. 19. P. 64–78.

Сведения об авторах

ШОХИН Сергей Олегович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры административного и финансового права, профессор кафедры международного частного и гражданского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0002-2777-3615
Researcher ID: C-5244-2018
РИНЦ Author ID: 483526 (SPIN-код: 8830-9932)

КУДРЯШОВА Екатерина Валерьевна –
доктор юридических наук, доцент по кафедре финансового права, профессор Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК); 630087 г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, д. 26
ORCID: 0000-0002-7029-5794
Researcher ID: D-2011-2009
РИНЦ Author ID: 358757 (SPIN-код: 7017-2770)

Authors' information

SHOKHIN Sergey O. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Department of Administrative and Financial Law, Department of Private International and Civil Law of Moscow State Institute (University) of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation; 76 Vernadckogo ave., 119454 Moscow, Russia

KUDRYASHOVA Ekaterina V. –
Doctor of Law, Associate Professor at the Department of Financial Law, Professor of the Siberian University of Consumer Cooperation (SibUCC); 26 Karl Marks ave., 630087 Novosibirsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 100–113
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 100–113

ЗА РУБЕЖОМ

ДЕЛИБЕРАТИВНОСТЬ И АЛЕАТОРНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ КАК ЛЕГИТИМАЦИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ИРЛАНДИЯ И АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА

© 2023 г. В. В. Денисенко*, Е. Н. Трикоз**

МГИМО МИД России

**E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru*
***E-mail: alena_trikoz@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.03.2022 г.

Аннотация. В статье раскрывается важность делиберативных институтов и процедур в конституционной политике на примере регулирования соматических прав человека и генетических прав. Раскрыты методологические основания делиберативных процедур, в работе дан анализ причин развития делиберативных процедур в условиях биополитики. Особое внимание уделено процессу расширения предмета правового регулирования в информационном государстве и показан исторический процесс увеличения отношений, регулируемых законом. Авторы статьи раскрывают специфику легитимации соматических прав человека в современном государстве и исследуют актуальные процедуры легитимации права. Дается сравнительно-правовой анализ принципа делиберативности при принятии публично-правовых решений и достижения общественного консенсуса. Авторы также оценивают степень значимости алеаторных процедур, исследуя с этой целью процесс конституционной новеллизации на примере внесения поправок в национальные конституции (на примере Конституции Республики Ирландия и Австралийского Союза). В статье также показана эффективность отдельных алеаторных процедур с участием случайно выбранных граждан, особое внимание среди них уделяется т.н. гражданским ассамблеям и жюри. Подобные алеаторные институты оцениваются в статье как важное условие легитимности и эффективности конституционных реформ.

Ключевые слова: принцип делиберативности, юридификация, легитимность права, соматические права человека, геномное право, биополитика, алеаторная демократия, ассамблеи граждан, гражданское жюри.

Цитирование: *Денисенко В.В., Трикоз Е.Н.* Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландия и Австралийского Союза // Государство и право. 2023. № 1. С. 100–113.

DOI: 10.31857/S102694520024101-2

DELIBERATIVITY AND ALEATORY PROCEDURES AS A LEGITIMATION OF SOMATIC HUMAN RIGHTS: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF IRELAND AND THE COMMONWEALTH OF AUSTRALIA

© 2023 V. V. Denisenko*, E. N. Trikoz**

MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

**E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru*
***E-mail: alena_trikoz@mail.ru*

Received 21.03.2022

Abstract. The article demonstrates the importance of deliberative institutions and procedures in constitutional politics, on the example of the regulation of somatic and genetic human rights. The article identifies the relationship between the effectiveness of legal regulation and deliberative communication in the context of the "juridification of society". The methodological foundations of deliberative procedures are revealed. In this work, we analyze the reasons for the development of deliberative procedures in the context of biopolitics.

Particular attention is paid to the process of expanding the scope of legal regulation in the information state, and we have shown the historical process of increasing relations regulated by law. The authors illustrate the specifics of the legitimation of somatic human rights in a modern state and explore the current procedures for the legitimation of law. A comparative legal analysis of the deliberation principle in the adoption to public law decisions and the achievement of public consensus is given. The authors also assess the degree of significance of aleatory procedures, examining for this purpose the process of constitutional novelization on the example of amending national constitutions (for example, the Constitutions of the Republic of Ireland and the Commonwealth of Australia). This research also shows the effectiveness of certain aleatory procedures with the participation of randomly selected citizens, among them special attention is paid to the so-called "civil assemblies" and "citizens' jury". Such aleatory institutional forms are assessed as an important condition for the legitimacy and effectiveness of constitutional reforms.

Key words: principle of deliberation, juridification, legitimacy of law, somatic human rights, genomic law, biopolitics, aleatory democracy, civil assemblies, citizens' jury.

For citation: *Denisenko, V.V., Trikoz, E.N. (2023).* Deliberativity and aleatory procedures as a legitimation of somatic human rights: experience of the Republic of Ireland and the Commonwealth of Australia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 100–113.

Делиберативные, или совещательные, процедуры (от англ. *deliberate* – «обсуждать», «обдумывать», «совещаться»)[1] приобретают особое значение среди наиболее востребованных юридических концепций конституционализма и актуальных процедур государственного управления. Делиберативная демократическая теория подчеркивает важность информированного и рефлексивного обсуждения и убеждения в процессе принятии политических решений (*deliberative decision-making*)[2].

В полиэтнических, многосоставных и полиюридичных обществах (в частности, в постколониальных странах, на постсоветском пространстве) делиберативные процедуры, в том числе технологии общественной экспертизы, гражданских конференций, общественных советов (*deliberative councils, consensus conferences, citizens' juries*) и др., могут стать эффективным инструментом повышения качества государственного управления[3], предварительной оценки программ и проектов, выдвигаемых на публично-властном уровне[4].

Современная политическая философия рассматривает делиберативную демократию (или *discursive democracy*)[5] как необходимый элемент политической системы демократических государств. Английский философ Дж. Дьюи, разработавший концепт, предшествующий рассматриваемому термину, пояснял это новое направление демократической теории следующим образом: «Существенная необходимость демократии заключается в улучшении методов и условий дебатов, дискуссий и убеждений. Правило большинства как таковое столь глупо, сколь это приписывают ему с самого начала его критики. Но оно никогда не было *только* правилом большинства... Средства, посредством которых большинство становится большинством, – вещь более важная: предшествующие дебаты, модификация взглядов при встрече с мнениями меньшинства»[6].

Канадский политический философ, представитель «теории гражданства» Уилл Кимлика указывает на то, что «теоретики демократии всё более сосредотачиваются на процессах обсуждения и формирования мнения, предшествующих голосованию» гражданами[7]. Действительно, за последние полстолетия внимание исследователей «делиберативной

[1] Латинская формулировка "*deliberandum est diu quod statuendum est semel*" («чтобы определиться раз навсегда, должно быть время для размышления»), принадлежащая римскому поэту Публию Сиру (I в. до н.э.), была воспринята как принцип римского государственного права и политического управления в Древнем Риме, основанного на регулярных консультациях и идейном взвешивании аргументов *pro et contra* (см.: *Зайцев А.В.* Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики // Научные ведомости. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 147–153).

[2] См.: The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge University Press, 2018.

[3] См.: *Bohman J.* Public Deliberation: Pluralism, Complexity, and Democracy. Cambridge, Massachusetts, 1996.

[4] См.: *Ляхович-Петракова Н.В.* Идеи делиберативной демократии как концептуальная база общественной экспертизы в оценке публичной политики // Вучоныя запіскі Бресцкага універсітэта. Ч. 1. Гуманітарныя і грамадскіе навукі. 2011. № 7. С. 6.

[5] Термин "*deliberative democracy*" был введен американским политологом Джозефом Бессеттом (см.: *Bessette J.* Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government // How Democratic is the Constitution? Washington, 1980; *Бессет Дж.М.* Делиберативная демократия и американская система государственной власти / пер. с англ. М., 2011; см. также: *Cohen J.* Deliberative Democracy and Democratic Legitimacy // The Good Polity / ed. by A. Hamlin, P. Pettit. Oxford, 1989. P. 17–34; Deliberative Democracy / ed. by J. Bohman and W. Rehg. Massachusetts, London, 1997; *Parkinson J.* Legitimacy Problems in Deliberative Democracy // Political Studies. 2003. Vol. 5. P. 180–196).

[6] *Dewey J.* The Public and its Problems. Chicago, 1954. P. 207.

[7] *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение / пер. с англ. М., 2010. С. 371.

демократии» сместилось от того, что происходит в кабине для голосования, к тому, что происходит в ходе публичного обсуждения в гражданском обществе. Австралийский политический теоретик, один из основателей этой новой модели демократии, Джон Драйзек называет произошедшее в демократической теории «*делиберативным поворотом*»[8] и датирует его примерно 1990 г., когда началась дискуссия о делиберации с участием самых громких имен в политической философии (Б. Барбер, Р. Даль, Р. Рорти, Дж. Роулс, Ю. Хабермас и др.)[9].

Использование делиберативных процедур было обосновано в работах крупнейшего философа современности Юргена Хабермаса. Он аргументированно показал необходимость делиберативных процедур в правовой системе с позиции своей теории коммуникативного действия. Данная теория рассматривает общество как сферу, где помимо трудовой деятельности существуют действия, направленные на взаимопонимание, т.е. действия коммуникативные. Хабермас указывает: «Инструментальное действие руководствуется техническими правилами, основанными на эмпирическом знании. <...> Под “взаимодействием”, с другой стороны, я понимаю коммуникативное действие, символическое взаимодействие. Оно руководствуется обязывающими консенсуальными нормами, которые определяют взаимные ожидания относительно поведения и которые должны быть поняты и признаны, по меньшей мере, двумя действующими субъектами... В то время как значимость технических правил и стратегий зависит от значимости эмпирически истинных или аналитически правильных высказываний, значимость социальных норм основана только на интерсубъективности взаимного понимания намерений и обеспечена общим признанием обязательств»[10]. При этом Хабермас поясняет, что своеобразным «шарниром» между жизненным миром и системой инструментальных отношений выступает позитивное право. «Право не должно сводиться лишь к *фактичности*, то есть принудительности, оно должно содержать в себе и значимость, то есть *легитимность*»[11].

Теория Хабермаса посредством категорий инструментального и коммуникативного действия способна сформировать стратегию преодоления негативных последствий, связанных с расширением правового регулирования[12]. Право, которое в условиях юридификации, становится доминирующей социальной системой норм, не должно заменять собой *консенсуальные процедуры*, а напротив, призвано их поддерживать путем закрепления в собственно юридических процедурах. Среди последних приоритетное значение приобретают в условиях кризиса представительной демократии именно *делиберативные процедуры*, позволяющие обеспечить легитимность права на должном уровне.

В отечественной политической науке выделим позицию А.В. Зайцева, который детально раскрыл эпистемологическую и смысловую специфику публично-правовых решений на основе *делиберативных процедур*: «В отличие от современной демократической практики, где голосование является центральным элементом демократического процесса (*электоральная демократия*), теоретики делиберативной демократии утверждают, что подлинная легитимность законодательных актов может возникнуть лишь через их предварительное публичное обсуждение, открытость, терпимость к чужому мнению, готовность скорректировать свою первоначальную позицию в случае появления в процессе дискурса “лучшего аргумента”, нежели чем артикулированные ранее. Нами делиберативная демократия рассматривается как публичный диалог (дискурс) институтов государства и граждан, власти и институтов гражданского общества в процессе выработки наиболее приемлемых и оптимальных путей развития социума в целом»[13].

Полагаем, что распространение делиберативных процедур при принятии публично-правовых решений связано со спецификой современного-государства и общества, а именно его *юридификацией*, которая предполагает интенсивное расширение сферы правового регулирования, что исторически связано с формированием и развитием социальной политики самого государства[14]. В экономически развитых странах закон регулирует большинство общественных отношений, вытеснив собой нормы морали и обычая. Такой интенсивный процесс юридификации общества обусловлен поступательным историческим развитием государственной власти.

В этом контексте Юрген Хабермас выделяет четыре этапа эволюционного расширения сферы

[8] *Floridia A.* The Origins of the Deliberative Turn // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / ed. by A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. P. 34–54.

[9] См.: *Dryzek J.* Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations. Oxford, 2000. P. 2.

[10] *Habermas J.* Technology and Science as “Ideology”. London, 1971. P. 91–93.

[11] *Habermas J.* Between Facts and Norm. Cambridge, 1996. P. 136.

[12] См.: *Chambers S.* Kickstarting the Bootstrapping: Jürgen Habermas, Deliberative Constitutionalisation and the Limits of Proceduralism // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. P. 256–268.

[13] См.: *Зайцев А.В.* Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // Социодинамика. 2013. № 5. С. 29–44.

[14] *Денисенко В.В.* Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.

правового регулирования (*юридификации общества*). По его мнению, начало этого процесса было положено в период абсолютизма и политико-правовой централизации, когда позитивное право монополизировало право государственного принуждения за монархом, ослабив феодальное влияние локальных правовых систем. Затем после буржуазных революций расширение правового регулирования было связано с формированием либерального правового государства, в рамках которого конституционное регулирование закрепило гарантии политических и экономических прав и свобод, защищая их от незаконного вторжения публичной власти. Третий этап был связан с предоставлением гражданам всеобщего избирательного права, что естественно расширило сферу позитивно-правового регулирования. Наконец, последняя четвертая «волна» юридификации общества была связана с формированием социального государства (государства «всеобщего благоденствия»)[15].

В связи с продолжающимся расширением правового регулирования большое значение приобретают процедуры, легитимирующие конституционное законодательство в процессе реформ[16]. В этом контексте одним из важнейших вопросов становится легитимация конституционных реформ по вопросам признания соматических прав личности (от греч. *soma* – тело)[17].

Фундаментальной эпистемологической конвенцией в современной юриспруденции считается выделение ядра правового статуса личности (*the legal status core*), в которое включены с недавних пор принципы соматической (телесной) неприкосновенности и генетической идентичности, уже закреплённые в ряде международных документов и региональных конвенций[18] (в частности, Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека (Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights) 1997 г., Международная декларация о генетических данных человека 2003 г., Конвенция Совета Европы «Права человека и биомедицина» 1997 г.[19] и др.).

Следует пояснить, что соматические права человека заключаются в возможности распоряжения своим телом и менять «свою телесную субстанцию», поэтому они имеют «сугубо личностный характер»[20]. В данную категорию «телесных прав» включаются следующие: право индивида на его органы и ткани, право на собственную смерть (суицид, эвтаназия, отказ от лечения или спасения)[21], репродуктивные права (право на искусственное оплодотворение, на аборт, стерилизацию, контрацепцию), сексуальные права (право на сексуальное образование, выбор партнера, гомосексуальные контакты, право на смену пола, на вступление в брак, гендерные права и права интерсексуалов), право на употребление наркотиков или психотропных средств, право на виртуальное моделирование, право на собственное клонирование и др.[22]

Вокруг этой категории субъективных прав и по поводу их защиты стало формироваться новое правовое регулирование на национальном и международном уровнях, происходила их концептуализация и затем, к сожалению, неизбежная политизация этой сферы. Параллельно активно развивается юридическая, в том числе судебная, практика, выделилось самостоятельное направление под названием «*биоюриспруденция*»[23], а также в процессе становления конституционно-правовая суботрасль – «*юридическая соматология*», охватившая весь комплекс проблем правовой регламентации телесных прав человека[24].

---

[15] *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Beacon Press, 1985. P. 357; *Taylor-Gooby P., Heejung Chung, Benjamin Leruth.* The contribution of deliberative forums to studying welfare state attitudes: A United Kingdom study // Social Policy & Administration. 2018. Vol. 52. P. 914–927.

[16] См.: *Eleftheriadis P.* Constitutional Change through Deliberation // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge University Press, 2018. P. 191–202.

[17] См.: *Крусс В.И.* Личностные («соматические») права человека в конституции и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–51.

[18] См.: *Абашидзе А.А., Солнцев А.М.* Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал междунар. права. 2009. № 1. С. 69–82.

[19] См.: Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (г. Овьедо, 4 апреля 1997 г.) (см.: *Ismini Kriari-Catranis.* The Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with Regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine // Eubios Journal of Asian and International Bioethics. 2002. Vol. 12. P. 90–93).

[20] *Назарова Н.А.* Эволюция концепции общественного договора как принципа взаимодействия государства и общества в XXI веке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 184.

[21] См.: *Малиновский А.А.* Имеет ли человек право на смерть? // Росс. юстиция. 2002. № 8. С. 54, 55.

[22] См.: *Крусс В.И.* Указ. соч. С. 43–50; *Лаврик М.А.* К теории соматических прав человека // Сибирский юрид. вестник. 2005. № 3. С. 16–26.

[23] *Сальников В.П., Стеценко С.Г.* Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юрид. наука: история и современность. 2013. № 10. С. 190–197; *Трикоз Е.Н.* Коммуникативная функция формирующейся отрасли биоправа // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Воронеж, 2020. С. 106–110; и др.

[24] См.: *Сальников В.П., Стеценко С.Г.* Правовая соматология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. 2014. № 10. С. 141–148.

В таких условиях расширения перечня прав и свобод человека особую актуальность приобретает легитимация соматических прав. Ведь классическая теория естественного права исходила из неизменности перечня прав и свобод, а между тем за последние 50 лет количество прав и свобод значительно расширилось. Из гуманитарных правовых принципов и безусловных прав (таких как право на жизнь, на защиту от жестоких наказаний и др.) выделился в автономную категорию блок прав на «телесную целостность» (*bodily integrity*)[25].

Одним из первых государств, которое довольно рано признало и позитивировало концепцию «телесной целостности», была Ирландия. Данная концепция была зафиксирована в конституционном законодательстве и в судебной практике этой страны. Так, ирландские суды официально признали право на "*bodily integrity*" как одно из «неперечисленных прав» (т.е. естественно-природных и некодифицированных). В связи с этим они объявили это право защищенным на основе общей гарантии «личных прав», закреплённой в ст. 40 (*Bunreacht na hÉireann*) Конституции Ирландии 1937 г.[26] Напомним, что эта статья устанавливает право каждого человека не допустить вмешательства в собственное тело или тело любого другого человека; при этом государство не вправе навредить телесному здоровью или отнять жизнь. Если человек находится под стражей, он имеет право не быть подверженным опасности причинения вреда его здоровью в тюрьме. Эти конституционные положения нашли подтверждение в судебном решении по делу Райана, в котором судья Дж. Кенни заявил, что «общая гарантия личных прав в части 3 (1) ст. 40 Конституции распространяется и на те права, которые прямо *не указаны* в ст. 40. Одним из таких прав, защищаемых общей гарантией личных прав гражданина, является право на телесную неприкосновенность (*bodily integrity*)» (*Ryan v. Attorney General*, 1965, 1 IR294 at 295). Недавно Верховный суд Ирландии в иммиграционном деле по иску *M*. подтвердил право на «телесную целостность» даже у нерожденных детей и заявил, что «единственное право нерожденного ребенка в действующей Конституции, которое дает ему право на охрану и исковую защиту, закреплено новеллами к статье 40 (ч. 3 (3)), а именно это право человека на рождение и связанные смежные права (хотя это вопрос будущего судебного подтверждения), в числе которых право на телесную неприкосновенность, которое также неотъемлемо и неотделимо от права на жизнь»[27].

В отличие от соматических прав другая новая категория, подтверждающая процесс юридификации общества и требующая принятия решений на основе общественных консультаций, – это т.н. генетические права человека. Они включают в себя право на геномную неприкосновенность, конфиденциальность в отношении манипуляций с персональным геномом, право на безопасность своей геномной информации, право на недискриминацию по генетическим признакам, право не знать свои генеалогические данные о происхождении, предках, расово-этнической принадлежности и др., право на отказ от генетического тестирования и геномной регистрации (геномных или биопаспортов) и др.[28] Условно эти права можно отнести к разряду нового поколения естественных (безусловных) прав человека, хотя вопрос этот остается дискуссионным ввиду инновационной природы этих прав[29].

Выделение группы соматических и генетических прав как нового поколения прав человека, основанного на совершении манипуляций с телесной субстанцией человека, обусловлено кардинальными изменениями в публичной политике, сменой мировоззренческих установок, последствиями биопромышленной революции, развитием трансплантологии и генной инженерии, активизацией биополитики в целом[30]. Результатом расширения концепции прав личности стали международные усилия по юридическому признанию соматических и генетических прав и внутригосударственные конституционные реформы по этому вопросу.

Однако конституционная политика в отношении соматических прав в целом представляет собой большую ответственность, так как реформы по легализации таких прав неизбежно приводят к общественным дискуссиям и социальным конфликтам. Так, вопросы прерывания беременности,

---

[25] См.: *Miller R.A.* The Limits of Bodily Integrity: Abortion, Adultery, and Rape Legislation in Comparative Perspective. Aldershot, Hants, 2007.

[26] Текст конституции Ирландии доступен по ссылке: http://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html

[27] M (Immigration – Rights of Unborn) v. Minister for Justice and Equality & ors. Judgement by the Irish Supreme Court. 7 March 2018.

[28] См.: *Монтгомери Дж.* Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Спец. вып. «Право человека и биомедицина». 2018.

[29] См.: *Трикоз Е.Н.* Защита прав человека в контексте развития биоэтики и геномики (обзор международного круглого стола) // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1. С. 141–54; *Трикоз Е.Н., Гуляева Е.Е.* Позиции ЕСПЧ по некоторым вопросам биоэтики и генетических данных // Advances in Law Studies. Scientific and Theoretic Journal. 2018. Т. 6. № 4. С. 36–40.

[30] См.: *Denisenko V., Trikoz E.* Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 175. № 14013. P. 1–7. DOI: https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017514013

однополых браков, эвтаназии, ДНК-тестов, генной инженерии и их правовое регулирование связаны с политическими негативными заявлениями, религиозными и этическими запретами во многих странах, которые оказывают влияние на правовую культуру как рядового избирателя, так и наделенных властью лиц.

В связи с изменениями в правовом статусе соматических и генетических прав человека происходит переосмысление правовой доктрины и сущности права. Ведь традиционно в европейской доктрине легитимация закона обосновывалась через два основных типа правопонимания – юснатурализм и юридический позитивизм. Принцип делиберативности также способствует легитимации конституционных реформ посредством широких общественных дискуссий, обмена мнениями и суждениями, принятия обдуманного публично-правового решения.

Принцип делиберативности в конституционном правотворчестве и новеллизации заключается в ряде специфичных юридических процедур – это прежде всего референдум на федеральном и местном уровне, плебисцит, публичные обсуждения и дебаты и др. В контексте недавнего совещательного демократического дизайна «второй волны» выделится три развивающиеся области процесса "*deliberative lawmaking*" – это административное нормопроизводство (*administrative rule-making*), районные комиссии (*districting commissions*) и совещательные плебисциты (*deliberative plebiscites*)[31].

Наиболее эффективно позволяют легитимировать конституционные реформы по острым вопросам т.н. *алеаторные процедуры*, выступающие одной из форм делиберативной демократии и элементом дискурсивно-коммуникативного процесса в целом. Этимология термина "*aleatoric*" (англ. «случайный») предполагает демократические процедуры с участием граждан, *случайно* выбранных из представителей общественности. Впервые это понятие ввел в научный оборот австралийский философ Джон Бернхейм, выдвинувший идею организации политической системы не на основе выборов, а с помощью жеребьевки[32]. Демократический режим, который использует прямое волеизъявление народа через случайно отобранных граждан, принято называть «*демархией*»[33].

Как поясняет В.Н. Руденко, политическая система «даже в странах с высокой степенью демократических свобод основана на исходных теоретических посылках, по которым демократическое правление осуществляется "представителями", получившими большинство голосов на всеобщих выборах, фактически означает отстранение подавляющего большинства граждан от процесса принятия публично-властных решений по важнейшим вопросам жизни общества»[34]. И хотя устройство публичной власти во многих демократических странах предусматривает наличие институтов непосредственной демократии (референдума, гражданской законодательной инициативы, отзыва выборных должностных лиц и проч.), на «практике данные институты реализуются настолько редко, что они не способны изменить устоявшийся фактически элитарный стиль правления, именуемый демократией»[35].

Алеаторные процедуры в самых различных формах (ассамблеи граждан, ячейки планирования, жюри граждан) активно применяются и имеют ряд преимуществ перед репрезентативной моделью демократии, помогая избегать или понижать риск искажения воли населения и в то же время легитимировать законодательные инициативы или решения государственных властей[36]. К алеаторным процедурам рекомендуется прибегать для решения вопросов, которые традиционно и живо волнуют местное население или этническое комьюнити (строительство культовых сооружений, вопросы экологии, градостроительства, землеотводов, ГМО в местной агрокультуре и др.)[37].

Так, алеаторная процедура в форме «гражданского жюри» (*Citizens' Jury*)[38] используется в не-

[31] См.: *Ponet D., Leib E.J.* Deliberative Law // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / ed. by A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, and M. Warren. Oxford University Press, USA, 2007.

[32] *Burnheim J.* Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London, 1985.

[33] *Рейбрук Д. ван* Против выборов. М., 2018.

[34] *Руденко В.Н.* Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 97, 98.

[35] Там же. С. 98.

[36] См.: *Денисенко В.В.* Алеаторная демократия и проблема симулякров в правовой системе // Юридические формы переживания истории: практики и пределы / под ред. С.В. Бочкарева. СПб., 2020. С. 301–310.

[37] См.: *Dryzek J.S., Bächtiger A., Milewicz K.* Toward a Deliberative Global Citizens' Assembly // Global Policy. 2011. Vol. 2 (1). P. 33–42.

[38] Это наименование впервые в США ввели в оборот и запатентовали члены организации «Джефферсон Центр» в 1970-е годы; аналогом в Европе являются «конференции консенсуса» (*Consensus Conferences*), в России – «гражданские слушания» (под руководством общественной организации «Центр экспертиз ЭКОМ») (см.: *Crosby N., Hottinger J.C.* The Citizens Jury Process. The Book of the States. 2011. P. 321–325; *Корноушкин А.Б.* Гражданские жюри как форма совещательной демократии: сущность и необходимость институализации // Государство и право: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). Челябинск, 2011. С. 112–127).

скольких штатах Австралии[39]. Эта специальная процедура представляется собой работу в мини-группах на уровне локального правительства для принятия решений органов местного самоуправления и госорганов штатов[40]. Принцип работы этой алеаторной формы делиберации выстроен аналогично модели принятия решения судебным жюри присяжных[41].

В состав *Citizens' Jury* отбираются 12–14 человек случайным образом (*random selection* – рассылка приглашений по базе данных) из типичных представителей разных слоёв местного населения. В Австралии обычной практикой на этой стадии является обращение государственного органа-заказчика к специализированной некоммерческой организации / структуре для привлечения в качестве модератора делиберативного процесса, дизайн и планирование которого может занимать несколько месяцев (селективный отбор присяжных, круг ведения, справочные материалы, наблюдатели, авторитет рекомендаций жюри, смета и мониторинг)[42].

Затем выбранным «присяжным» предоставляется возможность в течение нескольких дней (обычно два–четыре дня) проводить дебаты и слушания по какому-либо сложному и важному вопросу местной политики, чтобы таким образом повлиять на принятие обоснованного решения государственными властями[43]. На совместных слушаниях члены жюри опрашивают вызванных «свидетелей» – независимых экспертов и контент-консультантов, которые квалифицированно разбираются в проблеме. Жюри также может разбиваться на малые группы для закрытого обсуждения полученной информации, и каждый выдвигает свои доводы и убеждает остальных в своей позиции. На обсуждениях могут присутствовать наблюдатели при условии, что они придерживаются кодекса поведения[44]. В конце процедуры проводится финальный день слушаний, по итогам которого «жюри граждан» совместно с модератором готовит отчет о своем решении проблемы и рекомендации местному правительству. К отчету может быть приложен обособленный «отчет меньшинства» жюри[45].

Одним из наиболее эффективных примеров алеаторных процедур в рамках «делиберативного конституционализма» считается использование «*ассамблеи граждан*»[46]. Такой опыт был недавно предпринят в Ирландии, когда собрали "*Citizens' Assembly*" (ирл. *An Tionól Saoránach*) в 2018 г. по поводу VIII поправки к Конституции (*Eight Amendment of the Constitution of Ireland*) о запрете абортов (кроме онкозаболеваний матери и внематочной беременности)[47], которая действовала после положительного голосования на референдуме в 1983 г. в качестве нового пункта к ст. 40 Конституции Республики Ирландия. Данная поправка, по сути, закрепила право на жизнь эмбриона: «Государство признаёт право на жизнь нерождённого человека и с учётом равного права матери на жизнь гарантирует в своих законах уважение этого права и, насколько это возможно, принимает законы, защищающие и отстаивающие это право».

Принятие противоположного решения, направленного на легализацию абортов, было безусловно связано с новыми биоэтическими концепциями и пересмотром религиозных ценностей в ирландском обществе, где всегда была сильна консервативная позиция католической церкви. Поэтому

---

[39] См.: *Wakeford T., Singh J., Murtuja B. et al.* The jury is out: How far can participatory projects go towards reclaiming democracy? // The SAGE Handbook of Action Research / ed. by P. Reason & H. Bradbury. Sage Publications, 2008.

[40] См.: *Uhr J.* Deliberative Democracy in Australia: The Changing Place of Parliament. Cambridge, 1999; *Uhr J.* Parliament and Public Deliberation: Evaluating the Performance of Parliament // The University of New South Wales Law Journal. 2003. Vol. 24 (3). P. 708–723.

[41] *Gastil J., Hale D.* The Jury System as a Cornerstone of Deliberative Democracy // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. P. 233–245.

[42] В частности, одной из таких профессиональных акторов является австралийская организация "new Democracy Foundation". Сайт: www.newdemocracy.com.au

[43] См.: *Carson L.* Consult your community: a guide to using citizens' juries. 2003. URL: www.activedemocracy.net/articles/cj_handbook.pdf

[44] См.: *Hartz-Karp J.* Laying the groundwork for participatory budgeting – developing a deliberative community and collaborative governance: Greater Geraldton, Western Australia // Journal of Public Deliberation. 2012. Vol. 8 (2). Art. 6. URL: http://www.publicdeliberation.net/jpd/vol8/iss2/art6/

[45] Citizen Juries – An overview. Victorian Local Government Association. URL: https://www.vlga.org.au/sites/default/files/v4-Citizen-Juries-an-overview.pdf

[46] *Pal M.* The Promise and Limits of Citizens' Assemblies: Deliberation, Institutions and the Law of Democracy // Queen's University at Kingston. 2012. Vol. 38. P. 259–294; *Ghosh E.* Deliberative Constitutionalism: An Empirical Dimension // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. P. 220–232.

[47] Напомним, что уголовно-правовой запрет на аборты был установлен в Ирландии еще в бытность ее составной частью Соединенного королевства, в соответствии со ст. 58 Статута о преступлениях против личности (*Offences against the Person Act*) 1861 г. (24 & 25 Vict. c. 100). Лишь спустя полтора столетия новый Закон «О защите жизни во время беременности» 2013 г. заменил преступление в виде «незаконного производства аборта», которое по прежней ст. 58 влекло наказание вплоть пожизненного заключения, на новый состав в виде «уничтожения нерожденной человеческой жизни», наказуемое тюремным заключением до 14 лет (см.: Protection of Life During Pregnancy Act 2013, § 22. Irish Statute Book. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2013/act/35/section/22/enacted/en/html#sec22).

традиционные демократические процедуры (в частности, проведенный пять раз общенациональный референдум и внесение новых законопроектов) не могли автоматически привести к снижению социальной напряженности и конфликтности по поводу абортов при смертельной патологии плода, в случае изнасилования, инцеста, попытке суицида и проч. Не возымел такого результата и обязывающий прецедент Европейского Суда по правам человека, а именно его постановление от 16 декабря 2005 г. по делу *A, B & C v. Ireland*[48], в котором суд постановил, что «ирландское законодательство наносит удар по справедливому балансу между правами женщин на уважение их личной жизни и правами нерождённого ребёнка»[49].

Для более эффективного обсуждения позиций сторон и принятия сбалансированного решения в части новой конституционной формулировки в Ирландии прибегли к отдельным алеаторным процедурам. В Ирландии началась публичная кампания в поддержку соматического права женщин на аборт, а ее сторонники прибегли даже к своеобразной твиттер-кампании: в 2012 г. в этой социальной сети начал использоваться хэштег *#RepealThe8th* (*Revocad the 8th*), призывающий к обсуждению исключения ст. 40.3.3 (VIII поправки) из Конституции. Профессиональное сообщество врачей Ирландии и по всему миру также присоединилось к публичному обсуждению[50].

Наконец, в июле 2016 г. совместной резолюцией обеих палат парламента Ирландии была создана ассамблея ирландских граждан – "*Citizens' Assembly*" как алеаторная процедура, в рамках деятельности которой предстояло в 12-месячный срок рассмотреть, обсудить и составить отчеты для парламента по следующим остросоциальным темам: 1) VIII поправка к Конституции; 2) как мы лучше всего реагируем на проблемы и возможности стареющего населения; 3) парламенты с фиксированным сроком полномочий; 4) порядок проведения референдумов; 5) как государство может сделать Ирландию лидером в борьбе с изменением климата; и другие будущие вопросы.

Во главе ассамблеи граждан правительство назначило судью Верховного суда Ирландии Мэри Лаффой, которая в качестве президента этого совещания должна была обеспечивать условия для широкого обсуждения. В состав этой гражданской ассамблеи были приглашены 99 граждан, выбранных случайным образом на основании их принадлежности к ирландскому электорату с учетом их пола, возраста и регионального распределения, но за исключением профессиональных политиков. По данным избирательных списков уполномоченная комиссия провела по жребию отбор членов-граждан, которых затем опросили об их желании участвовать в ассамблее: и далее снова по жребию провели окончательный отбор участников этого собрания[51]. После ознакомления участников ассамблеи с проблемой они проводили по месту своего жительства публичные слушания и доводили затем мнение жителей местных сообществ до сведения всех участников ассамблеи. «На заключительном этапе граждане обсуждают проблему вместе и готовят итоговый доклад. Решения принимаются гражданами путем голосования. Итоговый доклад адресуется парламенту, правительству, организаторам референдума»[52].

Заседания гражданской ассамблеи поводились с октября 2016 г. по июнь 2017 г. в гранд-отеле в Малахайд, который выиграл тендер на проведение этих рабочих встреч, и транслировались в прямом эфире. Всего состоялось пять сессий в формате круглых столов с дебатами, презентациями и экспертными заключениями: было заслушано 25 экспертов и получено 12 000 сообщений от представителей общественности и заинтересованных групп. В апреле 2017 г. исследовательская группа "*Amárach Research*" провела опрос среди 1000 взрослых граждан по вопросу: «Согласны ли вы с Гражданской ассамблеей по поводу того, что аборты должны быть разрешены без каких-либо оснований?»; на что половина респондентов ответили положительно, а еще 17% воздержались от комментариев[53]. После пленарных заседаний ассамблея все же рекомендовала отмену VIII поправки к Конституции (87% членов согласились), о чем был составлен подробный итоговый доклад и передан в парламент Ирландии[54]. На основе рассмотрения итогового доклада "*Citizens' Assembly*" было принято законодательное решение исключить положение о запрете абортов из Конституции Республики Ирландия, но при условии, что это предложение будет поддержано гражданами на референдуме. В связи с положительным общенародным

[48] Текст решения на русском языке доступен: http://www.echr.ru/documents/doc/2471244/2471244-003.htm

[49] ECHR rules against Ireland in abortion case // Irish Examiner. 2010. December 16.

[50] См.: *McDonald H.* Doctors from 44 countries call on Ireland to relax abortion laws // The Guardian. 2015. November 20.

[51] См.: Government appoints Chairperson to Citizens' Assembly // MerrionStreet.ie. 2016. July 27.

[52] *Руденко В.Н.* Указ. соч. С. 98.

[53] См.: *Rónán Duffy.* Poll backs Citizens' Assembly on abortion but rejects minister's maternity hospital promises // TheJournal.ie. 2017. April 25.

[54] См.: The Citizens' Assambly. First Report and Recommendations of the Citizens' Assembly. The Eight amendment of the Constitution. June 27, 2017. URL: https://www.citizensassembly.ie/en/The-Eight-Amendment-of-the-Constitution/Final-Reporton-the-Eight-Amendment-of-the-Constitution/Final-Report-incl-Appendix-A-D.pdf

голосованием 25 мая 2018 г. по легализации абортов (66.4%, или две трети ирландцев высказались «за» отмену поправки) правительство внесло изменения в законодательство, разрешив проводить аборт в течение первых 12 недель беременности и в исключительных случаях до 24 недель беременности. Таким образом, снятие конституционного запрета абортов в одной из самых религиозных стран Европы концептуально вернуло ирландским женщинам соматическую (репродуктивную) автономию и право разумного выбора по поводу того, как распоряжаться своим телом.

Деятельность ирландской "*Citizens' Assembly*" продолжается, в 2019 г. резолюцией парламента была определена новая повестка референдумных вопросов для обсуждения на ассамблее[55]. Так, на своем заключительном заседании 17–18 апреля 2021 г. ассамблея согласовала 45 приоритетных рекомендаций парламенту, охватывающих широкий спектр вопросов по выданному ей мандату. Нынешний председатель ассамблеи Катерина Дэй, экс-генеральный секретарь Европейской Комиссии, отметила в своем выступлении: «Сегодня я рада представить парламенту отчет Гражданской ассамблеи по обеспечению гендерного равенства в Ирландии, а также по вопросам домашнего, сексуального и гендерного насилия. Отчет является результатом более чем годовой кропотливой работы, информированного и осознанного рассмотрения всеми членами.., в том числе в онлайн-формате по причине Covid-19»[56].

Аналогично опыту Ирландии, где регулярные заседания "*Citizens' Assembly*" превратили ее, по сути, в квази-парламент, в Австралии также прибегают к алеаторным «ассамблеям граждан». Так, по запросу Палаты представителей парламента Австралии о проведении конституционной реформы и референдумов одна из специализированных исследовательских организаций "*new Democracy*", расположенных в г. Сиднее, подготовила свои рекомендации, направленные на обеспечение доверия граждан к принятию конституционных решений.

«В нашем заявлении основное внимание уделяется второму пункту Технического задания Палаты – предложения по механизмам пересмотра Конституции Австралии и консультациям с общественностью по любым предлагаемым поправкам до их вынесения на референдум. Мы рекомендуем Австралии учредить "Конвенцию о Конституции", подобную той, что проводилась в Ирландии в период с 2012 по 2014 гг. "Конституционная конвенция Ирландии" (*the Irish Constitutional Convention*) состояла из 99 членов, 66 из которых были обычными ирландскими гражданами, выбранными посредством демократического жребия, а 33 остальных – членами парламента. С 2012 по 2014 гг. съезд Конвенции заседал более 18 месяцев, обсудив 10 важных вопросов процедуры и повестки. В итоге ряд его рекомендаций привели к поправкам в Конституцию Ирландии, внесенным по результатам национальных референдумов. Таким образом, Ирландский парламент смог продвинуть важные конституционные реформы в спорных областях, используя этот новый подход, из которого Австралия должна извлечь ясные уроки для себя...»[57].

Напомним, что ирландская «Конституционная конвенция» обсуждала вопрос об однополых браках, легализация которых потребовала бы внесения поправок в Конституцию путем референдума. В результате члены Конвенции утвердили отчет о необходимости такой поправки, затем последовал общенациональный плебисцит с положительным исходом, последствием чего стал принятый 22 мая 2015 г. новый «Закон о 34-й поправке к Конституции (равенство в браке)»[58]. Это сделало традиционно социально-консервативную Ирландию первым государством в мире, которое на конституционном уровне узаконила однополый брак посредством делиберативного процесса и референдума. На волне успеха в 2016 г. обе палаты ирландского парламента учредили «гражданскую ассамблею», о которой мы уже писали выше.

Австралия была пионером и мировым лидером в развитии практики делиберативной (совещательной) демократии. В исследовании Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) 2020 г. было задокументировано более 48 примеров практики делиберативного взаимодействия в Австралии, сопоставимых только с опытом Германии[59]. Это предполагает наличие у страны широких возможностей институционализировать эти процессы. Так, правительство штата Виктория недавно включило практику обязательного делиберативного взаимодействия в формат работы местных советов

[55] См.: *Hennessy M.* "We're falling very far short": Citizens' Assembly on gender equality to start work in autumn // TheJournal.ie. 2019. 12 June.

[56] The final report and recommendations of the Citizens' Assembly on Gender Equality has been laid before the Houses of the Oireachtas. URL: https://www.citizensassembly.ie/en/about-the-citizens-assembly/meetings/

[57] *Walker I.* Executive Director of "new Democracy". Submission to the House. Inquiry into constitutional reform and referendums. URL: https://www.newdemocracy.com.au/wp-content/uploads/2021/08/newDemocracy-submission-%E2%80%93-Inquiry-into-constitutional-reform-and-referendums.pdf

[58] См.: Thirty-fourth Amendment of the Constitution (Marriage Equality) Act 2015. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2015/ca/34/section/2/enacted/en/index.html

[59] См.: OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave. OECD Publishing, Paris, 2020. Текст доступен по ссылке: https://doi.org/10.1787/339306da-en

(в соответствии со ст. 55 (g) Закона о местном самоуправлении 2020 г.). В штате Западная Австралия правительственная комиссия по пересмотру «Закона о местном самоуправлении» рекомендовала в своем заключительном отчете использовать «мандат на делиберативное участие местного комьюнити в подготовке как стратегий сообщества, так и планов местного совета» (ст. 37 (d) (iv))[60].

Исследовательский отчет организации OECD содержит семь принципов эффективного процесса делиберации в ходе "*group decision-making*". В их числе следующие принципы и рекомендательные установки: 1) "*clear remit*" (четкий круг вопросов повестки и мандат работы); 2) "*diverse information*" (транспарентная, комплексная и релевантная информация для делиберации); 3) "*democratic lottery*' (стратифицированный рандомный отбор кандидатов в члены ассамблеи); 4) "*adequate time*" (не менее 12 месяцев, так как чем больше времени, тем тщательнее рассматривается вопрос); 5) "*influence*" (реальное воздействие делиберативных отчетов на практику госорганов); 6) "*dialogue and deliberation, not debate*" (поиск компромисса, точек соприкосновения и согласования позиций, избегая простого большинства); 7) "*free response*" (простой набор рекомендаций с аргументами и доказательствами)[61].

Далее в своих рекомендациях парламенту Австралии организация "new Democracy" подчеркнула следующее: «Делиберативные процессы, такой как "конституционная конвенция", укрепляют доверие общества к принятию решений, существенно и зримо вовлекая обычных людей в процессы, которые позволяют находить сложные компромиссы по пути преодоления поляризации и дезинформации в обществе. Недоверие широкой общественности к политикам – хорошо известное явление. Оно понижает вероятность того, что двухпартийной поддержки будет достаточно для успешного референдума. По этой причине мы рекомендуем Постоянному комитету Палаты представителей по социальной политике и правовым вопросам изучить новые подходы, которые конкретно направлены на устранение слабых сторон традиционных моделей подготовки референдума, добиваясь при этом "совместного управления" плебисцитным процессом, избегая монопольного влияния политиков, депутатов и скептически настроенных граждан»[62].

* * *

Таким образом, опыт применения алеаторных процедур показывает, что эта форма делиберативной демократии может быть вполне успешной моделью для конституционных реформ в целом ряде государств[63], так как процесс обсуждения гражданами сложных вопросов позволяет прийти к консенсусу с органами власти, сделать управление инклюзивным и легитимным, эффективно преодолевать проблемы, которые не может решить исполнительная власть в течение длительного времени. Важным составляющим элементом делиберативной демократии остается расширяющийся авторитет гражданского общества и его институтов, оказывающих реальное воздействие на представительную и исполнительную власть при помощи процедур обсуждения, слушаний, дебатов и общественной экспертизы, но при условии, что такая дискуссия является «информированной, сбалансированной, сознательной, независимой и всесторонней»[64]. В этом контексте важно, чтобы делиберативные процессы проходили с использованием демократических лотерей и стратифицированной выборки граждан пропорционально их присутствию в обществе, делая алеаторные группы заметно более репрезентативными с точки зрения возраста, пола, образования, профессии, гендера, инвалидности, местожительства и проч.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашидзе А.А., Солнцев А.М.* Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал междунар. права. 2009. № 1. С. 69–82.
2. *Бессет Дж. М.* Делиберативная демократия и американская система государственной власти / пер. с англ. М., 2011.
3. *Денисенко В.В.* Алеаторная демократия и проблема симулякров в правовой системе // Юридические формы переживания истории: практики и пределы / под ред. С.В. Бочкарева. СПб., 2020. С. 301–310.
4. *Денисенко В.В.* Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.
5. *Зайцев А.В.* Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики // Научные ведомости. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 147–153.
6. *Зайцев А.В.* Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // Социодинамика. 2013. № 5. С. 29–44.

[60] См.: Local Government Review Panel final report. Recommendations for a new Local Government Act for Western Australia. Last updated 17 March 2021. URL: https://www.dlgsc.wa.gov.au/department/publications/publication/local-government-review-panel-final-report

[61] См.: OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave.

[62] *Walker I.* Op. cit.

[63] См.: *Humphreys J.* Why Ireland's citizens' assembly is a model for Europe // The Irish Times. 2016. November 27.

[64] *Fishkin J., Luskin R.* Experimenting with a Democratic Ideal: Deliberative Polling and Public Opinion // Acta Politica. Stanford, 2005. P. 285.

7. *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение / пер. с англ. М., 2010. С. 371.

8. *Корноушкин А.Б.* Гражданские жюри как форма совещательной демократии: сущность и необходимость институализации // Государство и право: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). Челябинск, 2011. С. 112–127.

9. *Крусс В.И.* Личностные («соматические») права человека в конституции и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–51.

10. *Лаврик М.А.* К теории соматических прав человека // Сибирский юрид. вестник. 2005. № 3. С. 16–26.

11. *Ляхович-Петракова Н.В.* Идеи делиберативной демократии как концептуальная база общественной экспертизы в оценке публичной политики // Вучоныя запіскі Брэсцкага універсітэта. Ч. 1. Гуманітарныя і грамадскіе навукі. 2011. № 7. С. 6.

12. *Малиновский А.А.* Имеет ли человек право на смерть? // Росс. юстиция. 2002. № 8. С. 54, 55.

13. *Монтгомери Дж.* Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Спец. вып. «Право человека и биомедицина». 2018.

14. *Назарова Н.А.* Эволюция концепции общественного договора как принципа взаимодействия государства и общества в XXI веке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 184.

15. *Рейбрук Д. ван* Против выборов. М., 2018.

16. *Руденко В.Н.* Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 97, 98.

17. *Сальников В.П., Стеценко С.Г.* Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юрид. наука: история и современность. 2013. № 10. С. 190–197.

18. *Сальников В.П., Стеценко С.Г.* Правовая соматология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. 2014. № 10. С. 141–148.

19. *Трикоз Е.Н.* Защита прав человека в контексте развития биоэтики и геномики (обзор международного круглого стола) // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1. С. 141–54.

20. *Трикоз Е.Н.* Коммуникативная функция формирующейся отрасли биоправа // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Воронеж, 2020. С. 106–110.

21. *Трикоз Е.Н., Гуляева Е.Е.* Позиции ЕСПЧ по некоторым вопросам биоэтики и генетических данных // Advances in Law Studies. Scientific and Theoretic Journal. 2018. Т. 6. № 4. С. 36–40.

22. *Bessette J.* Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government // How Democratic is the Constitution? Washington, 1980.

23. *Bohman J.* Public Deliberation: Pluralism, Complexity, and Democracy. Cambridge, Massachusetts, 1996.

24. *Burnheim J.* Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London, 1985.

25. *Carson L.* Consult your community: a guide to using citizens' juries. 2003. URL: www.activedemocracy.net/articles/cj_handbook.pdf

26. *Chambers S.* Kickstarting the Bootstrapping: Jürgen Habermas, Deliberative Constitutionalisation and the Limits of Proceduralism // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. P. 256–268.

27. *Cohen J.* Deliberative Democracy and Democratic Legitimacy // The Good Polity / ed. by A. Hamlin, P. Pettit. Oxford, 1989. P. 17–34.

28. *Crosby N., Hottinger J.C.* The Citizens Jury Process. The Book of the States. 2011. P. 321–325.

29. Deliberative Democracy / ed. by J. Bohman and W. Rehg. Massachusetts, London, 1997.

30. *Denisenko V., Trikoz E.* Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 175. № 14013. P. 1–7. DOI: https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017514013

31. *Dewey J.* The Public and its Problems. Chicago, 1954. P. 207.

32. *Dryzek J.* Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations. Oxford, 2000. P. 2.

33. *Dryzek J.S., Bächtiger A., Milewicz K.* Toward a Deliberative Global Citizens' Assembly // Global Policy. 2011. Vol. 2 (1). P. 33–42.

34. *Eleftheriadis P.* Constitutional Change through Deliberation // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge University Press, 2018. P. 191–202.

35. *Fishkin J., Luskin R.* Experimenting with a Democratic Ideal: Deliberative Polling and Public Opinion // Acta Politica. Stanford, 2005. P. 285.

36. *Floridia A.* The Origins of the Deliberative Turn // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / ed. by A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. P. 34–54.

37. *Gastil J., Hale D.* The Jury System as a Cornerstone of Deliberative Democracy // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. P. 233–245.

38. *Ghosh E.* Deliberative Constitutionalism: An Empirical Dimension // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. P. 220–232.

39. *Habermas J.* Between Facts and Norm. Cambridge, 1996. P. 136.

40. *Habermas J.* Technology and Science as "Ideology". London, 1971. P. 91–93.

41. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Beacon Press, 1985. P. 357.

42. *Hartz-Karp J.* Laying the groundwork for participatory budgeting – developing a deliberative community and collaborative governance: Greater Geraldton, Western Australia // Journal of Public Deliberation. 2012. Vol. 8 (2).

Art. 6. URL: http://www.publicdeliberation.net/jpd/vol8/iss2/art6/

43. *Hennessy M.* "We're falling very far short": Citizens' Assembly on gender equality to start work in autumn // TheJournal.ie. 2019. 12 June.
44. *Humphreys J.* Why Ireland's citizens' assembly is a model for Europe // The Irish Times. 2016. November 27.
45. *Ismini Kriari-Catranis.* The Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with Regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine // Eubios Journal of Asian and International Bioethics. 2002. Vol. 12. P. 90–93.
46. *McDonald H.* Doctors from 44 countries call on Ireland to relax abortion laws // The Guardian. 2015. November 20.
47. *Miller R.A.* The Limits of Bodily Integrity: Abortion, Adultery, and Rape Legislation in Comparative Perspective. Aldershot, Hants, 2007.
48. *Pal M.* The Promise and Limits of Citizens' Assemblies: Deliberation, Institutions and the Law of Democracy // Queen's University at Kingston. 2012. Vol. 38. P. 259–294.
49. *Parkinson J.* Legitimacy Problems in Deliberative Democracy // Political Studies. 2003. Vol. 5. P. 180–196.
50. *Ponet D., Leib E.J.* Deliberative Law // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / ed. by A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, and M. Warren. Oxford University Press, USA, 2007.
51. *Rónán Duffy.* Poll backs Citizens' Assembly on abortion but rejects minister's maternity hospital promises // TheJournal.ie. 2017. April 25.
52. *Taylor-Gooby P., Heejung Chung, Benjamin Leruth.* The contribution of deliberative forums to studying welfare state attitudes: A United Kingdom study // Social Policy & Administration. 2018. Vol. 52. P. 914–927.
53. The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge University Press, 2018.
54. *Uhr J.* Deliberative Democracy in Australia: The Changing Place of Parliament. Cambridge, 1999.
55. *Uhr J.* Parliament and Public Deliberation: Evaluating the Performance of Parliament // The University of New South Wales Law Journal. 2003. Vol. 24 (3). P. 708–723.
56. *Wakeford T., Singh J., Murtuja B. et al.* The jury is out: How far can participatory projects go towards reclaiming democracy? // The SAGE Handbook of Action Research / ed. by P. Reason & H. Bradbury. Sage Publications, 2008.
57. *Walker I.* Executive Director of "new Democracy". Submission to the House. Inquiry into constitutional reform and referendums. URL: https://www.newdemocracy.com.au/wp-content/uploads/2021/08/newDemocracy-submission-%E2%80%93-Inquiry-into-constitutional-reform-and-referendums.pdf

REFERENCES

1. *Abashidze A.A., Solntsev A.M.* A new generation of human rights: somatic rights // Moscow journal of International Law. 2009. No. 1. P. 69–82 (in Russ.).
2. *Besset J.M.* Deliberative democracy and the American system of state power / transl. from English. M., 2011 (in Russ.).
3. *Denisenko V.V.* Aleatory democracy and the problem of simulacra in the legal system // Legal forms of experiencing history: practices and limits / ed. by S.V. Bochkareva. SPb., 2020. P. 301–310 (in Russ.).
4. *Denisenko V.V.* Yuridification of society and concepts of legal regulation // herald of the Voronezh State University. Ser.: Law. 2008. No. 2 (5). P. 56–62 (in Russ.).
5. *Zaitsev A.V.* Deliberative democracy, dialogue and their place in the constellation of public policy discourse // Scientific Vedomosti. Ser. "History. Political science. Economy. Computer Science". 2013. No. 15 (158). Issue 27. P. 147–153 (in Russ.).
6. *Zaitsev A.V.* Deliberative democracy as an institutional dialogue between government and civil society // Sociodynamics. 2013. No. 5. P. 29–44 (in Russ.).
7. *Kimlika U.* Modern political philosophy: introduction / transl. from English. M., 2010. P. 371 (in Russ.).
8. *Kornoushkin A.B.* Civil juries as a form of deliberative democracy: the essence and necessity of institutionalization // State and law: theory and practice: materials of the International Scientific Conference (Chelyabinsk, April 2011). Chelyabinsk, 2011. P. 112–127 (in Russ.).
9. *Kruss V.I.* Personal ("somatic") human rights in the Constitution and the philosophical and legal dimension: towards the formulation of the problem // State and Law. 2000. No. 10. P. 43–51 (in Russ.).
10. *Lavrik M.A.* To the theory of somatic human rights // Siberian Jurid. herald. 2005. No. 3. P. 16–26 (in Russ.).
11. *Lyakhovich-Petrakova N.V.* Ideas of deliberative democracy as a conceptual basis of public expertise in the evaluation of public policy // Scientific notes of the Brest University. Part 1. Humanities and social sciences. 2011. No. 7. P. 6 (in Russ.).
12. *Malinovsky A.A.* Does a person have the right to die? // Russ. Justice. 2002. No. 8. P. 54, 55 (in Russ.).
13. *Montgomery J.* Modification of the human genome: challenges from the human rights sphere caused by scientific and technical achievements // Precedents of the European Court of Human Rights. Spec. vol. "Human rights and biomedicine". 2018 (in Russ.).
14. *Nazarova N.A.* Evolution of the concept of a social contract as a principle of interaction between the state and society in the XXI century: dis. ... PhD in Law. M., 2019. P. 184 (in Russ.).
15. *Reybrook D. van* Against elections. M., 2018 (in Russ.).
16. *Rudenko V.N.* Forms of aleatory democracy: genesis and development // Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 18. Issue 4. P. 97, 98 (in Russ.).
17. *Salnikov V.P., Stetsenko S.G.* Bio-jurisprudence: the problem of differentiation from similar legal constructions // Legal science: history and modernity. 2013. No. 10. P. 190–197 (in Russ.).
18. *Salnikov V.P., Stetsenko S.G.* Legal somatology as an integral part of bio-jurisprudence // Legal science: history and modernity. 2014. No. 10. P. 141–148 (in Russ.).

19. *Trikoz E.N.* Protection of human rights in the context of the development of bioethics and genomics (review of the international round table) // herald of the RUDN. Ser.: Legal Sciences. 2019. Vol. 23. No. 1. P. 141–54 (in Russ.).

20. *Trikoz E.N.* The communicative function of the emerging biopravo industry // Legal communication of the state and society: domestic and foreign experience. Voronezh, 2020. P. 106–110 (in Russ.).

21. *Trikoz E.N., Gulyaeva E.E.* Positions of the ECHR on some issues of bioethics and genetic data // Successes in the study of law. Scientific and theoretical journal. 2018. Vol. 6. No. 4. P. 36–40 (in Russ.).

22. *Bessette J.* Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government // How Democratic is the Constitution? Washington, 1980.

23. *Bohman J.* Public Deliberation: Pluralism, Complexity, and Democracy. Cambridge, Massachusetts, 1996.

24. *Burnheim J.* Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London, 1985.

25. *Carson L.* Consult your community: a guide to using citizens' juries. 2003. URL: www.activedemocracy.net/articles/cj_handbook.pdf

26. *Chambers S.* Kickstarting the Bootstrapping: Jürgen Habermas, Deliberative Constitutionalisation and the Limits of Proceduralism // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. P. 256–268.

27. *Cohen J.* Deliberative Democracy and Democratic Legitimacy // The Good Polity / ed. by A. Hamlin, P. Pettit. Oxford, 1989. P. 17–34.

28. *Crosby N., Hottinger J.C.* The Citizens Jury Process. The Book of the States. 2011. P. 321–325.

29. Deliberative Democracy / ed. by J. Bohman and W. Rehg. Massachusetts, London, 1997.

30. *Denisenko V., Trikoz E.* Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 175. № 14013. P. 1–7. DOI: https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017514013

31. *Dewey J.* The Public and its Problems. Chicago, 1954. P. 207.

32. *Dryzek J.* Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations. Oxford, 2000. P. 2.

33. *Dryzek J.S., Bächtiger A., Milewicz K.* Toward a Deliberative Global Citizens' Assembly // Global Policy. 2011. Vol. 2(1). P. 33–42.

34. *Eleftheriadis P.* Constitutional Change through Deliberation // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge University Press, 2018. P. 191–202.

35. *Fishkin J., Luskin R.* Experimenting with a Democratic Ideal: Deliberative Polling and Public Opinion // Acta Politica. Stanford, 2005. P. 285.

36. *Floridia A.* The Origins of the Deliberative Turn // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / ed. by A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. P. 34–54.

37. *Gastil J., Hale D.* The Jury System as a Cornerstone of Deliberative Democracy // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. P. 233–245.

38. *Ghosh E.* Deliberative Constitutionalism: An Empirical Dimension // The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. P. 220–232.

39. *Habermas J.* Between Facts and Norm. Cambridge, 1996. P. 136.

40. *Habermas J.* Technology and Science as "Ideology". London, 1971. P. 91–93.

41. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Beacon Press, 1985. P. 357.

42. *Hartz-Karp J.* Laying the groundwork for participatory budgeting – developing a deliberative community and collaborative governance: Greater Geraldton, Western Australia // Journal of Public Deliberation. 2012. Vol. 8 (2). Art. 6. URL: http://www.publicdeliberation.net/jpd/vol8/iss2/art6/

43. *Hennessy M.* "We're falling very far short": Citizens' Assembly on gender equality to start work in autumn // TheJournal.ie. 2019. 12 June.

44. *Humphreys J.* Why Ireland's citizens' assembly is a model for Europe // The Irish Times. 2016. November 27.

45. *Ismini Kriari-Catranis.* The Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with Regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine // Eubios Journal of Asian and International Bioethics. 2002. Vol. 12. P. 90–93.

46. *McDonald H.* Doctors from 44 countries call on Ireland to relax abortion laws // The Guardian. 2015. November 20.

47. *Miller R.A.* The Limits of Bodily Integrity: Abortion, Adultery, and Rape Legislation in Comparative Perspective. Aldershot, Hants, 2007.

48. *Pal M.* The Promise and Limits of Citizens' Assemblies: Deliberation, Institutions and the Law of Democracy // Queen's University at Kingston. 2012. Vol. 38. P. 259–294.

49. *Parkinson J.* Legitimacy Problems in Deliberative Democracy // Political Studies. 2003. Vol. 5. P. 180–196.

50. *Ponet D., Leib E.J.* Deliberative Law // The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / ed. by A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, and M. Warren. Oxford University Press, USA, 2007.

51. *Rónán Duffy.* Poll backs Citizens' Assembly on abortion but rejects minister's maternity hospital promises // TheJournal.ie. 2017. April 25.

52. *Taylor-Gooby P., Heejung Chung, Benjamin Leruth.* The contribution of deliberative forums to studying welfare state attitudes: A United Kingdom study // Social Policy & Administration. 2018. Vol. 52. P. 914–927.

53. The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / ed. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge University Press, 2018.

54. *Uhr J.* Deliberative Democracy in Australia: The Changing Place of Parliament. Cambridge, 1999.

55. *Uhr J.* Parliament and Public Deliberation: Evaluating the Performance of Parliament // The University of New South Wales Law Journal. 2003. Vol. 24 (3). P. 708–723.

56. *Wakeford T., Singh J., Murtuja B. et al.* The jury is out: How far can participatory projects go towards reclaiming democracy? // The SAGE Handbook of Action Research / ed. by P. Reason & H. Bradbury. Sage Publications, 2008.

57. *Walker I.* Executive Director of "new Democracy". Submission to the House. Inquiry into constitutional reform and referendums. URL: https://www.newdemocracy.com.au/wp-content/uploads/2021/08/newDemocracy-submission-%E2%80%93-Inquiry-into-constitutional-reform-and-referendums.pdf

Сведения об авторах

ДЕНИСЕНКО Владислав Валерьевич –
доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права МГИМО МИД России;
119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0002-5838-1577

ТРИКОЗ Елена Николаевна –
кандидат юридических наук, доцент, международно-правовой факультет МГИМО МИД России; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0001-7331-480X

Authors' information

DENISENKO Vladislav V. –
Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
76 Vernadskogo ave., 119454 Moscow, Russia

TRIKOZ Elena N. –
PhD in Law, Associate Professor, International Law Faculty of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
76 Vernadskogo ave., 119454 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 114–122
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 114–122

ПОСЛЕДСТВИЯ БРЕКЗИТА ДЛЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

© 2023 г. С. И. Коданева

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН), г. Москва

E-mail: kodanevas@gmail.com

Поступила в редакцию 12.01.2022 г.

Аннотация. Голосование на референдуме 2016 года по вопросу о выходе из состава Европейского Союза проходило под лозунгом «вернем контроль», что, в частности, означало возвращения парламентского суверенитета, утраченного, по мнению многих, в результате передачи части полномочий на наднациональный уровень и невозможности для парламента Великобритании влиять на принимаемые в Брюсселе решения. Однако в процессе выхода Великобритания столкнулась с рядом конституционных проблем, которые привели к одному из самых серьезных конституционных кризисов в истории британского парламентаризма, вызванного столкновением парламентского и народного суверенитета, с одной стороны, и отсутствием писаной конституции, четко разграничивающей полномочия трех ветвей власти, с другой стороны. Настоящая статья посвящена анализу последствий этого кризиса для устойчивости традиционной конституционной системы Великобритании.

Ключевые слова: Брекзит, парламентский суверенитет, народный суверенитет, писаная конституция, мягкое право, конституционализм общего права, референдум.

Цитирование: *Коданева С.И.* Последствия Брекзита для конституционной системы Великобритании // Государство и право. 2023. № 1. С. 114–122.

DOI: 10.31857/S102694520024108-9

THE CONSEQUENCES OF BREXIT FOR THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF THE GREAT BRITAIN

© 2023 S. I. Kodaneva

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION), Moscow

E-mail: kodanevas@gmail.com

Received 12.01.2022

Abstract. The vote in the 2016 referendum on exit from the EU was held under the slogan “take back control”, which, in particular, meant the return of parliamentary sovereignty, lost as a result of the transfer of some powers to the supranational level and the impossibility for the UK Parliament to influence decisions taken in Brussels. However, in the process of withdrawal, the UK faced a number of constitutional problems that led to one of the most serious constitutional crises in the history of British parliamentarism, caused by the clash of parliamentary and popular sovereignty, on the one hand, and the lack of a written constitution clearly delineating the powers of the three branches of government, on the other hand. This article is devoted to the analysis of the consequences of this crisis for the stability of the traditional constitutional system of Great Britain.

Key words: Brexit, parliamentary sovereignty, popular sovereignty, written constitution, soft law, common law constitutionalism, referendum.

For citation: *Kodaneva, S.I. (2023).* The consequences of Brexit for the constitutional system of the Great Britain // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 114–122.

Введение

В день референдума о выходе из Европейского Союза тысячи гражданских активистов в Великобритании праздновали победу, провозглашая «свободу», «независимость» и «возвращение контроля». И это было не только возвращение контроля над собственными границами и миграцией, но и возвращение утраченного парламентского суверенитета (основополагающего принципа, на котором строится вся система власти в Соединенном Королевстве), который, как полагали многие, был утрачен после вступления в Евросоюз, поскольку право ЕС стало иметь бóльшую юридическую силу, чем законы страны.

На момент принятия решения о выходе из ЕС в стране действовало более 12 000 нормативных правовых актов, содержащих правила, проистекающие из права ЕС. Конечно, большая их часть относится ко вторичному законодательству или подзаконным актам, но важно то, что эти правила изначально основаны не на законах, прошедших публичное обсуждение в парламенте Великобритании. Таким образом, «возвращение парламентского суверенитета» поставило перед парламентом страны задачу выработки и принятия национального законодательства. Очевидно, что сам парламент не в состоянии рассмотреть и принять весь требуемый объем законодательства, но он должен был подтвердить свою прерогативу по принятию актов первичного законодательства по наиболее значимым вопросам и, как следствие, определить круг таких вопросов применительно к данному контексту. Однако готовность и способность парламента провести соответствующий анализ и на практике подтвердить свое суверенное право оказались под вопросом в силу снижения парламентского авторитета за годы членства в ЕС.

В последние годы все более ярко стала проявляться тенденция усиления правительства, позиция которого и в процессе выхода из ЕС заключалась в том, что все ключевые решения должно принимать оно (либо в рамках своих полномочий, либо в рамках королевской прерогативы).

В то же время суды Великобритании в результате недавней реформы получили права по пересмотру законодательства. Это сопровождалось ростом судебного законотворчества, при этом основное внимание во многих случаях стало уделяться не урегулированию споров, а общим заявлениям о праве, сопровождаемым определенной степенью творческого толкования[1].

Таким образом, вопрос о возвращении парламенту Соединенного Королевства его суверенитета оказался непростым и привел к конституционному кризису, который включал противостояние парламента и правительства (в которое затем была втянута и судебная власть) и противоречие между парламентским и народным суверенитетом.

Конституционные предпосылки возникновения кризиса. Основная причина данного кризиса лежит в конституционной сфере и связана с особенностью политической и конституционной системы страны. Как известно, в Великобритании отсутствует писаная конституция. Краеугольным камнем, на котором строится вся государственная система, является принцип парламентского суверенитета. Кроме того, высокую степень влияния на регулирование основных вопросов построения системы управления имеют конституционные конвенции и другие источники конституционного «мягкого права». Эти правила представляют собой некие моральные обязательства действовать определенным образом в определенных обстоятельствах и не обладают юридической силой, обязательной для судов. Кроме того, доктрина парламентского суверенитета, делая все другие конституционные нормы и принципы юридически обусловленными, препятствует развитию нормативного определения и регламентации деятельности законной конституционной власти.

Таким образом, британская конституция традиционно является скорее «политической», чем «правовой». В своей книге «Молчание конституций: пробелы, “задержки” и политический темперамент в поддержании правительства»[2] М. Фоули доказывает ценность конституционного молчания как источника стратегической двусмысленности, которая помогает конституционному порядку выживать в кризисах, рассеивая, а не противостоя и разрешая конфликты по поводу основополагающих правил и принципов. Гибкость, которую обеспечивает конституционное молчание, позволяет найти неординарные решения политических кризисов, избежать необходимости четкого определения полномочий различных органов власти и политических субъектов. Однако в ситуации, когда политические или социальные условия складываются таким образом, что «конституционное молчание» перестает удовлетворять противоборствующие стороны, не способные достичь компромисса, то оно уже само по себе может стать предметом для нового конфликта, при котором политический кризис перерастает в конституционный. В этой ситуации отсутствие писаных конституционных норм

[1] См.: *Komárek J.* Reasoning with Previous Decisions: Beyond the Doctrine of Precedent // The American Journal of Comparative Law. 2013. Vol. 61. No. 1. P. 149–171. URL: https://www.jstor.org/stable/41721717

[2] *Foley M.* The Silence of Constitutions: Gaps, ‘abeyances’ and Political Temperament in the Maintenance of Government. Routledge, 2011.

и нормативно закрепленных конституционных правил становится сутью такого кризиса. Иными словами, в то время как наличие конституционных руководящих принципов может помочь ориентироваться в незнакомой политической обстановке, их отсутствие превращается в конституционную проблему, способную потенциально спровоцировать кризис конституционной легитимности.

Конституционный кризис 2017–2019 гг. Именно такая ситуация и сложилась в Великобритании после референдума 2016 г. по вопросу о выходе из ЕС. Это был первый в истории страны (и редкий в мировой практике) случай. Обычно на референдум выносится проработанное правительством предложение, которое в случае его поддержки может быть сразу же реализовано на практике. Однако в случае с референдумом по Брекзиту правительство было не готово к его положительному исходу. Д. Кэмерон, тогдашний премьер-министр, решил провести референдум, во-первых, поскольку это обещание было включено в его предвыборный манифест, а во-вторых, чтобы наконец прекратить разногласия и дебаты внутри своей собственной партии (консерваторов). При этом большинство и в правительстве, и в обеих палатах парламента поддерживали сохранение членства в ЕС.

Однако совершенно неожиданно большинство населения проголосовало за выход. Вероятно, именно это и обусловило тот факт, что правительство оказалось не готово к такому результату общенародного голосования. Не были заранее проработаны ни механизмы, ни условия выхода. Неудивительно, что, несмотря на свое обещание, данное до референдума, правительство не стало сразу же запускать процедуру выхода. Вместо этого, объявляя о своей отставке 24 июня, Д. Кэмерон заявил, что, хотя результат референдума должен быть соблюден, новый премьер-министр должен будет решить, когда его реализовать. Занявшая же этот пост Т. Мэй столкнулась с политическим и конституционным кризисом, в результате которого была вынуждена уйти в отставку.

Здесь следует обратиться к особенностям Вестминстерской модели: взаимосвязи между порядком избрания премьер-министра и двухпартийной системой, которая обеспечивает чередование партий, набравших большинство в парламенте (с 1945 г. – консерваторов и лейбористов) и, соответственно, формирующих Кабинет министров.

До 1970 г. на всеобщих выборах две основные партии конкурировали за право формировать правительство. При этом избирательные связи были очень сильными, а совокупная волатильность выборов – низкой, поскольку избиратели, как правило, идентифицировали себя с одной и той же партией (и голосовали за нее) в течение многих лет. Эта ситуация была подорвана «европейским вопросом» – ростом евроскептицизма, сопровождавшимся появлением и усилением популярности антиевропейских партий. В то время как на всеобщих выборах последние сдерживались тактическим голосованием (в пользу партии, у которых есть шанс получить место), выборы в Европейский парламент предоставили – особенно с 1999 г., когда была введена пропорциональная избирательная система – возможность для роста поддержки Партии независимости Великобритании (UKIP).

Соответственно, к 2016 г. традиционная двухпартийная система серьезно пошатнулась. Эта тенденция усилилась по мере появления различных дестабилизирующих социально-экономических факторов, таких как рост внутренней миграции после расширения ЕС 2004 г., финансовый кризис 2007–2008 гг., коалиционное правительство (2010–2015 гг.), референдум о независимости Шотландии 2014 г. и референдум по Brexit в 2016 г. В результате совокупности этих «электоральных потрясений» традиционное поведение избирателей кардинально изменилось: около 60% избирателей меняли свой голос по крайней мере один раз в период 2010–2017 гг.[3]

Соответственно, это не могло не сказаться на традиционной основе Вестминстерской модели – двухпартийной системе, для поддержания которой важны два условия: системная структура партий (оценивается волатильностью выборов) и распределение голосов между избирательными округами (география выборов). В 2015 г. произошли важные изменения в обеих этих областях. Волатильность достигла пика в 17.8% (обусловлена сочетанием прорыва UKIP (рост с 3% в 2010 г. до 12.6%) и краха еврофильных либерал-демократов (до 7.9% с 23%))[4]. Одновременно проявилась новая избирательная география (рекордно низкий уровень поддержки консерваторов и лейбористов и преобладание SNP в Шотландии). Следовательно, голосование уже было географически поляризовано до Брекзита: «новая электорально разделенная нация с 2015 года отражает поляризованную поддержку трех партий – консерваторов, лейбористов и SNP»[5]. Следует признать, что на выборах 2017 г. вопрос о выходе из ЕС не играл ключевой роли, вероятно, в силу того, что ведущие политические партии не смогли четко сформулировать свою позицию по данному вопросу. Однако

[3] См.: *Fieldhouse E., Green J., Evans G. et al.* Electoral Shocks, The Volatile Voter in a Turbulent World. Oxford, 2020. DOI: 10.1093/oso/9780198800583.001.0001

[4] См.: ibid.

[5] *Johnston R., Pattie Ch., Rossiter D.* A Re-Dividing Nation? A newly polarised electoral geography of Great Britain // British Politics. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 521–535. DOI: 10.1057/s41293-017-0052-x

во время выборов 2019 г. именно Брекзит стал доминирующим вопросом, когда третий премьер-министр – консерватор за три года, сторонник выхода из ЕС Б. Джонсон выдвинул предвыборный лозунг «Завершим Брекзит». Исследования, проведенные после выборов, подчеркивают важность Брекзита как фактора, определяющего выбор избирателей[6]. Более того, позиция Б. Джонсона позволила его партии получить голоса не только своих «традиционных» избирателей, но и голоса «традиционных» сторонников лейбористов. Г. Эванс и Дж. Меллон утверждают, что к 2019 г. «быть средним или рабочим классом больше не имело значения, в то время как Брекзит имел значение»[7]. Д. Каттс с соавторами очень точно отражают эту динамику: «активность избирателей, голосовавших за выход, может быть последним элементом, который разрушил кирпичную кладку, но распад, отраженный в ослаблении отношений лейбористов с рабочим классом Великобритании, наблюдался на протяжении большей части последнего десятилетия»[8].

Таким образом, следует признать, что если до 1970 г. партийная система классической Вестминстерской модели строилась на партийной основе и классовой верности, то в настоящее время вряд ли можно ожидать, что эти элементы снова вернутся в политическую систему Великобритании, по крайней мере в прежнем виде.

Соответственно, эти изменения не замедлили отразиться на функционировании как парламента, так и правительства. Во-первых, в самом правительстве еще в период кампании референдума 2016 г. было объявлено о приостановлении действия принципа коллективной ответственности, на котором традиционно строилась работа Кабинета министров. Но и после окончания этой кампании Т. Мэй не удалось в полной мере восстановить его действие. Старшие министры Кабинета министров периодически публично бросали вызов политике правительства, однако премьер-министр никого из них не удалила за нелояльность. В течение 2019 г. открытое противостояние внутри Кабинета министров достигло беспрецедентного уровня. 14 марта 2019 г. 13 министров правительства воздержались, когда им поручили проголосовать против предложения о том, что Великобритания ни при каких обстоятельствах не должна покидать ЕС без сделки. В интервью 1 апреля 2019 г. Дж. Смит назвал министров «худшим примером недисциплинированности в кабинете министров в британской политической истории»[9].

В свою очередь, Палата общин стала проявлять стремление повысить собственное влияние на принятие политических решений в процессе Брекзита. Этому способствовало и неожиданное решение Т. Мэй о проведении досрочных выборов в 2017 г. Однако консерваторам удалось получить только 48.8% мест в Палате общин. Премьер-министру потребовались «доверие и поддержка» 10 членов Демократической юнионистской партии (DUP) для формирования правительства меньшинства, что уже само по себе является редким явлением в британской политике (это был второй случай в послевоенной истории, когда премьер-министру пришлось формировать правительство меньшинства).

Следствием сложившейся ситуации стала крайне слабая позиция премьер-министра в парламенте, неординарный масштаб внутрипартийных разногласий и межпартийного сотрудничества, приведший к тому, что депутаты не поддержали предложенный Т. Мэй вариант соглашения о выходе из ЕС (трижды, причем с таким крупным перевесом, что спикер Палаты общин К. Кларк заявил, что они «столкнулись с конституционным кризисом»[10]).

Более того, парламент поддержал несколько принципиальных поправок депутатов, против которых выступало правительство. Например, поправку, внесенную депутатом-консерватором Д. Гривом, в соответствии с которой парламенту было предоставлено право на «значимое голосование» по соглашению о выходе[11], предложение О. Летвина отложить назначенное правительством голосование, что было охарактеризовано как «крупное конституционное нововведение»[12]. Более того, депутаты проголосовали за поправку, согласно которой Великобритания ни при каких обстоятельствах не должна была покидать ЕС без сделки.

В результате Т. Мэй была вынуждена констатировать, что ситуация зашла в тупик, и подать в отставку. Комментаторы охарактеризовали события в парламенте 2017 г. как «британский

[6] См.: *Curtice J.* Brave New World: Understanding the 2019 General Election // Political Insight. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 8–12. DOI: 10.1177/2041905820911739

[7] *Evans G., Mellon J.* The re-shaping of class voting // British Election Study. 2020. URL: https://www.britishelectionstudy.com/bes-findings/the-re-shaping-of-class-voting-in-the-2019-election-by-geoffrey-evans-and-jonathan-mellon/#.YcWX1WhBzIU

[8] *Cutts D., Goodwin M., Heath O., Surridge P.* Brexit, the 2019 General Election and the Realignment of British Politics // The Political Quarterly. 2020. Vol. 91. Issue 1. P. 7–23. https://doi.org/10.1111/1467-923X.12815

[9] Ibid.

[10] *Thompson L.* From Minority Government to Parliamentary Stalemate: Why Election 2019 was Needed to Break the Brexit Logjam // Britain Votes. 2019. P. 48–64. DOI: 10.1093/pa/gsaa038

[11] См.: *McConalogue J.* The British Constitution Resettled? Parliamentary Sovereignty after the EU Referendum // The British Journal of Politics and International Relations. 2019. Vol. 21. P. 439–458. https://doi.org/10.1177/1369148118815409

[12] Ibid.

парламентский переворот», который «проводился по порядку ведения заседания и парламентскими инструментами, а не военными средствами»[13].

Конфликт между правительством и парламентом достиг своего апогея, когда Б. Джонсон, заменивший Т. Мэй на посту премьер-министра в июле 2019 г., объявил о пророгации (приостановлении в работе парламента на период с 9 сентября по 14 октября)[14]. Ситуация обострилась до такой степени, что вылилась в судебное разбирательство (второе с момента начала процедуры Брекзита), втянув в конституционный конфликт третью ветвь власти. Верховный суд признал пророгацию незаконной, после чего Б. Джонсон дважды пытался досрочно прекратить полномочия парламента, но, не сумев преодолеть барьер, установленный Актом 2011 г. о фиксированном сроке полномочий парламента (Fixed-term Parliaments Act 2011), просто провел через парламент новый Акт о досрочных всеобщих выборах. Таким образом, завершилась работа уникального парламента 2017–2019 гг., который установил ряд политических и парламентских рекордов. За два года более четверти членов Кабинета министров подали в отставку, более 100 депутатов проголосовали за отстранение премьер-министра от занимаемой должности, правительство трижды потерпело поражение в парламенте с наибольшим перевесом в парламентской истории и было осуждено Верховным судом за незаконную пророгацию.

Следует отметить, что Верховный суд дважды был вынужден рассматривать вопрос о превышении правительством своих полномочий: первый раз в 2017 г., когда Т. Мэй решила запустить процедуру выхода из ЕС без предварительного рассмотрения этого вопроса парламентом страны. Второй – в 2019 г. после пророгации, объявленной Б. Джонсоном.

Следует признать, что и сам конституционный кризис, и более ранние истоки противостояния парламента и правительства коренятся в конституционной системе Великобритании, где отсутствует четкое нормативно закрепленное определение границ полномочий каждой ветви власти. Все это – предмет «конституционного молчания» и «мягкого права», которое, как было отмечено выше, не имеет ни юридического закрепления, ни авторитетного толкования. Общепризнанным подходом на протяжении многих лет было полагаться на конвенцию и практику, которые позволяли придавать конституции необходимую гибкость, развиваясь по мере необходимости. При этом юридическое закрепление этих изменений в нормативных актах происходит только в крайнем случае и в минимально необходимой степени. Поэтому обе стороны спора могли найти аргументы в поддержку своей точки зрения. Но Верховный суд однозначно занял позицию, заключающуюся в поддержке парламентского суверенитета. Он указал, что «парламентский суверенитет является основополагающим принципом конституции Соединенного Королевства...»[15], и отклонил все доводы правительства, касавшиеся как того, что процедура выхода из ЕС – это вопрос международных отношений, а следовательно, относится к прерогативе Короны, реализуемой через министерство иностранных дел, так и ссылки на «волю народа», выраженную на референдуме.

Второе решение Верховного суда интересно тем, что суд утверждал, что полномочия исполнительной власти по пророгации основаны на общем праве, но ограничены в объеме другими «конституционными принципами», содержащимися в общем праве: принципами парламентского суверенитета и подотчетности. Таким образом, действия правительства были сочтены выходящими за пределы его полномочий, поскольку они не соответствовали этим «конституционным принципам»[16]. И хотя в данном случае суд защищал суверенные права парламента, но само по себе решение показательно, поскольку иллюстрирует тенденцию последних лет, сформировавшуюся во многом в результате членства Великобритании в ЕС,– формирование «конституционализма общего права», с помощью которого британские судьи и ученые-юристы в последние десятилетия сами подрывали парламентский суверенитет.

Досрочные выборы 2019 г., успешно проведенные Б. Джонсоном, позволили ему получить под свой контроль 56.1% мест в Палате общин и сформировать комфортное правительство (тех консерваторов, кто не поддерживал его точку зрения по вопросу Брекзита, он просто не допустил на выборы). Таким образом, внешне все вернулось к обычному состоянию, конституционный кризис был преодолен, хотя электоральные традиции под влиянием «европейского вопроса» оказались подорваны и вряд ли уже восстановятся, парламент стал структурно сильнее, чем раньше (например, благодаря системе постоянных комитетов), он приобрел опыт использования процедурных правил для продвижения депутатских инициатив, и «каким бы ни было правительственное большинство, отношения между исполнительной

[13] *Thompson L.* Op. cit. P. 48–64.

[14] «Пророгация» – это официальное название, данное периоду между закрытием одной сессии парламента и началом другой.

[15] См.: JUDGMENT R (on the application of Miller and another) (Respondents) v Secretary of State for Exiting the European Union (Appellant). URL: https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0196-judgment.pdf

[16] JUDGMENT R (on the application of Miller) (Appellant) v The Prime Minister (Respondent), Cherry and others (Respondents) v Advocate General for Scotland (Appellant) (Scotland) // The Supreme Court. 2019. URL: https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2019-0192-judgment.pdf

и законодательной властью не могут "вернуться" к расцвету вестминстерской модели»[17].

Наконец, актуализировался вопрос о роли и месте референдума как воплощения народного суверенитета. Т. Мэй в своей риторике постоянно ссылалась на «волю народа», выраженную на референдуме. Досрочные выборы 2019 г. характеризовались риторикой «парламент против народа» (и победу на них одержал Б. Джонсон, который был признан Верховным судом виновным в незаконной пророгации парламента). Многие ученые-юристы призывают к народному суверенитету для укрепления легитимности парламентского суверенитета. По словам Дж. Джоуэлла, например, «легитимность парламентского суверенитета основывается на представительных и подотчетных функциях парламента»[18]. Наконец, сами депутаты, абсолютное большинство которых выступали против выхода из ЕС, публично признали необходимость «уважать» результаты референдума[19].

Возникает вопрос: означает ли это, что народный суверенитет «вытеснил» парламентский в конституционной системе Великобритании? Так, В. Богданор утверждает: «Конституционные и политические последствия референдума о членстве в ЕС будут глубокими... Народ дал указание, которому правительство и парламент должны будут подчиниться. Сторонники Брекзита хотели восстановить суверенитет парламента. Но теперь парламент будет ограничен не Брюсселем, а британским народом. Парламент должен будет проводить политику, против которой выступает большинство депутатов, что является беспрецедентным событием за всю его долгую историю... Народ ... стал, по крайней мере по конституционным вопросам, третьей палатой законодательного органа, наделенной полномочиями давать инструкции, которые политики не могут игнорировать. Суверенитет народа превосходит суверенитет парламента»[20]. Эта публикация отражает опасения многих политиков и ученых, высказанные еще задолго до 2016 г. Так, в своих показаниях Комитету Палаты лордов по Конституции в 2010 г. П. Браунинг заявил: «Референдумы ставят людей перед парламентом. Суверенитет парламента становится суверенитетом народа... Если народ голосует одним способом, а его представители другим, кто должен одержать верх, кто является суверенным?»[21].

Удивительно, насколько точно это утверждение описывает события 2016 г. Не случайно, что практически сразу после объявления результатов референдума по вопросу о выходе из ЕС в ряде СМИ, в политических дебатах и несколько позже в научной литературе стала звучать критика относительно того, как проводилась кампания референдума, того, что избиратели не владели всей информацией, а их предпочтения опирались на популистские лозунги. Действительно, следует отметить, что хотя некоторые процедурные вопросы, связанные с проведением референдумов, и регламентировались Актом 2000 г. о политических партиях, выборах и референдумах (Political Parties, Elections and Referendums Act 2000), однако остается масса аспектов, не имеющих четкого нормативного регулирования, в отношении которых и ранее существовали сомнения или разногласия.

В каких случаях необходимо проводить референдум?

Должны ли их результаты быть юридически обязательными, и если нет, то какова их сила?

Должно ли относительное большинство всегда быть достаточным для определения результата?

Когда и как можно отменить результаты референдума?

Какова связь между результатом референдума и волей парламента?

Все эти вопросы имеют существенное конституционное значение, однако ответов на них не только нет в законодательстве, но они не стали еще предметом устоявшейся практики и политических конвенций.

Кроме того, все чаще стали звучать опасения, что политическая система Великобритании смещается в сторону популистской демократии, что все более учащавшееся использование референдумов изменило конституцию Соединенного Королевства, так что теперь она включает обязательство парламента проводить референдумы по конкретным вопросам[22]. Что гибкость конституционного строя Великобритании позволяет политикам

[17] *Baldini G., Bressanelli E., Massetti E.* Back to the Westminster model? The Brexit process and the UK political system // International Political Science Review. 2021. DOI: 10.1177/0192512120967375

[18] *Jowell J.* Parliamentary sovereignty under the new constitutional hypothesis // Public law. 2006. Vol. 3. P. 562–579. URL: https://www.researchgate.net/publication/32894782_Parliamentary_Sovereignty_under_the_New_Constitutional_Hypothesis

[19] См.: *Horsley T.* Constitutional functions and institutional responsibility: A functional analysis of the UK constitution // Legal Studies. 2021. P. 1–21. DOI: 10.1017/lst.2021.32

[20] См.: *Bogdanor V.* The EU referendum shows how the sovereignty of Britain's people can now trump its parliament // The Daily Telegraph. 26.06.2016. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/26/the-eu-referendum-shows-how-the-sovereignty-of-britains-people-c/

[21] *White S.G.* The Referendum in the UK's Constitution: From Parliamentary to Popular Sovereignty? // Parliamentary Affairs. 2020. P. 1–18. DOI: 10.1093/pa/gsaa062

[22] См.: *White S.* Brexit and the future of the UK constitution // International Political Science Review. 2021. P. 1–15. DOI: 10.1177/0192512121995133

постепенно внедрять новые конституционные практики, часто по прагматическим соображениям, без должного внимания к их более широкому конституционному значению, и использование референдумов в качестве механизма внесения поправок в конституцию является классическим примером такого подхода[23]. С помощью этого механизма референдума популистская демократия якобы по-новому интегрирует ценность народного суверенитета в политическую систему Великобритании. Однако в отличие от демократического конституционализма парламент Соединенного Королевства не имеет никаких ограничений посредством укоренившегося высшего закона для защиты прав отдельных лиц и меньшинств.

Начиная с 1970-х годов в Великобритании был проведен ряд референдумов по различным вопросам на разных уровнях. При этом анализ вопросов, выносимых на такие референдумы, показывает, что большинство референдумов проводилось по четырем основным темам: деволюция регионов; членство в ЕС; система местного самоуправления и изменение системы голосования.

Это важнейшие конституционные вопросы, касающиеся сути демократического государства и его идентичности. Казалось бы, выявленные закономерности позволяют признать роль референдума как демократической основы принятия конституционных решений. Однако этот вывод будет ошибочным, если проанализировать те вопросы, по которым референдумы не проводились. Например, референдум не был проведен для утверждения Лиссабонского договора, который существенно изменил правовую систему ЕС, а следовательно, затрагивал и вопросы о передаче национальных полномочий на наднациональный уровень. Референдум не проводился для одобрения значительного расширения полномочий Шотландии в 2012 или 2016 гг. Первоначальная реформа Палаты лордов, проведенная лейбористами, не была вынесена на референдум. Не была вынесена на референдум и правительственная реформа по созданию «Мэров метрополитена» (Metro Mayors)[24].

Таким образом, становится очевидным отсутствие критерия, определяющего, когда следует проводить референдумы. В ряде случаев требования об обязательном проведении референдума закреплены в отдельных актах парламента, например Акте 1998 г. о Северной Ирландии, Акте 2016 г. о Шотландии и Акте 2017 г. об Уэльсе. Однако это еще не гарантирует проведение референдумов, поскольку доктрина парламентского суверенитета означает, что парламент может в любой момент отменить любой свой акт. Точно так же де-юре результаты любого референдума не являются юридически обязательными до тех пор, пока они не будут подтверждены актом парламента, на что прямо указал Верховный суд в указанном выше деле 2017 г. В деле 2019 г. Верховный суд в отношении референдума указал следующее: «технически результат не был юридически обязательным. Но правительство пообещало выполнить этот результат, и с тех пор он считается политически и демократически обязательным. Сменявшие друг друга правительства и парламенты действовали на этой основе»[25].

Таким образом, Верховный суд дает прямую отсылку к доктрине парламентского суверенитета А.В. Дайси, согласно которой решение, принятое на референдуме, юридически является «консультативным». Более того, ни один парламент, согласно А.В. Дайси, не может принимать акты, которыми бы «связал своих преемников»[26].

Соответственно, и референдумы о деволюции в 1997 и 1998 гг., и референдумы о членстве в ЕС в 1975 и 2016 гг. носили «консультативный» характер в том смысле, что решения, принятые избирателями, могли быть реализованы только посредством принятия актов парламента, что и было подтверждено Верховным судом в деле Миллер 2017 г.: «Референдум является относительно новой особенностью конституционной практики Великобритании... Последствия любого конкретного референдума должны зависеть от положений акта, который его санкционирует... разрешающий акт может ввести изменение в акт при условии, что оно не вступит в силу, если не будет одобрено большинством на референдуме.., референдум 2016 года не изменил акт таким образом, который позволил бы министрам вывести Соединенное Королевство из Европейского союза без законодательства... Это означает, что до тех пор,

[23] См.: *McHarg A.* Navigating without maps: Constitutional silence and the management of the Brexit crisis // International Journal of Constitution Law. 2018. Vol. 16. No. 3. P. 952–968. DOI: 10.1093/icon/moy068

[24] Metro Mayors, также известные как «мэры с объединенной властью», избираются прямым голосованием главами городских районов, обычно расположенных вокруг центрального городского узла. Каждый мэр метрополитена возглавляет объединенный орган (МСА), состоящий из руководителей всех советов региона. В рамках правительственной программы передачи полномочий различные полномочия и бюджеты были переданы МСА после серии «соглашений о передаче полномочий», заключенных между Уайтхоллом и местными лидерами в период с 2014 по 2020 г.

[25] JUDGMENT R (on the application of Miller) (Appellant) v The Prime Minister (Respondent), Cherry and others (Respondents) v Advocate General for Scotland (Appellant) (Scotland) // The Supreme Court. 2019. URL: https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2019-0192-judgment.pdf

[26] *Dicey A.V.* Introduction to the Study of the Law of the Constitution, Roger E. Michener, North Shadeland, Indianapolis, Indiana, 1982. URL: https://files.libertyfund.org/files/1714/0125_Bk.pdf

пока парламент не примет решение, его сила будет скорее политической, чем юридической»[27].

Это полностью соответствует А.В. Дайси, который проводит различие между правовым и политическим суверенитетом, отождествляя последний с народным суверенитетом. Он утверждает, что конституция – вопрос конвенций и законов, и что конвенции служат именно для подчинения юридического суверена политическому. Конвенции не могут быть признаны судами. Они являются частью неформальной «этики» политической системы, которая определяет, как ведут себя политические субъекты и что они обязаны делать[28].

Что касается понятия «суверенитет», то он подразумевает власть законотворчества, не связанную правовыми ограничениями. Соответственно, суверенная власть в соответствии с конституцией – это «Парламент». Но слово «суверенитет» иногда используется в политическом, а не в строго юридическом смысле. В этом смысле слова можно сказать, что выборщики Великобритании являются органом, который наделяет суверенной властью[29].

Следовательно, для А.В. Дайси принцип парламентского суверенитета верен только в том, что касается принятия законов, правил, которые будут исполняться судами. Однако существуют и другие правила – конвенции, которые есть часть конституции и служат народному суверенитету. Таким образом, опираясь на доктрину, разработанную А.В. Дайси, можно прийти к следующим выводам:

1) конституция Соединенного Королевства основана на сочетании законов и конвенций;

2) первостепенной целью конституционных конвенций является обеспечение того, чтобы законный суверен – парламент – был подчинен воле политического суверена – народа;

3) конвенции, служащие указанной цели, развиваются с течением времени;

4) в соответствии с указанной в п. 2 целью и динамичным процессом, указанным в п. 3, сформировалась новая конвенция, согласно которой в определенных контекстах парламент должен провести референдум и исполнить его результаты.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что под влиянием «европейского вопроса» электоральная система Великобритании заметно изменилась, что подрывает основы традиционной Вестминстерской модели, основанной на двухпартийности и приверженности избирателей одной партии на основе социальной принадлежности. Изменился и баланс между тремя ветвями власти. И хотя большинство, которое удалось получить консерваторам на выборах 2019 г., позволило им вернуться к традиционным конституционным практикам, однако парламент 2017–2019 гг. дал пример того, как могут быть использованы процедурные инструменты для противостояния правительству. И этот опыт, очевидно, изменил традиционную «политическую культуру» в Великобритании.

Что касается места референдумов в конституционной системе этой страны, то следует признать, что их конституционное положение в Соединенном Королевстве не обусловлено только их формальным правовым статусом: решения, принятые на референдуме, имеют преимущественно морально-политическую силу, признанную основными политическими партиями, а также Верховным судом. Однако следует учитывать, что конституционный авторитет референдумы приобретают исключительно в силу того (и до тех пор), пока в стране доминируют убеждения в необходимости соблюдения демократических принципов, согласно которым референдум – это выражение народной воли, которая, по сути, является основополагающей. Это не связано с их юридической силой, которая может быть оспорена (и вероятнее всего успешно) в судах.

Таким образом, представляется, что в этой части традиция парламентского суверенитета, описанная А.В. Дайси, осталась неизменной, хотя и изменились отдельные механизмы взаимодействия между юридическим и политическим суверенами.

REFERENCES

1. *Baldini G., Bressanelli E., Massetti E.* Back to the Westminster model? The Brexit process and the UK political system // International Political Science Review. 2021. DOI: 10.1177/0192512120967375
2. *Bogdanor V.* The EU referendum shows how the sovereignty of Britain's people can now trump its parliament // The Daily Telegraph. 26.06.2016. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/26/the-eu-referendum-shows-how-the-sovereignty-of-britains-people-c/
3. *Curtice J.* Brave New World: Understanding the 2019 General Election // Political Insight. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 8–12. DOI: 10.1177/2041905820911739
4. *Cutts D., Goodwin M., Heath O., Surridge P.* Brexit, the 2019 General Election and the Realignment of British Politics // The Political Quarterly. 2020. Vol. 91. Issue 1. P. 7–23. https://doi.org/10.1111/1467-923X.12815
5. *Dicey A.V.* Introduction to the Study of the Law of the Constitution, Roger E. Michener, North Shadeland, India-

[27] JUDGMENT R (on the application of Miller and another) (Respondents) v Secretary of State for Exiting the European Union (Appellant) // The Supreme Court. 2017. URL: https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0196-judgment.pdf

[28] См.: *Dicey A.V.* Op. cit.

[29] См.: ibid.

napolis, Indiana, 1982. URL: https://files.libertyfund.org/files/1714/0125_Bk.pdf

6. *Evans G., Mellon J.* The re-shaping of class voting // British Election Study. 2020. URL: https://www.britishelectionstudy.com/bes-findings/the-re-shaping-of-class-voting-in-the-2019-election-by-geoffrey-evans-and-jonathan-mellon/#.YcWX1WhBzIU
7. *Fieldhouse E., Green J., Evans G. et al.* Electoral Shocks, The Volatile Voter in a Turbulent World. Oxford, 2020. DOI: 10.1093/oso/9780198800583.001.0001
8. *Foley M.* The Silence of Constitutions: Gaps, 'abeyances' and Political Temperament in the Maintenance of Government. Routledge, 2011.
9. *Horsley T.* Constitutional functions and institutional responsibility: A functional analysis of the UK constitution // Legal Studies. 2021. P. 1–21. DOI: 10.1017/lst.2021.32
10. *Johnston R., Pattie Ch., Rossiter D.* A Re-Dividing Nation? A newly polarised electoral geography of Great Britain // British Politics. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 521–535. DOI: 10.1057/s41293-017-0052-x
11. *Jowell J.* Parliamentary sovereignty under the new constitutional hypothesis // Public law. 2006. Vol. 3. P. 562–579. URL: https://www.researchgate.net/publication/32894782_Parliamentary_Sovereignty_under_the_New_Constitutional_Hypothesis
12. *Komárek J.* Reasoning with Previous Decisions: Beyond the Doctrine of Precedent // The American Journal of Comparative Law. 2013. Vol. 61. No. 1. P. 149–171. URL: https://www.jstor.org/stable/41721717
13. *McConalogue J.* The British Constitution Resettled? Parliamentary Sovereignty after the EU Referendum // The British Journal of Politics and International Relations. 2019. Vol. 21. P. 439–458. https://doi.org/10.1177/1369148118815409
14. *McHarg A.* Navigating without maps: Constitutional silence and the management of the Brexit crisis // International Journal of Constitution Law. 2018. Vol. 16. No. 3. P. 952–968. DOI: 10.1093/icon/moy068
15. *Thompson L.* From Minority Government to Parliamentary Stalemate: Why Election 2019 was Needed to Break the Brexit Logjam // Britain Votes. 2019. P. 48–64. DOI: 10.1093/pa/gsaa038
16. *White S.* Brexit and the future of the UK constitution // International Political Science Review. 2021. P. 1–15. DOI: 10.1177/0192512121995133
17. *White S.G.* The Referendum in the UK's Constitution: From Parliamentary to Popular Sovereignty? // Parliamentary Affairs. 2020. P. 1–18. DOI: 10.1093/pa/gsaa062

Сведения об авторе

КОДАНЕВА Светлана Игоревна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН);
117218 г. Москва, ул. Кржижановского, д. 15, корп. 2

Authors' information

KODANEVA Svetlana I. –
PhD in Law, Leading Researcher, Department of Jurisprudence, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION); 15, bld. 2 Krzhizhanovskogo str., 117218 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 123–131
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 123–131

ПОДХОДЫ К РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТЕСТИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТА В СИНГАПУРЕ

© 2023 г. Р. И. Дремлюга[1, *], А. И. Коробеев[1, **], А. И. Чучаев[2, *]**

[1]Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
[2]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: Dremliuga.ri@dvfu.ru*
***E-mail: korobeev.ai@dvfu.ru*
****E-mail: moksha1@rambler.ru*

Поступила в редакцию 01.12.2022 г.

Аннотация. Сингапур является одним из мировых лидеров в цифровой экономике по многим показателям. Анализируя опыт Сингапура в регламентации тестирования и применения беспилотных транспортных средств, можно найти перспективные пути развития российской нормативной базы в данной сфере. В статье исследуются общие рамки развития законодательства в сфере регулирования отношений по поводу использования интеллектуальных технологий, а также принципы регулирования тестирования и применения искусственного интеллекта. Проводится анализ нормативно-правовой базы, регламентации правил движения беспилотного автотранспорта в Сингапуре. В тексте исследуются распространенные стратегии вмешательства регулятора при внедрении новых технологий. Коллектив авторов приходит к выводу, что Сингапур в сфере регламентации использования автомобилей под управлением ИИ отказался от запретительного подхода и стратегии, ориентированной на контроль. Власти Сингапура сочетают различные стратегии для регламентации тестирования и применения беспилотного автотранспорта, но отдают предпочтение подходу, ориентированному на адаптацию. По отношению к регламентации тестирования и применения бесплотного автотранспорта также применяется подход, ориентированный на терпимость к рискам.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право и этика ИИ, киберправо, право Сингапура, право и этика информационных технологий, беспилотные транспортные средства, автономные транспортные средства.

Цитирование: *Дремлюга Р.И., Коробеев А.И., Чучаев А.И.* Подходы к регламентации тестирования и применения беспилотного транспорта в Сингапуре // Государство и право. 2023. № 1. С. 123–131.

Работа выполнена при финансовой поддержке ДВФУ (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет–2030»: Центр цифрового развития) и при содействии Дальневосточного центра искусственного интеллекта ДВФУ (центр создан совместно с ПАО «Сбербанк»).

DOI: 10.31857/S102694520024102-3

APPROACHES TO THE REGULATION OF TESTING AND THE USE OF UNMANNED VEHICLES IN SINGAPORE

© 2023 R. I. Dremlyuga[1, *], A. I. Korobeev[1, **], A. I. Chuchaev[2, *]**

[1]Far Eastern Federal University, Vladivostok
[2]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: Dremliuga.ri@dvfu.ru*
***E-mail: korobeev.ai@dvfu.ru*
****E-mail: moksha1@rambler.ru*

Received 01.12.2022

Abstract. Singapore is one of the world leaders in the digital of the economy by many measures. By analyzing Singapore's experience in regulating the testing and application of unmanned vehicles, it is possible to find promising ways to develop the Russian regulatory framework in this area. The article examines the general framework for the development of the regulatory framework in the sphere of regulation of relations regarding the use of intelligent technologies, as well as the basic principles of regulation of testing and application of artificial intelligence. The analysis of the regulatory framework regulating the rules of unmanned vehicles in Singapore is carried out. The text explores common regulatory intervention strategies in the implementation of new technologies. The author's team concludes that Singapore has moved away from a prohibitionist approach and a control-oriented strategy in the regulation of AI-driven vehicles. Authorities in Singapore combine different strategies to regulate the testing and use of unmanned in favor of an adaptation-oriented approach. A risk tolerance approach is also applied to the regulation of testing and application of unmanned vehicles.

Key words: artificial intelligence, AI law and ethics, cyber law, Singapore law, information technology law and ethics, unmanned vehicles, autonomous vehicles.

For citation: *Dremlyuga, R.I., Korobeev, A.I., Chuchaev, A.I. (2023).* Approaches to the regulation of testing and the use of unmanned vehicles in Singapore // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 123–131.

This work was financially supported by FEFU (Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program: Center for Digital Development) and facilitated by the Far Eastern Artificial Intelligence Center of FEFU (the center was created jointly with Sberbank).

Введение

Сингапур является одним из мировых лидеров в цифровой экономике по многим показателям. Исходя из статистических данных, страна лидирует во многих вопросах цифровизации, в том числе в сфере разработки нормативных правовых актов для регулирования цифровой экономики[1]. Поэтому анализ этических и правовых норм Сингапура, направленных на регламентацию отношений по поводу использования и разработки ИИ, представляется полезным для исследователей. Таким образом, можно найти примеры удачной регламентации сферы ИИ для адаптации их в российских реалиях[2].

Общие рамки развития нормативной базы в сфере регулирования отношений по поводу использования интеллектуальных технологий задаются Национальной стратегией Сингапура в области искусственного интеллекта, которая была принята и опубликована в ноябре 2019 г.[3] Согласно Стратегии Сингапур должен стать глобальным центром для разработки, тестирования, внедрения и масштабирования решений в области ИИ. Данный документ также определяет, как Сингапур может развивать и использовать инновации ИИ для преобразования экономики и повышения качества жизни граждан.

Ядром стратегии являются пять национальных проектов в сфере ИИ: «интеллектуальное планирование грузоперевозок», «бесперебойные и эффективные муниципальные услуги», «профилактика и лечение хронических заболеваний с помощью ИИ», «индивидуальное образование с помощью адаптивного обучения и оценки навыков», «интеллектуальный пограничный контроль».

В стране отсутствует отдельная стратегия развития регулирования в сфере ИИ, а Национальная стратегия Сингапура содержит лишь одно положение, касающееся правового регулирования. Пункт 4.2 документа гласит, что законодательство в области регулирования интеллектуальной собственности будет пересмотрено, чтобы убедиться, что законы Сингапура поддерживают развитие и коммерциализацию новых технологий ИИ. Наличие понятного законодательства должно обеспечить уверенность для инноваторов в коммерциализации новых продуктов и услуг с применением ИИ.

Есть также сквозной проект, который важен для реализации всех ключевых проектов и инициатив Сингапура в сфере ИИ. Планируется создать развивающую и устойчивую экосистему ИИ, чтобы внедрять интеллектуальные инновации во всех сферах экономики. Одно из генеральных направлений развития экосистемы – разработка нормативной базы для регулирования беспилотного транспорта.

Общая характеристика нормативной базы. Инициативы по развитию беспилотного транспорта и нормативной базы, связанной с автономным транспортом, также присутствуют в стратегическом

[1] См., напр.: DIGITAL ECONOMY REPORT 2019 issued by the United Nations conference on trade and development (UNCTAD). URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf

[2] О необходимости пересмотра правовой политики в условиях цифровой экономики см.: *Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И.* Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 1 (158). С. 145–159.

[3] См.: The Singapore National AI Strategy. URL: https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/national-ai-strategy.pdf

плане «умная нация» (Smart Nation)[4]. Основной идеей данной инициативы является трансформация Сингапура посредством цифровых инноваций. Одним из ключевых проектов является поэтапное внедрение автономного транспорта. Фактором успеха при этом являются продвижение и поддержка разумных политических и законодательных инициатив.

Ведомство, которое курирует разработку законодательства и осуществляет надзор за соблюдением правил внедрения и применения беспилотных автомобилей, – Сингапурское управление наземного транспорта (Singapore Land and Transport Authority – LTA). Данное учреждение находится в подведомственных отношениях с подразделением Министерства транспорта Сингапура и координирует работу правительства в области беспилотного автотранспорта[5]. В списке полномочий выдача разрешений на применение беспилотных автомобилей и контроль технологического развития в сфере беспилотных автотранспортных технологий.

Независимые эксперты оценивают работу Сингапурского управления наземного транспорта как эффективную. Например, Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ESCAP) поставила Сингапур на первое место по степени готовности к внедрению беспилотных авто среди четырех азиатских технологических лидеров (другие государства – Япония, Китай, Южная Корея) за его относительно прозрачную политику и детализированное законодательство в сфере регулирования внедрения и использования беспилотного транспорта. Благодаря понятному регулированию и работе с населением в обществе наблюдается высокая степень доверия к использованию беспилотных автомобильных технологий[6].

Для Сингапура внедрение беспилотного автотранспорта является достаточно важным, так как страна все чаще сталкивается с вызовами организации городской транспортной инфраструктуры. Один из основных вызовов – нехватка пространства, поскольку Сингапур одно из самых небольших по площади государств. Наблюдается также недостаток трудовых ресурсов и старение населения, что приводит к высокому спросу на водителей традиционных автотранспортных средств. Еще одним вызовом является растущее ожидание в отношении системы общественного транспорта, которая должна быть максимально эффективной, удобной и безопасной.

Инновационные решения в области транспортной мобильности, согласно официальной позиции Сингапурского управления наземного транспорта, могут помочь эффективно преодолеть вышеперечисленные проблемы[7]. Беспилотные технологии должны сделать общественный транспорт более удобным для пассажиров. Кроме того, предусмотрено, что беспилотный транспорт будет удобен для лиц с различными особыми потребностями (например, инвалидов, семей с детьми, пожилых людей). Таким образом, в отличие от многих государств (например, США[8]) Сингапур ориентируется не только на стандартные требования безопасности беспилотного транспорта, но и на потребности отдельных социальных групп и слоев. Такая степень вмешательства в рамку правового регулирования нехарактерна для большинства юрисдикций.

Сингапур одним из первых в Азии принял нормативные правовые акты, регламентирующие правила движения беспилотного автотранспорта. Правила дорожного движения (для автономных автомобилей) стали применяться с августа 2017 г. (Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) Rules 2017)[9]. Правила также содержат нормы, касающиеся получения разрешения, тестирования, использования автономных автомобилей.

Автономное транспортное средство может эксплуатироваться на дорогах общего пользования Сингапура только после прохождения специальной процедуры допуска, которая инициируется подачей заявления в органы надзора за транспортом. На лицо или компанию, которой разрешены тестирование или эксплуатация автономного транспортного средства, возложен ряд обязанностей. Согласно ст. 16 основным требованием является поддержание надлежащего технического состояния беспилотного автомобиля, которое сводит к нулю риск причинения ущерба или вреда людям или их собственности.

Любой беспилотный автомобиль оборудован множеством датчиков и устройств, собирающих информацию об окружающем мире. С точки зрения безопасности объем собираемых данных позволяет достаточно достоверно установить, что произошло

[4] См.: URL: https://www.smartnation.gov.sg/

[5] См.: URL: https://www.lta.gov.sg/content/ltagov/en/industry_innovations/technologies/autonomous_vehicles.html

[6] См.: United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, Evolution of Science, Technology and Innovation Policies for Sustainable Development, 2018. P. 65. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/publications/UN_STI_Policy_Report_2018.pdf

[7] См.: Autonomous Vehicles. URL: https://www.lta.gov.sg/content/ltagov/en/industry_innovations/technologies/autonomous_vehicles.html

[8] См.: *Дремлюга Р.И., Крипакова А.В., Яковенко А.А.* Регулирование тестирования и использования беспилотного автотранспорта: опыт США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3 (82). С. 68–85.

[9] См.: Road Traffic Act (Chapter 276), Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) rules 2017. URL: https://sso.agc.gov.sg/SL/RTA1961-S464-2017

в случае какого-либо инцидента (например, ДТП). Поэтому одним из требований является то, что все данные, которые собираются с датчиков, систем видеофиксации и других устройств беспилотного авто, должны храниться как минимум три года (ст. 17). При этом в нормативном правовом акте подробно описаны структура и формат цифровых записей об эксплуатации беспилотного авто. Согласно положениям Правил ряд данных обязателен для хранения. К таким данным относятся: дата и отметка времени; данные о местоположении; режим работы транспортного средства (ручной, автономный, смешанный, удаленного контроля); история вмешательства оператора; данные всех датчиков; данные камеры или видеоматериалы, снятые камерой, направленной внутрь и внешними камерами, в обязательном порядке установленными спереди и сзади автомашины.

Если произошел инцидент или сбой с беспилотным авто, владелец обязан уведомить Сингапурское управление наземного транспорта. Это касается не только дорожно-транспортных происшествий, но и программных сбоев или отказов оборудования, независимо от того, был или не был причинен ущерб или вред имуществу или физическим лицам (ст. 19). Несоблюдение данного требования квалифицируется как преступление небольшой тяжести с наказанием в виде штрафа 1000–2000 сингапурских долларов.

Процедура допуска на дороги общего пользования в Сингапуре достаточно прозрачна. Все беспилотные транспортные средства, прежде чем они смогут передвигаться по дорогам, должны пройти проверку на безопасность, проводимую в испытательном Центре передового опыта по тестированию и исследованию транспортных средств Сингапурского национального университета[10]. Объем требований, которым необходимо удовлетворять при прохождении тестирования, зависит от территории, на которой планируется использовать автономный транспорт. Наименьшее количество требований для «беспилотников», используемых на частных территориях. В таких случаях нет необходимости получать лицензию Сингапурского управления наземного транспорта.

Методика проверки была разработана Управлением наземного транспорта совместно с CETRAN при участии дорожной полиции. Был разработан даже набор сценариев дорожных ситуаций, которые должны учитываться при тестировании и оценке безопасности автономных транспортных средств. В документе перечисляются различные возможные категории дорожных ситуаций, которые встречаются в реальном дорожном движении. Задача состоит в том, чтобы получить достоверное представление о безопасной работе беспилотного автотранспортного средства во время тестирования (как в рамках физических испытаний, например на испытательном треке, так и при виртуальном моделировании с использованием соответствующих моделей) на основе всех описанных категорий сценариев и их разновидностей[11].

Критическое требование – наличие в автономном транспортном средстве квалифицированного водителя, готового к внештатным ситуациям. Подразумевается, что, когда появляется угроза безопасному движению, он возьмет управление автомобилем на себя. Беспилотник может передвигаться по дорогам общего пользования и без оператора, но только в случае доказанной безопасности такого использования.

На автономные транспортные средства в Сингапуре распространяются и другие нормативные требования, типичные для многих стран. Например, обязательным условием является наличие комплексного страхования ответственности перед третьими лицами и за ущерб имуществу. Каждое автономное транспортное средство должно быть оснащено «черным ящиком», который сохраняет видеозаписи и другие данные, необходимые для поддержки расследования в случае аварии.

Нехарактерным является то, что власти контролируют весь тестируемый частными компаниями беспилотный автотранспорт. Согласно установленным правилам, требуется обеспечить передачу в режиме реального времени информации о местоположении и состоянии транспортного средства, в том числе данные с устройств сбора информации и сенсоров. Все данные поступают в систему мониторинга и оценки автотранспортных средств Управления наземного транспорта[12].

Как отмечалось ранее, Сингапур отличается высокой степенью одобрения внедрения технологий автономного автотранспорта. Вместе с тем по поводу отдельных аспектов беспилотных инноваций существуют сомнения. Согласно проведенным исследованиям, общество убеждено в том, что внедрение автономных автомобилей в систему общественного транспорта ведет к возникновению проблем с юридической ответственностью в случае дорожно-транспортных происшествий с участием беспилотников (Introducing autonomous vehicles in

[10] См.: The Centre of Excellence for Testing & Research of Autonomous Vehicles – NTU. URL: https://cetran.sg/

[11] См.: Scenario Categories for the Assessment of Automated Vehicles (Version 1.7 from January 21, 2020). URL: https://cetran.sg/wp-content/uploads/2020/01/REP200121_Scenario_Categories_v1.7.pdf

[12] См.: NTU, LTA and JTC open Singapore's first autonomous vehicle test Centre. URL: https://www.road-traffic-technology.com/news/ntu-lta-jtc-open-singapores-first-autonomous-vehicle-test-centre/

public transport could lead to legal liability issues when a crash is caused by the vehicle)[13].

В исследовании общественного мнения также отмечается, что среди опасений, связанных с автономным транспортом, большинство сосредоточено вокруг потенциальной безопасности на дороге, включая возможное взаимодействие с другими участниками дорожного движения, и ответственности, возникающей в результате аварий с участием беспилотников на проезжей части. Участники опроса выразили обеспокоенность по поводу рисков для кибербезопасности автономного транспорта, возникающих при использовании технологий постоянной связи с автомобилями. Существует высокий риск уязвимости каналов связи к кибервзломам, что может привести к еще большим рискам безопасности.

Опасения не беспочвенны, особо выделяется риск взятия автономного транспортного средства под контроль злоумышленником. Так, транспорт без водителя с меньшими рисками для преступника может быть использован для совершения террористических атак. Беспилотник способен как доставить взрывчатые вещества, так и быть самостоятельной поражающей единицей. По крайней мере автомобили с водителем неоднократно использовались для совершения террористических актов в государствах Европы. Как отмечают специалисты, слабым местом при подготовке такой атаки является человек, который может отказаться от совершения террористического акта или сдаться полиции[14]. Беспилотное транспортное средство, оснащенное искусственным интеллектом, избавлено от этого недостатка и в то же время может добраться до любой цели в автономном режиме без участия человека.

Подходы к регламентации тестирования и применения беспилотного транспорта в Сингапуре. Существуют несколько распространенных стратегий вмешательства регулятора при внедрении новых технологий. Первой стратегией является полное невмешательство. Подразумевается отсутствие каких-либо интервенций, когда власти страны не определяют правила и нормы, регулирующие внедрение новой технологии. Это особенно часто встречается на ранней стадии внедрения инноваций, когда непонятно, станет ли распространение технологии влиять на общество и какие риски в себе несет ее применение[15]. Стратегия бездействия также может быть применена, когда остаются значительные неясности в отношении потенциальной масштабируемости технологической услуги или продукта, отношения к ним общества и экономического эффекта от внедрения.

Вторая распространенная стратегия – стратегия, *ориентированная на предотвращение*. Эта стратегия подразумевает правовую регламентацию, направленную на предотвращение возникновения рисков. Она проявляется в сопротивлении власти немедленному внедрению технологии из-за политических, социальных и культурных факторов. Например, социально-технические барьеры, такие как низкое общественное признание[16] и конфликтующие интересы многочисленных заинтересованных сторон[17], могут привести к полному отказу от использования технологии или ее запрету. Стратегия, ориентированная на предотвращение, наиболее заметна при наличии экономических интересов правительства и различных заинтересованных групп в сохранении статус-кво. Например, запрет или непризнание криптовалют или операций с ними во многих странах – яркий пример такого подхода.

Еще одной стратегией реагирования регулятора на новые технологии является ориентация на контроль. Эта стратегия напоминает традиционный подход, когда государство контролирует внедрение новой технологии. Такой подход подразумевает решающую роль власти в регламентации разработки и применения технологии. Стратегия, ориентированная на контроль, применяется, когда правительства решают разрешить внедрение новых политик по отношению к технологическим инновациям, но активно пытаются использовать инструменты для регулирования рисков[18]. Некоторые из наиболее успешных регуляторных транспортных политик, такие как ценообразование в крупных городах, включая схему взимания платы за пробки в центре Лондона и электронное

[13] См.: *Ching S., Anowar S., Cheah L.* To embrace or not to embrace? Understanding public's dilemma about autonomous mobility services: A case study of Singapore // Case Studies on Transport Policy. 2021. No. 9 (4). P. 1542–1552.

[14] См.: *Miller V., Hayward K.J.* I Did my bit': Terrorism, tarde and the vehicle ramming attack as an imitative event // British Journal of Criminology. 2019. No. 59 (1). P. 9–11.

[15] См.: *Li Y., Taeihagh A., De Jong M.* The Governance of Risks in Ridesharing: A Revelatory Case from Singapore // Energies. 2018. No. 11 (5). P. 1277.

[16] См.: *Egbue O., Long S.* Barriers to widespread adoption of electric vehicles: An analysis of consumer attitudes and perceptions // Energy Policy. 2012. No. 48. P. 717–729; *Taeihagh A., Givoni M., Bañares-Alcántara R.* Which Policy First? A Network-Centric Approach for the Analysis and Ranking of Policy Measures // Environment and Planning B: Planning and Design. 2013. No. 40 (4). P. 595–616. https://doi.org/10.1068/b38058

[17] См.: *Quezada G., Walton A., Sharma A.* Risks and tensions in water industry innovation: understanding adoption of decentralised water systems from a socio-technical transitions perspective // Journal of Cleaner Production. 2016. Vol. 113. P. 263–273.

[18] См.: *Moran M.* The British regulatory state: high modernism and hyper-innovation. Oxford University Press on Demand, 2003.

дорожное ценообразование в Сингапуре, являются классическими примерами стратегии управления дорожными заторами, ориентированной на контроль со стороны государства[19].

Стратегия регулирования, ориентированная на терпимость к рискам, подразумевает, что законодатель допускает риски и власти государства готовы справиться с бедствиями или негативными последствиями, связанными с принятием определенной политики. Вместо того чтобы стремиться к снижению риска, риск принимается и разрабатываются меры работы с ним и минимизации негативных последствий. Стратегия, ориентированная на терпимость, применяется в управлении чрезвычайными ситуациями и обеспечении готовности к стихийным бедствиям[20]. Ключевым элементом такого подхода является механизм преодоления негативных последствий и реагирования на неблагоприятные события. В случае с беспилотными автомобилями одним из вариантов реализации такой стратегии было бы признание допустимости человеческих жертв в результате использования автономного автотранспорта и разработка мер компенсации, привлечения к ответственности, избегания повторных инцидентов с такими же обстоятельствами.

Еще одна стратегия реагирования власти на новую технологию – стратегия, ориентированная на адаптацию. Данная форма реагирования направлена на создание нормативной базы и институций, предназначенных для противостояния волатильности и неопределенности. Этот подход тесно связан с идеей «адаптивной устойчивости» в литературе по государственному управлению[21] и «гибкого управления» в литературе по управлению или менеджменту социально-технических систем и государственных организаций[22]. В государственном управлении под устойчивостью понимается способность целенаправленно реформироваться, чтобы оставаться социально, экономически и политически актуальной[23], данное свойство прежде всего зависит от гибкости правовой рамки. Адаптивное управление подразумевает одновременную способность поддерживать стабильность структуры управления и адаптироваться к неопределенности путем реакции на ошибки.

Такая стратегия предполагает гибкость нормативной базы и ее постепенный пересмотр для поддержания актуальности[24]. При этом должна поддерживаться и стабильность, которая может быть, например, обеспечена путем формулирования основных принципов регулирования. В Сингапуре одним из таких элементов, обеспечивающим стабильность в сфере регулирования интеллектуальных технологий, является Рамочная модель регулирования ИИ (The Model AI Governance Framework)[25]. Схема, опубликованная Комиссией по защите персональных данных (PDPC), является руководством, которому следует большинство разработчиков ИИ и компаний, использующих ИИ в Сингапуре[26]. Второе издание данного документа было представлено в январе 2020 г. на ежегодной встрече Всемирного экономического форума в Давосе (Швейцария)[27]. Адаптивность обеспечивается за счет нормативных правовых актов в определенных сферах применения искусственного интеллекта. Как было упомянуто ранее, в сфере регламентации использования беспилотного автотранспорта регулятор постоянно обновляет законодательство и вносит новые инициативы, получая обратную связь как от надзорных органов, так и от частных компаний.

Заключение

Власти Сингапура сочетают различные стратегии для регламентации тестирования и применения беспилотного автотранспорта. Вместе с тем некоторые авторы отмечают, что преобладает стратегия, ориентированная на адаптацию[28]. Этот подход в целом преобладает в правовой политике Сингапура, который всегда декларировал дальновидность, адаптивность и гибкость при разработке и принятии различных государственных

---

[19] См.: *Santos G.* Urban Congestion Charging: A Comparison between London and Singapore // Transport Reviews. 2005. 25:5. P. 511–534.

[20] См.: *O'Grady N.* Data, interface, security: Assembling technologies that govern the future // Geoforum. 2015. Vol. 64. P. 130–137.

[21] См.: *Duit A.* Resilience thinking: Lessons for public administration // Public Administration. 2015. No. 94 (2). P. 364–380.

[22] См.: *Hong S., Lee S.* Adaptive governance and decentralization: Evidence from regulation of the sharing economy in multi-level governance // Government Information Quarterly. 2018. No. 35 (2). P. 299–305; *Wang C., Megdalia R., Zheng L.* Towards a typology of adaptive governance in the digital government context: The role of decision-making and accountability // Government Information Quarterly. 2018. No. 35 (2). P. 306–322.

[23] См.: *Duit A.* Op. cit. P. 364–380.

[24] См.: *Mergel I., Gong Y., Bertot J.* Agile government: Systematic literature review and future research // Government Information Quarterly. 2018. No. 35 (2). P. 291–298.

[25] См.: The Model AI Governance Framework first edition. URL: https://ai.bsa.org/wp-content/uploads/2019/09/Model-AI-Framework-First-Edition.pdf

[26] См. подр.: *Дремлюга Р.И.* Основы национального регулирования применения искусственного интеллекта: опыт Сингапура // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 214–224.

[27] См.: Model AI Governance Framework second edition. URL: https://www.pdpc.gov.sg/-/media/Files/PDPC/PDF-Files/Resource-for-Organisation/AI/SGModelAIGovFramework2.pdf

[28] См.: *Tan S.Y., Taeihagh A.* Adaptive governance of autonomous vehicles: Accelerating the adoption of disruptive technologies in Singapore // Government Information Quarterly. 2021. No. 38 (2). P. 101546.

стратегий[29]. Интенсивное развертывание испытаний беспилотного автотранспорта в 2016–2017 гг. сопровождалось тесным партнерством с иностранными компаниями, местными университетами и локальными сообществами. Сингапур постоянно адаптирует национальные стандарты, нормы безопасности и кибербезопасности беспилотных автотранспортных средств в соответствии с международными стандартами.

Поскольку среднесрочные и долгосрочные последствия внедрения беспилотного транспорта остается неопределенным, правительство также взаимодействует с транспортными профсоюзами для обеспечения того, чтобы навыки работников транспорта оставались актуальными и не зависели от возможной безработицы, вызванной внедрением автономного транспорта[30].

По отношению к регламентации тестирования и применения беспилотного автотранспорта также применяется подход, ориентированный на терпимость к рискам. В Сингапуре были проведены многочисленные испытания бесплотных авто, которые инициировались до принятия правовых актов. Было запущено множество экспериментальных режимов[31], направленных на развитие технологии беспилотного транспорта. Тестирование начиналось до подтверждения безопасности автономного автотранспорта. Так, когда в октябре 2016 г. произошло столкновение пилотируемого компанией "nuTonomy" автомобиля с грузовиком, было немедленно начато расследование инцидента. После устранения проблем с безопасностью беспилотной технологии судебное разбирательство было возобновлено. Это демонстрирует приверженность правительства Сингапура конструктивному сотрудничеству с отраслью для минимизации рисков безопасности без запрета или создания препятствий для инноваций[32].

Сингапур, по оценке различных экспертов, – один из лидеров в сфере внедрения беспилотного автотранспорта на дорогах общего пользования. Как показано в данной статье, одним из факторов успеха является то, что государство в сфере регламентации использования автомобилей под управлением ИИ отказалось от запретительного подхода и стратегии, ориентированной на контроль. Все нормативные правовые акты разрабатываются и принимаются в тесном сотрудничестве с общественностью и технологическими компаниями. Сингапур продолжает экспериментировать с инновациями во всех сферах гражданского применения технологий, даже если до конца не доказана их безопасность.

[29] См.: *Ong I.B.L.* Singapore water management policies and practices // International Journal of Water Resources Development. 2010. No. 26 (1). P. 65–80.

[30] См.: *Tan S.Y., Taeihagh A.* Op. cit. P. 101546.

[31] См.: *Pang K.K.* Road Traffic Act (Chapt. 276): Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) rules 2017. Singapore, 2017.

[32] См.: *Tan S.Y., Taeihagh A.* Op. cit. P. 101546.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И.* Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 1 (158). С. 145–159.
2. *Дремлюга Р.И.* Основы национального регулирования применения искусственного интеллекта: опыт Сингапура // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 214–224.
3. *Дремлюга Р.И., Крипакова А.В., Яковенко А.А.* Регулирование тестирования и использования беспилотного автотранспорта: опыт США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3 (82). С. 68–85.
4. *Ching S., Anowar S., Cheah L.* To embrace or not to embrace? Understanding public's dilemma about autonomous mobility services: A case study of Singapore // Case Studies on Transport Policy. 2021. No. 9 (4). P. 1542–1552.
5. *Duit A.* Resilience thinking: Lessons for public administration // Public Administration. 2015. No. 94 (2). P. 364–380.
6. *Egbue O., Long S.* Barriers to widespread adoption of electric vehicles: An analysis of consumer attitudes and perceptions // Energy Policy. 2012. No. 48. P. 717–729.
7. *Hong S., Lee S.* Adaptive governance and decentralization: Evidence from regulation of the sharing economy in multilevel governance // Government Information Quarterly. 2018. No. 35 (2). P. 299–305.
8. *Li Y., Taeihagh A., De Jong M.* The Governance of Risks in Ridesharing: A Revelatory Case from Singapore // Energies. 2018. No. 11 (5). P. 1277.
9. *Mergel I., Gong Y., Bertot J.* Agile government: Systematic literature review and future research // Government Information Quarterly. 2018. No. 35 (2). P. 291–298.
10. *Miller V., Hayward K.J.* I Did my bit': Terrorism, tarde and the vehicle ramming attack as an imitative event // British Journal of Criminology. 2019. No. 59 (1). P. 9–11.
11. *Moran M.* The British regulatory state: high modernism and hyper-innovation. Oxford University Press on Demand, 2003.
12. *O'Grady N.* Data, interface, security: Assembling technologies that govern the future // Geoforum. 2015. Vol. 64. P. 130–137.
13. *Ong I.B.L.* Singapore water management policies and practices // International Journal of Water Resources Development. 2010. No. 26 (1). P. 65–80.
14. *Pang K.K.* Road Traffic Act (Chapt. 276): Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) rules 2017. Singapore, 2017.
15. *Quezada G., Walton A., Sharma A.* Risks and tensions in water industry innovation: understanding adoption of decentralised water systems from a socio-technical

transitions perspective // Journal of Cleaner Production. 2016. Vol. 113. P. 263–273.

16. *Santos G.* Urban Congestion Charging: A Comparison between London and Singapore // Transport Reviews. 2005. 25:5. P. 511–534.
17. *Taeihagh A., Givoni M., Bañares-Alcántara R.* Which Policy First? A Network-Centric Approach for the Analysis and Ranking of Policy Measures // Environment and Planning B: Planning and Design. 2013. No. 40 (4). P. 595–616. https://doi.org/10.1068/b38058
18. *Tan S.Y., Taeihagh A.* Adaptive governance of autonomous vehicles: Accelerating the adoption of disruptive technologies in Singapore // Government Information Quarterly. 2021. No. 38 (2). P. 101546.
19. *Wang C., Megdalia R., Zheng L.* Towards a typology of adaptive governance in the digital government context: The role of decision-making and accountability// Government Information Quarterly. 2018. No. 35 (2). P. 306–322.

REFERENCES

1. *Gracheva Yu. V., Korobeev A.I., Malikov S.V., Chuchaev A.I.* Criminal law risks in the field of digital technologies: problems and suggestions // Lex russica (Russian Law). 2020. Vol. 73. No. 1 (158). P. 145–159 (in Russ.).
2. *Dremlyuga R.I.* Fundamentals of national regulation of the use of artificial intelligence: Singapore experience // Asia-Pacific Region: economics, politics, law. 2022. Vol. 24. No. 1. P. 214–224 (in Russ.).
3. *Dremlyuga R.I., Kripakova A.V., Yakovenko A.A.* Regulation of testing and use of unmanned vehicles: US experience // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2020. No. 3 (82). P. 68–85 (in Russ.).
4. *Ching S., Anowar S., Cheah L.* To embrace or not to embrace? Understanding public's dilemma about autonomous mobility services: A case study of Singapore // Case Studies on Transport Policy. 2021. No. 9 (4). P. 1542–1552.
5. *Duit A.* Resilience thinking: Lessons for public administration // Public Administration. 2015. No. 94 (2). P. 364–380.
6. *Egbue O., Long S.* Barriers to widespread adoption of electric vehicles: An analysis of consumer attitudes and perceptions // Energy Policy. 2012. No. 48. P. 717–729.
7. *Hong S., Lee S.* Adaptive governance and decentralization: Evidence from regulation of the sharing economy in multi-level governance // Government Information Quarterly. 2018. No. 35 (2). P. 299–305.
8. *Li Y., Taeihagh A., De Jong M.* The Governance of Risks in Ridesharing: A Revelatory Case from Singapore // Energies. 2018. No. 11 (5). P. 1277.
9. *Mergel I., Gong Y., Bertot J.* Agile government: Systematic literature review and future research // Government Information Quarterly. 2018. No. 35 (2). P. 291–298.
10. *Miller V., Hayward K.J.* I Did my bit': Terrorism, tarde and the vehicle ramming attack as an imitative event // British Journal of Criminology. 2019. No. 59 (1). P. 9–11.
11. *Moran M.* The British regulatory state: high modernism and hyper-innovation. Oxford University Press on Demand, 2003.
12. *O'Grady N.* Data, interface, security: Assembling technologies that govern the future // Geoforum. 2015. Vol. 64. P. 130–137.
13. *Ong I.B.L.* Singapore water management policies and practices // International Journal of Water Resources Development. 2010. No. 26 (1). P. 65–80.
14. *Pang K.K.* Road Traffic Act (Chapt.276): Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) rules 2017. Singapore, 2017.
15. *Quezada G., Walton A., Sharma A.* Risks and tensions in water industry innovation: understanding adoption of decentralised water systems from a socio-technical transitions perspective // Journal of Cleaner Production. 2016. Vol. 113. P. 263–273.
16. *Santos G.* Urban Congestion Charging: A Comparison between London and Singapore // Transport Reviews. 2005. 25:5. P. 511–534.
17. *Taeihagh A., Givoni M., Bañares-Alcántara R.* Which Policy First? A Network-Centric Approach for the Analysis and Ranking of Policy Measures // Environment and Planning B: Planning and Design. 2013. No. 40 (4). P. 595–616. https://doi.org/10.1068/b38058
18. *Tan S.Y., Taeihagh A.* Adaptive governance of autonomous vehicles: Accelerating the adoption of disruptive technologies in Singapore // Government Information Quarterly. 2021. No. 38 (2). P. 101546.
19. *Wang C., Megdalia R., Zheng L.* Towards a typology of adaptive governance in the digital government context: The role of decision-making and accountability// Government Information Quarterly. 2018. No. 35 (2). P. 306–322.

Сведения об авторах

ДРЕМЛЮГА Роман Игоревич –
кандидат юридических наук, доцент, руководитель Дальневосточного центра искусственного интеллекта, профессор Дальневосточного федерального университета; 690922 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

КОРОБЕЕВ Александр Иванович –
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета; 690922 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

ЧУЧАЕВ Александр Иванович –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

DREMLYUGA Roman I. –
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Far Eastern Center for Artificial Intelligence, Professor of the Far Eastern Federal University; 10 Ajax village, 690922 Primorsk Region, Vladivostok, Russian island

KOROBEEV Alexander I. –
Doctor in Law, Professor, Head of Chair of Criminal Law and Criminology of Far Eastern Federal University; 10 Ajax village, 690922 Primorsk Region, Vladivostok, Russian island

CHUCHAEV Alexander I. –
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Acting Head of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 132–141
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 132–141

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ПО ПОЛОЖЕНИЮ О СУДОУСТРОЙСТВЕ РСФСР 1922 г. (К 100-летию Верховного Суда Российской Федерации)

© 2023 г. Е. В. Бурдина*, В. Н. Корнев**

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

** E-mail: elenburdina@yandex.ru*
*** E-mail: kornev51@yandex.ru*

Поступила в редакцию 28.10.2022 г.

Аннотация. История становления советской судебной системы непроста. В первые годы после октябрьских событий 1917 г. формирование судебной системы не шло по заранее апробированным и согласованным между собой принципам. Судебное строительство скорее было спонтанным, а судебные учреждения неоднократно создавались и перестраивались под политические задачи. В первые пять лет новой власти судебные учреждения действовали, подчиняясь разным органам власти и опираясь на принципы, противоречащие основам рациональной судебной организации. С принятием Положения о судоустройстве РСФСР 1922 г. на практике была реализована теоретическая концепция единства судов, создана система народных судов, показавшая свою жизнеспособность на протяжении вековой истории. Организация судов на принципах их единства, доступности и простоты построения, единства судебной практики предопределила многие основополагающие аспекты национального судоустройства, а также повлияла на модели судебных систем зарубежных стран.

Ключевые слова: судебная реформа 1922 г., задачи суда, кассационный суд, Верховный Суд РСФСР, военный трибунал, юридическое образование.

Цитирование: *Бурдина Е.В., Корнев В.Н.* Концепция единства судебной системы по Положению о судоустройстве РСФСР 1922 г. (К 100-летию Верховного Суда Российской Федерации) // Государство и право. 2023. № 1. С. 132–141.

Исследование подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00672 “The concept of organizing judicial activities in the information society”.

DOI: 10.31857/S102694520024100-1

THE CONCEPT OF THE UNITY OF THE JUDICIAL SYSTEM ACCORDING TO THE REGULATIONS ON THE JUDICIARY OF THE RSFSR OF 1922 (To the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation)

© 2023 E. V. Burdina*, V. N. Kornev**

Russian State University of Justice, Moscow

**E-mail: elenburdina@yandex.ru*
***E-mail: kornev51@yandex.ru*

Received 28.10.2022

Abstract. The history of the formation of the Soviet judicial system is not simple. In the first years after the October events of 1917, the formation of the judicial system did not proceed according to previously tested and agreed upon principles. Judicial construction was rather spontaneous, and judicial institutions were repeatedly created and rebuilt for political purposes. In the first five years of the new government, judicial institutions acted under the authority of various authorities and based on principles that contradicted the foundations of

a rational judicial organization. With the adoption of the Regulations on the judiciary of the RSFSR in 1922, the theoretical concept of the unity of the courts was put into practice, a system of people's courts was created, which showed its viability over a century of history. The organization of courts on the principles of their unity, accessibility and simplicity of construction, the unity of judicial practice predetermined many fundamental aspects of the national judiciary, and also influenced the models of judicial systems in foreign countries.

Key words: judicial reform of 1922, tasks of the court, court of cassation, Supreme Court of the RSFSR, military tribunal, legal education.

For citation: *Burdina, E.V., Kornev, V.N. (2023).* The concept of the unity of the judicial system according to the Regulations on the Judiciary of the RSFSR of 1922 (To the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 132–141.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00672 "The concept of organizing judicial activities in the information society".

Введение

1 января 2023 г. Верховный Суд Российской Федерации отметил вековой юбилей. Такая дата является поводом для анализа процессов и явлений, послуживших основой создания высшего суда России, модель которого показала свою жизнеспособность на протяжении десятков лет. Источники, определяющие информационное поле познания судоустройства периода 1922 г., казалось бы, достаточно изучены и представлены в трудах многих ученых и практиков[1]. Однако принятые в рамках судебной реформы 1922 г. документы ныне приобретают новое значение. С позиции текущих вызовов, стоящих перед судебной системой (например, таких как развитие специализированных судов, особенно в условиях военного времени, обеспечение единства судебной практики, независимого статуса судей и необходимого уровня их подготовки), интерес представляют теоретические обоснования, законодательные конструкции и практические результаты создания единой судебной системы и ее руководящего звена – Верховного Суда РСФСР.

Познание истории развития судов связано не только с выявлением и анализом правовых памятников прошлых лет, но и интерпретацией исторических фактов[2] с учетом ценностных ориентиров и проблем сегодняшней реальности. Опыт прошлого должен быть соотнесен с современными задачами, и на этой основе определены векторы будущего развития судебной системы.

Судебная реформа 1922 г. и ее влияние на развитие судебных систем зарубежных стран

Судебная реформа 1922 г. в отличие от реформы 1864 г. не названа исследователями «великой»[3]. Раскрывая содержание и исторический ход реформы 1922 г., не принято именовать ее как «Судебную», прописывая с заглавной буквы. Вместе с тем представляется, что опыт и результаты судебной реформы 1922 г. остались недооцененными, причем как внутри страны, так и с позиции международного влияния.

Основным правовым актом, вобравшим в себя теоретические подходы и политические программы относительно создания народного суда, явилось Положение о судоустройстве РСФСР 1922 г. (далее – Положение)[4]. В итоге принятия Положения были закреплены новые задачи суда и организация системы судоустройства, заложены правовые основы единого народного суда, а точнее – единой судебной системы, и поныне являющейся элементом российской государственной идентичности[5]. Положение отразило политические, социально-экономические реалии перехода России от военного коммунизма к нэпу.

Принципы и правила организации судебной системы, содержащиеся в Положении, не только предопределили многие основополагающие аспекты национального судоустройства, но и имели международное значение, поскольку обусловили

[1] См., напр.: *Власов В.И.* История судебной власти в России. Книга вторая (1917–2003 годы). М., 2004; *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990; *Карев Д.С.* Организация суда и прокуратуры в СССР. М., 1954; *Славин И.* Пять лет работы советских народных судов // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 44–45. С. 8–9; *Кожевников М.В.* История советского суда. 1917–1947 гг. М., 1948.

[2] См.: *Линченко А.А.* Историческое познание и целостность исторического знания // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 2 (70). С. 62.

[3] См., напр.: Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2014; *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). М., 2013. С. 5.

[4] См.: постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 69, ст. 902.

[5] См.: *Санина А.Г., Павлов А.В.* Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9. С. 30–40.

построение судебных систем государств т.н. «социалистического лагеря».

Модель судебной системы РСФСР, созданная согласно Положению, была воспринята законодательством СССР, заимствовалась в других союзных республиках, вошедших в состав Союза Советских Социалистических Республик. Копирование модели российской системы судоустройства привело к созданию советского (социалистического) типа организации судебных систем, наряду с традиционными моделями судоустройства[6], действующими в западных странах и США.

Впервые на роль Положения в организации системы судоустройства в государствах советского (коммунистического) типа было обращено внимание не российскими учеными, а зарубежными исследователями в конце 1950-х – начале 1960-х гг.[7], т.е. спустя несколько десятилетий после проведения реформы 1922 г. Такой интерес именно в данный период был обусловлен двумя факторами: а) обширностью территории, охватываемой советским типом права и судебной организацией к 1960-м годам; б) трудностями доступа к советским нормативным правовым актам как в первые годы диктатуры пролетариата, так и в последующие периоды, связанные с репрессиями 30-х годов и Великой Отечественной войной.

После победы СССР во Второй мировой войне советское право распространяется на огромную территорию Европейского и Азиатского континентов. Апробированная в России правовая конструкция единой судебной системы стала использоваться на территории государств, во-первых, вошедших в состав СССР (Литва, Латвия, Эстония, Молдавия) и, во-вторых, выбравших путь народной демократии (Албания, Болгария, Чехословакия, Венгрия, Польша, Румыния, Югославия). Правовая форма судебной организации в качестве единой иерархично выстроенной системы судебных учреждений с единым руководящим центром структурно обеспечивала отправление надлежащего судопроизводства и в силу простоты и удобства построения судов была привлекательна.

В рамках компаративистских исследований Положение о судоустройстве РСФСР 1922 г. впервые переводится западными исследователями на английский язык в 1966 г. и становится доступным правоведам и иным заинтересованным зарубежным читателям.

Положение 1922 г. и созданная на его основе судебная система РСФСР получают в западной литературе негативные оценки[8]. Такие оценки исходили не из анализа правовой модели советской судебной системы, а основывались на результатах деятельности российских судебных учреждений, включая трибунальную систему, в уголовном судопроизводстве. Взгляд на единую судебную систему РСФСР с позиции мировоззренческих установок неприятия советской формы правления и классового предназначения суда, через призму политологических подходов и анализа в большей степени репрессивной составляющей судебной деятельности не позволил зарубежным авторам дать объективные оценки основным правовым идеям, заложенным в Положении о судоустройстве РСФСР 1922 г. Оценка всей системы судоустройства с позиции уголовного преследования является некорректной, в том числе и потому, что суды рассматривали и разрешали (как в первые годы советской власти, так и в настоящее время) не только уголовные, но и гражданские и иные дела, причем гражданские дела превалировали.

Так, в течение 1926 г. в народные суды РСФСР поступило около 3 000 000 дел, причем 55% этого количества составляли гражданские дела[9].

Немаловажно отметить, что даже простое сопоставление текстов документов, регулирующих, казалось бы, сходные правоотношения, представляет сложности для объективного восприятия зарубежными исследователями, поскольку нет уверенности в аналогичности сопоставляемых правовых норм. В литературе советского периода отмечалось, что даже такие слова, как «демократия», «дружба», «мир», в США описывают другими понятиями, чем в СССР[10].

Сложности западного восприятия российского права и судебного устройства объясняются также разными мировоззренческими и идеологическими подходами к сущности государства и взаимоотношениям «государство-личность». Смысл российской государственности, проявившейся в судоустройстве, раскрывает М.Ф. Румянцева, аргументируя расхождение ценностных основ историческими и гуманитарными факторами. По мнению названного ученого, «западноевропейское и североамериканское законодательство Нового времени характеризуется в первую очередь фиксацией прав

[6] См.: *Wagner W.J.* The Russian Judiciary Act of 1922 and Some Comments on the Administration of Justice in the Soviet Union // Indiana Law Journal. 1966. Vol. 41. Iss. 3. P. 420–454.

[7] См., напр.: *Gsovski V., Grzybowski K. (ed.)* Government, law, and courts in the Soviet Union and Eastern Europe: in 2 vols. London, 1959.

[8] См.: *Wagner W.J.* Op. cit. P. 420–454.

[9] См.: *Бранденбургский Я.* Предстоящая большая кампания (к перевыборам нарсудей и нарзаседателей в 1927 г.) // Еженедельник сов. юстиции. 1926. № 50. С. 1393.

[10] *Fedynskyj J.* Government, Law and Courts in the Soviet Union and Eastern Europe, edited by Vladimir Gsovski and Kazimierz Grzybowski // Indiana Law Journal. 1961. Vol. 36. Iss. 3. P. 392–402.

личности, очевидно, что российское законодательство не знало соответствующих норм, если не считать в качестве таковых фиксацию прав сословий»[11].

Признак единства судебной системы как элемент идентичности Российского государства

Положение о судоустройстве РСФСР 1922 г. закрепило образование и функционирование судов как единого целого, т.е. признак единства судебной системы. Системообразующими способами обеспечения единства явились такие параметры судоустройства, как цель создания системы, простота построения, доступность и иерархичность звеньев системы, исключающей чрезвычайную юстицию, наличие высшего судебного органа, единство применяемого судами права и обеспечение единства судебной практики.

Основные цели суда были закреплены в статье 1 Положения о судоустройстве 1922 г., в соответствии с которой единая система судебных учреждений образовывалась и действовала в целях ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов государства, а также прав трудящихся и их объединений.

Н.В. Крыленко отмечал, что судебная система в ходе реформы 1922 г. строилась не как орган судебной защиты нарушенных прав и интересов исключительно физических лиц и организаций, а как «орган охраны интересов целого, исходя из интересов целого, теми силами, которые являются основными рычагами строения этого целого – Республики РСФСР, а именно: рабочим классом и его организациями»[12].

Положение о судоустройстве неоднократно изменялось в течение последующих лет, адаптируясь к изменяющимся условиям построения советской государственности. Однако цели и задачи создания единой судебной системы не корректировались.

Предназначенность суда для защиты завоеваний пролетариата и государственных интересов, а также прав трудящихся последовательно закреплялись как в судоустройственном, так и в процессуальном законодательстве. Указанные цели нашли воплощение в тексте Положения о судоустройстве РСФСР 1926 г.[13], принятого для разграничения компетенции судебных учреждений РСФСР и СССР. Более того, Положение 1926 г. значительно развивает нормы Положения 1922 г. в части целевых установок суда.

Так, согласно Положению 1926 г. задачами суда являются: а) ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного; б) защита интересов и прав трудящихся и их объединений; в) укрепление общественно-трудовой дисциплины и солидарности трудящихся и их правовое воспитание; г) осуществление революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан.

Традиция определения задач суда, приоритетно выделяя защиту государственного и общественного уклада, прав и интересов государственных учреждений, общественных организаций как публично-коллективных образований наряду с защитой прав граждан, сохранялась до конца XX в. вплоть до принятия Конституции РФ 1993 г. и ныне действующих судоустройственных и процессуальных нормативных правовых актов.

Конституция РФ 1993 г. отразила либеральный политико-правовой режим, установив приоритет прав и свобод гражданина, обозначив, по сути, их место и значение выше интересов и прав государства (ст. 2). Однако традиционализм, социальная память и внешнеполитическая реальность показали, что в нормативной догматике должен соблюдаться баланс между правами человека и коллективными интересами государства[14], что нашло отражение в ст. 75[1] Конституции РФ в редакции от 1 июля 2020 г., где закреплен баланс интересов, взаимное доверие государства и общества, защита уважения человека труда. Современные реалии международной действительности показывают, что ценности публичного, в том числе государственного, характера должны подлежать защите не в меньшей степени, чем права физических лиц.

Положение о судоустройстве 1922 г. коренным образом изменило судебную организацию, последовательно проводя идею единства построения судебной системы. Уже в порядке обсуждения проекта Положения ему давались оценки как «основательной кодификационной работе»[15].

Единство судебной системы пришло на смену децентрализации судебных учреждений. В результате Гражданской войны и слома судебной системы Российской Империи на основании первых декретов[16] в России на момент принятия Положения действовали две разные по своей организации, методам работы, формам контроля системы судебных

[11] *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002. С. 285.

[12] *Крыленко Н.В.* Реформа судоустройства // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 37–38. С. 1–5.

[13] См.: постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «Об утверждении Положения о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1926. № 85, ст. 624.

[14] См.: Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный). 2-е изд., измененное и дополненное / рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев; науч. ред. Ю.И. Скуратов. М., 2013.

[15] *Лисицын А.* Судебная реформа // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 33. С. 1.

[16] См.: Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50; Декрет ВЦИК от 07.03.1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26, ст. 420; Декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 г. № 3 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52, ст. 589.

учреждений[17], функционирующие параллельно: с одной стороны, народные суды, губернские Советы народных судей и находящиеся при них особые сессии народного суда, Высший судебный контроль при Наркомате юстиции, с другой – трибунальная система, включающая губернские трибуналы, военные и военно-транспортные трибуналы, единый Верховный трибунал при ВЦИК[18].

Действующие судебные учреждения не были объединены единым кассационным центром. Децентрализация приводила к пестроте судебной практики, отсутствию единства правоприменения. Децентрализация народных судов состояла в том, что в отношении судов основного звена кассационную деятельность выполняли губернские советы народных судей, являвшиеся выборными органами съезда народных судей. Ни состав, ни результаты работы советов народных судей не подлежали контролю. Решения советов не систематизировались, не проводилось обобщения указанной практики. Дело, рассмотренное в одном совете народных судей, могло быть иным образом разрешено в другом совете народных судей, что провоцировало законность «калужскую и казанскую»[19].

С целью устранить децентрализацию судебной деятельности и обеспечить единство судебной практики был принят Декрет о Высшем судебном контроле от 10 марта 1921 г.[20], который наделил Народный комиссариат юстиции правом отменять любые решения судов первой и второй инстанций, вступившие в законную силу. Кроме этого на Наркомат юстиции был возложен общий надзор за всеми судебными учреждениями РСФСР, в рамках которого он имел право давать судам руководящие разъяснения по применению действующего советского законодательства.

Создание Высшего судебного контроля являлось вынужденной мерой, неким суррогатом построения высшей судебной инстанции и фактически повтором российской традиции, где высший судебный орган – Правительствующий Сенат Российской Империи имел двойственную природу – полусудебного, полуадминистративного органа.

Практика деятельности Высшего судебного контроля обозначила тенденции по превращению его во вторую высшую кассационную инстанцию и в инстанцию по толкованию закона, несмотря на противоречивость правовой природы. Неограниченность оснований для отмены итоговых актов судов при действии революционной законности породила множество жалоб в Высший судебный контроль, что привело к тому, что губернским отделам юстиции было дано право рассматривать эти жалобы на местах. Таким образом, вне правовых оснований была создана еще одна кассационная инстанция, которая по форме и по содержанию не относилась к судебным учреждениям, была создана в противоречии с принципами построения судебной системы[21].

Система народных судов, как она сложилась к 1922 г. во главе с Высшим судебным контролем при Наркомате юстиции, отличалась не только децентрализацией судебной практики, но и фактически зависимостью от советских органов, поскольку народные судьи избирались и смещались губернскими исполкомами по своему усмотрению. Частая сменяемость народных судей и народных заседателей рассматривалась как метод судебного управления и контроля за деятельностью судов[22].

Параллельно и независимо от народных судов в условиях военного времени формировалась трибунальная система. Основу организации трибуналов, в отличие от народных судов, составляли принципы централизации, отсутствия народных заседателей, независимости от местных губернских властей, единого кассационного центра.

Действовавшие автономно от народных судов и имевшие ряд существенных особенностей в руководстве революционные трибуналы представляли собой разветвленную сеть общих и ведомственных трибуналов. К общим трибуналам относились губернские революционные трибуналы во главе с Верховным революционным трибуналом при ВЦИК. К ведомственным – военные революционные трибуналы во главе с Революционным военным трибуналом Республики при Реввоенсовете и революционные военные железнодорожные трибуналы во главе с Главным революционным военным железнодорожным трибуналом при Наркомпути[23].

При конкуренции трибуналов единый кассационный центр удалось создать в 1921 г. в результате объединения всех трибуналов, включая военные

---

[17] См.: *Крыленко Н.В.* Указ. соч. С. 1, 2.

[18] См.: *Смыкалин А.С.* История судебной системы России. М., 2010. С. 144.

[19] *Ленин В.И.* О двойном подчинении и законности (тов. Сталину для Политбюро) // Еженедельник сов. юстиции. 1925. № 17. С. 1.

[20] См.: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.03.1921 г. «Положение о высшем судебном контроле» // СУ РСФСР. 1921. № 15, ст. 97.

[21] См.: *Крыленко Н.В.* Указ. соч. С. 1–5.

[22] См.: *Абдулин Р.С.* Судебное управление в Российской Федераци (1917–1990 гг.). Историко-юридическое исследование. М., 2014. С. 158.

[23] См.: *Коссов И.А.* Становление народных судов и Наркомат юстиции РСФСР: 1917–1922 годы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006.

и транспортные, и учредить Верховный трибунал[24] при ВЦИК.

Верховный трибунал стал единым кассационно-надзорным органом для всех действовавших на территории РСФСР трибуналов[25], а также судом первой инстанции для дел особой важности. В составе Верховного трибунала действовали судебная, военная, транспортная и кассационная коллегии. За время революционных событий и военных действий система ревтрибуналов окрепла и имела четкую, в отличие от народных судов, организацию. Однако у этой системы были серьезные недостатки, наиболее значимо проявившиеся в работе военных трибуналов, где приказ Реввоенсовета был приоритетнее закона, а усмотрение не знало границ.

Существующие системы судебных учреждений, построенные на взаимно исключающих друг друга принципах, имеющие разные кассационно-надзорные органы, создавали разнобой и децентрализацию судебной деятельности.

При обсуждении проекта Положения остро дискутировались вопросы, связанные с выбором модели обеспечения единства судебной практики[26] (Высший судебный контроль или Верховный трибунал) и организационной формы губернского суда, что, по мысли Н.В. Крыленко, определялось взаимодействием двух тенденций: «отрибуналить совнарсуд или осовнарсудить трибунал»[27].

Положение о судоустройстве 1922 г. юридически завершило оформление потребности в единой системе судов. В соответствии с Положением о судоустройстве РСФСР 1922 г. вместо различных по своей организации судебных учреждений была создана иерархично выстроенная, единая система народных судов, включающая: а) в качестве суда основного звена – народный суд, представленный двумя организационными формами: без народного представительства как профессиональный единоличный состав (постоянный народный судья) и с представителями народа как коллегиальный судебный состав (постоянный народный судья и два народных заседателя), б) в качестве суда среднего уровня – губернский суд, в) в качестве суда высшего уровня – Верховный Суд РСФСР.

Помимо системы народных судов действовали специальные суды, к которым относились: военные и военно-транспортные трибуналы, особые трудовые сессии народных судов, земельные комиссии и арбитражные комиссии. Хотя с точки зрения формально-правовых критериев они не входили в единую судебную систему, но по факту рассматривались как ее часть, поскольку процессуально замыкались на Верховном Суде РСФСР[28], являвшемся надзорным органом и органом судебного управления в отношении всех без исключения судебных учреждений РСФСР.

Российскую единую судебную систему отличали простота построения, доступность и иерархичность организации звеньев системы, наличие специальных судов при отсутствии чрезвычайной юстиции. Положение 1922 г. отразило позицию Наркомюста о том, что реформа состоит не в поглощении трибуналами народного суда, а в его укреплении и, наоборот, упразднении или сокращении судов чрезвычайных и исключительных.

Верховный Суд РСФСР наделялся полномочиями суда кассационной инстанции в отношении решений и приговоров, вынесенных губернскими судами, тем самым аккумулировал верховную власть в отношении всех судов системы. В период разработки Положения о судоустройстве РСФСР 1926 г. возникла острая дискуссия в отношении предоставления краевому суду прав суда кассационной инстанции в отношении дел, разрешаемых окружными судами. Такая возможность не только усложнила бы установленную законом трехзвенную судебную систему, но и поставила бы под сомнение единство на всей территории РСФСР судебной практики, так как в этом случае Верховный Суд был бы почти целиком оторван от работы судебных органов края[29].

В дальнейшем, укрепляя роль и значение Верховного Суда РСФСР в судебной системе, Положение о судоустройстве РСФСР 1926 г. установило, что Верховный Суд РСФСР является органом, осуществляющим единую судебную политику на территории РСФСР. Названная функция выполнялась Верховным Судом РСФСР исключительно путем непосредственного руководства судебной практикой, а не административными инструментами.

После подписания в декабре 1922 г. договора о создании СССР перед комиссией по выработке Положения о Верховном Союзном Суде в 1923 г. встал вопрос о сохранении единства судов,

[24] См.: Декрет ВЦИК от 23.06.1921 г. «Об объединении всех Революционных Трибуналов Республики» // СУ РСФСР. 1921. № 51, ст. 294.

[25] См.: *Петухов Н.А.* Записки военного юриста: военные суды России. М., 2010. С. 21.

[26] См.: *Муратова Н.Г.* Единство судебной практики: предпосылки и тенденции // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3. С. 18–23.

[27] *Крыленко Н.В.* Суд и право в СССР. Ч. 1. Основы судоустройства. М., Л., 1927. С. 69.

[28] См.: *Филонова О.И.* Правовое обеспечение советской судебной реформы в период нэпа (1921–1929 гг.) // История государства и права. 2012. № 3. С. 37–39.

[29] См.: *Аскарханов С.* Новое положение о судоустройстве // Еженедельник сов. юстиции. 1926. № 52. С. 1433–1435.

рассматриваемого уже в те годы как «крупный шаг в судоустройстве»[30], достигнутый в результате опыта первых пяти лет советской власти.

Предложения, поступившие от украинских представителей Наркомата юстиции, о том, чтобы при создании Верховного Суда и судебной организации СССР подчинить окружные военные и военно-транспортные трибуналы верховным судам союзных республик, а вопросы, связанные с назначением судей этих судебных учреждений, и прочие организационные вопросы передать в ведение наркоматов юстиции соответствующих республик, были отвергнуты, поскольку их реализация разрушила бы созданное внутреннее единство системы и судебной практики.

На страницах «Еженедельника советской юстиции»[31] отстаивались доводы в пользу недопустимости разрушения единства кассационного центра в отношении трибуналов, как это было закреплено Положением о судоустройстве 1922 г.

О.Я. Карклин, являвшийся на тот момент заместителем председателя Верховного Суда РСФСР, писал, что «нам необходимо во чтобы то ни стало сохранить единство военных и военно-транспортных трибуналов, поскольку мы имеем объединенную Красную армию на всей территории союза и объединенный транспорт»[32]. Поскольку трибуналы рассматривались в качестве неразрывной части единой армии и транспорта, то при создании Верховного Суда СССР было решено заимствовать логику определения компетенции Верховного Суда РСФСР в отношении трибуналов и передать кассационные полномочия новому союзному суду. Именно в составе Верховного Суда СССР были созданы военная и военно-транспортная коллегии, являющиеся кассационной инстанцией в отношении нижестоящих военных и военно-транспортных трибуналов.

Исторический опыт убеждает, что единство судебной системы и судебной практики отражает модель Российского государства как единого государства, несмотря на федеративное устройство, с сильными структурами юстиции.

Системообразующим элементом единства судов явилось единство применяемого судами права. Период судебной реформы 1922 г. характеризуется тем, что на «смену революционному правосознанию как основному источнику права приходит формально-определенный нормативный акт»[33]. Отсутствие единых материальных и процессуальных законов в первые годы после октябрьских событий 1917 г. дали простор судейскому усмотрению при разрешении дел.

Так, анализ осужденных в период с 1919 по 1920 г. показывал значительное разнообразие обстоятельств, приводимых к вынесению обвинительного приговора, что объяснялось отсутствием единого уголовного закона и перечня составов преступлений. По этой причине среди заключенных наблюдались приговоренные за утопление коровы, появление в нетрезвом виде, нанесение ударов лошади, грубое отношение к жене и детям, голосование против назначения и т.п. «преступления»[34], что свидетельствовало о необходимости принятия уголовного кодекса, а также других материальных и процессуальных актов для единообразной деятельности суда.

В результате реформы была проведена систематизация законодательства, направленная на создание новой системы права Советского государства. В 1922 г. были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, Гражданский кодекс, а в 1923 г. – Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, обязательные для всех судебных учреждений единой судебной системы РСФСР.

Проведение кодификации актуализировало проблему подготовки профессиональных юридических кадров для судебной работы. Уровень подготовки судей и сотрудников аппарата был низким. Статистические данные анализируемого периода показывают, что процент судебных работников с низшим образованием составлял 61%, со средним образованием – 21% и с высшим образованием – только 18%[35].

Судебная реформа создала благоприятную основу и дала мощный толчок для развития юридического образования в России.

Потребности в знании советского права реально восполнялись системой высших и областных юридических курсов, которые организовывались для подготовки кадров юристов-практиков. Причем большая роль в их подготовке возлагалась на губернские суды и их председателей. Курсы являлись во многих регионах единственно возможными формами обучения, поскольку университетских

[30] *Карклин О.* Еще один проект (Тоже к вопросу о Союзном верховном суде) // Еженедельник сов. юстиции. 1923. № 10. С. 209.

[31] См. подр. об этом журнале: *Кроткова Н.В.* Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий Советской власти // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 76–78.

[32] *Карклин О.* Указ. соч. С. 210.

[33] *Лезов И.Л.* Советский суд в 1917–1940 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1998.

[34] *Якубсон В.* Уголовная репрессия в первые годы революции (материалы к съезду деятелей юстиции) // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 4. С. 4.

[35] См.: *Бранденбургский Я.* О социальном составе советского суда // Еженедельник сов. юстиции. 1923. № 24. С. 554.

факультетов было недостаточно, в отдельных регионах они были закрыты.

Так, в 13 мая 1923 г. губернские юридические курсы открылись в г. Рязани. Общая продолжительность обучения на курсах составляла 4 месяца. Направленность курсов – подготовка кадров квалифицированных судебных работников, особенно для работ в нарсудах и судебно-следственных органах. На курсы было принято 75 человек. Курсы размещались в Рязанском губернском суде. Работой курсов руководил совет, в который входили председатель губернского суда, губернский прокурор, помощник губернского прокурора. Читались лекции по гражданскому праву, уголовному судопроизводству, другим актуальным вопросам судебной практики.

В Воронеже курсы открылись в июне 1923 г., ими были охвачены 125 человек, а деятельность курсов распространялась на Воронежскую, Курскую, Тамбовскую, Орловскую и Брянскую губернии, каждая из которых получала по 25 мест. На курсы в первую очередь принимались лица, работавшие в судебных органах. Слушатели курсов приравнивались к студентам рабфаков и пользовались общежитием, пайком, библиотекой и т.д. Лекции читались видными местными советскими и партийными работниками[36].

Выводы

1. Опыт и результаты судебной реформы 1922 г. являются недооцененными как с точки зрения влияния на становление модели российского судоустройства, так и с позиции влияния на организацию судебных систем зарубежных стран. Тот факт, что концепция единства судебной системы, впервые закрепленная Положением о судоустройстве РСФСР 1922 г., после Второй мировой войны завоевала более $^{1}/_{6}$ сухопутной территории, распространившись в том числе на многие европейские государства т.н. социалистического блока, показывает жизнеспособность судебной организации, построенной на признаках единства и возглавляемой единым высшим судом.

2. Признак единства судебной системы России следует рассматривать как элемент идентичности Российского государства, в котором традиции сильного централизованного государства обусловили параметры иерархично устроенной судебной системы, позволяющей обеспечивать единство судебной практики, а также организационные формы кассационно-надзорной инстанции.

3. Системообразующими способами обеспечения единства явились такие параметры судоустройства, как цель создания системы, простота построения, доступность и иерархичность звеньев системы, исключающей чрезвычайную юстицию, наличие высшего судебного органа, единство применяемого судами права и обеспечение единства судебной практики.

4. Традиция определения задач суда, приоритетно выделяя защиту государственного и общественного уклада, прав и интересов государственных учреждений, общественных организаций как публично-коллективных образований, наряду с защитой прав граждан, берет начало с первых документов советской власти и судебной реформы 1922 г. и сохраняется вплоть до конца XX в. Либеральный политико-правовой режим, закрепляющий приоритет прав и свобод гражданина, нашедший отражение в современном конституционном праве и судоустройстве, не основан на традиционализме и преемственности. Современные реалии международной действительности показывают, что ценности публичного, в том числе государственного, характера должны подлежать защите не в меньшей степени, чем права физических лиц. Указанные обстоятельства предопределяют необходимость устранения правового пробела и определения задач суда в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», где закреплялся бы демократически сбалансированный подход к постановке целей по защите ценностей публичного и частного характера.

5. Особенностью единства национальной судебной системы явилось наличие в качестве специализированных военных и военно-транспортных трибуналов, процессуально замыкавшихся на Верховном Суде РСФСР, но сохранивших внутреннее единство и автономию, поскольку рассматривались в качестве неразрывной части единой армии.

6. Преобразования в судебной системе 1922 г. обусловили изменения юридической профессии и юридического образования. Судебная реформа стимулировала становление системы высших и областных юридических курсов как прообразов юридических вузов в современной России.

[36] См.: На местах // Еженедельник сов. юстиции. 1923. № 24. С. 569.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулин Р.С.* Судебное управление в Российской Федераци (1917–1990 гг.). Историко-юридическое исследование. М., 2014. С. 158.
2. *Аскарханов С.* Новое положение о судоустройстве // Еженедельник сов. юстиции. 1926. № 52. С. 1433–1435.
3. *Бранденбургский Я.* О социальном составе советского суда // Еженедельник сов. юстиции. 1923. № 24. С. 554.
4. *Бранденбургский Я.* Предстоящая большая кампания (к перевыборам нарсудей и нарзаседателей

в 1927 г.) // Еженедельник сов. юстиции. 1926. № 50. С. 1393.

5. Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2014.
6. *Власов В.И.* История судебной власти в России. Книга вторая (1917–2003 годы). М., 2004.
7. *Карев Д.С.* Организация суда и прокуратуры в СССР. М., 1954.
8. *Карклин О.* Еще один проект (Тоже к вопросу о Союзном верховном суде) // Еженедельник сов. юстиции. 1923. № 10. С. 209, 210.
9. *Кожевников М.В.* История советского суда. 1917–1947 гг. М., 1948.
10. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный). 2-е изд., измененное и дополненное / рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев; науч. ред. Ю.И. Скуратов. М., 2013.
11. *Коссов И.А.* Становление народных судов и Наркомат юстиции РСФСР: 1917–1922 годы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006.
12. *Кроткова Н.В.* Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий Советской власти // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 76–78.
13. *Крыленко Н.В.* Реформа судоустройства // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 37–38. С. 1–5.
14. *Крыленко Н.В.* Суд и право в СССР. Ч. 1. Основы судоустройства. М., Л., 1927. С. 69.
15. *Лезов И.Л.* Советский суд в 1917–1940 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1998.
16. *Ленин В.И.* О двойном подчинении и законности (тов. Сталину для Политбюро) // Еженедельник сов. юстиции. 1925. № 17. С. 1.
17. *Линченко А.А.* Историческое познание и целостность исторического знания // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 2 (70). С. 62.
18. *Лисицын А.* Судебная реформа // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 33. С. 1.
19. *Муратова Н.Г.* Единство судебной практики: предпосылки и тенденции // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3. С. 18–23.
20. На местах // Еженедельник сов. юстиции. 1923. № 24. С. 569.
21. *Петухов Н.А.* Записки военного юриста: военные суды России. М., 2010. С. 21.
22. *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990.
23. *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002. С. 285.
24. *Санина А.Г., Павлов А.В.* Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9. С. 30–40.
25. *Славин И.* Пять лет работы советских народных судов // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 44–45. С. 8–9.
26. *Смыкалин А.С.* История судебной системы России. М., 2010. С. 144.
27. *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). М., 2013. С. 5.
28. *Филонова О.И.* Правовое обеспечение советской судебной реформы в период нэпа (1921–1929 гг.) // История государства и права. 2012. № 3. С. 37–39.
29. *Якубсон В.* Уголовная репрессия в первые годы революции (материалы к съезду деятелей юстиции) // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 4. С. 4.
30. *Fedynskyj J.* Government, Law and Courts in the Soviet Union and Eastern Europe, edited by Vladimir Gsovski and Kazimierz Grzybowski // Indiana Law Journal. 1961. Vol. 36. Iss. 3. P. 392–402.
31. *Gsovski V., Grzybowski K. (ed.)* Government, law, and courts in the Soviet Union and Eastern Europe: in 2 vols. London, 1959.
32. *Wagner W.J.* The Russian Judiciary Act of 1922 and Some Comments on the Administration of Justice in the Soviet Union // Indiana Law Journal. 1966. Vol. 41. Iss. 3. P. 420–454.

REFERENCES

1. *Abdulin R.S.* Judicial administration in the Russian Federation (1917–1990). Historical and legal research. M., 2014. P. 158 (in Russ.).
2. *Askarkhanov S.* New regulation on the judiciary // Weekly Soviet Justice. 1926. No. 52. P. 1433–1435 (in Russ.).
3. *Brandenburgsky J.* On the social composition of the Soviet court // Weekly Soviet Justice. 1923. No. 24. P. 554 (in Russ.).
4. *Brandenburgsky J.* The upcoming big company (to the re-election of people's judges and people's judges in 1927) // Weekly Soviet Justice. 1926. No. 50. P. 1393 (in Russ.).
5. The Great Reform: to the 150th Anniversary of the Judicial Charters: in 2 vols. Vol. 1: The Charter of Civil Procedure / ed. by E.A. Borisova. M., 2014 (in Russ.).
6. *Vlasov V.I.* The history of the judiciary in Russia. Book Two (1917–2003). M., 2004 (in Russ.).
7. *Karev D.S.* Organization of the Court and Prosecutor's Office in the USSR. M., 1954 (in Russ.).
8. *Karklin O.* Another project (Also on the issue of the Union Supreme Court) // Weekly Soviet Justice. 1923. No. 10. P. 209, 210 (in Russ.).
9. *Kozhevnikov M.V.* History of the Soviet Court. 1917–1947. M., 1948 (in Russ.).
10. Constitution of the Russian Federation. Doctrinal commentary (by article) / ed. by Yu.I. Skuratov. 2nd ed., rev. and add. / head of the author's team Yu.A. Dmitriev; scientific ed. Yu.I. Skuratov. M., 2013 (in Russ.).
11. *Kossov I.A.* The formation of people's courts and the People's Commissariat of Justice of the RSFSR: 1917–1922. Thesis of the Candidate of Law Sciences. M., 2006 (in Russ.).

12. *Krotkova N.V.* Reflection of the formation of Soviet law and the state apparatus in legal journals of the first decades of Soviet power // Law and the State: Theory and Practice. 2018. No. 2. P. 76–78 (in Russ.).

13. *Krylenko N.V.* Reform of the judiciary // Weekly Soviet Justice. 1922. No. 37–38. P. 1–5 (in Russ.).

14. *Krylenko N.V.* Court and law in the USSR. Part 1. Fundamentals of the judiciary. M., L., 1927. P. 69 (in Russ.).

15. *Lezov I.L.* Soviet court in 1917–1940: dis. ... PhD in Law. M., 1998 (in Russ.).

16. *Lenin V.I.* On double subordination and legality (comrade Stalin for the Politburo) // Weekly Soviet Justice. 1925. No. 17. P. 1 (in Russ.).

17. *Linchenko A.A.* Historical knowledge and integrity of historical knowledge // Herald of TSU. 2009. Vol. 2 (70). P. 62 (in Russ.).

18. *Lisitsyn A.* Judicial reform // Weekly Soviet Justice. 1922. No. 33. P. 1 (in Russ.).

19. *Muratova N.G.* Unity of Judicial Practice: Preconditions and Trends // Criminal Justice. 2010. No. 3. P. 18–23 (in Russ.).

20. On the ground // Weekly Soviet Justice. 1923. No. 24. P. 569 (in Russ.).

21. *Petukhov N.A.* Notes of a military lawyer: military courts of Russia. M., 2010. P. 21 (in Russ.).

22. *Portnov V.P., Slavin M.M.* Formation of justice in Soviet Russia (1917–1922). M., 1990 (in Russ.).

23. *Rumyantseva M.F.* Theory of History. M., 2002. P. 285 (in Russ.).

24. *Sanina A.G., Pavlov A.V.* State Identity: The Content of the Concept and Statement of the Problem // Administrative Consulting. 2015. No. 9. P. 30–40 (in Russ.).

25. *Slavin I.* Five years of work of the Soviet people's courts // Weekly Soviet Justice. 1922. No. 44–45. P. 8–9 (in Russ.).

26. *Smykalin A.S.* History of the judicial system of Russia. M., 2010. P. 144 (in Russ.).

27. *Tomsinov V.A.* Legal education and jurisprudence in Russia in the era of "great reforms" (60^s – early 80^s of the XIX century). M., 2013. P. 5 (in Russ.).

28. *Filonova O.I.* Legal support of the Soviet judicial reform during the NEP period (1921–1929) // History of State and Law. 2012. No. 3. P. 37–39 (in Russ.).

29. *Yakubson V.* Criminal repression in the first years of the revolution (materials for the congress of justice workers) // Weekly Soviet Justice. 1922. No. 4. P. 3–4 (in Russ.).

30. *Fedynskyj J.* Government, Law and Courts in the Soviet Union and Eastern Europe, edited by Vladimir Gsovski and Kazimierz Grzybowski // Indiana Law Journal. 1961. Vol. 36. Iss. 3. P. 392–402.

31. *Gsovski V., Grzybowski K. (ed.)* Government, law, and courts in the Soviet Union and Eastern Europe: in 2 vols. London, 1959.

32. *Wagner W.J.* The Russian Judiciary Act of 1922 and Some Comments on the Administration of Justice in the Soviet Union // Indiana Law Journal. 1966. Vol. 41. Iss. 3. P. 420–454.

Сведения об авторах

БУРДИНА Елена Владимировна –
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва,
ул. Новочеремушкинская, д. 69

КОРНЕВ Виктор Николаевич –
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия;
117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

BURDINA Elena V. –
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities, Russian State University of Justice; 69 Novocheremushkinskaya str.,
117418 Moscow, Russia

KORNEV Viktor N. –
Doctor of Law, Professor,
Head of Vitruk Department of Constitutional Law, Russian State University of Justice;
69 Novocheremushkinskaya str.,
117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 142–152
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 142–152

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР И УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2023 г. Ю. В. Николаева

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: uvarnike@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.08.2022 г.

Аннотация. Ретроспективный анализ становления норм о государственных преступлениях неотделим от истории развития России и позволяет определить их место в системе Особенной части уголовного законодательства различных исторических периодов. В статье автор ставит на обсуждение один из важных дискуссионных вопросов юридической науки и практики: что первично – государство (как социальный институт) или личность, – и, как результат возможных вариантов ответа на данный вопрос, анализирует правовые механизмы государственной защиты прав и свобод человека. На примере сравнительно-правового исследования составов государственных преступлений в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. и Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г., а также научных дискуссий на эту тему автор формулирует вывод о том, что анализ задач, стоящих перед УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг., свидетельствует о направленности кодифицированных актов на охрану существовавших общественных отношений. В ст. 2 УК РФ 1996 г. впервые помимо охраны закреплена задача предупреждения преступлений. Ее реализация, в свою очередь, предопределила появление в Особенной части УК, в том числе в главе 29, поощрительных норм об освобождении лиц, совершивших конкретные преступления, от уголовной ответственности при наличии соответствующего позитивного поведения.

Ключевые слова*:* государственное преступление, Уголовный кодекс, защита прав и свобод, уголовно-правовая охрана, государство, наказание, уголовный закон, суд.

Цитирование: *Николаева Ю. В.* Государственные преступления в системе Особенной части Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 1. С. 142–152.

DOI: 10.31857/S102694520024123-6

STATE CRIMES IN THE SYSTEM THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RSFSR AND THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2023 J. V. Nikolaeva

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: uvarnike@rambler.ru

Received 10.08.2022

Abstract. A retrospective analysis of the formation of norms on state crimes is inseparable from the history of Russia's development and allows us to determine their place in the system of a special part of criminal legislation of various historical periods. In the article, the author puts up for discussion one of the important debatable issues of legal science and practice: what is primary – the state (as a social institution) or a person, – and, as a result of possible answers to this question, analyzes the legal mechanisms of state protection of human rights and freedoms. Using the example of a comparative legal study of the composition of state crimes in the Criminal Code of the RSFSR of 1960 and the Criminal Code of the Russian Federation of 1996, as well as

scientific discussions on this topic, the author formulates the conclusion that the analysis of the tasks facing the Criminal Code of the RSFSR of 1922, 1926, 1960, indicates the focus of codified acts on the protection of existing public relationships. In Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996, for the first time, in addition to protection, the task of preventing crimes is fixed. Its implementation, in turn, predetermined the appearance in a Special part of the Criminal Code, including in Chapter 29, of incentive norms on the release of persons who have committed specific crimes from criminal liability in the presence of appropriate positive behavior.

Key words: state crime, Criminal Code, protection of rights and freedoms, criminal law protection, state, punishment, criminal law, court.

For citation: *Nikolaeva, J.V. (2023).* State crimes in the system the Special part of the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Code of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 142–152.

Государственные преступления в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.

Вопросы уголовной ответственности за государственные преступления в целом и отдельных видов в частности на различных исторических этапах формирования национального уголовного законодательства исследовались различными учеными-юристами. Например, А.А. Герцензоном[1], С.В. Дьяковым[2], А.А. Игнатьевым[3], Н.И. Загородниковым[4], В.Д. Меньшагиным[5], Д.А. Савченко[6], Е.Г. Ширвиндтом[7], А.И. Чучаевым[8] и многими другими авторами[9].

В Советской России вопрос о первостепенстве государства сомнению не подвергался. Законодательная трактовка УК РСФСР 1922 и 1926 гг. о защите «государства трудящихся» и «социалистического государства рабочих и крестьян» соответственно подтверждают это. Подобная редакция подчеркивает взаимосвязь государства и его населения. Государство для народа – данная мысль постоянно прослеживалась и в различных политических документах, нормативных правовых актах того периода. УК РСФСР 1960 г., принципиально не изменив акценты, объекты уголовно-правовой охраны называет несколько иным образом, простым перечислением, редакционно, не связывая их воедино. Так, охраняются общественный строй СССР, его политическая и экономическая системы, личность, права и свободы граждан и т.д.

Термин «государственные преступления» впервые появился в Положении о Чрезвычайных комиссиях на местах, принятом на Всероссийской конференции Чрезвычайной Комиссии 11 июня 1918 г.[10] В п. «г» ст. 4 закреплялось, что к задачам Комиссии отнесено производство дознаний по государственным преступлениям.

По мнению Б.С. Ошеровича и А.А. Пионтковского, «основные составы контрреволюционных преступлений известны нашему уголовному законодательству еще до издания УК РСФСР 1922 г.»[11].

Государственные преступления впервые системно были закреплены УК РСФСР 1922 г. в гл. I и подразделялись на контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления. Как известно, основу их формирования составило предшествующее законодательство начиная с 1917 г., которое не только дало возможность определить перечень государственных преступлений, но и сформировать незначительный понятийный аппарат. Например, термин

---

[1] См.: *Герцензон А.А.* Уголовная ответственность за измену родине. Ашхабад, 1942.

[2] См.: *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2009.

[3] См.: *Игнатьев А.А.* Проблема эффективности уголовного закона об ответственности за особо опасные государственные преступления. М., 1981.

[4] См.: *Загородников Н.И.* Уголовная ответственность за государственные преступления. М., 1959.

[5] См.: *Меньшагин В.Д., Куринов Б.А.* Научно-практический комментарий к закону об уголовной ответственности за государственные преступления / отв. ред. П.С. Ромашкин. 2-е изд., перераб. М., 1961.

[6] См.: *Савченко Д.А.* История российского законодательства об ответственности за государственные преступления: учеб. пособие. Новосибирск, 2002.

[7] См.: Классовая борьба и преступность / под ред. Е.Г. Ширвиндта. М., 1930.

[8] См.: *Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И.* Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке: историко-правовые очерки. М., 2015.

[9] См., напр.: *Владимиров В.А., Гришанин П.Ф., Загородников Н.И. и др.* Государственные преступления. М., 1961; *Богатиков Д.И., Бушуев И.А., Игнатов А.Н. и др.* Особо опасные государственные преступления. М., 1963; *Их же.* Ответственность за государственные преступления. М., 1965. Часть вторая; *Клягин В.С.* Некоторые вопросы теории и практики борьбы с особо опасными государственными преступлениями. Минск, 1976; *Ермакова Л.Д.* Особо опасные государственные преступления. М., 1982; *Беляев А.Е.* Уголовная ответственность за призывы, образующие преступления против государства. М., 1991; и др.

[10] См.: Лубянка ВЧК – КГБ (документы) / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1997. С. 9.

[11] *Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А.* Государственные преступления. М., 1938. С. 12.

«контрреволюционный» можно найти в Декрете СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде»; в Обращении СНК от 26 ноября 1917 г. «Ко всему населению. О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой»[12].

Говоря о законодательстве периода 1917 г. и вплоть до принятия первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., можно заключить наличие значительного числа актов, не только использующих данный термин, но и отчасти раскрывающих его. Например, постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти»[13]; Декрет СНК от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности»[14] и др. Состояние и развитие законодательства привело к тому, что стало возможным систематизировать виды контрреволюционных преступлений и дать их перечень в Положении о контрреволюционных трибуналах (Декрет ВЦИК от 20.11.1919 г.)[15].

Процесс принятия первого УК РСФСР 1922 г. сопровождала научная и политическая дискуссия. В докладе о проекте Уголовного кодекса М.Ю. Козловский, «справедливо заявив, что схема (или иначе система) преступлений не может быть воспроизведением схемы старого кодекса, сообщил далее, что коллегии Наркомюста “казалось более целесообразным дать такую структуру и такой талан, чтобы он более выпукло и наглядно обнаружил те новые отношения, которые новый закон будет защищать”»[16]. И далее: «Народный комиссариат юстиции предлагал делить преступления на 1) преступления против Советской республики, 2) преступления против организации производства и потребления, 3) преступления против тех постановлений, которые обеспечивают правильное функционирование государственных органов и защиту его строя, 4) должностные преступления, 5) преступления против жизни и здоровья и 6) преступления против порядка пользования. Выступая в связи с обсуждением вопроса об издании Уголовного кодекса, Народный комиссар юстиции Д.И. Курский заметил, что “схему, которую предлагают, можно рассматривать как программу ближайшей работы по классификации тех материалов, которые имеются, для того, чтобы ответить на те запросы, которые ставит жизнь”»[17].

Систему государственных преступлений в УК РСФСР 1922 г. формировали две группы деяний: во-первых, контрреволюционные преступления[18]; во-вторых, преступления против порядка управления[19]. Предложенная последовательность расположения видов преступлений в проекте первого УК РСФСР полностью соответствовала Конституции РСФСР, что нашло непосредственное отражение в УК РСФСР 1922 г., а впоследствии и в УК РСФСР 1926, 1960 гг.

Подтверждение данного вывода можно обнаружить, анализируя задачи, стоящие перед УК РСФСР 1922 г. (ст. 5): «правовая защита государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов и осуществление этой защиты путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальный защиты». Буквально толкуя данную норму, вполне очевидны приоритеты охраны государственных интересов.

Определение понятия «контрреволюционные преступления» впервые подверглось изменению в июле 1923 г., когда постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» в ст. 57 были внесены изменения. Оценивая изменения, Д.А. Савченко справедливо отмечает: «Изменение имело значение, прежде всего, в борьбе с так называемой экономической контрреволюцией, считавшейся новой формой сопротивления классовых врагов диктатуры рабочего класса»[20].

---

[12] См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 45, 46.

[13] См.: там же. С. 222.

[14] См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 490, 491.

[15] См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 161–170.

[16] История советского уголовного права. А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский. Изд. 1947 г. Allpravo.ru. – 2003. URL: https://allpravo.ru/library/doc101p0/instrum107/ (дата обращения: 15.12.2021).

[17] Там же.

[18] В соответствии со ст. 57 УК РСФСР 1922 г. «контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами».

[19] Согласно ст. 74 УК РСФСР 1922 г. «преступлением против порядка управления признается всякое деяние, направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, сопряженное с сопротивлением или неповиновением законам советской власти, с препятствованием деятельности ее органов и иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти».

[20] *Савченко Д.А.* Указ. соч. С. 140.

Новая редакция определения позволяет сформулировать несколько выводов: во-первых, перечень контрреволюционных действий расширен за счет включения, помимо свержения завоевания советской власти, ее подрыва или ослабления; во-вторых, уточнено значение действий в виде «интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.», которые в предложенной редакции, скорее, все же являются способом свержения советской власти, а не средством; в-третьих, определение расширило границы числа деяний, которые можно было отнести к контрреволюционных, путем изменения содержания вины. К таковым стало относиться действие не только с прямым умыслом и контрреволюционной целью, но и «такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего деяние, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции» (ч. 2 ст. 57 УК РСФСР 1922 г.). Таким образом, речь идет о признании контрреволюционными действия при наличии косвенного умысла и отсутствия специальной цели. Значение данного изменения, по мнению Б.С. Ошеровича и А.А. Пионтковского, состояло в «необходимости борьбы со скрытыми формами контрреволюционной деятельности, которые в то время до известной степени возобладали»[21].

Согласно положениям Конституции СССР о предмете ведения союзных республик УК РСФСР 1926 г. в первоначальной редакции содержал ст. 57–73, 75–78, 83–85, 89, ч. 2 ст. 97, ч. 2 ст. 98, 119, 136 и 138 УК РСФСР 1922 г. с необходимыми редакционными согласованиями, о чем прямо говорилось в ст. 2 постановления ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года»[22].

Мы солидаризируемся с А.И. Чучаевым о том, что относительно государственных преступлений: «имеет место юридический феномен, практически не встречавшийся ранее и не повторявшийся позднее»[23]. Н.В. Крыленко писал, что одна из причин создавшегося положения лежала в споре относительно объема понятия «государственные преступления»[24].

Статьи, названные выше, утратили силу лишь после утверждения постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) и внесения соответствующих изменений в УК РСФСР 1926 г. постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 6 июня 1927 г., которое принципиально отличалось от принятого ранее постановления ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г.

Речь идет об ином подходе к системе государственных преступлений и возврате данного термина в УК РСФСР 1926 г.[25] Таким образом, систему государственных преступлений составляли две группы деяний – контрреволюционные и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления.

После соответствующих изменений, внесенных в УК РСФСР 1926 г. постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. определение понятия контрреволюционного преступления было закреплено в ст. 58.1 УК РСФСР[26].

Его соотношение с предшествующим говорит о том, что, во-первых, остался неизменным перечень действий, признаваемых контрреволюционными, это свержение, подрыв или ослабление советской власти; во-вторых, с учетом образования СССР охране подлежат не только рабоче-крестьянские советы, но и избранные им на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянские правительства Союза ССР, союзных и автономных республик;

---

[21] *Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А.* Указ. соч. С. 14.

[22] См.: СУ РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

[23] *Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И.* Указ. соч. С. 32.

[24] *Крыленко Н.В.* Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к основам судоустройства и судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть третья. Основы уголовного материального права. М., Л., 1930. С. 79, 80.

[25] Положением о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления), утвержденным постановлением ЦИК СССР от 25.02.1927 г., преступления разделялись на два вида – контрреволюционные и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления. Их предлагалось разместить в самостоятельных главах УК РСФСР 1926 года без объединения под единым понятием государственных преступлений, да и сам термин «государственные преступления» в качестве объединяющего был исключен. Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 06.06.1927 г. «Об изменении Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 г.» было утверждено: «взамен главы I (контрреволюционные преступления – ст. ст. 58.1–58.18) и ст. ст. 59.1–59.12 главы II (преступления против порядка управления) Уголовного Кодекса включить главу I – преступления государственные, подразделив ее на две части – контрреволюционные преступления (1) и особо для Союза С.С.Р. опасные преступления против порядка управления (2) – со статьями 58.1–58.14 и 59.1–59.13...» (см.: СУ РСФСР. 1927. № 49, ст. 330).

[26] «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву, или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

в-третьих, в качестве самостоятельного объекта охраны, помимо основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции, отдельно выделена внешняя безопасность Союза ССР; в-четвертых, отстаивая принцип международной солидарности трудящихся, в определение контрреволюционного преступления введено прямое указание на то, что контрреволюционными признаются действия и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

Определение об особо опасных для Союза ССР преступлениях против порядка управления в УК РСФСР 1926 г. давалось в ст. 59.1[27]. Ее сравнение с имеющимся ранее в УК РСФСР 1922 г. показало, что более позднее определение имеет некоторые отличительные особенности. По сути, ст. 59.1 УК РСФСР 1926 г. зафиксировала определение двух разновидностей преступлений против порядка управления.

Так, в ч. 1 ст. 59.1 УК РСФСР 1926 г. речь шла о понятии преступления против порядка управления. Обновленное определение имеет специальный признак, позволяющий отграничить данную группу преступлений от контрреволюционных, имеем в виду указание на отсутствие направленности к свержению советской власти и рабоче-крестьянского правительства. Остальные признаки не изменились, а именно: направленность на нарушение правильной деятельности органов управления или народного хозяйства; сопряженность с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти.

В отличие от УК РСФСР 1922 г. ст. 59.1 УК РСФСР 1926 г. пополнилась частью второй об особо опасных для Союза ССР преступлениях против порядка управления. По мнению законодателя, особую опасность таким преступлениям придавала направленность на основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик.

Обновленное понятие контрреволюционного преступления по УК РСФСР 1926 г. расширяет объекты охраны. Судя по тексту ст. 58.1, преступления направлены на: «1) власть рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик; 2) внешнюю безопасность СССР; 3) основные хозяйственные завоевания пролетарской революции; 4) основные политические завоевания пролетарской революции; 5) основные национальные завоевания пролетарской революции; 6) другое государство трудящихся».

Государственные преступления в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г.

Закрепленное уголовным законодательством 1926 г. единство государства и народа как объекта уголовно-правовой охраны прямо вытекает из принятой 3-м Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 3 (16) января 1918 г. Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа и V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Конституции РСФСР. Преемственность сохранилась и в Конституциях РСФСР, принятых в разные периоды постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г., постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов от 21 января 1937 г. и нового текста, введенного в действие с 12 апреля 1978 г. Декларацией ВС РСФСР от 12 апреля 1978 г. в порядке, установленном Законом РСФСР от 12 апреля 1978 г.

Законодательное закрепление понятий контрреволюционного преступления и преступления против порядка управления, предложенных в УК РСФСР 1922 и 1926 гг., позволяет предположить содержание объекта уголовно-правовой охраны. Так, контрреволюционные преступления посягали на сохранение: завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании Конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства; равноправия коммунистической системы собственности.

Учитывая редакцию определения, данные отношения подлежали охране как от внутренних, так и от внешних угроз.

Сформулировав понятие контрреволюционного преступления, законодатель, по сути, назвал признаки, являющиеся криминообразующими для всей системы государственных преступлений. Учитывая определение контрреволюционного преступления, А.И. Чучаев предложил выделить следующие его разновидности в УК РСФСР 1922 г.: «1. действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти; 2. помощь международной буржуазии, стремящейся к свержению коммунистической системы собственности; 3. покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции при отсутствии

[27] «Преступлением против порядка управления признается всякое действие, которое, не будучи направлено непосредственно к свержению Советской власти и Рабоче-Крестьянского Правительства, тем не менее приводит к нарушению правильной деятельности органов управления или народного хозяйства и сопряжено с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти» (см.: СУ РСФСР. 1927. № 49, ст. 330).

целей свержения, подрыва или ослабления власти»[28]. В зависимости от способа их совершения контрреволюционные преступления им же были классифицированы как «1. политическая контрреволюция – преступления, предусмотренные в статьях 58, 64 и 65; 2. экономическая контрреволюция – преступления, предусмотренные в ст. 63; 3. изменническая контрреволюция – преступления, предусмотренные в статьях 59 и 66»[29].

Как известно, помимо контрреволюционных к государственным преступлениям УК РСФСР 1922 г. относил преступления против порядка управления. С учетом сформулированного определения можно предположить их объект – общественные отношения в сфере правильной деятельности подчиненных органов управления или народного хозяйства, а также сила и авторитет власти. Отнесение данной группы преступлений к числу государственных неоднозначно оценивалось в науке уголовного права[30], так же, как и их классификация.

В частности, А.И. Чучаевым преступления были классифицированы на: «1) преступления, посягающие на авторитет власти (ст. 86, 87, 88, 91 и 104 УК РСФСР); 2) преступления, посягающие на интересы правосудия (ст. 89, 94, 95, 104-а, 104-б, 104-в УК РСФСР); 3) преступления, посягающие на основы общественной безопасности (ст. 75, 76, 77, 93 УК РСФСР); 4) преступления, посягающие на основы хозяйствования (ст. 78, 79, 80, 85, 92-а, 97 и 99 УК РСФСР); 5) преступления, посягающие на основы военной мощи государства (ст. 81 УК РСФСР; в последующем перечень был расширен законодателем); 6) преступления, посягающие на порядок управления (в узком, собственном смысле) (ст. 90, 92 и 96, 98, 100, 100-а, 101–103 УК РСФСР)»[31].

Образование СССР явилось новым этапом в развитии уголовной ответственности за государственные преступления. Так, согласно п. «о» ст. 1 Договора об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. уголовное законодательство подлежало ведению СССР в лице его верховных органов, поэтому в утвержденной ЦИК СССР 6 июля 1923 г. Конституции СССР появилась аналогичная норма (п. «п» ст. 1). Реализуя предоставленные полномочия, Президиум ЦИК СССР своим постановлением от 31 октября 1924 г. утверждает Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, которые относят к ведению союзных республик вопросы отдельных видов преступлений и порядок применения к ним мер социальной защиты, исключение составили преступления государственные и воинские (ст. 3). В развитие данных положений ЦИК СССР, СНК СССР 14 августа 1925 г. издают постановление «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению». Перечень сведений, являющихся предметом шпионажа, утвержден постановлением СНК СССР от 27 апреля 1926 г. «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» и включает в себя сведения военного, экономического характера, а также иного рода сведения.

В отличие от ситуации, сложившейся к моменту принятия УК РСФСР 1926 г., Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» был принят 25 декабря 1958 г.[32] и таким образом заменил ранее действовавшее Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлений против порядка управления). В политических документах того периода отражена аргументация необходимости принятия нового закона. Из доклада председателя Комиссии законодательных предположений Совета Союза ССР на заседании Верховного Совета СССР пятого созыва (вторая сессия) Д.С. Полянского следует, что некоторые преступления в силу изменившейся социально-политической обстановки устарели и потеряли свою актуальность.

Например, Н.И. Загородников писал, что «к числу устаревших и потерявших свое практическое значение статей относятся, в частности статья, предусматривающая ответственность за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, а также статья, предусматривающая ответственность за уклонение лиц, зачисленных в тыловое ополчение, от призыва на военную службу в военное время и др. (ст. 13 и 19 Положения о государственных преступлениях)»[33]. По его же мнению, к числу нуждающихся в уточнениях относились вредительство, террористический акт, массовые беспорядки, контрабанда и др. (ст. 7, 8, 16, 23 Положения о государственных преступлениях)[34], подлежащих

[28] *Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И.* Указ. соч. С. 12.

[29] Там же. С. 13.

[30] Так, М.М. Исаев был сторонником отнесения к государственным преступлениям только контрреволюционных (см.: *Исаев М.М.* Основные начала уголовного законодательства Союза и союзных республик. М.; Л., 1927. С. 16). Противоположное мнение высказывал Н.Я. Бернштейн (см.: *Бернштейт Н.Я.* О систематизации преступлений в проекте Уголовного кодекса СССР // Проблемы социалистического права. 1939. № 4–5. С. 71).

[31] *Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И.* Указ. соч. С. 21.

[32] См.: Ведомости ВС СССР. 1959. № 1, ст. 8.

[33] *Загородников Н.И.* Указ. соч. С. 5.

[34] См.: там же.

исключению относились статьи, не являющиеся целесообразными в современных условиях[35].

Государственные преступления в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.

Если в ст. 1 УК РСФСР 1926 г. основная задача была определена как охрана социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка, то в УК РСФСР 1960 г. перечень задач был расширен, однако преобладание защиты государства над личностью изменено не было[36]. Фокус на приоритет охраны государства, как мы ранее уже сказали, отражался и на структурном построении Особенной части УК РСФСР как 1922 г., так и 1926, 1960 гг.

Согласно Закону СССР от 25 декабря 1958 г. к государственным преступлениям относились, помимо особо опасных, иные государственные преступления, которые составляли многочисленную группу деяний. Отсутствие легального определения данных преступлений повлекло необходимость его разработки в доктрине уголовного права. Так, Н.И. Загородников писал, что они не преследовали цель подрыва или ослабления советской власти, вместе с тем их общественная опасность состояла в посягательстве на основы государственного управления, социалистическую систему хозяйства, основы общественной безопасности[37]. Таким образом, в содержание их родового объекта он вкладывал основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик[38].

Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» отказался от термина «контрреволюционные преступления», сохранив, однако, термин «государственные преступления». По мнению Н.И. Загородникова, такой отказ является вполне обоснованным: «Под контрреволюционными действиями обычно понимаются такие действия, которые совершались представителями эксплуататорских классов, уничтоженных в СССР в ходе революции и дальнейших революционных преобразований»[39].

Статьи Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» были включены в УК РСФСР 1960 г. без изменений, трансформировав контрреволюционные преступления в особо опасные государственные преступления, а особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления в иные государственные преступления. Новый Закон СССР иным образом внутренне структурировал главу о государственных преступлениях. В отличие от всего предшествующего периода развития уголовного законодательства об ответственности за государственные преступления, в главе не содержалось определений понятий данной главы, имеем в виду термины «особо опасные государственные преступления», а также «иные государственные преступления». Анализируя произошедшие изменения, С.В. Дьяков отмечал неоднозначность некоторых законодательных новелл. Аналогичной точки зрения придерживались и другие авторы[40].

Обобщенно изменения Закона об уголовной ответственности за государственные преступления представлены А.И. Чучаевым[41] следующим образом: «1) исключены из законодательства нормы, предусматривавшие объективное вменение (ч. 2 ст. 13 Положения об ответственности членов семьи изменника, так называемых ЧСИРов); 2) дан исчерпывающий, а не примерный, как ранее, перечень деяний, признаваемых государственными преступлениями; 3) уточнено понятие ряда особо опасных преступлений, более точно обрисован их состав; исключены специальные нормы об ответственности военнослужащих и должностных лиц

---

[35] По мнению Н.И. Загородникова, это «статьи, которые предусматривали ответственность за действия, ныне утратившие свое значение самостоятельного преступления и поэтому вошедшие составной частью в другие особо опасные государственные, например оказание помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР, контрреволюционный саботаж и др. (ст.ст. 2, 3, 4, 5, 14 Положения о государственных преступлениях). Исключение некоторых статей (например, об особой ответственности членов семьи изменника Родины – ч. I и II ст. 1^3, ст. 1^4 Положения о государственных преступлениях) обусловливалось.., что в современных условиях сохранение их является нецелесообразным, или тем, что деяния... (например, подделка денежных знаков, знаков почтовой оплаты – ч. II ст. 22, ст. 25 Положения о государственных преступлениях) изменили свою общественную опасность и ответственность за них должна определяться республиканскими законами» (см.: там же. С. 5, 6).

[36] В ст. 1 УК РСФСР 1960 г. задачи УК РСФСР сформулированы следующим образом: «Уголовный кодекс РСФСР имеет задачей охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, личности, прав и свобод граждан, всех форм собственности и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств».

[37] См.: *Владимиров В.А., Гришанин П.Ф., Загородников Н.И. и др.* Указ. соч. С. 79.

[38] См.: там же. С. 91.

[39] *Загородников Н.И.* Указ. соч. С. 6.

[40] Например, М.П. Карпушин с полным основанием утверждал, что «иные государственные преступления неоднородны по своему составу, поэтому лишь условно можно сформулировать для них единый родовой объект посягательства. Им являются основные интересы СССР в различных областях социалистического и коммунистического строительства: государственного управления, обороноспособности СССР, режима государственных границ СССР, социалистического хозяйства, безопасности работы железнодорожного, водного и воздушного транспорта, правосудия» (см.: *Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушин М.П.* Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 85; *Ляпунов Ю.И., Мшвениерадзе П.Я.* Основа систематизации норм Особенной части уголовного права // Правоведение. 1985. № 3. С. 30; и др.).

[41] См.: *Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И.* Указ. соч. С. 109.

за измену родине и нормы о деяниях, сохранять которые далее не было смысла (например, об ответственности за борьбу против революционного движения на секретной должности при царском режиме и др.); закреплены основания освобождения от уголовной ответственности за измену родине[42]; 4) законодатель отказался от термина "контрреволюционные преступления", который был в советском законодательстве свыше сорока лет, заменив его термином "особо опасные государственные преступления", соответственно исключены из законодательного описания преступлений указания на контрреволюционные умысел и цель, на субъект преступления как врага народа; 5) введена иная классификация государственных преступлений; согласно Закону все они делятся на две группы: особо опасные государственные преступления и иные государственные преступления; 6) установлены дифференцированные санкции за особо опасные государственные преступления и снижены их предельные размеры; 7) введены новые нормы, ранее не известные советскому уголовному законодательству; например, в ответ на призыв 2-го Всемирного конгресса сторонников мира (Варшава, 1950 г.) Верховный Совет СССР 12 марта 1951 г. принял Закон о защите мира[43], которым пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, признавалась тягчайшим преступлением, и предусматривалось введение уголовной ответственности за это деяние (состав преступления не был сформулирован в указанном Законе, он появился лишь в Законе о государственных преступлениях – ст. 8)»[44].

Один из дискуссионных вопросов в науке уголовного права того периода касался классификации как особо опасных государственных преступлений, так и иных государственных преступлений.

Изучение научной литературы того периода свидетельствует, что, редакционно изменяя определение, авторы не меняли существа особо опасных государственных преступлений. Например, М.В. Турецкий также отмечал, что такие деяния направлены на подрыв или ослабление советского государственного и общественного строя – его политической и экономической основы или его внешней безопасности[45].

Анализ уголовного законодательства об ответственности за государственные преступления, практики его применения, научной литературы того периода позволяет утверждать, что немаловажную роль в борьбе с данными преступлениями играла общая превенция. Практика информирования общественности о ходе и результатах рассмотрения уголовных дел сохранялась и в анализируемый период, хотя и менее широкая. Отступление от данного принципа Верховным Судом СССР воспринималось как существенный недостаток в деятельности судебной системы, о чем прямо было отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1961 г. № 5 «О ходе выполнения судами указов Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. "Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями" и от 1 июля 1961 г. "Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях"».

Преступления против государственной власти в Уголовном кодексе РФ 1996 г.

Прекращение существования СССР и появление на политической арене новых государств (бывших союзных республик) привело к необходимости принятия Конституции РФ 1993 г. и Уголовного кодекса РФ 1996 г. Основы конституционного строя как видового объекта уголовно-правовой охраны закреплены в гл. 1 Конституции РФ и определяют принципы конституционного строя, экономических отношений, политической системы общества, а содержание безопасности государства целесообразно раскрывать с помощью положений законодательства Российской Федерации. Например, Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»; Указа Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации»[46]; Стратегии Национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400[47], и др. Анализируя вопросы содержания и взаимосвязи основ конституционного строя и безопасности государства, авторы одного из исследований справедливо отмечают, что безопасность государства гораздо шире безопасности основ его конституционного строя[48]. Соглашаясь с высказанным мнением, полагаем справедливым рассматривать их в соотношении как общее и частное.

---

[42] В этой части ст. 1 Закона 1958 г. дополнена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.01.1960 г. (см.: Ведомости ВС СССР. 1960. № 3).

[43] Правда. 1951. 13 марта.

[44] Общую характеристику Закона 1958 г. см.: *Бакшеев С.* Закон об уголовной ответственности за государственные преступления // Сов. юстиция. 1959. № 2. С. 25–28; Научно-практический комментарий к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления. М., 1961.

[45] См.: *Турецкий М.В.* Особо опасные государственные преступления. М., 1965. С. 20.

[46] См.: СЗ РФ. 2003. № 33, ст. 3254.

[47] См.: СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

[48] См.: *Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н.* Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений. М., 2020. С. 19.

С позиции непосредственного объекта преступления против основ конституционного строя и безопасности государства в науке уголовного права систематизированы, но носят дискуссионный характер. Например, Е.В. Благов систему данных преступлений видит как двухзвенную, это преступления против основ конституционного строя государства (ст. 277–279, 284[1] УК РФ) и против безопасности государства (против внешней безопасности (ст. 275, 276, 283, 284 УК РФ) и отдельно внутренней безопасности (ст. 280–282[3] УК РФ)[49]. По мнению В.И. Гладких, их классификация выглядит несколько иначе: 1) преступления против внешней безопасности Российской Федерации (ст. 275, 276, 284[1] УК РФ); 2) преступления, посягающие на основы политической системы РФ (ст. 277–279 УК РФ); 3) посягающие на экономическую безопасность и обороноспособность Российской Федерации (ст. 281 УК РФ); 4) посягающие на общественные отношения, обеспечивающие недопущение экстремистской деятельности (ст. 280–280[2], 282–283[3] УК РФ); 5) преступления, посягающие на сохранность государственной тайны (ст. 283–284[1] УК РФ)[50]. Не возражая принципиально против такой классификации, заметим лишь, что объект преступлений экстремистской направленности сформулирован несколько некорректно. Представляется правильным отнести данную группу преступлений к числу многообъектных, если исходить из текста ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[51], где основы конституционного строя и безопасность государства являются основным, а дополнительный объект достаточно разнообразен и связан с конкретными экстремистскими деяниями. Определенную поддержку сказанному можно найти и в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»[52].

Уголовный кодекс РФ 1996 г. не содержит термина «государственные преступления», их правопреемником стали преступления, размещенные в гл. 29, пишет С.В. Дьяков[53], перечень которых существенно сократился. Формирование современной системы преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства идет на фоне усиления экстремистской деятельности, что не могло не повлечь соответствующие изменения перечня преступлений, включенных в гл. 29 Уголовного кодекса РФ.

Выводы

Изучение российского законодательства об уголовной ответственности за государственные преступления продемонстрировало:

нормы уголовного законодательства об ответственности за государственные преступления прошли достаточно длительный путь своего развития и продолжают играть важнейшую роль в обеспечении российской государственности;

уголовная политика в сфере противодействия государственным преступлениям неотделима от истории развития России, смены общественно-экономического, политического положения;

систему государственных преступлений в советский период формировали две группы деяний: во-первых, посягающие на основы социалистического государства и общественного строя, а также внешней безопасности; во-вторых, направленные на основы управления и хозяйства Советского государства, а также иные важнейшие интересы, которые не связаны с проявлением классовой борьбы, но подрывают хозяйственную мощь и авторитет власти;

развитие учения о составе преступления в значительной степени повлияло на формирование и юридической закрепление объективных и субъективных признаков составов государственных преступлений;

юридическая природа государственных преступлений становится более понятной с позиции уточнения круга охраняемых общественных отношений, что, несомненно, повлияло на систематизацию Особенной части Уголовного кодекса РФ (например, выделение в самостоятельные группы преступлений против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления; преступлений против порядка управления и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И.* Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке: историко-правовые очерки. М., 2015. С. 12, 13, 21, 32, 109.
2. *Бакшеев С.* Закон об уголовной ответственности за государственные преступления // Сов. юстиция. 1959. № 2. С. 25–28.
3. *Беляев А.Е.* Уголовная ответственность за призывы, образующие преступления против государства. М., 1991.

[49] См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М., 2017. С. 296.

[50] См.: *Гладких В.И.* Преступления против государственной власти: науч.-практ. комм. с материалами судебной практики. М., 2022. С. 14 (Аспирантура, Бакалавриат, Магистратура).

[51] См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

[52] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

[53] См.: *Дьяков С.В.* Указ. соч. С. 163.

4. *Бернштейт Н.Я.* О систематизации преступлений в проекте Уголовного кодекса СССР // Проблемы социалистического права. 1939. № 4–5. С. 71.

5. *Богатиков Д.И., Бушуев И.А., Игнатов А.Н. и др.* Особо опасные государственные преступления. М., 1963.

6. *Богатиков Д.И., Бушуев И.А., Игнатов А.Н. и др.* Ответственность за государственные преступления. М., 1965. Часть вторая.

7. *Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н.* Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений. М., 2020. С. 19.

8. *Владимиров В.А., Гришанин П.Ф., Загородников Н.И. и др.* Государственные преступления. М., 1961. С. 79, 91.

9. *Герцензон А.А.* Уголовная ответственность за измену родине. Ашхабад, 1942.

10. *Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А.* Государственные преступления. М., 1938. С. 12, 14.

11. *Гладких В.И.* Преступления против государственной власти: науч.-практ. комм. с материалами судебной практики. М., 2022. С. 14 (Аспирантура, Бакалавриат, Магистратура).

12. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 490, 491.

13. *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2009. С. 163.

14. *Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушин М.П.* Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 85.

15. *Ермакова Л.Д.* Особо опасные государственные преступления. М., 1982.

16. *Загородников Н.И.* Уголовная ответственность за государственные преступления. М., 1959. С. 5, 6.

17. *Игнатьев А.А.* Проблема эффективности уголовного закона об ответственности за особо опасные государственные преступления. М., 1981.

18. *Исаев М.М.* Основные начала уголовного законодательства Союза и союзных республик. М.; Л., 1927. С. 16.

19. История советского уголовного права. А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский. Изд. 1947 г. Allpravo.ru. – 2003. URL: https://allpravo.ru/library/doc101p0/instrum107/ (дата обращения: 15.12.2021).

20. Классовая борьба и преступность / под ред. Е.Г. Ширвиндта. М., 1930.

21. *Клягин В.С.* Некоторые вопросы теории и практики борьбы с особо опасными государственными преступлениями. Минск, 1976.

22. *Крыленко Н.В.* Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к основам судоустройства и судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть третья. Основы уголовного материального права. М., Л., 1930. С. 79, 80.

23. Лубянка ВЧК – КГБ (документы) / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1997. С. 9.

24. *Ляпунов Ю.И., Мшвениерадзе П.Я.* Основа систематизации норм Особенной части уголовного права // Правоведение. 1985. № 3. С. 30.

25. *Меньшагин В.Д., Куринов Б.А.* Научно-практический комментарий к закону об уголовной ответственности за государственные преступления / отв. ред. П.С. Ромашкин. 2-е изд., перераб. М., 1961.

26. Научно-практический комментарий к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления. М., 1961.

27. Ответственность за государственные преступления. М., 1965. Часть вторая.

28. *Савченко Д.А.* История российского законодательства об ответственности за государственные преступления: учеб. пособие. Новосибирск, 2002. С. 140.

29. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 45, 46, 222.

30. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 161–170.

31. *Турецкий М.В.* Особо опасные государственные преступления. М., 1965. С. 20.

32. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М., 2017. С. 296.

REFERENCES

1. *Aguzarov T.K., Gracheva Yu. V., Chuchaev A.I.* State crimes in the Criminal Law of Russia in the XX century: historical and legal essays. M., 2015. P. 12, 13, 21, 32, 109 (in Russ.).

2. *Baksheev S.* The law on criminal responsibility for state crimes // Sov. Justice. 1959. No. 2. P. 25–28 (in Russ.).

3. *Belyaev A.E.* Criminal liability for appeals forming crimes against the state. M., 1991 (in Russ.).

4. *Bernstein N. Ya.* On the systematization of crimes in the draft Criminal Code of the USSR // Problems of Socialist law. 1939. No. 4–5. P. 71 (in Russ.).

5. *Bogatikov D.I., Bushuev I.A., Ignatov A.N. et al.* Especially dangerous state crimes. M., 1963 (in Russ.).

6. *Bogatikov D.I., Bushuev I.A., Ignatov A.N. et al.* Responsibility for state crimes. M., 1965. Part two (in Russ.).

7. *Bodrov N.F., Bimbinov A.A., Voronin V.N.* Extremist materials distributed on the Internet: problems of forensic research and issues of crime qualification. M., 2020. P. 19 (in Russ.).

8. *Vladimirov V.A., Grishanin P.F., Zagorodnikov N.I. et al.* State crimes. M., 1961. P. 79, 91 (in Russ.).

9. *Herzenzon A.A.* Criminal liability for treason to the motherland. Ashgabat, 1942 (in Russ.).

10. *Herzenzon A.A., Menshagin V.D., Osherovich B.S., Piontkovsky A.A.* State crimes. M., 1938. P. 12, 14 (in Russ.).

11. *Gladkikh V.I.* Crimes against state power: scientific and practical. comm. with materials of judicial practice. M., 2022. P. 14 (Postgraduate, Bachelor's, Master's degree) (in Russ.).

12. Decrees of the Soviet government. M., 1957. Vol. I. P. 490, 491 (in Russ.).

13. *Dyakov S.V.* Crimes against the foundations of the constitutional system and the security of the state: criminal law and criminological research. SPb., 2009. P. 163 (in Russ.).

14. *Dyakov S.V., Ignatiev A.A., Karpushin M.P.* Responsibility for state crimes. M., 1988. P. 85 (in Russ.).

15. *Ermakova L.D.* Especially dangerous state crimes. M., 1982 (in Russ.).

16. *Zagorodnikov N.I.* Criminal responsibility for state crimes. M., 1959. P. 5, 6 (in Russ.).

17. *Ignatiev A.A.* The problem of the effectiveness of the criminal law on responsibility for particularly dangerous state crimes. M., 1981 (in Russ.).

18. *Isaev M.M.* The main principles of the criminal legislation of the Union and the Union Republics. M.; L., 1927. P. 16 (in Russ.).

19. History of Soviet Criminal Law. A.A. Herzenzon, S.S. Gringauz, N.D. Durmanov, M.M. Isaev, B.S. Utevsky. Ed. 1947. Allpravo.ru. – 2003. URL: https://allpravo.ru/library/doc101p0/instrum107 / (accessed: 15.12.2021) (in Russ.).

20. Class struggle and crime / ed. by E.G. Shirvindt. M., 1930 (in Russ.).

21. *Klyagin V.S.* Some issues of theory and practice of combating especially dangerous state crimes. Minsk, 1976 (in Russ.).

22. *Krylenko N.V.* Court and law in the USSR. Theoretical and practical commentary on the fundamentals of the judicial system and judicial proceedings and substantive Criminal Law of the USSR. Part three. Fundamentals of Criminal substantive Law. M., L., 1930. P. 79, 80 (in Russ.).

23. Lubyanka CHEKA – KGB (documents) / under the general ed. A.N. Yakovlev. M., 1997. P. 9 (in Russ.).

24. *Lyapunov Yu. I., Mshvenieradze P. Ya.* The basis of systematization of the norms of the Special part of Criminal Law // Jurisprudence. 1985. No. 3. P. 30 (in Russ.).

25. *Menshagin V.D., Kurinov B.A.* Scientific and practical commentary on the law on criminal liability for state crimes / res. ed. P.S. Romashkin. 2nd ed., rev. M., 1961 (in Russ.).

26. Scientific and practical commentary on the Law on Criminal Liability for State Crimes. M., 1961 (in Russ.).

27. Responsibility for state crimes. M., 1965. Part two (in Russ.).

28. *Savchenko D.A.* The history of Russian legislation on responsibility for state crimes: textbook. Novosibirsk, 2002. P. 140 (in Russ.).

29. Collection of laws and orders of the government for 1917–1918. Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. M., 1942. P. 45, 46, 222 (in Russ.).

30. Collection of laws and government orders for 1920. Administration of affairs of the USSR Council of People's Commissars. M., 1943. P. 161–170 (in Russ.).

31. *Turkish M.V.* Particularly dangerous state crimes. M., 1965. P. 20 (in Russ.).

32. Criminal law of the Russia. General and Special parts: textbook / ed. by Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev. M., 2017. P. 296 (in Russ.).

Сведения об авторе

НИКОЛАЕВА Юлия Валентиновна –
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-8655-8328

Authors' information

NIKOLAEVA Julia V. –
Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 153–161
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 153–161

ПЕРВЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

© 2023 г. П. А. Скобликов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: skoblikov@list.ru

Поступила в редакцию 15.07.2022 г.

Аннотация. В 2022 г. исполнилось 100 лет с момента принятия первого Уголовного кодекса Советской России – принципиально нового кодифицированного акта в истории российского законодательства. Цели настоящего исследования: выявить и проанализировать положения УК РСФСР 1922 г., направленные на борьбу с профессиональной преступностью; оценить их обоснованность, новизну и последовательность в контексте уголовно-политических задач, которые были поставлены перед законодательными органами, а также их обусловленность складывающейся в тот период социально-экономической и криминологической ситуации; создать предпосылки для дальнейших исследований на тему того, в какой мере подходы законодателя к уголовно-правовой борьбе с профессиональной преступностью получили воплощение и развитие в последующем уголовном законодательстве. В статье проанализированы основные и квалифицированные составы преступлений, содержащих такие признаки, как занятие преступлениями определенного вида как профессией и совершения преступления в виде промысла. Рассмотрены правила назначения наказания профессиональным преступникам и применение к ним, помимо наказания, иных мер социальной защиты. Предписания уголовного закона изложены в сочетании с характеристикой социально-экономической и криминогенной обстановки начала 20-х годов XX в., взглядами отечественных юристов того времени на проблемы криминального профессионализма, оценкой оснований законодательных решений, их пробелов и недостатков.

***Ключевые слова*:** УК РСФСР 1922 г., профессиональный преступник, совершение преступления в виде промысла, занятие преступлениями как профессией, инфраструктура профессиональной преступности, уголовное наказание, меры социальной защиты, рецидив, основной состав преступления, квалифицированный состав преступления, преступные масти, кражи, покупка заведомо краденного с целью сбыта, ростовщичество, фальшивомонетничество.

Цитирование: *Скобликов П.А.* Первый Уголовный кодекс Советской России и ответственность профессиональных преступников // Государство и право. 2023. № 1. С. 153–161.

DOI: 10.31857/S102694520024127-0

THE FIRST CRIMINAL CODE OF SOVIET RUSSIA AND THE RESPONSIBILITY OF PROFESSIONAL CRIMINALS

© 2023 P. A. Skoblikov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: skoblikov@list.ru

Received 15.07.2022

Abstract. In 2022, 100 years have passed since the adoption of the first Criminal Code of Soviet Russia – a fundamentally new codified act in the history of Russian legislation. The objectives of this study: to identify and analyze the provisions of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 aimed at combating professional crime; to assess their validity, novelty and consistency in the context of the criminal-political tasks that were set before the legislative bodies, as well as their conditionality of the socio-economic and criminological situation that was developing at that time; to create prerequisites for further research on the extent to which the approaches

of the legislator to the criminal-legal fight against professional crime were embodied and developed in the subsequent criminal legislation. The article analyzes the main and qualified elements of crimes containing such signs as engaging in crimes of a certain type as a profession and committing a crime in the form of fishing. The rules of sentencing professional criminals and the application of other social protection measures to them, in addition to punishment, are considered. The prescriptions of the criminal law are set out in combination with the characteristics of the socio-economic and criminogenic situation of the early 20^{s} of the twentieth century, the views of domestic lawyers of that time on the problems of criminal professionalism, assessment of the bases of legislative decisions, their gaps and shortcomings.

Key words: Criminal Code of the RSFSR of 1922, professional criminal, commission of a crime in the form of fishing, occupation with crimes as a profession, infrastructure of professional crime, criminal punishment, social protection measures, recidivism, the main corpus delicti, qualified corpus delicti, criminal suits, theft, purchase of knowingly stolen for sale, usury, counterfeiting.

For citation: *Skoblikov, P.A. (2023)*. The first Criminal Code of Soviet Russia and the responsibility of professional criminals // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 153–161.

26 мая 1922 г. на 3-й сессии IX Всероссийского съезда Советов, высшего органа государственной власти в РСФСР в 1918–1937 гг., был принят первый Уголовный кодекс Советской России – УК РСФСР 1922 г. Кодекс содержал как Общую, так и Особенную часть, где закреплялась ответственность за конкретные преступления[1].

Тогда, в послереволюционный период, в стране происходило радикальное переустройство общества и, соответственно, создание принципиально новой правовой системы, наблюдалась быстрая реализация (или по крайней мере попытки реализации) идей, которые в рамках устоявшейся правовой системы могли долго обсуждаться, но так и не воплотиться в жизнь.

В связи с этим исследование данного нормативного правового акта, ныне памятника отечественного уголовного права, представляет интерес во многих отношениях, прежде всего, как источника целого ряда уголовно-правовых идей и конструкций, развитых в последующем уголовном законодательстве либо им отринутых. В настоящей статье автор рассматривает недостаточно освещенные в юридической литературе вопросы уголовной ответственности за профессиональную преступную деятельность.

Профессиональные преступники в представлениях российских учёных 20-х годов XX в.

К главному критерию для причисления лица к типу профессионального преступника российские ученые в 20-х годах прошлого века относили стремление субъекта к удовлетворению своих потребностей с помощью противоправной деятельности. Так, выдающийся русский юрист и психолог С.В. Познышев считал профессиональным преступником того, «кто несколько, раз совершил преступление одного и того же вида по утвердившейся склонности удовлетворять таким образом свою более или менее часто повторяющуюся потребность»[2]. Обращает на себя внимание то, что это определение допускает расширительное толкование и позволяет относить к профессиональным преступникам тех лиц, кто не имеет корыстных мотивов, например: серийных убийц, совершающих свои деяния бескорыстно, для получения психологического удовлетворения от самого акта лишения жизни, хулиганов, для забавы издевающихся над окружающими, и проч. Однако ознакомление с процитированным трудом С.В. Познышева показывает, что все описанные им и отнесенные к профессионалам преступники действовали с корыстными мотивами.

В этом смысле более определенно высказался М.М. Гродзинский, по мнению которого к профессиональным преступникам, или преступникам «промысла», относились «те, кто не только систематически совершает преступления, но обращает последние в источник материальных благ, необходимых для существования, иначе говоря, делает преступления источником доходов». Он подчеркивал, что для отнесения преступника к этой категории необходимо установить факт более или менее регулярного получения им материальной выгоды от преступлений, «причем совершенно безразлично, является ли преступная деятельность единственным источником существования данного лица или же имеются и другие средства существования у преступника, равно как в последнем случае безразлично, является ли преступная деятельность

[1] В то время как Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, утверждённые 22.12.1919 г. постановлением Народного комиссариата юстиции, содержали лишь общие положения (об уголовном праве, уголовном правосудии, о преступлении и наказании и др.). Подробнее об этом важном для истории уголовного права нормативном акте см., напр.: *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–121.

[2] *Познышев С.В.* Криминальная психология: преступные типы. Л., 1926. С. 117.

главным или же второстепенным источником дохода»[3]. Близкой позиции придерживался А.А. Пионтковский: «Профессиональная преступность... является... постоянным систематическим занятием данной преступной деятельностью, служащей источником (основным или вспомогательным) существования данного лица»[4]. Если исходить из этого посыла, то *профессиональные преступники чаще всего совершают имущественные преступления*.

Чем обусловливалось повышенное внимание к теме профессиональной преступности в то время? В чём виделась большая опасность профессиональной преступности? По мнению Б.С. Утевского (его поддерживали М.Н. Гернет, И.Н. Якимов и др.), профессиональные преступники, составляя ядро преступной среды, совершали «огромное число открываемых преступлений, еще большее число не открываемых и, вероятно, во много раз большее число преступлений, которые даже не доходят до сведения органов розыска и дознания»[5]. Поэтому если бы удалось ликвидировать преступников-профессионалов, то общая картина преступности резко бы изменилась в лучшую сторону.

Криминогенные факторы, усугубившие проблему профессиональной преступности в России после окончания Гражданской войны

Не менее важно отметить, что к началу 1920-х годов проблема профессиональной преступности значительно усугубилась. Этому способствовали тяжелые последствия Первой мировой и Гражданской войн: разруха, безработица, голод, беспризорность миллионов детей и подростков[6] (которых профессиональным преступникам легче всего вербовать в качестве подручных, обучать криминальному «мастерству»[7]), распространение наркомании[8], нарушение нормальной деятельности, а позднее и слом прежней правоохранительной системы, массовое освобождение из мест лишения свободы содержавшихся там преступников, существенную долю которых составляли рецидивисты-профессионалы. Всё это обусловило не только количественный, но и качественный скачок профессиональной преступности.

В этот период наряду с дореволюционными преступниками появилась новая категория нарушителей уголовного закона, состоявшая из двух принципиально разных социальных групп. Одну составили т.н. бывшие (дворяне, выходцы из буржуазных слоев общества, мещане, военные, чиновники и др.), прежде всего те из них, кто в силу своих убеждений или других причин не стал либо не сумел сотрудничать с советской властью. Не имея зачастую легальных доходов (или будучи неудовлетворёнными их уровнем), они получали средства к существованию за счёт совершения имущественных преступлений. В другую группу входили преступники пролетарского или крестьянского происхождения, ставшие на криминальный путь по несчастью: безработные, беспризорные и безнадзорные, не имеющие средств к существованию, нищие, лица, занимающиеся мелкими кражами, проституцией и др. Каждая категория и группа имела характерные особенности. Так, дореволюционные преступники владели богатым опытом, «техническими» навыками и определенной «квалификацией» в совершении преступлений. У них были налаженные каналы сбыта краденого, они знали и соблюдали обычаи традиционной уголовной среды, что облегчало установление новых криминальных контактов. В свою очередь, «бывшие» не имели преступной квалификации, рынков сбыта, не знали тонкостей воровских обычаев. Но они были лучше образованы, интеллектуально и социально развиты, обладали организаторскими способностями. Названные категории преступников не могли длительное время существовать и действовать параллельно или враждовать. Рано или поздно они должны были объединиться, ведь подобное слияние предопределено объективно, и оно состоялось[9].

Усиление ответственности профессиональных преступников по УК РСФСР 1922 г.

В целом подход законодателя в УК РСФСР 1922 г. применительно к профессиональным преступникам состоял в том, что *для них суды должны определять более строгую меру наказания, нежели для лиц, совершивших преступление впервые*. Такое правило закреплялось в главе III «Определение меры наказания»: при определении меры наказания судам следует различать, совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз (п. «е» ст. 25).

---

[3] *Гродзинский М.М.* Профессиональная преступность и Уголовный Кодекс РСФСР // Право и Жизнь. М., 1923. Кн. 7–8. С. 72, 73.

[4] *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. М., 1924. Часть общая. С. 220.

[5] Цит. по: *Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 25, 26.

[6] К 1922 г. в России насчитывалось около 7 млн беспризорных. Решение проблемы беспризорности было объявлено политической задачей (см.: *Рожков А.Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134).

[7] *Познышев С.В.* Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1926. С. 4.

[8] См.: *Гернет М.Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927. С. 154.

[9] Подробнее об этом см.: *Водолазский Б.Ф., Вакутин Ю.А.* Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). Омск, 1979. С. 5, 6.

Таким образом, *при совершении корыстных преступлений суды должны были выяснять, являются ли подсудимые профессиональными преступниками и, если это обстоятельство установлено, назначать им более строгое наказание в тех пределах, которые определены в санкции за соответствующее преступление*.

Кроме того, Особенная часть УК РСФСР 1922 г. предусматривала восемь корыстных преступлений, при конструировании которых использованы такие признаки «занятием преступлением как профессией» или «совершение преступления в виде промысла». С некоторой долей условности[10] можно считать, что речь идет об одном и том же[11], поскольку, если исходить из приведенного выше определения, совершение преступлений в виде промысла означает криминальный профессионализм.

Эти признаки, в основном, использованы в качестве отягчающих при конструировании квалифицированных составов преступлений, но в трех случаях такой признак является конститутивным, законодатель прибег к нему при конструировании основного состава преступных деяний (ст. 139, 140а и 181).

В гл. VI «Имущественные преступления» предусмотрено три преступления рассматриваемого типа.

Первое преступление – квалифицированная кража – описано в п. «б» ст. 180. Если тайное похищение чужого имущества совершалось лицом, занимающимся кражами как профессией, то содеянное расценивалось как более опасное преступление, нежели простая кража – как квалифицированная кража. Санкция за последнее деяние значительно суровее, мера основного наказания имела более высокий верхний предел. Для сравнения: за простую кражу виновному грозило наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок шесть месяцев (п. «а» ст. 180), в то время как за квалифицированную кражу – до двух лет лишения свободы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данный признак использован только для конструирования квалифицированного состава кражи. Занятие грабежами, мошенничествами и другими хищениями как профессией не образовывало квалифицированных составов по УК РСФСР 1922 г. Такое решение законодателя можно объяснить трояко: 1) кражи преобладали в структуре профессиональной преступности; 2) лица, совершающие кражи («крадуны»), доминировали среди профессиональных преступников; 3) именно «крадуны» больше всех пестовали антиобщественные традиции, чаще всего достигали больших высот в своём криминальном мастерстве; внутри этого криминального цеха существовало множество более узких «профессий» (одни воры специализировались на карманных кражах, другие – на кражах из квартир и домов, третьи – на кражах в поездах, четвертые – на кражах из магазинов[12], пятые – на кражах лошадей и т.д.).

В этой части полезно сопоставить первый советский Уголовный кодекс с Уголовным уложением 1903 г.– последним по времени принятия фундаментальным законодательным актом Российской Империи в области материального уголовного права. При конструировании норм об ответственности за преступления определенных видов в нём также использовался признак «совершение в виде промысла», причём даже чаще, чем в УК РСФСР, т.е. имеет место преемственность. Однако по Уголовному уложению совершение краж в виде промысла образовывало квалифицированный состав лишь в одном случае – если преступник специализировался на кражах лошадей (конокрадство, ст. 585). Универсальной нормы об ответственности за кражу любого имущества в виде промысла дореволюционное законодательство не знало, профессиональные воры несли ответственность на общих основаниях.

Совершение кражи в виде промысла и занятие кражами как профессией

Примечательно также, что в ст. 180 УК РСФСР 1922 г. квалифицирующий признак обозначен не выражением «совершает кражи в виде промысла», а «занимается кражами как профессией». Почему?

Можно предположить следующее. Авторы УК РСФСР исходили из более глубокого представления о профессиональных преступниках, чем это изложено в процитированных выше работах, видели различие преступного промысла и криминального профессионализма, понимали, что совершение преступления в виде промысла даёт основание предполагать в субъекте преступления профессионального преступника, но однозначно на это не указывает. В силу разных обстоятельств человек может на протяжении определенного

[10] Возможные несовпадения этих понятий будут рассмотрены ниже.

[11] По крайней мере такую позицию заявил вскоре после принятия Кодекса известный советский правовед, автор учебников по уголовному праву (адресованных как студентам вузов, так и практическим работникам юстиции) А.А. Пионтковский. Он полагал очевидным, что обращение преступной деятельности в промысел является идентичным понятию профессиональной преступности (см.: *Пионтковский А.А.* Указ. соч. С. 220).

[12] Речь идет о крупных кражах со взломом, совершаемых, как правило, в ночное время. Их статистический рост во время Первой мировой войны и ещё более после её окончания давал основание исследователям-современникам предполагать возрастание профессиональный преступности (см. подр.: *Гернет М.Н.* Указ. соч. С. 46).

времени совершить несколько однородных или идентичных корыстных преступлений, не требующих специальных навыков и умений, а как только обстановка изменится – прекратить преступную деятельность. Для однозначного вывода о криминальном профессионализме могли потребоваться дополнительные признаки: обучение преступному ремеслу лица со стороны более опытных преступников, последовательное совершенствование лицом своих преступных навыков и умений, усвоение и одобрение криминальной субкультуры, наличие у лица идеологического обоснования преступной деятельности, совершение преступлений на протяжении длительного времени и др. Однако в то время данная тема не была достаточно разработана ни отечественными, ни зарубежными исследователями[13], хотя определенные подходы некоторыми отечественными юристами были заявлены, пусть и в рамках иных исследований.

Так, С.В. Познышев, предостерегая от совместного содержания юных профессиональных преступников с подростками иных категорий в одних и тех же исправительно-воспитательных домах, указывал на *ряд признаков, которые, с большой осторожностью, можно принимать за показатели складывающегося профессионального типа*: неоднократное совершение преступления одного и того же вида (1), знание воровского жаргона (2), знание технических приемов совершения известного вида преступлений (3) и способность самому употребить хотя бы некоторые из этих приемов (4), знакомство с притонами (5), частые свидания и близкое знакомство со взрослыми ворами (6), известная кличка, данная подростку взрослыми ворами (7), неоднократность приводов в комиссии (8), побеги в притоны из воспитательного заведения (9) и т.п. Если в прошлом подростка имелось пребывание в местах заключения, то это большей частью свидетельствует о полученной там известной профессиональной подготовке к деятельности на преступном поприще (10)[14].

Как бы то ни было, правоприменителям предоставлялась возможность решать, идентичны ли признаки «совершать кражи в виде промысла» и «заниматься кражами как профессией», а если нет, то каким образом проводить разграничение между этими понятиями.

[13] К примеру, работа «Профессиональный вор» (в которой показано, сколь значимо для достижения криминального мастерства вора обучение у более опытных «коллег», восприятие от них соответствующих «ценностей» и установок) крупного американского криминолога Эдвина Сатерленда была опубликована лишь 15 лет спустя (см.: *Conwell, Chic (pseudonym)*. The Professional Thief: by a Professional Thief / annotated and interpreted by E.H. Sutherland. Chicago, 1937).

[14] См.: *Познышев С.В.* Детская беспризорность и меры борьбы с ней. С. 105, 106, 136.

Преступления, совершаемые в виде промысла, ответственность за которые предусматривалась в УК РСФСР 1922 г.

Обратимся далее к иным деяниям, предусмотренным в УК РСФСР 1922 г. и предполагающим криминальный профессионализм.

Прежде всего это такое деяние, как покупка заведомо краденого с целью сбыта в виде промысла (также квалифицированный состав); оно описано в ст. 181 УК РСФСР 1922 г. Каралось названное деяние лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией части имущества. Для сравнения: при выполнении основного состава виновному грозило наказание в виде принудительных работ или лишения свободы на срок до одного года. Разница заключалась не только в более строгом наказании при совершении преступления в виде промысла, но и в различных сроках давности исполнения наказания. По общему правилу, давностный срок при выполнении основного состава составляет три года, квалифицированного – пять лет (ст. 21).

В инфраструктуре профессиональной преступности прошлого века скупщики похищенного имущества занимали важное место. Они оказывали содействие лицам, совершающим не только кражи, но и любые другие хищения (мошенничества, грабежи и т.д.). Их функционирование облегчало реализацию преступного замысла похитителей, повышало безопасность последних, способствовало более глубокой специализации профессиональных преступников, делая профессиональную преступную стезю более привлекательной. Таким образом, деятельность профессиональных скупщиков похищенного обладала повышенной общественной опасностью, и неудивительно, что за совершение такого рода деяний законодатель предусмотрел более строгие санкции, нежели за совершение квалифицированных краж.

Ещё одно преступление с рассматриваемым признаком – ростовщичество – описано в ст. 193. В этой статье зафиксированы два альтернативных состава (финансовое и вещное ростовщичество); в первом из них совершение в виде промысла является конститутивным признаком[15].

[15] Для четкости восприятия дальнейшего изложения и с учётом того, что уголовная ответственность за ростовщичество давно исключена из российского законодательства, имеет смысл привести диспозицию, зафиксированную в ст. 193: «Ростовщичество, т.е. взимание в виде промысла за данные взаймы деньги процентов сверх дозволенных законом, или предоставление в пользование орудий производства, скота, полевых, огородных или посевных семян за вознаграждение в размере, явно превышающем обычную для данной местности норму, с использованием нужды или стесненного положения получающего ссуду, карается – ...».

В чём суть этого преступления? Она заключается в приобретении имущества посредством противозаконной эксплуатации потерпевшего, в получении имущественной выгоды посредством ссуды капитала в рост за чрезмерные проценты с использованием тяжелого экономического положения потерпевшего. Если лицо впервые судится, вывод о том, что ростовщичество совершено в виде промысла, правомерно делать на основании того, что подсудимый совершил ряд таких деяний. Если же лицо имеет судимость за ростовщичество, достаточно доказать один новый эпизод этой деятельности, имевший место после первого осуждения. Такое лицо в юридической литературе 1920-х годов характеризовалось как «профессиональный ростовщик»[16].

Не только имущественные преступления имеют в качестве предмета посягательства вещи, деньги, другое имущество и (или) могут совершаться для извлечения регулярного дохода. Законодатель учёл это обстоятельство в УК РСФСР 1922 г., усилив ответственность профессиональных преступников за ряд иных деяний.

В гл. I «Государственные преступления», в той её части, где предусматриваются преступления против порядка управления, закреплены два квалифицированных состава преступления по признаку совершения в виде промысла.

Одно из них – подделка денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и других знаков государственной оплаты (ст. 85). Другое – «нарушение законов о ввозе за границу или провозе за границу товаров» (ст. 97). Первое из этих преступлений каралось наиболее строго, если сравнивать со всеми иными, совершаемыми в виде промысла. Виновным независимо от преступной роли грозила высшая мера наказания с понижением, при смягчающих обстоятельствах, наказания до лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества, а при отсутствии предварительного соглашения или отношении укрывателей – лишением свободы на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией и конфискацией части имущества.

Логика законодателя понятна, поскольку основным объектом рассматриваемого посягательства выступает денежно-кредитная система государства. Наполнение рынков фальшивыми деньгами и другими знаками государственной оплаты ведет к обесцениванию легальных денег, усиливается инфляция, т.е. ущерб причиняется не только тем лицам, которые получили фальшивые знаки государственной оплаты под видом настоящих, но и всем жителям страны. В условиях ограниченных продовольственных и других жизненно важных ресурсов это было особенно опасно. Надо также упомянуть, что подделка знаков государственной оплаты в 1920-е годы представляла немалые трудности ввиду отсутствия в гражданском обороте механизмов и приспособлений, облегчающих эту противоправную деятельность. Она требовала от фальшивомонетчиков специальных познаний в области химии, физики и других наук, а также сложных умений и навыков. Как следствие, эти лица обладали высокой степенью криминального профессионализма и пользовались определенным признанием в антиобщественной среде.

В гл. IV «Преступления хозяйственные» предусмотрены два преступления, в конструкции которых использован признак «совершения в виде промысла». В одном случае установлена ответственность за скупку и сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение (ст. 139). В другом – за незаконное приготовление и хранение спиртных напитков в виде промысла (ст. 140а). В обоих случаях указанный признак конститутивный, он использован для конструирования основных составов, т.е. в отсутствие этого признака уголовная ответственность за указанные деяния не наступала.

В гл. V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» установлена ответственность за одно преступление, конструкция которого содержит признак «совершения в виде промысла» (ст. 146). Здесь этот признак квалифицирующий. Основной состав – с согласия матери изгнание плода или искусственное прерывание беременности лицами, не имеющими для этого надлежаще удостоверенной медицинской подготовки или хотя бы и имеющими специальную медицинскую подготовку, но в ненадлежащих условиях. Это преступление каралось лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года. Если же виновный совершал такое преступление в виде промысла, наказание повышалось до лишения свободы на срок до пяти лет.

Какой была правоприменительная практика после принятия УК РСФСР 1922 г.?

Более полное представление о рассмотренных выше признаках криминального профессионализма «занятие кражами как профессией» и «совершение преступления в виде промысла» мог бы дать анализ правоприменительной практики. Однако в силу объективных причин это невозможно – сроки хранения уголовных дел начала 1920-х годов истекли, поэтому даже в тех регионах страны, которые не пострадали в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в силу особых причин могут

[16] *Жижиленко А.А.* Имущественные преступления. Л., 1925. С. 182, 188.

сохраниться лишь отдельные дела или приговоры. Их обнаружение – вопрос случая, но и тогда репрезентативная выборка дел невозможна из-за отсутствия их генеральной совокупности.

Вместе с тем некоторое представление о правоприменительной практике может дать обращение к материалам практического пособия «Сборник обвинительных пунктов по уголовному кодексу Р.С.Ф.С.Р.»[17]. Пособие подготовлено начальником отделения по надзору за органами следствия и дознания Омской губернской прокуратуры и адресовано работникам суда, иным практическим работникам[18]. В этой книге приводятся фабулы уже состоявшихся уголовных дел, квалификация которых соответствует тем или иным статьям УК РСФСР 1922 г. и признается верной. Таким образом, содержащиеся в книге материалы отчасти отражали правоприменительную практику, складывающуюся после введения в действие УК РСФСР 1922 г., – это, с одной стороны. А с другой – оказывали влияние на эту практику, призывали следовать размещенным в книге примерам как образцам.

Четких ориентиров для квалификации содеянного как занятия кражами в виде профессии или совершения преступления в виде промысла цитируемый Сборник практическим работникам не предлагал. Почерпнуть эти ориентиры автору-составителю в доступных уголовных делах, по всей видимости, не удалось.

Другие меры социальной защиты, целесообразные для применения к профессиональным преступникам

Помимо изложенного следует обратить внимание, что в УК РСФСР предусматривались другие меры социальной защиты (ст. 46), не считавшиеся наказанием и не включённые в перечень видов наказания, налагаемых по данному нормативному правовому акту (ст. 32). В таких мерах карательный элемент минимален либо отсутствует, но высок профилактический потенциал. Среди них – удаление из определенной местности (п. «г» ст. 46). Указанная мера могла быть назначена лицам, которые признаны социально опасными *по причине связи с преступной средой данной местности*. Осужденные по приговору суда после отбытия основного наказания лишались права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет (ст. 49). *Связь с преступной средой конкретной местности, как правило, поддерживают профессиональные преступники. Следовательно, рассматриваемая мера прежде всего направлена против них и призвана затруднить продолжение их преступной деятельности после отбытия основного наказания*. Если более конкретно, то совершение новых имущественных преступлений в результате осложняется, поскольку затрудняется поиск наводчиков, соисполнителей, сбытчиков похищенного и т.д. (в привычной среде, где у профессионального преступника имеются соответствующие связи, решение перечисленных задач, напротив, упрощается).

Характерно, что в криминологических источниках середины 1920-х годов понижение уровня регистрируемой преступности в столичных городах на фоне повышения этого показателя в дальних городах и губерниях объяснялось высылкой из столиц преступников-профессионалов на основании ст. 49 УК РСФСР[19].

В современных источниках можно встретить однозначно негативные оценки рассмотренной выше меры социальной защиты. Так, Э.Г. Шкредова пишет: «К отрицательным моментам следует отнести введение в ст. 49 высылки по основанию, имеющему оценочный характер, относящийся исключительно к антисоциальной характеристике личности (в эту группу входили лица, связанные с преступной средой данной местности независимо от совершенных ранее преступных деяний), т.е. введение не уголовно-правового основания применения мер принуждения»[20]. При этом логику размышлений, приведших к данному выводу, автор не раскрывает. Да и сам вывод сформулирован нечетко. То ли автор считает, что имело место отступление от принципа законности, то ли полагает, что для применения этой меры не требовалось доказывать факт совершения деяния, запрещенного УК РСФСР 1922 г., то ли имеется в виду что-то иное.

Между тем, как это следует из содержания ст. 46 Кодекса, удаление из определенной местности осужденного (равно как и любая другая мера социальной защиты: принудительное лечение, отдание несовершеннолетнего на поруки и проч.) заменяет наказание или следует за ним, т.е. назначается лицу, виновность которого в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, доказана. Эта мера закреплена в законе, назначается по приговору суда и нацелена на предупреждение совершения

[17] *Васильев П.П.* Сборник обвинительных пунктов по Уголовному кодексу Р.С.Ф.С.Р. / составил П.П. Васильев, нач. отд-ния по надзору за органами следствия и дознания Омск. губ. прокуратуры. Омск, 1922.

[18] Из предисловия к книге, написанного консультантом Омгубсовнарсуда Н. Сосновским: «Нет сомнения, что названная книга будет настольной книгой у каждого судебного работника, особенно у заброшенных в глуши, где не с кем поделиться и посоветоваться, а сборник будет этим советником и даст ответ почти на все вопросы, которые могут возникнуть при применении уголовного Кодекса».

[19] См.: *Гернет М.Н.* Указ. соч. С. 160.

[20] *Шкредова Э.Г.* Множественность преступлений в период становления советского уголовного законодательства // Современное право. 2008. № 6. С. 111.

новых противоправных деяний со стороны осужденного, с учётом его личных характеристик.

Для полноты картины стоит указать, что в уголовном законодательстве Российской Империи не предусматривались меры социальной защиты, назначаемые преступникам наряду с наказанием или вместо него. Однако такой институт к началу XX в. уже был проработан в теории уголовного права государств Европы и получил воплощение в некоторых новейших на тот момент уголовных кодексах[21]. В отличие от наказания, чьим обязательным содержанием является кара, и которое направлено как на общее, так и на специальное предупреждение преступлений, меры социальной защиты могут не иметь карательной составляющей и нацелены на предупреждение совершения нового преступления тем же преступником, на предотвращение рецидива. Таким образом, рассматриваемый правовой институт не является изобретением советской власти, советских учёных-юристов, но именно эта власть восприняла прогрессивные для своего времени идеи и внедрила их в отечественное законодательство.

Вместе с тем законодатель в УК РСФСР 1922 г. воздержался от формулирования признаков, по которым можно установить криминальный профессионализм обвиняемого, и это не могло не осложнять применение рассмотренных здесь норм, одновременно расширялась почва для субъективных и произвольных решений при назначении наказания и мер социальной защиты.

Заключение

В завершение необходимо отметить следующее. В УК РСФСР 1922 г. законодатель проявил себя наиболее решительно и продуманно в вопросах уголовно-правового обеспечения борьбы с профессиональной преступностью, несмотря на отсутствие желаемой четкости, последовательности и полноты при регламентации этих вопросов.

В УК РСФСР 1926 г. уже не использовался квалифицирующий признак «совершение преступления лицом, занимающимся кражами как профессией». Ещё более важно, что в УК РСФСР 1926 г., равно как и в УК РСФСР 1960 г., назначение наказания и других уголовно-правовых мер в целом не было увязано с криминальным профессионализмом подсудимого, хотя при совершении противоправных деяний некоторых видов наличие признака «совершение в виде промысла» по-прежнему влекло квалификацию содеянного как преступления или переквалификацию на более «тяжелые» статьи (части, пункты), применение более строгих наказаний. При этом, однако, просматривалась тенденция на постепенный отказ от использования рассматриваемого признака[22]. В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. этот признак не использовался и не используется до настоящего времени. Более того, Уголовный кодекс РФ последовательно меняется в направлении смягчения и полного освобождения от ответственности лиц, со стороны которых имеет место криминологический (фактический) и уголовно-правовой рецидив преступлений[23]. А рецидив – важный индикатор, опосредованно указывающий на масштабы профессиональной преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев П.П.* Сборник обвинительных пунктов по Уголовному кодексу Р.С.Ф.С.Р. / составил П.П. Васильев, нач. отд-ния по надзору за органами следствия и дознания Омск. губ. прокуратуры. Омск, 1922.
2. *Водолазский Б.Ф., Вакутин Ю.А.* Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). Омск, 1979. С. 5, 6.
3. *Гернет М.Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927. С. 46, 154, 160.
4. *Гродзинский М.М.* Профессиональная преступность и Уголовный Кодекс РСФСР // Право и Жизнь. М., 1923. Кн. 7–8. С. 72, 73.
5. *Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 25, 26.
6. *Жижиленко А.А.* Имущественные преступления. Л., 1925. С. 182, 188.
7. *Немировский Э.Я.* Учебник уголовного права. Одесса, 1919. С. 2, 3.
8. *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. М., 1924. Часть общая. С. 220.
9. *Познышев С.В.* Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1926. С. 4, 105, 106, 136.
10. *Познышев С.В.* Криминальная психология: преступные типы. Л., 1926. С. 117.

[21] Подробнее см.: *Немировский Э.Я.* Учебник уголовного права. Одесса, 1919. С. 2, 3.

[22] Так, в первой редакции УК РСФСР 1961 г. было предусмотрено пять подобных преступлений: коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла, – ст. 153; спекуляция в виде промысла – ст. 154; изготовление или сбыт в виде промысла поддельных билетов или иных документов на проезд пассажиров или провоз грузов – ст. 159; незаконная порубка леса в каких бы то ни было лесах, совершенная в виде промысла, – ст. 169; приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенное в виде промысла, – ст. 208. А вот в последней редакции данного Кодекса признак «совершение в виде промысла» использовался при конструировании лишь двух составов преступлений.

[23] См. подр.: *Скобликов П.А.* Принцип максимальной толерантности в рамках противодействия преступности: современное российское законотворчество // Закон. 2022. № 2. С. 163–170.

11. *Рожков А.Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134.

12. *Скобликов П.А.* Принцип максимальной толерантности в рамках противодействия преступности: современное российское законотворчество // Закон. 2022. № 2. С. 163–170.

13. *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–121.

14. *Шкредова Э.Г.* Множественность преступлений в период становления советского уголовного законодательства // Современное право. 2008. № 6. С. 111.

15. *Conwell, Chic (pseudonym).* The Professional Thief: by a Professional Thief / annotated and interpreted by E.H. Sutherland. Chicago, 1937.

REFERENCES

1. *Vasiliev P.P.* Collection of indictments under the Criminal Code of the R.S.F.S.R. / compiled by P.P. Vasiliev, head of the Department for Supervision of the investigation and inquiry bodies of the Omsk. Gubernatorial Prosecutor's Office. Omsk, 1922 (in Russ.).

2. *Vodolazsky B.F., Vakutin Yu.A.* Criminal groups, their customs, traditions, "laws" (Past and present). Omsk, 1979. P. 5, 6 (in Russ.).

3. *Gernet M.N.* Crime and suicide during the war and after it. M., 1927. P. 46, 154, 160 (in Russ.).

4. *Grodzinsky M.M.* Professional crime and the Criminal Code of the RSFSR // Law and Life. M., 1923. Book 7–8. P. 72, 73 (in Russ.).

5. *Gurov A.I.* Professional crime: past and present. M., 1990. P. 25, 26 (in Russ.).

6. *Zhizhilenko A.A.* Property crimes. L., 1925. P. 182, 188 (in Russ.).

7. *Nemirovsky E. Ya.* Textbook of Criminal Law. Odessa, 1919. P. 2, 3 (in Russ.).

8. *Piontkovsky A.A.* Criminal Law of the RSFSR. M., 1924. Part General. P. 220 (in Russ.).

9. *Poznyshev S.V.* Child homelessness and measures to combat it. M., 1926. P. 4, 105, 106, 136 (in Russ.).

10. *Poznyshev S.V.* Criminal psychology: criminal types. L., 1926. P. 117 (in Russ.).

11. *Rozhkov A. Yu.* Struggle with homelessness in the first the Soviet Decade // Questions of history. 2000. No. 11. P. 134 (in Russ.).

12. *Skoblikov P.A.* The principle of maximum tolerance in the framework of countering crime: modern Russian lawmaking // Law. 2022. No. 2. P. 163–170 (in Russ.)

13. *Chuchaev A.I., Gracheva Yu. V., Malikov S.V.* Guiding principles on criminal law: background of development, prototype of the General part of the first Criminal Code of the RSFSR, meaning (to the 100th anniversary of adoption) // Union of Criminologists and Criminologists. 2020. No. 2. P. 106–121 (in Russ.).

14. *Shkredova E.G.* The multiplicity of crimes during the formation of Soviet criminal legislation // Modern law. 2008. No. 6. P. 111 (in Russ.).

15. *Conwell, Chic (pseudonym).* The Professional Thief: by a Professional Thief / annotated and interpreted by E.H. Sutherland. Chicago, 1937.

Сведения об авторе

СКОБЛИКОВ Петр Александрович –
доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-7875-7036

Authors' information

SKOBLIKOV Petr A. –
Doctor of Law, Leading Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 162–167
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 162–167

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ГИПОТЕЗА О РАЗУМНОМ РАВЕНСТВЕ В СВОБОДЕ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

© 2023 г. А. Р. Гильмуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.02.2022 г.

Аннотация. В центре внимания автора – рациональное равенство в свободе, рассматриваемое как одно из сущностных признаков определенного типа правопонимания.
Особый акцент в работе сделан на фундаментальные основания юридической свободы, становление и развитие которой, по мнению автора, происходило в результате эволюционного исключения и сокращения нежизнеспособных, разрушительных для общественного устройства моделей человеческого поведения – разумного отбора. Именно разумный отбор показал, что единственным детищем культуры всего человечества, способным стать разумным средством обеспечения безопасной и эффективной реализации потребностей человека, является право, выражающее определенную свободу, в основе которой – императив сохранения природы человека.
Автором обосновывается следующий тезис: чтобы каждый мог претендовать на свободу, основанную на императиве сохранения природы человека, то есть для достижения разумного равенства в свободе, такая свобода должна быть выражена в равной форме, посредством которой будет обеспечено одинаковое и нормативное распределение таковых свобод.
В результате анализа сформулированы основные выводы о том, что право, сущностные признаки которого исходят из основания свободы – императива сохранения природы человека, реализуемого на основе равной формы, может быть интерпретировано с иной точки зрения – рационально-эгалитарной, базирующейся на обеспечении рационального равенства в процессе регуляции общественных отношений.

Ключевые слова: разумное равенство, правопонимание, рационально-эгалитарная теория, правовая свобода, разумный отбор, императив сохранения природы человека.

Цитирование: *Гильмуллин А. Р.* Гипотеза о разумном равенстве в свободе: основные положения // Государство и право. 2023. № 1. С. 162–167.

DOI: 10.31857/S102694520024141-6

THE HYPOTHESIS OF REASONABLE EQUALITY IN FREEDOM: BASIC PROVISIONS

© 2023 A. R. Gilmullin

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

Received 24.02.2022

Abstract. The author focuses on rational equality in freedom, considered as one of the essential features of a certain type of legal understanding.
Special emphasis in the work is placed on the fundamental foundations of legal freedom, the formation and development of which, according to the author, occurred as a result of the evolutionary exclusion and reduction of non-viable, destructive to the social structure of human behavior models – reasonable selection. It is reasonable selection that has shown that the only brainchild of the culture of all mankind that can become a reasonable means of ensuring the safe and effective realization of human needs is a right expressing a certain freedom, which is based on the imperative of preserving human nature.

The author substantiates the following thesis: in order for everyone to claim freedom based on the imperative of preserving human nature, that is, in order to achieve reasonable equality in freedom, such freedom must be expressed in an equal form, through which the same and normative distribution of such freedoms will be ensured. As a result of the analysis, the main conclusions are formulated that the right, the essential features of which come from the foundation of freedom – the imperative of preserving human nature, implemented on the basis of an equal form, can be interpreted from a different point of view – rationally egalitarian, based on ensuring rational equality in the process of regulating social relations.

Key words: reasonable equality, legal understanding, rational-egalitarian theory, legal freedom, reasonable selection, imperative of preserving human nature.

For citation: *Gilmullin, A.R. (2023).* The hypothesis of reasonable equality in freedom: basic provisions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 162–167.

Идея равенства имеет особое значение для современной юриспруденции как науки и играет ключевую роль в процессе установления цивилизованной и эффективной социальной коммуникации, построения справедливого общественно-политического устройства.

Одна часть исследователей придерживается точки зрения, что идея равенства является сущностной чертой права[1] и необходимым условием его существования[2]. Другие же характеризуют данную идею в качестве принципа права, выступающего и целью, и средством, и результатом действия права[3]. Как известно, в рамках других социальных дисциплин идея равенства может трактоваться по-иному, могут ставиться иные цели, задачи и приоритеты, удовлетворяться другого рода потребности человека и достигаться иные результаты. В контексте юриспруденции при формулировке идеи равенства выделяются ее собственные (отличительные) онтологические, аксиологические и гносеологические аспекты и значения для социума и государства.

В современной правовой доктрине не достигнуто полного консенсуса в вопросах о том, что есть равенство в праве, а что противоречит данному явлению. Говоря об эмпирической практике, важно отметить, что на сегодняшний день идея равенства выражена, например, в таких фундаментальных документах международного уровня, как «Всеобщая декларация прав человека» (ст. 1, 7), «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (преамбула, ст. 3, 7, 31), «Международный пакт о гражданских и политических правах» (ст. 2), «Декларация о расе и расовых предрассудках» (преамбула и ст. 1), «Декларация о праве на развитие» (ст. 8) и проч. Что касается российской правовой системы, то здесь идея равенства также нашла свое отражение непосредственно в Основном Законе государства. В частности, об этом свидетельствуют формулировки в Конституции РФ: «равные возможности...» (ст. 20), «равный доступ...» (ст. 32), «равное право и обязанность...» (ст. 38), «каждому гарантируется...» (ст. 39, 44), «каждый имеет право...» (ст. 40, 41), «никто не может...» (ст. 47, 50), «никто не обязан...» (ст. 51), «наравне» (ст. 62). Аналогичные формулировки можно встретить в отечественном отраслевом законодательстве: «равные права и равные обязанности» (Семейный кодекс РФ), «равный доступ» (Федеральный закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 27.10.2020 г.) «О муниципальной службе в Российской Федерации»)[4], «равенства прав и свобод» (Уголовный кодекс РФ) и проч.

Возвращаясь к юридической науке, важно подчеркнуть, что историческое развитие доктринальных идей о равенстве в праве находилось в прямой зависимости от исследования онтологических аспектов права, а именно от доктринальных подходов (типов) к правопониманию. Идея равенства содержится во многих концепциях правопонимания и определениях права, данных теоретиками права. Так, согласно точке зрения В.С. Соловьева, право «есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный»[5]. По мнению В.В. Лазарева и В.С. Афанасьева, право – это «совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных воль в их взаимоотношении друг с другом»[6]. В соответствии с либертарно-юридической концепцией правопонимания право – «это форма отношений равенства, свободы и справедливости, определяемая принципом формального равенства участников данной формы отношений»[7].

В целом доминирующий подход (тип) к правопониманию оказывает существенное влияние на развитие юриспруденции как науки и на юридическую практику, в том числе на процессы формирования теории и догмы права, построения правовой системы, реализации правотворческой и правоприменительной деятельности. Не говоря уже о том, что отсутствие в теории права единой и универсальной концепции понимания того, что есть право, является серьезной преградой для построения и унификации всей общественно-правовой практики взаимодействия людей в государстве и мире.

Переходя непосредственно к освещению положений о разумном равенстве в свободе, остановимся на тезисе великого русского философа В.С. Соловьева о том, что «свобода есть необходимый субстрат или подлежащее права, а равенство – его необходимая форма»[8].

В литературе нередко можно встретить вполне известные утверждения о том, что каждый человек в силу своей

---

[1] См.: *Малахов В.П.* Природа, содержание и логика правосознания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 28.

[2] См.: *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2005. С. 20.

[3] См.: *Лазарев В.М., Федорова В.Г.* Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи). Волгоград, 2005. С. 26.

[4] См.: СЗ РФ. 2007. № 10, ст. 1152.

[5] *Соловьев В.С.* Право и нравственность. Минск; М., 2001. С. 20.

[6] Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 15.

[7] *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учеб. М., 2015. С. 29, 30.

[8] *Соловьев В.С.* Указ. соч.

природы индивидуален и требует учета своих природных особенностей («любой индивид всегда уникален, как нет двух одинаковых капель дождя, так нет двух одинаковых людей. Люди равны как представители единого человеческого рода, но их природные и социальные свойства неодинаковы»[9]; «ясно, что ограничения свободы для малолетнего и взрослого, для психически больного и здорового не могут быть равны»[10]). Исходя из данных утверждений, вполне обоснованно возникают следующие вопросы: о каком равенстве идет речь: о том, которое обязывает всех подчиняться единой для всех норме закона (т.е. равенстве перед законом), или о равенстве субъектов в юридическом процессе (т.е. процессуальном равенстве сторон)? Задача юридического равенства ограничивается только этими проблемами? Как отмечается в научной литературе, «представление о равенстве предполагает его изучение и как общественного идеала, и в качестве реально действующего принципа организации жизнедеятельности людей, выраженного в виде соответствующей совокупности требований»[11]. В аналогичном контексте высказывается и В.С. Соловьев: «В праве свобода каждого обусловлена не только равенством всех, но и действительными условиями самого равенства»[12]. По нашему убеждению, прежде чем говорить о равенстве в юридической плоскости, необходимо определить, о равенстве в какой свободе, собственно говоря, идет речь; каково основание и содержание свободы, подлежащей уравниванию.

В целях раскрытия данного вопроса видится оправданным для начала обратить внимание на фундаментальные аспекты социального устройства и развития.

Как известно, становление и развитие представлений о юридической свободе было опосредовано эволюционными процессами развития социальных отношений, сопровождающимися расширением меры свободы и социального равенства, ограничением произвольно-властной регуляции, придания ей более предсказуемого и демократического характера.

Кроме того, если обратиться к закономерностям и признакам развития философско-правовых представлений мыслителей разных исторических эпох и цивилизаций (Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени) о правовых (справедливых) законах, которые были позитивно восприняты социумом и прошли испытание временем, то можно обнаружить, что данные представления содержали сведения (философско-правовые идеи, теории, конструкции) о построении определенных моделей социального поведения, за основу которых принята определенная рациональная свобода, а не вседозволенность и произвол.

По нашему убеждению, основание правовой свободы формировалось непосредственно в ходе исторического развития и проявления естественных признаков природы человека. В процессе своего развития человеку как комплексу рациональных и биологических свойств постепенно становился доступен разумный анализ возникающей социально-эмпирической практики и выбор безопасных, эффективных, соответствующих его природе моделей поведения. В частности, происходило разумное (объективное) исключение и сокращение нежизнеспособных, разрушительных для общественного устройства моделей человеческого поведения – разумный отбор[13]. Как справедливо указывал Т. Гоббс, «человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством к ее сохранению»[14]. Именно та модель поведения и, следовательно, та мера свободы человека, которую разум определял как «положительную», т.е. безопасную и эффективную, со временем находила свое непосредственное отражение в мононормах социальных регуляторов, которые, как известно, в дальнейшем преобразовывались в официальные, общеобязательные предписания с государственным механизмом их реализации. Кроме того, в целях обеспечения устойчивых процессов жизнедеятельности и развития человека разумный отбор исключал из содержания юридической свободы разного рода факторы, ведущие к деструкции, деградации жизнедеятельности и подавлению процессов развития человека и общества. О том, как разумный отбор влиял на становление и развитие социальных норм, государственных форм организации и управления обществом, более подробно было изложено в предыдущих исследованиях[15]. На наш взгляд, в этой части анализа важно подчеркнуть следующее: разумный отбор показал, что человек на протяжении всей своей истории находился в динамическом процессе удовлетворения своих потребностей (интересов) и расширения своей свободы, тем самым непрерывно открывал для себя новые модели поведения, устанавливал новые стандарты человеческого общежития и создавал различные общественные институты (семья, государство, религия и право). А самое главное, разумный отбор продемонстрировал, что единственным детищем культуры всего человечества, способным стать рациональным средством обеспечения безопасной и эффективной реализации вышеприведенных потребностей человека, является право, выражающее определенную свободу, в основе которой – императив сохранения природы человека, выражающий требования по обеспечению устойчивых процессов жизнедеятельности и развития каждого человека, т.е. требований, направленных не на разрушение (деградацию, насилие), а на рационально обоснованное поддержание жизнедеятельности и расширение человеческого потенциала. То есть императив сохранения природы человека выступает проявлением разумности равенства в свободе. Таким образом, далее при изложении положений о разумном равенстве в свободе под императивом сохранения природы человека предлагается понимать выведенное на основе закона разумного отбора (рациональности) категорическое требование (условие), выступающее единым (цельным) выражением социальных потребностей по обеспечению устойчивых процессов жизнедеятельности и рационального развития каждого человека, являющееся основанием для правовой свободы. Следовательно, под свободой в рамках настоящего анализа будет пониматься мера человеческого поведения, основанная на императиве сохранения природы человека.

Далее в целях логико-смыслового и последовательного раскрытия гипотезы о свободе, основанной на императиве сохранения природы человека, рассмотрим ее в контексте сопоставления со всеобщим принципом права И. Канта, нашедшим свое широкое признание в кругу современных исследователей и практиков в области права.

---

[9] *Жуков В.Н.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2019. С. 305.

[10] *Соловьев В.С.* Указ. соч. С. 16.

[11] *Лазарев В.М., Федорова В.Г.* Указ. соч. С. 5.

[12] *Соловьев В.С.* Указ. соч.

[13] См.: *Гильмуллин А.Р.* Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Вып. 1. Т. 21. С. 61–77.

[14] *Гоббс Т.* Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 98.

[15] См., напр.: *Гильмуллин А.Р.* Указ. соч.

Так, по Канту, «прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом»[16]. В обоснование своей гипотезы Кант приводит следующее суждение: «если мой поступок или вообще мое состояние совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом, то тот, кто препятствует мне в этом, неправ, ибо такое препятствие (противодействие) несовместимо со свободой, сообразной со всеобщим законом»[17]. Исходя из трактовки философа, свобода каждого, т.е. право, «совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом». Данное положение Канта, на наш взгляд, вызывает следующие вопросы: если свобода воли одних субъектов сталкивается со свободной волей других субъектов, как в таком случае определить, кто является нарушителем? И каким основанием следует руководствоваться при разрешении данной ситуации или спора? Ведь вполне очевидно, что представления о свободе основаны на субъективных началах каждого и могут представляться каждому как более объективные, справедливые, добросовестные и т.д. Также вполне естественно, что человек, являясь членом социума, в процессах жизнедеятельности и развития постоянно вступает в общественные отношения, в том числе вторгается в свободу другого человека, действует и бездействует, что нередко приводит к возникновению конфликтов и даже к преступным посягательствам на свободу другого. Как известно из теории уголовного права, деяния и поступки, как правило, совершаются умышленно (не только преступления) и неумышленно. Допустимо предположить, что каждый человек свой умышленный (неумышленный) поступок может воспринимать как выражение собственной свободы. Не исключено, что поступок одного субъекта, который вторгается в свободу другого субъекта, может иметь явный противоправный характер. Яркий тому пример – умышленное убийство как физическое вторжение одного человека в свободу другого, за совершение которого предусмотрена ответственность – уголовное наказание. Однако на практике нередко возникают юридические факты, имеющие социально сложный состав. В качестве примера можно рассмотреть актуальную для современной мировой правовой (в том числе судебной) практики ситуацию, связанную с правами меньшинств, а точнее – сексуальных меньшинств. В настоящее время возникшие на этой почве локальные социальные конфликты уже переросли в межгосударственные споры и требуют правового (рационального) разрешения. При разборе данной ситуации возникает закономерный вопрос: чья свобода вторгается в свободу другого: свобода меньшинств или свобода представителей традиционных ценностей, которые якобы навязали всем остальным свои ценности?! Одни (представители сексуальных меньшинств) настаивают на равенстве, несправедливой дискриминации, толерантности и даже научной обоснованности своих убеждений, тогда как другие (представители традиционных ценностей) требуют уважения традиционных ценностей, религиозных норм, ссылаются на потенциальные демографические угрозы и т.д. Если признавать чью-либо свободу чисто механически, т.е. только свободу того, в чью свободу вторглись и которую нарушили, тогда это будет преимущество первого, т.е. того, кто первый сформировал какую-либо практику социального взаимодействия и на этом лишь основании обладает преимуществом по отношению ко второму, а значит, и свобода его подлежит признанию и защите. Такая практика, как представляется, не будет иметь ничего общего с рациональным эгалитаризмом. Как отметил акад. А.А. Гусейнов, «совершенно ложным является представление о праве как механическом, бездушном механизме общественной жизни»[18].

Дабы исключить возможность произвольного ограничения свободы или вторжения произвольной свободы в свободу правовую, на наш взгляд, свобода должна исходить из определенного основания – императива сохранения природы человека и быть выражена исключительно в равной форме. А именно в форме официального нормативного и общеобязательного предписания (акта государства), на основе которого обеспечивается равное и нормативное распределение свобод, основанных на императиве сохранения природы человека. То есть наличие определенного императива в сути свободы предполагает, с одной стороны, обеспечение правовых гарантий, направленных на создание равных фактических возможностей для устойчивых процессов жизнедеятельности и развития каждого человека, с другой – недопущение произвольного установления каких-либо необоснованных (необъективных) преимуществ (привилегий и иммунитетов).

Только равная форма преобразует свободу, основанную на императиве сохранения природы человека, в *правовую свободу*, тем самым создавая рациональные основания для равенства в свободе.

Следовательно, свобода, исходящая из требований права, – не юридическое дозволение, основанное на природе человека и ограниченное только свободой другого человека (в духе естественного права); а выраженное в равной форме дозволение, основанное и ограниченное императивом сохранения природы человека. Отсюда следует, что претензия каждого человека на признание его свободы в качестве правовой зависит от соотносимости такой свободы с императивом сохранения природы человека и соответствия ему.

В конечном счете, с одной стороны, обеспечивается рационализация свободы, а именно мера свободы, лежащая в основе равной формы, приобретает определенность, зависимую от конкретного императива, тем самым купируется возможность произвольного установления и интерпретации свободы, с другой стороны, посредством равной формы обеспечивается рациональное распределение (планирование) правовых свобод, а также уравнивание и подчинение всех единой (одинаковой) нормативной форме.

Рассмотрим в данном контексте другой условный пример, приведенный В.С. Соловьевым, – о «египетском фараоне», который якобы принял решение, «чтобы все еврейские новорожденные младенцы мужеского пола были умерщвляемы»[19]. По его мнению, указанное решение являлось неправовым не потому, что относилось только к «одним евреям и к одному мужескому полу», поскольку такое решение вполне могло быть принято и в отношении «египетских новорожденных обоего пола, не исключая и фараоновых детей», а потому, что такое решение «не соответствовало не форме справедливости только, а ее реальному существу, которое вовсе не связано с отвлеченным понятием равенства вообще»[20]. В конце своего умозаключения

[16] *Кант И.* Метафизика нравов. Ч. I. Метафизические начала учения о праве [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_1.pdf (дата обращения: 27.07.2020).

[17] Там же.

[18] Философия права Пятикнижия: сб. ст. / сост. П.Д. Баренбойм; отв. ред.: А.А. Гусейнов, Е.Б. Рашковский. М., 2012. С. 10.

[19] *Соловьев В.С.* Указ. соч. С. 101.

[20] Там же.

В.С. Соловьев задается следующим вопросом: «право, как выражение справедливости, не входит ли всецело в область нравственную?»[21], – и в итоге приходит к выводу о том, что право «есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный»[22].

В приведенном примере обоснованно обращается внимание на важный признак права, а именно на сущность правового закона. В контексте рассматриваемой свободы, содержащей в своей основе неизменный императив сохранения природы человека, не может выступать выражением свободы то, что ведет к истреблению и разрушению, к извлечению каких-либо необоснованных преимуществ, т.е. то, что несовместимо с устойчивыми процессами жизнедеятельности и развития человека как социальных потребностей, вытекающих из императива сохранения природы человека. Таким образом, утверждение о том, что через установление формального (а не рационального) равенства в свободе возможно достичь общей свободы, а значит, и права, является неприемлемым. Как уже было отмечено выше, такое отношение к праву допускает включение в закон любого произвольного содержания: суверен может издавать законы, которые будут соответствовать принципу равенства всех перед законом, и можно предположить, что благодаря такому равенству будет достигнута всеобщая свобода. Однако в таком случае также не исключается возможность издания сувереном законов, которые будут распределять свободы произвольно и содержать иное равенство в свободе – несущее не пользу, а вред, основанное не на сохранении природы каждого, а на выборочном ограничении свободы кого-либо. То есть наличие произвольного начала в содержании закона, даже если он соответствует принципу равенства, не всегда предполагает соответствие праву. Отсутствие конкретной правовой сущности в основе закона, а равно наличие элемента произвольности в свободе свидетельствует не о правовом законе, а наоборот, о неограниченной свободе, о нарушении требований права.

Следовательно, в случае вторжения лица в чью-либо свободу надлежит установить, соответствует ли поведение данного лица правовой свободе (равной форме свободы, основанной на императиве сохранения природы человека), или оно исходит из произвольных (неправовых) свобод. Соответственно, поведение, исходящее из произвольных свобод, не может быть признано правовым.

* * *

Предпринятый в статье анализ гипотезы о разумном равенстве в свободе есть попытка демонстрации объективного предназначения права как явления, аксиологические, онтологические и гносеологические аспекты которого не ограничиваются только лишь его (права) восприятием как формального регулятора общественных отношений в духе позитивизма или как абстрактной свободы, ограниченной только свободой других лиц, – в духе юснатурализма.

Наличие определенного императива (сохранения природы человека) в основе свободы свидетельствует о присутствии рационального основания (сущности) в праве, не допускающего возможности произвольного наполнения и интерпретации содержания свободы и, следовательно, юридического эгалитаризма. Императив сохранения природы человека как рациональное основание свободы является для юридического эгалитаризма фундаментальным принципом, преобразующим его в правовое качество и позволяющим отличить его от интерпретации эгалитаризма в других версиях.

Благодаря рациональному равенству исключается установление тотального, поголовного (неразумного) эгалитаризма, основанного на всеобщей уравнительности (уравниловке) и т.д., а также искореняется восприятие эгалитаризма в праве только как равенства всех перед законом, вместо этого устанавливается равная свобода, основанная на императиве сохранения природы человека. То есть свобода, содержание которой базируется не на какой-то сверхчеловеческой реальности, метафизических мировоззрениях или, наоборот, исключительно эмпирическом (иррациональном) опыте, а на определенных рациональных знаниях об особенностях и закономерностях жизнедеятельности и развития человека и общества, выведенных в процессе разумного отбора.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что право, сущностные признаки которого исходят из приведенного выше основания свободы – императива сохранения природы человека, реализуемого на основе равной формы, может быть интерпретировано с иной точки зрения – *рационально-эгалитарной*, базирующейся на обеспечении рационального равенства в процессе регуляции общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гильмуллин А.Р.* Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Вып. 1. Т. 21. С. 61–77.
2. *Гоббс Т.* Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 98.
3. *Жуков В.Н.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2019. С. 305.
4. *Кант И.* Метафизика нравов. Ч. I. Метафизические начала учения о праве [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_1.pdf (дата обращения: 27.07.2020).
5. *Лазарев В.М., Федорова В.Г.* Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи). Волгоград, 2005. С. 5, 26.
6. *Малахов В.П.* Природа, содержание и логика правосознания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 28.
7. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учеб. М., 2015. С. 29, 30.
8. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2005. С. 20.
9. Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 15.
10. *Соловьев В.С.* Право и нравственность. Минск; М., 2001. С. 16, 20, 101.
11. Философия права Пятикнижия: сб. ст. / сост. П.Д. Баренбойм; отв. ред.: А.А. Гусейнов, Е.Б. Рашковский. М., 2012. С. 10.

REFERENCES

1. *Gilmullin A.R.* Preservation of humanity as the fundamental basis of law // Antinomies. 2021. Issue 1. Vol. 21. P. 61–77 (in Russ.).
2. *Hobbes T.* Essays: in 2 vols. M., 1991. Vol. 2. P. 98 (in Russ.).
3. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2019. P. 305 (in Russ.).
4. *Kant I.* Metaphysics of morals. Part I. Metaphysical principles of the doctrine of law [Electronic resource] // Civil society in Russia:

[21] *Соловьев В.С.* Указ. соч.

[22] Там же.

scientific electronic library. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_1.pdf (accessed: 27.07.2020) (in Russ.).

5. *Lazarev V.M., Fedorova V.G.* The principle of legal equality and legal responsibility (problems of methodology and theory of interrelation). Volgograd, 2005. P. 5, 26 (in Russ.).
6. *Malakhov V.P.* Nature, content and logic of legal consciousness: abstract ... Doctor of Law. M., 2001. P. 28 (in Russ.).
7. *Nersesyants V.S.* General theory of law and the state: M., 2015. P. 29, 30 (in Russ.).
8. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2005. P. 20 (in Russ.).
9. General theory of law and the state: textbook / ed. by V.V. Lazarev. 3rd ed., reprint and add. M., 2001. P. 15 (in Russ.).
10. *Soloviev V.S.* Law and morality. Minsk; Moscow, 2001. P. 16, 20, 101 (in Russ.).
11. Philosophy of Law of the Pentateuch: collection of articles / comp. P.D. Barenboim; ed.: A.A. Guseynov, E.B. Rashkovsky. M., 2012. P. 10 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГИЛЬМУЛЛИН Айнур Разифович –
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Authors' information

GILMULLIN Ainur R. –
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 168–172
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 168–172

ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЛО «КРАСНОГО ГРАФА»

© 2023 г. А. П. Вершинин

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: verschinin@mail.ru

Поступила в редакцию 26.10.2022 г.

Аннотация. В 1924 г. Ленинградский губернский суд рассмотрел спор Алексея Толстого с переводчиком иностранной пьесы, которая легла в основу сценического произведения писателя. В дореволюционной и Советской России, а также в некоторых других государствах, существовали социальные, административные и юридические предпосылки свободного использования зарубежных произведений (перепечатка, перевод, переработка). Суд отказал в удовлетворении иска, не рассматривая иностранный элемент правовых отношений. В отсутствие трансграничных соглашений об авторских правах судебное решение не закрыло всех вопросов к «казусу Толстого» не только у литературоведов, но и у юристов.

Ключевые слова: авторское право, авторство, гражданское дело, идеология, издательство, интеллектуальная собственность, история, конвенция, литературное произведение, национализация, перевод, просвещение, пьеса, робот, суд, сцена, цензура.

Цитирование: *Вершинин А.П.* Гражданское дело «красного графа» // Государство и право. 2023. № 1. С. 168–172.

DOI: 10.31857/S102694520024128-1

THE CIVIL CASE OF THE “RED COUNT”

© 2023 A. P. Vershinin

St. Petersburg State University

E-mail: verschinin@mail.ru

Received 26.10.2022

Abstract. In 1924, the Leningrad Provincial Court considered the litigation between Alexei Tolstoy and the translator of a foreign play, which formed the basis of the stage work of the writer. In pre-revolutionary and Soviet Russia, as well as in some other states, there were social, administrative and legal prerequisites for the free use of foreign works (i.e. reprint, translation, recast). The court dismissed the claim without considering the foreign element of the legal relationship. In the absence of cross-border agreements on copyright, the court decision did not eliminate all the questions about the “casus Tolstoy” not only among literary critics, but also among lawyers as well.

Key words: copyright, authorship, civil case, ideology, publishing, intellectual property, history, convention, literary work, nationalization, translation, enlightenment, play, robot, court, scene, censorship.

For citation: *Vershinin, A.P. (2023).* The civil case of the “red count” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 168–172.

А. Н. ТОЛСТОЙ
Портрет работы В. Масютина (ксилография) 1923 г.

В декабре 1924 г. Ленинградский губернский суд по Гражданскому Судебному Отделению (далее – Ленин. Губсуд) рассмотрел дело № 572/1924 по иску Георгия Александровича Кроля к Алексею Николаевичу Толстому «в сумме 390 р. 23 к. и о признании права авторства в пьесе "Бунт машин"»[1]. Спор между «неким»[2] Г.А. Кролем[3] и уже известным писателем Алексеем Толстым[4] возник из соглашения, которым они в июле 1923 г. договорились о совместной деятельности над переводами и обработкой иностранных пьес. Получив от Кроля перевод первой, еще малоизвестной в Советской России пьесы Карела Чапека о роботах – «РУР»[5], Толстой в одностороннем порядке отказался от дальнейшей совместной работы[6].

В Чехословакии произведение Чапека было опубликовано в 1920 г. Премьера пьесы состоялась в 1921 г., а в 1922 г. был издан немецкий перевод пьесы. С нее началась и всемирная слава чешского писателя и драматурга. Сегодня она переведена на несколько десятков языков, а слово «робот» появилось даже в латинском.

В 1923 г. Алексей Толстой увидел постановку в Берлине и «вдохновился» фантастическим произведением, сначала согласившись на литературную обработку его перевода, а потом написав собственную версию пьесы. Его сочинение «Бунт машин» было готово осенью 1923 г., буквально через пару месяцев после получения им перевода, а в начале 1924 г. опубликовано. По своему содержанию оно оказалось довольно близким к произведению чешского писателя.

Иногда пишут, что многие любимые нами с детства книжки (фантастика и сказки) или их герои (вплоть до Айболита с Незнайкой и Мойдодыром) скопированы с иностранных. Обычно это преподносится в качестве сенсации и сопровождается иронией в адрес советских писателей. Однако свободное использование зарубежных произведений (перепечатка, перевод, переработка) без согласия их авторов имело свои объективные предпосылки (в том числе исторические) и тем более не было особенностью в СССР.

Еще в Российской Империи в период и после реформ 60-х годов XIX в. народное просвещение своим развитием во многом обязано переводной литературе по естествознанию, истории и философии[7]. Тогда недорогие издания иностранных авторов на русском языке из серий «народных библиотек» содействовали массовому распространению знаний. Интересами образования, в частности, и объясняли отказ России от международных соглашений в сфере охраны авторских прав. В США, кстати, тоже не придерживались правил по защите зарубежного интеллектуального творчества, руководствуясь интересами развития своего молодого государства.

Конечно, «без шума» не обходилось. Еще в дореволюционной России шла острая полемика по поводу необходимости присоединения к международным соглашениям о литературной и художественной собственности. Известный французский писатель и публицист Эмиль Золя в 1893 г. даже опубликовал открытое письмо к русским авторам и издателям, призывая их к сотрудничеству в деле подписания конвенции о взаимной защите авторских прав[8]. Проволочки в решении этого вопроса можно связывать и с изоляционистской, и корыстной политикой, и несовершенством внутреннего законодательства. Но русские просветители-утописты еще ставили социальный прогресс выше любых частных интересов[9]. Искренне критиковали право интеллектуальной собственности и «алчность» иностранных писателей, которые и без того пользуются «известностью и материальным обеспечением от своих соотечественников»[10]. А Лев Толстой, в свою очередь, даже публично отказался от авторских прав на свои сочинения и переводы[11].

Свободное использование иностранных произведений практиковалось и после установления в России советской власти. СССР до 70-х годов XX в. не участвовал в международных конвенциях по защите авторских прав.

После революции одним из главных лозунгов, а потом и достижений, стало просвещение народных масс. В 1919 г. в Петрограде по инициативе и при участии А.М. Горького учредили издательство «Всемирная литература» при Народном комиссариате просвещения. Планировали публиковать

---

[1] Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Изложение материалов дела см. также в сб.: Патентное и авторское право / сост. А.М. Кирзнер и В.В. Петровский. Л., 1927. С. 196–199.

[2] В начале текущего века писали о «крайней скудности» сведений о Г.А. Кроле (см.: *Никольский С.В.* К истории знакомства с пьесой К. Чапека «R.U.R.» в России // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 408).

[3] В настоящее время о нем можно найти больше информации. *Кроль Георгий Александрович* (1893–1932) – актер и режиссер, ученик Мейерхольда, сценарист. Во время революции оказался в Финляндии и снял там фильм «Под игом большевизма». Затем около 10 лет находился в эмиграции (Англия, Франция, Италия, Германия). Работал в немецких кинокомпаниях и итальянских театрах. Во второй половине 20-х годов вернулся в Россию и был сценаристом и режиссером нескольких фильмов (см. и ср.: Сценаристы советского художественного кино (1917–1967): справочник / отв. ред. О.В. Якубович-Ясный. М., 1972. С. 187, 188; Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М., 2019. С. 376–378; см. также: Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка. Публикация Э. Гаретто и А. д'Амелии. Салерно, 2012. С. 458. URL: https://www.academia.edu/43104494 (дата обращения: 15.04.2021)).

[4] *Толстой Алексей Николаевич* (1882–1945) – перед Первой мировой войной автор рассказов, сказок и пьес, затем военный корреспондент, в период эмиграции (1918–1923) им были написаны, в частности, «Граф Калиостро» (1921), «Аэлита» (1923) и «Сестры» (1922) – первый роман трилогии «Хождение по мукам»...

[5] Аббревиатура в названии пьесы чешского писателя Карела Чапека (1890–1938) расшифровывалась как «Россумовы универсальные роботы». Первое слово было притяжательным прилагательным, производным от фамилии изобретателя роботов, Россума ("Rossum" от чеш. "rozum", т.е. «разум).

[6] См.: Исковое заявление («Исковую просьбу», поданную от имени Г.А. Кроля членом «Коллегии Защитников» Я.Ф. Энтиным) от 15.05.1924 г. // Дело № 572/1924 (Ленин. Губсуд).

[7] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 130.

[8] См.: *Гальперин-Каминский А.Г.* Общая польза авторского права. СПб., 1894. С. 2, 3.

[9] См., напр.: *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М., 1997. Т. III. С. 483–489.

[10] *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 130.

[11] Его письмо было опубликовано 19 сентября 1891 г. в петербургской газете «Новое время» (№ 5588) и московской газете «Русские ведомости» (№ 258), а затем также перепечатано в прессе за границей.

на русском языке лучшее из мировой художественной литературы XVIII–XX вв. как для массового читателя, так и для изучения. В редакционную и переводческую работу издательства были вовлечены более 300 литераторов, историков, переводчиков, филологов: В. Алексеев, А. Блок, В. Брюсов, З. Гиппиус, Н. Гумилев, Е. Замятин, И. Крачковский, М. Лозинский, Н. Марр, Д. Мережковский, С. Ольденбург, Ф. Сологуб, А. Тихонов, К. Чуковский и многие другие[12]. Организационная и издательская деятельность велась также частным образом в Германии, где находилось большое количество литераторов – эмигрантов и вояжеров из России[13].

Не случайно именно в Берлине летом 1923 г. «нашли» друг друга А. Толстой и Г. Кроль. По собственному почину, а может, и по предварительной договоренности с издателями, они согласовали на паритетных началах совместную деятельность над переводами и обработкой иностранных пьес для русской сцены.

Проводилась национализация собственности, укреплялась центральная власть. В 1924 г. издательство объединили с Госиздатом (Государственное издательство при Народном комиссариате просвещения РСФСР). Усиливалась цензура, начались зачистки от «неправильной» и «вредной» литературы. Толстой в отзыве на иск, в частности, объяснял, что перевод этой пьесы Чапека предлагался Госиздату, но пьесу признали «идеологически неприемлемой» и «несценичной»[14]. Этими «форс-мажорными» обстоятельствами вполне можно было обосновать отказ от исполнения договора. Впрочем, такие риски могли быть и «преувеличены», так как в это же время другими авторами все-таки был издан перевод пьесы Чапека, и чешская пьеса была также поставлена в некоторых театрах[15].

Не исключено, что и материальный интерес «сыграл», как говорится, «не последнюю роль» среди мотивов, побудивших А. Толстого отказаться от редактирования перевода[16]. Работа над «Всемирной библиотекой» останавливалась тоже по финансовым причинам: не выдержала финансовых спекуляций и отсутствия стабильного финансирования. Писателям, «работавшим» переводчиками, платили мало, и литературным творчеством они ее не всегда признавали[17].

Таким образом, переработка «неприемлемых» текстов иностранных писателей была в духе новых веяний и подкреплялась административно и материально. И все же в 20-е годы «новое для молодой советской литературы обращение к обработке заимствованного сюжета» сталкивалось с «недоумением» и «намеками на плагиат»[18]. По поводу пьесы Алексея Толстого забеспокоился Горький[19]. Он-то знал, что с иностранными авторами договариваться было не всегда просто. И вообще платили не всем. Но одно дело – перевод или известная тема, а тут оказывается, что Толстой «не постеснялся текстуальных заимствований»[20]. Действительно, и суд также установил, что помимо темы заимствованы «фразеология и отдельные эпизоды»[21].

Позднее литературоведы в своих исследованиях обратили внимание, что оставление отдельных деталей сюжета и некоторых характерных реплик персонажей свидетельствует «о хорошем знании пьесы Чапека» Толстым, «по-видимому, в переводе Кроля»[22]. А в новейшее время более уверенно указывается и на «явную некорректность» по отношению к автору пьесы[23].

Вместе с тем суд отметил, что в сочинении Толстого заменены «действующие лица», изменены «конструкция» и «главным образом, идеология как всех действующих лиц, так и самой пьесы». В своем сценическом произведении Чапек предостерегал от чрезмерного распространения и безудержной эксплуатации технологий. По его идее, покушение на божественное таинство создания человека разумного и бездуховность приводят к вырождению людей и порабощению их машинами. Спасение людей он видел в человеческих чувствах и, прежде всего, в вере и любви. В сочинении Толстого с другими названием и структурой, с новыми персонажами, классовым и революционным содержанием был показан бунт искусственных людей против капитализма. «При таких условиях» суд посчитал правильным заключение экспертов[24], что «“Бунт машин”[25], хотя и не вполне самостоятельное произведение, но

---

[12] См.: *Михеева Г.В.* Библиотека всемирной литературы // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 1 (22). С. 68–81.

[13] См.: *Катаева А.Г.* Русская издательская деятельность в Германии в 20-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

[14] Решение Ленин. Губсуда от 08.12.1924 г.

[15] См.: *Никольский С.В.* Указ. соч. С. 412, 413.

[16] О некоторых материальных и моральных обстоятельствах из жизни А. Толстого в этот период см.: *Чуковский К.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 263, 272, 276.

[17] См.: *Филичева В.В.* Ф. Сологуб – редактор в издательстве «Всемирная литература» // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 416. С. 24.

[18] *Минц З.Г., Малевич О.М.* К. Чапек и А.Н. Толстой // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 65. Тарту, 1958. С. 120, 121. Однако в сноске на с. 120 опечатка: первоисточник (рец.: А.Г. «Бунт машин») находится не в журнале «Театр», а в журнале «Жизнь искусства». 1924. № 17. С. 3.

[19] Конечно, Алексей Толстой заслуживал особого внимания. Еще в Берлине в сотрудничестве с издательствами Горького он издал два собрания своих сочинений и вернулся из эмиграции в советскую Россию, стал «красным графом»...

[20] А.М. Горький писал В.Ф. Ходасевичу в начале июня 1924 г.: «Мне кажется, что мы, русские литераторы, накануне крупного скандала, не лестного для нас. Дело в том, что чех Чапек написал весьма интересную и талантливую пьесу, а граф А.Н. Толстой “Бунт машин”, тоже пьесу. В маленьком предисловии к ней Толстой признает, что он “взял тему Чапека”, но из текста его работы явствует, что он взял и действующих лиц, да не постеснялся сделать и текстуальные заимствования. Не понимаю – что это? Торопливость, небрежность, отрицание или незнание литературных традиций? Не помню ничего подобного выходке Толстого, кажется, у нас никогда еще таких штук не выкидывали» (см.: Письма М. Горького к В.Ф. Ходасевичу // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. С. 191. URL: https://newreviewinc.com/pdf/1952/31.pdf (дата обращения: 27.10.2022)).

[21] Решение Ленин. Губсуда от 08.12.1924 г.

[22] *Минц З.Г., Малевич О.М.* Указ. соч. С. 152.

[23] См.: *Никольский С.В.* Указ. соч. С. 414.

[24] См.: Решение Ленин. Губсуда от 08.12.1924 г. Состав экспертов был весьма внушительным. Среди них в деле указаны: *Чуковский Корней Иванович* (1882–1969), писатель, поэт и переводчик; *Карпов Евтихий Павлович* (1857–1926), драматург и театральный режиссер; *Ге Григорий Григорьевич* (1867–1942), актер и драматург; *Замятин Евгений Иванович* (1884–1937), писатель, публицист, киносценарист (в материалах дела неверно указаны инициалы писателя: вместо «Е.И.» – «М.И.»); *Петров Николай Васильевич* (1890–1964), театральный режиссер и педагог; *Щеголев Павел Елисеевич* (1877–1931), историк и литературовед. Как минимум с тремя из списка (Чуковским, Замятиным и Щеголевым) А. Толстого связывали достаточно тесные отношения. С Щеголевым вообще они были партнерские. В соавторстве с ним, в частности, написаны пьесы «Заговор императрицы», «Азеф», «Полина Гебль». Им приписывают также и соавторство известных «заказных» материалов (дневников Полины Вырубовой и Григория Распутина).

[25] Кстати, красивое название пьесы, вероятно, заимствовано Толстым у близкого приятеля, Максимилиана Волошина, который опубликовал в 1911 г. с таким названием очерк в «Московской газете» (см.: *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. 1. Проза (1906–1916). М., 2007. С. 412–414). Речь в очерке шла о разрушительной силе порохового

тем не менее произведение творческое и ни в коем случае не является обработкой перевода иностранной пьесы для русской сцены, т.е. не является работой А. Толстого во исполнение договора с Кролем»[26]. На этом основании истцу было отказано в удовлетворении его требований[27].

Затем в Кассационной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР было указано, что положение договора о равной цене и соавторстве переводчика и литератора позволяет считать «обработкой перевода» только его «литературную редакцию» с возможностью сокращения, но без изменения действующих лиц и последовательности в развитии сценического действия. Поэтому, рассмотрев жалобу представителя Г.А. Кроля, суд признал, что сочинение Толстого является «самостоятельным творческим литературным произведением с заимствованной лишь темой» и отказался пересматривать дело[28].

Состоялось несколько десятков представлений в Ленинградском государственном Большом драматическом театре. Положительная оценка пьесы и ее постановки была больше рекламно-газетного свойства и исходила от автора и ее постановщиков. Несмотря на пафос «борьбы с капитализмом», пьесу больше резко критиковали за «отрыв от реальности», «новобуржуазность», «порнографию» и «скуку»[29]. Многие из партийных критиков Толстого в 30-е годы были репрессированы[30]. Не менее трагично сложилась жизнь Г.А. Кроля и его поверенного по делу[31].

После судебного решения всякая юридическая неопределенность заимствования сюжета пьесы Чапека отметалась. Ее использование могло теперь интересовать «только как явление тематического генезиса, а не как событие криминального порядка»[32]. Исследованием «тематического генезиса» сочинения Толстого занимаются и по сей день. При этом одна из самых последних статей представляет собой конспект, пожалуй, наиболее полного исследования по данной теме без какого-либо упоминания первоисточника[33]. Помня о риторических «горьковских» вопросах[34], хотелось бы рассматривать этот случай как казус или курьез «забытого посвящения» известным авторам[35]. Иначе приходится сомневаться в поучительности истории вообще и истории казуса А. Толстого в частности.

В 1927 г. «место Алексея Н. Толстого в современной литературе» стало «настолько заметно, творчество его настолько богато и разнообразно, интерес к нему и значение его для нашей эпохи так несомненны», что пора было «подумать о серьезном и систематическом исследовании его литературной деятельности»[36]. После преодоления «вульгаризаторских взглядов на творчество Толстого» усилия исследователей были направлены «на изучение тех сторон его произведений 20-х гг., которые подготовили полный переход писателя на позиции социалистического мировоззрения и метода социалистического реализма»[37].

* * *

А.Н. Толстому предстояло стать широко известным писателем, не только любимым народом, но и любимцем «вождя народов». Вторым по значению писателем в СССР – после А.М. Горького. Не только автором «Гиперболоида инженера Гарина», «Хождения по мукам», «Петра Первого» и других повестей, романов, пьес, сказок, мистификаций... Но и одним из главных создателей советской идеологии.

Несмотря на то что за границей критики немного пошумели, в отсутствие трансграничных соглашений об авторских правах все обошлось, если не считать спора с переводчиком в суде. Сам же Чапек, когда в середине 30-х годов Толстой с ним встретился и рассказал об успехе постановки в СССР, со «свойственным ему юмором поздравил автора»[38]. К этому времени о «чапековских» роботах в разных версиях уже слагали поэмы и повести и даже снимали фильмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 6. Кн. 1. Проза (1906–1916). М., 2007. С. 412–414.
2. *Воронский А.К.* Литературные портреты: в 2 т. М., 1928. Т. I. С. 153.

взрыва, Волошин писал: «Машины бунтуют против человека. Это самое страшное и в то же время неизбежное, что предстоит пережить человеческому роду. Мы вызвали к жизни, к бытию и к действию дремавшие силы природы, создали для них стальные тела и мускулы – новую породу одушевленных существ, по отношению к которой мы являемся богами, но они всегда стремятся вырваться из-под нашей власти и бунтуют против нас – неуклюже, геологически-разрушительно, точно гиганты против Олимпа...» (с. 413).

[26] Решение Ленин. Губсуда от 08.12.1924 г. Следует также обратить внимание, что эксперты Ге и Карпов заявили, что «заимствовано больше чем тема»; остальные же четыре эксперта, Чуковский, Замятин, Петров, Щеголев признали, что пьеса А.Н. Толстого... является «самостоятельным творческим произведением, в котором отразились характерные черты творчества А.Н. Толстого, хотя тема этого произведения и заимствована; при этом эксперты указывали на случаи такого заимствования тем великими писателями прошлого: Пушкиным, Шекспиром и др.».

[27] Как следует из переписки Кроля в январе 1925 г., о решении суда он узнал из газет. Несмотря «на полную правоту» его претензий, он ждал такого исхода, так как «у Толстого слишком много высоких покровителей» (см.: Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка. Публикация Э. Гаретто и А. д'Амелии. С. 458).

[28] См.: Определение Кассационной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР от 23.04.1925 г.

[29] *Горбачев Г.Е.* Очерки современной русской литературы. Л., 1925; *Горбачев Г., Ефимов Г., Майзель М. и др.* Голоса против: критический альманах. Л., 1928. Об отсутствии «у нас бережного отношения» к художникам, и в частности к А. Толстому, писал А. Воронский (см.: *Воронский А.К.* Литературные портреты: в 2 т. М., 1928. Т. I. С. 153); Одним из немногих рецензентов, кто не рассматривал пьесу с партийных или революционных позиций, стал К. Чуковский (см.: *Чуковский К.И.* Портреты современных писателей. Алексей Толстой // Русский современник. 1924. № 1. С. 253–271).

[30] Воронский А.К. (1884–1937), Горбачев Г.Е. (1897–1937), Майзель М.Г. (1899–1937) и др.

[31] *Энтин Я.Ф.* (1888–1938), член коллегии защитников в Ленинграде, расстрелян, а Георгий Кроль не дожил до расстрельных репрессий, утонув в 1932 г. в Черном море.

[32] *Голлербах Э.* Алексей Н. Толстой (опыт критико-библиографического исследования). Л., 1927. С. 51.

[33] Ср.: *Минц З.Г., Малевич О.М.* Указ. соч.; *Маслова К.К.* К вопросу «тематического генезиса» в научно-фантастических драмах К. Чапека и А.Н. Толстого // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 117–125.

[34] См.: Письма М. Горького к В.Ф. Ходасевичу. С. 191; см. также: Решение Ленин. Губсуда от 08.12.1924 г.

[35] Кратко об этих «забытых» уважаемых авторах: *Минц Зара Григорьевна* (1927–1990), советский литературовед, доктор филол. наук, профессор Тартуского государственного университета. Супруга выдающегося советского культуролога, литературоведа и филолога Ю.М. Лотмана (1922–1993). *Малевич Олег Михайлович* (1928–2013), российский литературовед, переводчик.

[36] *Голлербах Э.* Указ. соч. С. 9.

[37] *Минц З.Г., Малевич О.М.* Указ. соч. С. 162.

[38] *Никольский С.В.* Указ. соч. С. 415.

3. *Гальперин-Каминский А.Г.* Общая польза авторского права. СПб., 1894. С. 2, 3.

4. *Голлербах Э.* Алексей Н. Толстой (опыт критико-библиографического исследования). Л., 1927. С. 9, 51.

5. *Горбачев Г.Е.* Очерки современной русской литературы. Л., 1925.

6. *Горбачев Г., Ефимов Г., Майзель М. и др.* Голоса против: критический альманах. Л., 1928.

7. *Катаева А.Г.* Русская издательская деятельность в Германии в 20-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

8. *Маслова К.К.* К вопросу «тематического генезиса» в научно-фантастических драмах К. Чапека и А.Н. Толстого // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 117–125.

9. *Минц З.Г., Малевич О.М.* К. Чапек и А.Н. Толстой // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 65. Тарту, 1958. С. 120, 121, 152, 162.

10. *Михеева Г.В.* Библиотека всемирной литературы // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 1 (22). С. 68–81.

11. *Никольский С.В.* К истории знакомства с пьесой К. Чапека «R.U.R.» в России // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 408, 412–415.

12. Патентное и авторское право / сост. А.М. Кирзнер и В.В. Петровский. Л., 1927. С. 196–199.

13. Письма М. Горького к В.Ф. Ходасевичу // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. С. 191. URL: https://newreviewinc.com/pdf/1952/31.pdf (дата обращения: 27.10.2022).

14. Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка. Публикация Э. Гаретто и А. д'Амелии. Салерно, 2012. С. 458. URL: https://www.academia.edu/43104494 (дата обращения: 15.04.2021).

15. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М., 2019. С. 376–378.

16. Сценаристы советского художественного кино (1917–1967): справочник / отв. ред. О.В. Якубович-Ясный. М., 1972. С. 187, 188.

17. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М., 1997. Т. III. С. 483–489.

18. *Филичева В.В.* Ф. Сологуб – редактор в издательстве «Всемирная литература» // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 416. С. 24.

19. *Чуковский К.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 263, 272, 276.

20. *Чуковский К.И.* Портреты современных писателей. Алексей Толстой // Русский современник. 1924. № 1. С. 253–271.

21. *Шершеневич Г.Ф.* Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 130.

REFERENCES

1. *Voloshin M.A.* Collected works. Vol. 6. Book 1. Prose (1906–1916). M., 2007. P. 412–414 (in Russ.).

2. *Voronsky A.K.* Literary portraits: in 2 vols. M., 1928. Vol. I. P. 153 (in Russ.).

3. *Galperin-Kaminsky A.G.* General use copyright. St. Petersburg, 1894. P. 2, 3 (in Russ.).

4. *Gollerbach E.* Alexey H. Tolstoy (experience of critical and bibliographic research). L., 1927. P. 9, 51 (in Russ.).

5. *Gorbachev G.E.* Essays of modern Russian literature. L., 1925 (in Russ.).

6. *Gorbachev G., Efimov G., Maisel M. et al.* Voices against: Critical Almanac. L., 1928 (in Russ.).

7. *Kataeva A.G.* Russian publishing activity in Germany in the 20^{s}: abstract dis. ... Candidate of Historical Sciences. M., 2000 (in Russ.).

8. *Maslova K.K.* On the issue of "thematic genesis" in the science fiction dramas of K. Chapek and A.N. Tolstoy // Herald of Slavic Cultures. 2017. Vol. 44. P. 117–125 (in Russ.).

9. *Mints Z.G., Malevich O.M.* K. Chapek and A.N. Tolstoy // Scientific notes of the Tartu State University. Works on Russian and Slavic philology. Issue 65. Tartu, 1958. P. 120, 121, 152, 162 (in Russ.).

10. *Mikheeva G.V.* Library of World Literature // Herald of SPbGUKI. 2015. No. 1 (22). P. 68–81 (in Russ.).

11. *Nikolsky S.V.* On the history of acquaintance with K. Chapek's play "R.U.R." in Russia // Slavic Almanac 2003. M., 2004. P. 408, 412–415 (in Russ.).

12. Patent and copyright / comp. A.M. Kirzner and V.V. Petrovsky. L., 1927. P. 196–199 (in Russ.).

13. Letters of M. Gorky to V.F. Khodasevich // New journal. New York, 1952. P. 191. URL: https://newreviewinc.com/pdf/1952/31.pdf (accessed: 27.10.2022) (in Russ.).

14. Russian-Italian Archive IX. Olga Resnevich-Signorelli and Russian emigration: correspondence. Publication by E. Garetto and A. d'Amelia. Salerno, 2012. P. 458. URL: https://www.academia.edu/43104494 (accessed: 15.04.2021) (in Russ.).

15. Russian presence in Italy in the first half of the twentieth century: encyclopedia / ed.-comp. Antonella d'Amelia, Daniela Rizzi. M., 2019. P. 376–378 (in Russ.).

16. Screenwriters of Soviet art cinema (1917–1967): handbook / res. ed. O.V. Yakubovich-Yasny. M., 1972. P. 187, 188 (in Russ.).

17. *Fedorov N.F.* Collected works: in 4 vols. M., 1997. Vol. III. P. 483–489 (in Russ.).

18. *Filicheva V.V.* F. Sologub – editor at the publishing house "World Literature" // Herald of the Tomsk State University. 2017. No. 416. P. 24 (in Russ.).

19. *Chukovsky K.* Diary. 1901–1929. M., 1991. P. 263, 272, 276 (in Russ.).

20. *Chukovsky K.I.* Portraits of modern writers. Alexey Tolstoy // Russian contemporary. 1924. No. 1. P. 253–271 (in Russ.).

21. *Shershenevich G.F.* Copyright on literary works. Kazan, 1891. P. 130 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВЕРШИНИН Александр Павлович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского
процесса юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета; 199106 г. Санкт-Петербург,
22-я линия В.О., д. 7

Authors' information

VERSHININ Alexander P. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Civil Procedure, Faculty of Law,
St. Petersburg State University;
7, 22nd line V.O., 199106 St. Petersburg, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 173–177
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 173–177

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ КОРПОРАТИВНЫХ НОРМ

© 2023 г. Н. А. Макарова

Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Поступила в редакцию 05.03.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена формулированию определения понятия и выделению системы признаков корпоративных норм как особой разновидности социальных регуляторов с позиции отечественной юридической науки. Автор подчеркивает все возрастающую роль корпоративных норм, что обусловлено процессами, происходящими в нем. В качестве признаков корпоративных норм определяются: формализованный характер, направленность на обеспечение функционирования негосударственных объединений, адресованность исключительно субъектам, выступающим членами таких объединений, обеспеченность мерами негосударственного воздействия и др. На основе выделяемых признаков под корпоративными нормами предлагается понимать формально-определенные социальные нормы, направленные на обеспечение функционирования негосударственных объединений, регулирование их внутренних вопросов, обеспечивающиеся мерами воздействия со стороны данных объединений.

Ключевые слова: право, корпоративные нормы, социальные нормы, мораль, обычай, религиозные нормы.

Цитирование: *Макарова Н.А.* К вопросу об определении понятия и признаков корпоративных норм // Государство и право. 2023. № 1. С. 173–177.

DOI: 10.31857/S102694520019091-1

TO THE QUESTION OF THE DEFINITION AND FEATURES OF CORPORATE NORMS

© 2023 N. A. Makarova

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Received 05.03.2022

Abstract. The article is devoted to formulating the definition and highlighting the system of signs of corporate norms as a special kind of social regulators from the standpoint of the Russian legal science. The author emphasizes the ever-increasing role of corporate norms, which is due to the processes taking place in it. As features of corporate norms, the following are defined: formalized nature, focus on ensuring the functioning of non-state associations, addressing exclusively to entities that are members of such associations, provision with measures of non-state influence, etc. On the basis of the distinguished features, it is proposed to understand corporate norms as formally defined social norms aimed at ensuring the functioning of non-state associations, regulating their internal issues, provided by measures of influence from these associations.

Key words: law, corporate norms, social norms, morality, custom, religious norms.

For citation: *Makarova, N.A. (2023).* To the question of the definition and features of corporate norms // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 173–177.

Изменения, которые произошли в жизни российского общества на рубеже XX и XXI вв., затронули самые разные ее стороны и прежде всего коснулись сферы экономики, что проявилось в активизации частного предпринимательства, признании многообразия форм собственности и др. Параллельно с этим шло формирование «внеэкономических» институтов гражданского общества, таких как политические партии, общественные движения, ассоциации и пр. Можно сказать, что усложнилась сама структура общества, в ней появились элементы, существование которых в условиях СССР было невозможным.

Появление новых коллективных субъектов общественных отношений логично потребовало соответствующих изменений в праве, создания системы юридических норм, закрепляющих их статус и регулирующих порядок взаимодействия с государством и между собой. Однако в условиях современного правового государства, поддерживающего свободу и частную инициативу, детальная регламентация всех сторон функционирования негосударственных объединений становится нецелесообразной, вследствие чего в научной литературе все чаще стали вести речь о возникновении особой разновидности социальных норм, предназначенных для регуляции внутренних вопросов жизнедеятельности таких субъектов, – корпоративных норм.

Несмотря на то что корпоративные нормы еще в конце прошлого века прочно утвердились как компонент социального регулирования и в таком качестве находили отражение в научных и учебных публикациях, четкое определение и признаки данной категории нередко не формулировались, а пик ее исследования в отечественной юридической науке пришелся на период с 2008 по 2017 г. Именно в эти годы был подготовлен ряд диссертационных исследований, в которых анализировались значение и особенности корпоративных норм, формулировались предложения определений данного понятия, а также производилось сопоставление корпоративных норм с правом и в некоторых случаях с иными социальными регуляторами.

Без сомнений, в рамках одной научной статьи полноценный анализ всех этих важных аспектов невозможен, поэтому здесь считаем необходимым остановиться на вопросе об определении понятия и признаков корпоративных норм. Причем выбор предмета исследования, разумеется, не случаен, поскольку сущность корпоративных норм, как и других социальных явлений, прежде всего раскрывается именно через определение понятия.

Прежде чем перейти к формулированию определения понятия «корпоративные нормы», остановимся на раскрытии основополагающих признаков таких норм, что в дальнейшем поможет адекватно «наполнить» определение соответствующего понятия.

Анализ источников, посвященных исследованию природы корпоративных норм, позволил выделить ряд их ключевых признаков, перечень которых, разумеется, носит небесспорный характер.

1. Корпоративные нормы являются разновидностью социальных норм[1]. Данное утверждение под сомнение ставиться не может, так как сама природа корпоративной нормы предполагает ее функционирование именно в качестве регулятора общественных отношений. Впрочем, отдельными исследователями выделяются также несоциальные корпоративные нормы, под которыми предлагается понимать стандарты использования материальных объектов в рамках корпоративной деятельности. Речь, в частности, идет о технических, санитарно-гигиенических и иных нормах[2]. Вместе с тем, на наш взгляд, выделение корпоративных несоциальных норм трудно признать обоснованным. Полагаем, что, к примеру, правила использования компьютерной техники (технические нормы) вряд ли будут иметь специфику применительно к различным сферам трудовой деятельности. Тенденция же сближения социальных и технических норм характерна для современного общества, но не может являться основанием для смешения классификационных групп.

2. Корпоративные нормы необходимы для регуляции таких общественных отношений, которые не упорядочены при помощи правовых норм либо отношений. Речь, разумеется, не идет о возможных пробелах в праве. Предметом регулирования корпоративных норм являются такие общественные отношения, «вмешательство» в которые со стороны государства при помощи права является не целесообразным вследствие возможного снижения позитивной социальной активности субъектов общественной жизни в результате такого вмешательства и отсутствия общественной значимости регулируемых отношений.

Здесь, однако, необходимо оговориться о том, что, хотя корпоративные нормы в идеале не должны выходить за рамки, установленные для них правом, и вступать в конфликт с ним, на практике противоречия между правовыми и корпоративными нормами, к сожалению, возможны. В этом смысле корпоративные нормы мало чем отличаются от иных социальных регуляторов (морали, обычаев и проч.), которые порой «диссонируют» с правом. Однако возможные противоречия здесь, как и в других сферах, однозначно должны разрешаться в пользу права.

3. Корпоративные нормы направлены на обеспечение функционирования негосударственных объединений посредством регулирования внутренних вопросов их жизнедеятельности (например, регламентируют уплату членских взносов и т.д.). Как уже отмечалось, предметом регулирования корпоративных норм должны становиться такие вопросы, которые не относятся к числу наиболее значимых для общества и государства и специфика которых по объективным причинам не может быть учтена в праве, но при этом имеют немаловажное значение для конкретного негосударственного объединения. Из указанного свойства корпоративных норм логично вытекает их следующая особенность.

4. Корпоративные нормы адресованы исключительно субъектам, имеющим непосредственное отношение к конкретному негосударственному объединению[3], по мере выхода из сферы компетенции которого субъекты освобождаются от обязанности соблюдать соответствующие правила. Отсюда корпоративные нормы в отличие от норм права априори лишены такого свойства, как общеобязательность.

5. Соблюдение корпоративных норм обеспечивается мерами воздействия со стороны негосударственных объединений. За их нарушение не могут устанавливаться наказания, связанные с лишением жизни, свободы, прочих конституционных прав. Наиболее жесткой мерой воздействия здесь

[1] См.: *Житов С.А.* Право и корпоративные нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010. С. 15.

[2] См.: *Лапаев Д.Ю.* Взаимодействие права и корпоративных норм (на примере регулирования организации деятельности коллективов сотрудников ОВД и ФСИН РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 7, 8.

[3] См.: *Житов С.А.* Указ. соч. С. 15, 16.

выступает исключение из состава негосударственного объединения, что не сравнимо с негативными последствиями применения мер юридической ответственности[4].

Однако по этому вопросу А.Б. Козырева пишет, что корпоративные нормы могут обеспечиваться не только внутриорганизационными мерами, но и мерами государственного принуждения, а в связи с тем, что природа любых норм определяется способом их гарантирования, необходимо признать, что и корпоративные нормы должны быть отнесены к числу имеющих правовой характер[5].

Сходную позицию обнаруживаем в диссертации В.А. Потапова, который отмечает, что корпоративный нормативный акт имеет правовую природу, что подтверждается его выражением в словесно-документальном виде, официальным характером и принятием конкретной корпорацией в пределах предоставленных ей полномочий. Качество правового корпоративному нормативному акту придает и то обстоятельство, что он если не прямо, то опосредованно поддерживается государством[6].

Вместе с тем полагаем, что ряд аргументов, приводимых указанными выше авторами, не может быть свидетельством правовой природы корпоративных актов и корпоративных норм как их логического содержания.

Например, трудно согласиться с тем, что корпоративный нормативный акт имеет официальный характер, ведь исходит он не от государства. Многие нормы морали, этики, эстетики, неправовых обычаев также «если не прямо, то опосредованно поддерживаются государством», что не делает их частью правового регулирования. Таким образом, корпоративные акты, являющиеся источником, в котором находят внешнее выражение корпоративные нормы, точнее именовать корпоративными нормативными актами, а не корпоративными правовыми.

С учетом вышеуказанного мы разделяем позицию С.А. Житова, который отмечает, что ряд норм, которые принято относить к корпоративным, к примеру нормы, содержащиеся в правилах трудового распорядка, не должны относиться к их числу, поскольку, по сути, в процессе реализации опираются на меры воздействия, предусмотренные трудовым законодательством и, соответственно, выступают нормами трудового права[7].

Также коротко остановимся на аргументации использования конструкции «мера воздействия» для описания механизма обеспечения исполнения корпоративных норм. На наш взгляд, характерное для большинства публикаций определение в качестве способа гарантирования исполнения корпоративных норм, реализации санкций, мер принуждения и проч. значительно сужает арсенал средств воздействия в данной сфере. Прежде всего при таком подходе «упускаются из вида» стимулирующие средства, которые здесь (в отличие от сферы государственно-правового регулирования) должны являться превалирующими. Очевидно, что негосударственные объединения, не имеющие специального аппарата принуждения, не смогут обеспечивать исполнение широкого круга негативных санкций и для повышения исполнимости корпоративных норм упор априори должен быть сделан на средства позитивного, стимулирующего регулирования. Таким образом, «мера воздействия» позволяет охватить как ограничивающие, так и стимулирующие механизмы обеспечения исполнения корпоративных норм, которые в реальной жизни используются не иначе как в сочетании.

6. Корпоративные нормы формально определены (зафиксированы в актах негосударственных объединений)[8].

Здесь, однако, заметим, что безусловная формализованность выделяется как существенный признак корпоративных норм не всеми исследователями. В частности, Д.Ю. Лапаев отмечает, что существуют разновидности корпоративных норм, не требующих фиксации. К ним, по его мнению, прежде всего должны быть отнесены корпоративная мораль и обычаи, реализуемые на основании корпоративной ценности, привычки, подражания[9].

Относительно последнего суждения заметим, что, если социальная норма не снабжена конкретными мерами воздействия в случае ее нарушения, она утрачивает один из существенных признаков корпоративных норм. Кроме того, полагаем, что мораль, этика, эстетика, обычаи также, в свою очередь, могут носить не только общегосударственный, но и внутригрупповой характер. Так, об уровне морали, к примеру, более точно можно судить в пределах какой-либо социальной группы, и чем меньше будет данная группа, тем точнее может быть определен уровень внутригрупповой морали. Таким образом, внутригрупповые правила, о которых пишет в данном случае Д.Ю. Лапаев, скорее являются разновидностями норм морали, этики, обычаев и т.д., а не разновидностью корпоративных норм.

Помимо отмеченных нами выше признаков корпоративных норм, которые предполагаются в качестве основополагающих для их характеристики, в научной литературе выделяются и некоторые другие. Например, С.А. Житов выделяет такой признак корпоративной нормы, как обеспеченность специфическими для каждой организации мерами воздействия (выговор, исключение, предупреждение)[10]. Однако полагаем, что специфики в применяемых мерах воздействия во многих случаях не будет (хотя, разумеется, перечень мер воздействия может быть довольно обширным и не полностью совпадающим). Однако отличия в данной сфере в большей степени проявятся в правилах, за нарушением или исполнением которых следуют меры воздействия в рамках конкретной корпорации.

Сложно также согласиться с наличием такого признака корпоративных норм, как их асинхронный характер и отсутствие системы[11]. Полагаем, что при определенных условиях в процессе функционирования крупных корпораций корпоративные нормы могут носить довольно сложный характер, образовывать определенную иерархию, которую, разумеется, нельзя сравнить со степенью сложности системы права.

Выделенные признаки корпоративных норм позволяют вернуться к центральному вопросу нашего исследования – вопросу об определении данного понятия. Однако, прежде чем переходить к указанному вопросу, необходимо

[4] См.: *Житов С.А.* Указ. соч. С. 16, 19.

[5] См.: *Козырева А.Б.* Корпоративные нормы: правовой характер, признаки, санкции и соотношение с законодательными нормами // Актуальные проблемы росс. права. 2017. № 3. С. 30.

[6] См.: *Потапов В.А.* Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9.

[7] См.: *Житов С.А.* Указ. соч. С. 16–19.

[8] См.: там же.

[9] См.: *Лапаев Д.Ю.* Указ. соч. С. 7, 8.

[10] См.: *Житов С.А.* Указ. соч. С. 15, 16.

[11] См.: *Лапаев Д.Ю.* Указ. соч. С. 15–17.

определиться с тем, кто именно может являться субъектом, формирующим корпоративные нормы.

В целом вопрос об определении субъектов корпоративного правотворчества в рамках дискуссии, которая имеет место в юридической литературе, по сути, требует определения того, могут ли корпоративные нормы содержаться в локальных актах государственных органов и учреждений.

На наш взгляд, очевидно, что в качестве субъекта корпоративного правотворчества могут выступать исключительно негосударственные объединения, обладающие существенными признаками корпорации, прежде всего наличием определенных целей функционирования объединения, добровольностью членства в нем и др. В свою очередь, способность быть субъектом корпоративного нормотворчества, необходимого для регуляции внутри организационных вопросов, также будет являться одним из признаков корпоративного объединения.

В связи с вышеуказанным мы разделяем высказанную в юридической литературе позицию, в соответствии с которой субъектами корпоративного правотворчества могут быть любые негосударственные объединения, в независимости от масштабов деятельности и целей создания (как коммерческие, так и некоммерческие)[12].

Данное утверждение позволяет подчеркнуть еще один важный аспект, связанный с определением субъектов корпоративного правотворчества. Религиозные нормы, как правило, определяемые в системе социальных регуляторов как их самостоятельная разновидность, являются подвидом корпоративных норм, поскольку обладают всеми их существенными признаками, о которых речь шла ранее (внутригрупповая направленность регулирования, формализованность, обеспеченность корпоративными мерами воздействия и пр.). Исключение составят только религиозные нормы теократического государства, поскольку в нем данные нормы, по сути, отождествляются с правовыми.

В любом случае особенности корпоративных норм обусловлены их направленностью на регуляцию внутриорганизационных отношений, специфика которой определена целями и задачами, стоящими перед данным объединением, в пределах, предусмотренных законом. Поэтому трудно согласиться с утверждениями о том, что такие нормы нередко могут регулировать отношения, выходящие за внутриорганизационные рамки (например, в ситуациях, когда органы государства передают некоторые свои полномочия общественным организациям)[13]; могут не только устанавливать «внутренние» правила, но и регулировать порядок взаимодействия между различными корпорациями, а также между корпорациями и государством[14].

Думается, что при кратковременной передаче каких-либо полномочий государства в ведение конкретного негосударственного объединения (того же профсоюза, хотя в условиях российской действительности эту ситуацию довольно сложно представить) данные субъекты будут действовать от имени и в интересах государства, а механизмы принудительного исполнения их решений станут аналогичными механизму исполнения решений государственных органов. Возвращаясь к признакам корпоративных норм, напомним, что их исполнение не обеспечивается мерами государственного принуждения.

Что касается правил межкорпоративного взаимодействия, а также правил взаимодействия корпораций и государства – полагаем, что подобные отношения не должны отдаваться «на откуп» частного регулирования. Сказанное особенно актуально при определении порядка взаимодействия государственных органов и негосударственных организаций, который не может определяться корпоративными правилами, хотя бы в силу того, что государственные органы в своей деятельности не должны выходить за рамки, установленные источниками права.

Интересной представляется позиция, отраженная в диссертационном исследовании С.А. Житова, по мнению которого, корпоративные нормы требуют разделения на корпоративные социальные нормы (собственно корпоративные нормы) и корпоративные правовые нормы. Корпоративные социальные нормы – это разновидность социальных норм неправового характера, направленных на обеспечение функционирования и установление определенного порядка в организации, текстуально закрепленных в ее документах, снабженных специфическими конкретными мерами воздействия и обеспеченных принуждением со стороны данной организации. В свою очередь, корпоративные правовые нормы представляют собой разновидность локальных правовых норм, действующую в коммерческих организациях, отвечающих признакам корпорации, и регулирующую отношения по распределению прибыли и управлению такой организацией[15].

В целом понимая подобную постановку вопроса, заметим, что такое разграничение, на наш взгляд, способно создать еще бóльшую терминологическую путаницу. Во-первых, поскольку правовые нормы так же, как и корпоративные, вне всяких сомнений, являются социальными, само словосочетание «корпоративные социальные нормы» вряд ли позволяет исключить из их состава корпоративные правовые нормы.

Во-вторых, без ответа остается ряд принципиально важных вопросов; если корпоративные правовые нормы являются разновидностью локальных норм, по какой причине их нельзя именовать именно таким образом? почему необходимо отделять данные нормы от иных локальных норм, к примеру, устанавливающих распорядок дня в организации? по какой причине корпоративные правовые нормы создаются только коммерческими организациями?

Определив, что субъектом корпоративного правотворчества могут выступать любые негосударственные объединения, обладающие признаками корпорации, перейдем к анализу определений понятия «корпоративная норма», предлагаемых в современной отечественной юридической литературе.

Например, С.А. Алейник определяет корпоративные нормы как правила поведения, устанавливаемые и охраняемые корпоративной организацией, распространяющиеся на нормативно определенный круг лиц, обеспечиваемые мерами корпоративного воздействия и направленные на реализацию корпоративных интересов организации[16].

С.А. Майорова полагает, что корпоративная норма представляет собой правило поведения, принятое уполномоченным органом созданной и зарегистрированной в установленном законом порядке корпорации, санкционированное государством, формально определенное

[12] См.: *Алейник С.А.* Корпоративные нормы в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 6.

[13] См.: *Лапаев Д.Ю.* Указ. соч. С. 14, 15.

[14] См.: *Майорова С.А.* Корпоративные нормы в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 15.

[15] См.: *Житов С.А.* Указ. соч. С. 7, 8.

[16] См.: *Алейник С.А.* Указ. соч. С. 4.

и доступное для адресатов, реализация которого обеспечивается корпоративными средствами и методами, а при их недостаточности государственным принуждением[17].

Ранее мы уже аргументировали позицию о недопустимости смешения корпоративных и локальных правовых норм, в том числе и посредством определения мер их гарантирования. Что же касается прочих признаков корпоративных норм – таких как формализованность, направленность на урегулирование различных аспектов внутри коллективного взаимодействия, нерегламентированных нормами права – полагаем, что эти характеристики раскрывают сущностные стороны корпоративной нормы как особого социального регулятора.

В свою очередь, Д.Ю. Лапаев предлагает понимать под корпоративными нормами особые внутриорганизационные правила, регламентирующие отношения между участниками различных объединений людей, созданных для осуществления того или иного вида социальной деятельности[18]. Однако, на наш взгляд, ссылка на регламентацию корпоративными нормами отношений между участниками различных объединений может создавать представление о направленности таких норм на урегулирование отношений между различными негосударственными объединениями, в то время как основная особенность состоит как раз во «внутриорганизационной» направленности данных правил. Кроме того, государственные органы и учреждения также могут быть охарактеризованы в качестве объединений, созданных для осуществления определенного вида социальной деятельности.

Исходя из вышеуказанного и выделенных ранее существенных признаков корпоративных норм, под ними предлагается понимать формально-определенные социальные нормы, направленные на обеспечение функционирования негосударственных объединений, регулирование их внутренних вопросов, обеспечивающиеся мерами воздействия со стороны данных объединений.

* * *

В заключение подчеркнем, что сформулированное определение понятия и выделенные признаки корпоративных норм не расцениваются нами как единственно верные и полностью раскрывающие сущность столь сложного социального явления. В связи с тем, что юридическая наука достаточно длительный период «выпускала из поля зрения» корпоративные нормы (в основном по вполне объективным причинам), в рамках обозначенных вопросов может иметь место полемика. Вместе с тем корпоративные нормы включаются в систему регуляции общественных отношений, занимая все большую «нишу» в системе социального регулирования. Данная тенденция ставит перед современной наукой задачи по исследованию корпоративных норм, определению их особенностей, социального значения, точного соотношения с правом и иными социальными регуляторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алейник С.А.* Корпоративные нормы в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 4, 6.
2. *Житов С.А.* Право и корпоративные нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010. С. 7, 8, 15–19.
3. *Козырева А.Б.* Корпоративные нормы: правовой характер, признаки, санкции и соотношение с законодательными нормами // Актуальные проблемы росс. права. 2017. № 3. С. 30.
4. *Лапаев Д.Ю.* Взаимодействие права и корпоративных норм (на примере регулирования организации деятельности коллективов сотрудников ОВД и ФСИН РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 7, 8, 14–17.
5. *Майорова С.А.* Корпоративные нормы в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 9, 10, 15.
6. *Потапов В.А.* Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9.

REFERENCES

1. *Aleinik S.A.* Corporate norms in Russian law: dis. ... PhD in Law. M., 2007. P. 4, 6 (in Russ.).
2. *Zhitov S.A.* Law and corporate norms: abstract ... PhD in Law. Omsk, 2010. P. 7, 8, 15–19 (in Russ.).
3. *Kozyreva A.B.* Corporate norms: legal character, signs, sanctions and correlation with legislative norms // Actual problems of Russ. law. 2017. No. 3. P. 30 (in Russ.).
4. *Lapaev D. Yu.* Interaction of law and corporate norms (on the example of regulation of the organization of the activities of the staff of the Department of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation): abstract ... PhD in Law. Vladimir, 2008. P. 7, 8, 14–17 (in Russ.).
5. *Mayorova S.A.* Corporate norms in the system of Russian law: abstract ... PhD in Law. N. Novgorod, 2010. P. 9, 10, 15 (in Russ.).
6. *Potapov V.A.* Corporate regulations as a type of local acts: abstract ... PhD in Law. M., 2007. P. 9 (in Russ.).

Сведения об авторе

МАКАРОВА Наталья Алексеевна –
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права Самарского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
России; 443022 г. Самара, ул. Рыльская, д. 24 «в»

Authors' information

MAKAROVA Natalya A. –
PhD in Law, Associate Professor of the Theory
and History of State and Law Department, Samara
Law Institute of the Federal Penitentiary Service of
Russia; 24 "v" Rylskaya str., 443022 Samara, Russia

[17] См.: *Майорова С.А.* Указ. соч. С. 9, 10.

[18] См.: *Лапаев Д.Ю.* Указ. соч. С. 7.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 178–193
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 178–193

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЭКСПЕРТНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ИДЕИ ЕВРАЗИЙСТВА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ»

© 2023 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.12.2022 г.

Аннотация. В обзоре представлен материал Экспертного «круглого стола», посвященного анализу учения евразийцев и развития их идей в условиях современности (ЕАЭС). Так, в докладах отмечается, что в теоретическом отношении учение евразийцев было в высшей степени оригинальным, отражавшим главные свойства русской культуры и государственности. Евразийцы верно указали на объединительную роль России на евразийском континенте. В докладах также рассматривается роль права и судов, действующих в системе Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: евразийство, большевизм, консерватизм, Евразийский экономический союз, евразийское экономическое пространство, евразийская интеграция.

Цитирование: *Кроткова Н.В.* Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации» // Государство и право. 2023. № 1. С. 178–193.

DOI: 10.31857/S102694520024145-0

EXPERT “ROUND TABLE” “IDEAS OF EURASIANISM IN RUSSIAN LAW: THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL GROUNDS AND PRACTICE OF IMPLEMENTATION”

© 2023 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 29.12.2022

Abstract. The review presents the material of the Expert “Round Table” devoted to the analysis of the teachings of the Eurasians and the development of their ideas in the conditions of modernity (EAEU). Thus, the reports note that, theoretically, the teaching of the Eurasians was highly original, reflecting the main properties of Russian culture and statehood. The Eurasians correctly pointed out the unifying role of Russia on the Eurasian continent. The reports also consider the role of law and courts operating in the system of the Eurasian Economic Union.

Key words: Eurasianism, Bolshevism, conservatism, Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Space, Eurasian integration.

For citation: *Krotkova, N.V. (2023).* Expert “Round Table” “Ideas of Eurasianism in Russian law: theoretical and philosophical grounds and practice of implementation” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 178–193.

29 ноября 2022 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова прошел Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации». Мероприятие организовали кафедра конституционного и муниципального права, кафедра международного права и кафедра теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. «Круглый стол» включал в себя две панели:

«Теоретико-философские основания идеи евразийства» и *«Воплощение идеи евразийства в международном и национальном правопорядках»*. Со вступительным словом выступили *модераторы* «круглого стола»: *В.Н. Жуков,* профессор кафедры теории государства и права и политологии, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф., *О.В. Кадышева,* и.о. зав. кафедрой международного права, канд. юрид. наук, доц., *Н.С. Малютин,* доцент кафедры конституционного и муниципального права, канд. юрид. наук.

М.А. Маслин, зав. кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р филос. наук, проф. *«Столетие евразийства»*

Опубликование в 1920 г. книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» положило начало творческой истории нового направления в гуманитарных и социальных науках, которое получило новое развитие в XXI столетии. Это начальная часть трилогии Н.С. Трубецкого, в которую вошли также два других основополагающих для евразийства сочинения: «Об истинном и ложном национализме» и «Верхи и низы русской культуры». Общий замысел трилогии Трубецкой определил как «оправдание национализма» или построение «истинного национализма», противоположного племенному, этническому национализму, по образу и подобию шовинизма «хищников германо-романцев». Предпринятая Трубецким «революция в сознании» означала отказ от признания романо-германской культуры универсальной моделью общечеловеческой культуры; построение нового национализма, не этнического и не политического типа, основанного на евразийских культурных ценностях. Этот призыв был адресован не только к русским, но и к широкому кругу евразийских негермано-романских народов.

Общая направленность концепции локальных цивилизаций, основанной Н.Я. Данилевским и продолженной О. Шпенглером, не была близка Н.С. Трубецкому, склонному скорее к культурно-философскому универсализму, чем к партикуляризму теории культурно-исторических типов. Народы и их культуры понимаются Трубецким как «многочеловеческие личности», что определяется самой природой культурного творчества как производства ценностей, так как ценности творятся творческими личностями. По Трубецкому, референтной группой, в которую он включает культуру России, является вовсе не славянство, а целое человечество; подразумевается тем самым, что Россия ввиду множественности культурных матриц, включенных в различные ее этногеографические зоны, традиционно определяемые как «Восток», «Запад», «Север» и «Юг», сама есть модель человечества. Понимание того, что вектор геополитического, культурного и хозяйственного развития России должен быть направлен не на Запад, а на Восток, имеет в отечественной интеллектуальной истории глубокие корни.

Провозвестниками предъевразийского мировоззрения были министр народного просвещения граф С.С. Уваров, автор «Проекта Азиатской академии», акад. В.И. Ламанский, философ К.Н. Леонтьев и другие выдающиеся русские мыслители. В 20-е годы XX в. евразийство стремительно растет и развивается, завоевывая особенно большое число сторонников у представителей эмигрантского «потерянного поколения», среди молодых людей, успевших получить в России образование, но вдали от родины не нашедших себе место на чужбине и потерявших дореволюционные интеллигентские иллюзии о дорогой Европе как «стране святых чудес». Молодые евразийцы с недоверием, порой и с неприязнью относились к представителям старшего поколения, называли их «старыми грымзами», считали их идеи устаревшим выражением «дореволюционного сознания», непригодного для понимания российских реалий, прошедших через горнило революций и мировой войны. В личной переписке Трубецкой использует по отношению к носителям «дореволюционного сознания» неприязненное определение «старые грымзы», а иногда и более жёсткое – «рамолики» (от франц. *ramolli*), т.е. старики, утратившие умственные способности. Там же этот термин используется по отношению к бывшим идеологам кадетской партии вроде А.А. Кизеветтера и П.Н. Милюкова, которые в эмиграции вроде бы отказались от своего прежнего либерализма в духе «феврализма» и временно «ушли из политики», но, тем не менее, «держат нос по ветру» и «равняются по новым сквознякам», например эсеровским и монархическим, при том, что всем известен их прежний антимонархизм. Будучи принципиальными выразителями «пореволюционного сознания», евразийцы, вместе с тем, выдвинули тезис о генетической связи между петровскими реформами и большевизмом, утверждая, что оба исторические явления покоятся на основаниях «ложного национализма» – в первом случае на тотальном подражании романо-германству, а во втором – на «пролетарском интернационализме». Но тот и другой одинаково стремятся к выведению особенностей русской цивилизации не из внутренне присущих ей качеств, а из чуждых ей внешних источников.

Критика русского западничества, ведущего свою родословную от царя-реформатора, и провозглашение евразийцами «исхода к Востоку» были прежде всего призывом к избавлению от бездумного подражательства и отысканию путей развития России на основе «истинного национализма». «Оправдание национализма» и «растабуирование»

темы русского национализма составляют, по оценке Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого, центральное содержание евразийства как идейного течения, значение которого существенно возросло в постсоветскую эпоху.

В настоящее время евразийство является в перспективе единственным реалистическим постсоветским идейным течением, провозглашающим суверенитет и своеобразие России как особого евразийского государства-цивилизации и отрицающим ее «западнизацию». С особой убедительностью это доказывает новейшая конфронтация Запада с Россией, имеющая целью ее уничтожение. Отстаивание цивилизационного суверенитета России есть логическое продолжение в современных условиях того «исхода к Востоку», который был провозглашен классическими евразийцами 20–30-х годов прошлого столетия.

Н.С. Малютин, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. «*Евразийский каталог прав человека: миф или реальность*»

Проблемы евразийства, ставшие вновь актуальными из-за известных геополитических обстоятельств и в значительной степени обоснованной попытки Российской Федерации предложить собственный альтернативный концепт развития региональной интеграции, во многом сфокусированы исключительно вокруг его политических аспектов. В подобной ситуации сама по себе евразийская идея в значительной степени вульгаризируется, упрощается до не самых лицеприятных и крайних идеологических прочтений, предполагающих исключительность всего русского, мессианскую роль русского народа, реализацию идеи «Москва – третий Рим» и др.

Между тем, как представляется, подобное обращение к проблеме евразийства играет против самих исследователей, компрометируя полученные выводы и саму постановку задачи. Очевидно, что сегодня идея евразийства в ее классическом прочтении Н.Н. Алексеева, Н.Я. Данилевского, Н.С. Трубецкого и др. требует серьезного переосмысления с точки зрения единого смыслового ядра, сохраняющегося во всех без исключения подходах к данному феномену. Представляется, что в качестве такого смыслового ядра следует рассматривать культурную общность народов, проживающих в рамках евразийского региона, дающую основу для формирования единого гуманитарного пространства, одной из ключевых составляющих которого может стать общность (единство) правовых стандартов в области прав человека.

Советское прошлое народов евразийского региона (географическое определение которого едва ли может быть в настоящее время осуществлено единственно правильным образом) позволяет с уверенностью говорить о формировании богатого опыта правового закрепления и обеспечения социально-экономического блока прав и свобод, а также реальных инструментов обеспечения социального государства. С учетом все возрастающего общественного запроса (в особенности в Европе) на комплексную социальную повестку со стороны государства использование подобного опыта для формирования новой стратегии развития евразийской идеи представляется весьма обоснованным. Кроме того, отсутствие до настоящего времени комплексного эффективного механизма обеспечения социально-экономических прав в рамках существующих европейских интеграций увеличивает шансы молодого, но достаточно перспективного в указанном смысле евразийского образования – ЕАЭС.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на универсальность формы прав и свобод человека, а также в целом универсальность основного их каталога, практика их закрепления, а также детализации в национальных правопорядках представляется весьма неоднородна (о чем красноречиво свидетельствует опыт Европейского Суда по правам человека, а также Суда ЕС). Подобная специфика, с одной стороны, создает необходимые условия для гармонизации регулирования уже «устоявшихся» для постсоветских стран категорий, а с другой – формирует масштабную базу конкретных национальных практик в области построения социального государства, требующую серьезного научного осмысления для последующей рецепции обоснованных и успешных вариантов. При этом сама по себе возможность применения названных успешных практик не подвергается сомнению в силу значительной схожести существующего регулирования указанных вопросов на евразийском пространстве.

В таких условиях формирование собственных наднациональных документов в области прав и свобод человека, акцентирующих внимание на социально-экономическом их блоке, а также создание на основе указанных документов специализированных международных институтов (в том числе на основе Суда ЕАЭС и др.) – достаточно серьезный практический шаг к построению прочного фундамента евразийского партнерства в духе традиционного, но переосмысленного евразийства.

А.В. Корнев, зав. кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. «*Политико-правовые идеалы евразийства. Н.Н. Алексеев*»

Евразийская проблематика весьма популярна. К ней обращаются представители самых различных отраслей знания. Причины подобного интереса

очевидны. Однако имеются и практические соображения, которые диктуются геополитическими факторами. Как только Российская Федерация заявила о том, что она не будет поступаться своими интересами, не отказывается от своей политической субъектности в сложившейся управляемой системе международных отношений, то, как и следовало ожидать, в отношении нашей страны санкционная политика приняла беспрецедентный характер. На самом высоком политическом уровне неоднократно говорилось о том, что Россия объявлена врагом в самом прямом смысле этого слова. Коллективный Запад не желает сдавать свои позиции и будет делать все для того, чтобы сохранить в будущем глобальное лидерство. Все слишком очевидно. У него просто нет другого пути, кроме поддержания системы неэквивалентного экономического обмена, тем самым сохраняя технологическое и военное лидерство. Неоколониализм, тщательно замаскированный под глобализацию, по сути, есть новая форма мирового господства. С несогласными с такой политикой поступают самым безжалостным способом. Примеры красноречивы – Югославия, Ирак, Ливия, Сирия, Афганистан. К сожалению, мы живем в эпоху, когда экономика, право и просто здравый смысл принесены в жертву политике.

Словно предчувствуя неминуемый разворот в мировой системе отношений, акад. Е. Примаков предлагал «азиатский» поворот для России. Он видел большие возможности для нашей страны, если мы будем активно сотрудничать с такими политическими, военными, а теперь и технологическими гигантами, как Индия и Китай.

Тем не менее не все так просто. Культивирование евразийской проблематики в информационном пространстве потенциально таит опасность переоценки, а хуже того – иллюзий в этой части.

В массовом сознании в Евразию включают чуть не все страны, которые принято считать азиатскими. Сейчас все имеет условный характер. Во всяком случае юго-восточные государства стремительно вестернизируются. Это если судить по тем трансформациям, которые мы наблюдаем в экономике, праве, культуре. Азиатскими они остаются по большей части в географическом аспекте.

Основатели евразийства – филолог Н.С. Трубецкой, экономист П.Н. Савицкий, правоведы В.Н. Ильин и Н.Н. Алексеев, историк Л.П. Карсавин и др., как правило, видели Евразию в границах бывшей Российской Империи. Это очень важный момент в понимании феномена евразийства. Замкнутое самодостаточное пространство для них и есть «Россия – Евразия». Россия исторически одновременно стремилась как к изоляции, так и к интеграции. Евразийцы считали Россию правопреемницей Византии.

Сказать, что евразийство было целостным, непротиворечивым явлением, также нельзя. Принято считать, что само евразийство как направление общественно-политической мысли в идейном плане выросло из т.н. сменовеховства. Оно представляло некую группу эмигрантской интеллигенции, которая констатировала победу советской власти как очевидный исторический факт. Название этому движению дал программный сборник «Смена вех»[1].

Объективности ради стоит отметить разобщенность взглядов тех, кто входили в эту интеллектуальную группу. Эти взгляды были довольно аморфными и противоречивыми. По всей видимости, это общая мировоззренческая черта проигравшего политического класса без относительно к стране и историческому периоду. Евразийцы на их фоне были более последовательны, но отнюдь не едины. Да и теоретические построения, политико-правовые идеалы, свойственные евразийцам, не могут претендовать на универсальность, а тем более на их безоговорочное признание. В качестве примера сошлемся на Н.Н. Алексеева, который, по мнению А.Г. Дугина, является столпом «теории евразийского права». Н.Н. Алексеев попытался сформировать государственно-правовой идеал, который можно будет воплотить в жизнь после того, как советская система рухнет. Евразийцы искренне в это верили.

Н.Н. Алексеев, как и многие российские мыслители, отмечал трагическое расхождение между духовной жизнью простого народа и верхушкой общества. Он пишет, что если взять Россию высших классов, то она имеет свою философию права. И эта философия, с его точки зрения, не отличается большой оригинальностью. Она полностью копирует основные постулаты романо-германской правовой традиции. Беда в том, что эта философия права совершенно неизвестна широким народным массам.

Право и государство следует рассматривать в историческом контексте. «В противоположность западной жизни, – констатирует Н.Н. Алексеев, – наше государство сложилось при преимущественном преобладании начала обязанности над началом права»[2].

На этом, собственно, Алексеев и строит свое представление о государстве будущего. Он иронически относится к «общей теории права», утверждая, что под таковой выдается чисто западная теория права, в которой носителем субъективного права выступает индивид, а не какая-либо коллективная общность, как это было в исторической России. Алексеев противопоставляет западной теории правового государства доктрину «обязательственного государства». Само название говорит

[1] Смена вех: сб. ст.: июль 1921 г. Прага, 1921.

[2] *Алексеев Н.* Русский народ и государство. М., 2003. С. 164.

о том, что субъективному праву предшествует обязанность. Иными словами, обязанность индивида первична по отношению к его правам. И эти обязанности вытекают из его долга по отношению к обществу и государству.

Однако не стоит думать, что государство таким образом возводится в абсолют, объект поклонения и обожания. Оно само должно подчиняться определенным ценностям, которые имеют неизменное, вечное значение. Так, в «евразийской теории права» появляется идея «государства правды», «государства справедливости». Оно не имеет ничего общего с чисто формализованным правовым государством, выработанным западной теорией права.

Чтобы быть таковым, государство должно быть православным, для чего необходимо ограничить индивидуальные стремления человека и подчинить их религиозно-государственной правде. В этих целях следует бороться против доминирования материального над духовным. Государство обязано блюсти православие и в конечном счете «возвращать правду на землю».

Конечно, отрицать ценность евразийской политико-правовой идеологии нельзя. Общество нуждается сегодня и в правде, и в справедливости, которые за годы «реформ» подверглись сильной деформации. Тем не менее отказываться от ставших привычными прав и свобод общество не готово. Доктрины мало чем отличаются в постановке целей, а вот способы их достижения порой прямо противоположны. История, в том числе и отечественная, на этот счет накопила много примеров.

Ю.В. Колесниченко, руководитель департамента общегуманитарных дисциплин Московского государственного областного педагогического университета, д-р филос. наук. «*Концепция симфонической личности в философии евразийства, в приложении к теории евразийского права*»

Тема евразийства и права, евразийской правовой теории как составной части международного права не нова. Безусловно, после ее основателя – евразийца Н.Н. Алексеева в 1920-х годах – о ней писали и пишут современные ученые-теоретики, например В.Н. Жуков[3], Р.А. Курбанов[4], А.В. Ахматов[5].

Евразийское право имеет своим философско-теоретическим основанием евразийскую теорию цивилизационного развития и евразийскую философию. Евразийская теория цивилизационного развития базируется на социально-философской и социально-психологической теории развития культур князя Н.С. Трубецкого, который в эмиграции издал книгу «Европа и человечество»[6]. Эта небольшая книга – манифест цивилизационной самобытности, программа культурной эволюции мультинациональной и мультиконфессиональной России в ее политическом, экономическом, правовом и иных направлениях. Именно в этой книге заложены основы цивилизационного подхода: принцип полицентричности, уничтожающий теоретическую основу *права* западной цивилизации на однополярность. Таким образом, именно в евразийской теории впервые был достигнут теоретический предел т.н. *универсального международного*, а по сути, *западного* права.

Евразийская философия имеет главным концептом и главным теоретическим остовом своей теории познания понятие *ЛИЧНОСТЬ*[7]. Основу евразийской философии заложил русский религиозный философ Л.П. Карсавин. Он издает в Литве в 1929 г. (после высылки из Советской России в 1922 г.) книгу «О личности»[8], в которой излагает философскую теорию личности евразийства. Автор утверждает, что абсолютно любое антропологическое, т.е. человекомерное, образование (не только единичное, в терминах Карсавина, индивидуальное), но и социальное единение личностей по различным *органическим* (естественно складывающимся) основаниям (такие как семья, народ, государство, Церковь) можно и должно называть Личностью. Личности разного толка (социальные личности) живут своими отдельными жизнями, имеют свой собственный уникальный лик, свой характер, свою судьбу. К ним не применима логическая операция образования множества из суммы однопорядковых его элементов. К ним прилагаема лишь *органическая логика*, логика единичного объема (автор Вл. Соловьев), по основаниям которой каждая личность есть личность отдельная и единственная в своем роде, ее нельзя ни по какому основанию свести в множество таких же личностей. Ее заведомая сущностная уникальность делает необходимым придать единичности объему понятия, в которое она входит единственным же своим числом. А потому необходимо за каждой такой *личностью* признавать свое *право* на самость, на отдельность, на уникальность.

Теория «симфонической личности» Л.П. Карсавина, которая обозначает границы новой по тем

[3] См.: *Жуков В.Н.* Ценность человека в контексте евразийской правовой культуры // Государство и право. 2020. № 11. С. 167, 168.

[4] См.: *Курбанов Р.А.* Евразийское право в системе права Российской Федерации // Междунар. право. 2017. № 2. С. 45–65.

[5] См.: *Ахматов В.Н.* Проблема философии права евразийства. М., 2015.

[6] См.: *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София, 1920; см. также: *Маслин М.А.* У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 4. С. 161–178.

[7] См.: *Колесниченко Ю.В.* Личность в евразийстве: гносеологические основания. М., 2008.

[8] *Карсавин Л.П.* О личности. Kaunas, 1929 (Commentationes ordinis philologorum universitatis lituanae; Lib. 5, III).

временам онтологической и гносеологической картины мира, предполагает объект и субъект едиными в наличном бытии. Так, Карсавин в книге «О личности» (в главе «Симфоническая личность») пишет следующее: «Различая индивидуальную и симфоническую, в частности же – социальную, личность, мы уже различаем индивидуальные и симфонические качествования, которые осуществляются не иначе, как в индивидуумах. Если более или менее значительная группа людей "охвачена" "одним" чувством, познает один и тот же предмет, утверждает "одну" этическую или правовую норму, перед нами – симфоническое и социальное качествование. В каждом данном случае качествование (проявление этой личности вовне. – *Ю.К.*) одно..; но оно всегда многообразно, всегда является многоединством...»[9].

В социальной личности, утверждает Карсавин, «мы, личности индивидуальные, не умираем, но, напротив, предстаем "более богатыми жизнью – как личности-моменты высшей социальной личности"»[10]. По его мнению, каждый из нас индивидуирует, «восходя» до социальной личности, «и делает "своим ее тело", которое остается *ее* телом, или нашим "общим" социальным телом»[11].

Так решает вопрос о соотношении индивидуального и социального Карсавин на уровне теории познания, говоря о симфонически-социальном теле как о «всем мире»[12]. «У всякой социальной личности есть основное ее задание или... основная ее функция. От многообразия и полноты этой функции зависит и полнота самой социально-личной жизни. Так народ и семья определяются очень обширными, почти всеобъемлющими заданиями»[13]. Такая личность есть статическая, или органическая личность. Личности несовершенны и иерархичны. Умирание социальной личности не означает гибели личностей иного социального наполнения. Иные оживают после состояния длительного анабиоза. По Карсавину, «необходимо понять индивидуальную личность как... "место" перехода одних социальных личностей в другие и как "скрещение" многих социальных личностей»[14].

Применительно к области правовых отношений теория личности Карсавина есть определенный алгоритм межсубъектной коммуникации, где Субъект не есть, в западном смысле, лишь один из единообразных участников правового процесса. Личность – элемент не межсубъектной, но супраличностной коммуникации, носитель правовой реальности, равноправная в своей уникальности и несводимости к простому арифметическому целому правового процесса индивидуация.

Личность в правовом поле есть, таким образом, понятие, наделенное бóльшим смысловым объемом, чем понятие Субъект. Оно не только отражает момент поступательности (субъект – это поступающий, действующий индивид), но и ценностный, аксиологический, телеологический (целеопределяющий и целеполагающий) и иные аспекты человеческой сущности: меру ответственности, аксиологическую насыщенность существования, уникальное смысловое наполнение ее действия, особый рисунок ее жизнедеятельности.

На основании именно философско-теоретического базиса евразийскую теорию права можно отнести к подотрасли международного регионального права не только с точки зрения вхождения в его поле стран, территориально относящихся к географическому региону Евразия. Более важным является здесь элемент самостоятельности (автаркийности) евразийского правового интереса, «вопрос отграничения региональных организаций от международных универсальных организаций.., пропаганда в мире общеевразийских ценностей и повышение роли евразийского полюса на мировой арене»[15], как отмечает Р.А. Курбанов. Важнейшим – «личностным» – способом создания региональных (Евразийских) объединений государств является, таким образом, единение равноправных *государств-личностей* в едином супраличностном образовании.

Р.А. Курбанов утверждает, что «региональные процессы, происходящие как в Евразии, так и в других регионах мира, в правовой сфере требуют уже не прикладных, инструментальных, функциональных или иных аналогичных аспектов, а расширения границ правопонимания данного явления»[16], т.е. его теоретической – парадигмальной – составляющей. В этом вопросе, бесспорно, может и должна помочь евразийская философия личности, конкретно – теория «симфонической личности» Л.П. Карсавина.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. «*Евразийство: современное прочтение*»

Концепция евразийцев – одна из наиболее оригинальных в русской духовной истории, которая

[9] *Карсавин Л.П.* О личности // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1. С. 113 (Памятники религиозно-философской мысли).

[10] Там же. С. 150.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 161.

[13] Там же. С. 177.

[14] Там же. С. 180.

[15] *Курбанов Р.А.* Указ. соч.; см. также: *Трубецкой Н.С.* Указ. соч.

[16] *Курбанов Р.А.* Указ. соч.

и до настоящего времени продолжает быть предметом анализа и острых дискуссий. Евразийцы подняли огромный пласт русской истории и культуры, создав учение, многое объясняющее в характере русского народа и его целеполагающей деятельности. Несмотря на глубину теории евразийства, многие ее положения остаются на положении гипотез (например, роль монголов в русской истории), хотя и работающих.

Концепция евразийцев в высшей степени оригинальна, но и у нее были совершенно определенные истоки. В России это: славянофилы, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, веховство, идеология и практика Советского государства. Идейные истоки на Западе: О. Шпенглер (философия культуры), К. Хаусхофер (геополитика), идеология и практика итальянского фашизма.

Если попытаться классифицировать евразийское учение, то оно является разновидностью русского консерватизма, русского национализма и русского империализма, что требует пояснения.

Консерватизм есть мировоззренческая установка, согласно которой ценности, нормы и институты, сформированные ранее, могут и должны быть опорой существующих общественных отношений. Русский консерватизм складывался как реакция на разложение феодализма, угрозу революции, утрату правящими сословиями (дворянство и духовенство) своих привилегий и появление новой светской культуры. Евразийцы шли главным образом за славянофилами, которые были нацелены на поиск аутентичной русской цивилизации в ее истоках. Если славянофилы искали критерии подлинной русской государственности и культуры в домонгольской Руси, то евразийцы видели их в истории скифов, гуннов и монголов. В качестве консерваторов евразийцы были убеждены, что основы самобытной русской культуры и государственности можно отыскать только в прошлом.

Причисление учения евразийцев к разряду русского национализма может вызывать протест, так как понятие национализма за последние 200 лет его использования стало крайне затертым и потрепанным. Национализм – понятие крайне широкое, но одно из его главных значений – это сохранение, развитие и защита национальной культуры как основы национальной государственности. В этом смысле и славянофилы, и почвенники, и евразийцы – типичные националисты. Для евразийцев русская культура и русская государственность – это высшие категории, главные смысловые модели, которыми следует руководствоваться российской власти, российскому обществу и гражданам России. Начиная с эпохи Московского царства, важным компонентом русского национализма было антизападничество, в чем евразийцы достигают своеобразного апогея.

Под русским империализмом в русской философской и политической публицистике конца XIX – первой половины XX в. обычно понималась идея русского имперского государства, дополненная идеей русского православного мессианизма. Сформировавшееся в эпоху Московского царства русское имперское сознание отражало мессианизм русского народа и русского государства. Учение евразийцев стало еще одной попыткой обосновать объединительную роль русского народа и русского государства. Евразийцы утверждали, что Европа и Азия (окраины Старого Света) связаны между собой исключительно благодаря евразийскому континенту (России). Если устранить этот объединительный центр, то вся система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) распадется. Только в той мере, в какой Россия выполняет интегрирующую роль, снимается противостояние Востока и Запада. Таким способом подводилась теоретическая платформа под активную внешнеполитическую деятельность русского государства, начатую, с точки зрения евразийцев, еще русскими царями и продолженную советской властью.

Политическая теория евразийцев – самый слабый элемент в их учении, так как почти полностью является заимствованной из идеологии и практики большевизма (в большей степени) и итальянского фашизма (в меньшей степени). Представляет известный интерес их теория идеократического и демотического государства. Вместе с тем видны и политические корни этих теорий. Теория идеократии есть отражение практики современного государства, где благодаря средствам массовой коммуникации идеология становится ее стержнем. Теория демотического государства – это традиционная (еще с Гегеля и Маркса) идея политического отчуждения. Анархисты, либералы, марксисты, а в XX в. еще и фашисты разных мастей критиковали буржуазное государство за отрыв от народа и требовали их сближения. Опыт стран «реального» социализма и фашистских диктатур показал, что такое сближение оборачивается установлением тоталитаризма. Реализация политических идей евразийцев также с неизбежностью породила бы тоталитаризм.

Э.Г. Задорожнюк, зав. отделом современной истории Института славяноведения РАН, д-р ист. наук; И.Е. Задорожнюк, Международная педагогическая академия, д-р филос. наук

Изучение евразийства не уходит из поля зрения отечественных и зарубежных ученых вследствие сравнительно недавно прошедшей и текущей истории. Множество ее истолкований, включая

бездумные восхищения и не всегда аргументированную критику, наблюдаются, на наш взгляд, ввиду того, что в недостаточной мере изучены условия возникновения, а также судьбоносные причина и отдаленные следствия данного комплекса идей. Инициатива встречи философов, историков и юристов в этом плане особо значима, потому что призывы к исходу на Восток[17] нуждаются в комплексных и одновременно глубинных интерпретациях. Особенно их государственно-правовые идеи, интеллектуальная востребованность которых не подлежит сомнению, но и строгая экспертиза тоже.

Идеологический отдел ЦК КПСС со всей тщательностью отслеживал процессы идеологических столкновений до и особенно после 1989 г., а заодно накаты волн евроатлантизма, принимавших иногда ураганный характер и смывавших то предместье СССР, а именно страны Центральной и Юго-Восточной Европы, то и уже его территории. Как это происходило в каждой из стран региона, показано, в частности, в вышедшем коллективном труде «Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI в.»[18].

Пришлось изучать и идейные барьеры на пути этих волн, связанные с евразийством, в статьях «Предвосхищение евразийства»[19], в которой затрагивались процессы поиска идей такого порядка в трудах В.И. Ламанского и К.Н. Леонтьева, Андрея Белого, А. Блока, и «Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства»[20], где утверждалось, что у евразийцев, которых часто именовали эпигонами позднего славянофильства, как раз славянский вопрос выпадал из поля зрения, а по сути, выражался в нового рода воззрениях. Упомянем еще две работы: «Евразийский концепт “месторазвитие”: северокавказская составляющая»[21] и «Евразийцы в Крыму и о Крыме»[22], которые побуждают к более тщательному рассмотрению концепта микроЕвразия. Что имеется в виду? Известно, что Предкавказье и Крым служили своеобразными пересадочными пунктами передвижения народов с Востока на Запад, а также местом образования таких государственных образований, как Боспорское царство (480 г. до н.э. – начало VI в. н.э.), Хазарский каганат (650–969 гг.), равно как древнегреческие, римские и европейские (в основном генуэзские с 1206 г. по конец XIV в.) колонии в Северном Причерноморье. Как раз на тех землях, которые мы рискнем поименовать микроЕвразией и через которые проходили в 1917–1920 гг. евразийцы – Н.С. Трубецкой (лечился в Кисловодске и оказался в Ялте), К.Н. Чхеидзе (шел с боями от Царицына до Поти и плыл до Феодосии), а также С.Я. Эфрон и, по-видимому, П.Н. Савицкий. А дальше – Стамбул (он же Царьград и Константинополь) и Европа.

В своей небольшой, но емкой мыслями о прошлом и будущем работе о кочевниковедении П.Н. Савицкий поставил задачу глубинного изучения процессов перемещения множества народов через указанную микроЕвразию. Менее известно то, что именно в этих регионах шли не только бои, но и активное переосмысление судеб России – и не на началах интернационализма (или интернационализма особого извода). Эти размышления, включая поиск новых государственно-правовых основ существования России, на наш взгляд, начались с 1914 г. и к 1920 г. предельно обострились. Начиная от рассуждений относительного того, почему же «Вилли» пошел походом на «Ники» (так именовали друг друга императоры Николай и Вильгельм), и заканчивая осуждением холодности «Джорджи» (их родственника короля Великобритании Георга, не предпринявшего мер по спасению царской семьи), равно как уклончивостью Европы в поддержке Колчака, Деникина и Врангеля.

Все это не могло не послужить мотивирующим фактором обращения к Востоку незаурядной группы мыслителей, оказавшейся на Западе: и авторов сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев»; и идеологов движения, включая правоведа Алексеева, и евразийцев второго призыва (в том числе нашедших свою смерть в России князя Д.П. Святополк-Мирского и выходца из еврейских кругов Эфрона). Может, в полной мере аргументированных государственно-правовых идей в русле евразийства им и не удалось предложить – ведь они до 1914 г. изучали римское право и его западноевропейские изводы, а в ходе двух войн (Первой мировой и Гражданской) было не до его изучения, а точнее – таковое оказалось гораздо усложненным.

Но уроки недоверия к Западу они прошли и усвоили во всей полноте. Это побуждало и побуждает прислушаться к темпоритмам в ходе

---

[17] В 2021 г. отмечалось 100-летие выпуска сборника статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921) первооснователей течения – практически всех евразийцев, вынужденных двинуться в Европу, а затем и в Америку (исключая культуролога В.Н. Иванова, оказавшегося в Харбине, но скончавшегося в Хабаровске).

[18] Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. СПб., 2022.

[19] *Задорожнюк Э.Г.* Предвосхищение евразийства // Диалог со временем. 2016. Вып. 57.

[20] *Задорожнюк Э.Г.* Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства // Вопросы истории. 2016. № 7.

[21] *Задорожнюк Э.Г.* Евразийский концепт «месторазвитие»: северокавказская составляющая // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1.

[22] Евразийцы в Крыму и о Крыме // Таврия литературная. 2019. № 4.

указанной истории идей, а на уровне сдвигов идеологических предпочтений и поисков новых государственно-правовых форм осмыслить их со всей тщательностью. Что позволит глубже уяснить специфику процессов очарования евроатлантизмом, которое охватывало оппозиционные и диссидентские круги в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а затем и новые политические элиты. Накатам евроатлантизма в области того, что ранее небеспричинно именовалось идеологической борьбой, нужно было противостоять, отсюда и повышенное (а в чем-то завышенное) внимание к евразийству.

Итак, в нашем концепте микроЕвразии выдвигается на обсуждение с целью уяснения хода и сути процессов становления идей евразийства и во многом латентного поиска способов идеологического дистанцирования от Запада. Правда, и для евразийцев первых призывов, и для неоевразийцев многие продуцированные ими идеи можно объяснить метафорой немецких дипломатов Treppenwitz (мудрость на лестнице), которая указывает на то, что самые умные мысли приходят после окончания встречи при выходе на лестницу.

Но, на наш взгляд, термин «микроЕвразия» для понимания условий возникновения изучения того, что П.Н. Савицкий назвал «месторазвитием» идей евразийства, допустим и даже необходим. Предкавказье, особенно Крым, предстают в данном ракурсе тем тиглем, где происходила переплавка многих идей государственно-правового характера в период с 1917 по 1920 г. И как раз это условное место именно в указанный период было весьма значимо как для личных судеб евразийцев, так и для понимания общего их мировоззрения.

В этом плане призывы евразийца-правоведа Алексеева к устройству «государства-правды» и сегодня звучат особенно убедительно на фоне той лжи, которую продуцируют государства Запада.

О.В. Кадышева, и.о. зав. кафедрой международного права, канд. юрид. наук, доц. ***«Магия права Евразийского экономического союза»***

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, которая обладает международной правосубъектностью, имеет наднациональные институты – Евразийскую экономическую комиссию и постоянно действующий суд – Суд Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС). С уверенностью можно утверждать, что в ЕАЭС сформирован собственный правопорядок и осуществляется наднациональное регулирование. При этом подходы к наднациональному регулированию в Договоре о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС) не определены и выработаны в практике Суда ЕАЭС. Судом ЕАЭС, в частности, выработаны правовые позиции о приоритете права Союза над национальными правовыми актами, о непосредственном действии актов Комиссии и о верховенстве конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Правопорядок ЕАЭС отличается от норм остальных международных организаций тем, что в него входят не только учредительный договор и решения и распоряжения органов организации, но и принимаемые этими органами нормативные акты общего характера, которые должны действовать непосредственно в национальных правопорядках государств – членов ЕАЭС, замещая национальные правовые акты в соответствующей сфере интеграции.

Применительно к правопорядку ЕАЭС нельзя не остановиться на статусе частных лиц, поскольку в международном публичном праве круг субъектов четко ограничен, а роль частных лиц полностью нивелирована. Подход же к кругу субъектов в интеграционных объединениях не может быть аналогичным подходу в общем международном праве, поскольку и сами интеграционные объединения являются субъектами международного права особого рода. В интеграционных объединениях акты непосредственного применения будут применяться всеми субъектами внутреннего права государств – членов такого объединения, в том числе и частными лицами, в отношениях как частных лиц с государством (по вертикали), так и между собой (по горизонтали). В этой связи объективные предпосылки для признания правосубъектности частных лиц в правопорядке ЕАЭС уже созданы, осталось нормативно признать правосубъектность частных лиц и создать эффективные механизмы защиты их прав, в том числе путем расширения юрисдикции Суда.

Кроме того, в каждом из интеграционных правопорядков проявляются свои особенности общих принципов права. Например, общие принципы широко используются и упоминаются в практике Суда Европейского Союза. Они выполняют тройственную функцию. Во-первых, они позволяют Европейскому Суду устранять нормативные пробелы, оставленные либо авторами договоров, либо законодательной властью ЕС. Таким образом, функция «заполнения пробелов» общих принципов обеспечивает автономность и согласованность правовой системы ЕС. Во-вторых, общие принципы используются для целей толкования норм права ЕС (например, принцип пропорциональности), служат помощником в толковании, поскольку нормы как ЕС, так и национального права, подпадающие под сферу действия права ЕС, должны толковаться в свете этих принципов. И наконец, общие принципы права ЕС используются для проверки судами законности актов ЕС и национальных норм. Так, нормативные акты ЕС, противоречащие

принципам права ЕС, подлежат отмене, а национальные нормы, противоречащие принципам права, не должны применяться национальными судами стран – членов ЕС. ЕАЭС во многом воспринимает опыт ЕС, поэтому в практике Суда ЕАЭС мы также обнаруживаем ссылки на принципы права. Несмотря на то что Статут Суда ЕАЭС в п. 50 не содержит упоминания собственных общих принципов права ЕАЭС, указывая лишь общепризнанные принципы и нормы международного права, квалификация «общего принципа права Союза» была использована Судом ЕАЭС в консультативном заключении по *делу о государственных закупках* (Консультативное заключение от 11.01.2021 г. по делу Р-3/20) в качестве инструмента толкования, а в *деле о вертикальных соглашениях* (Консультативное заключение от 04.04.2017 г. по делу Р-1/17) и деле по заявлению ОДО «Доминантафарм» (Решение Коллегии Суда от 19.05.2021 г. и Апелляционной палаты от 16.07.2021 г. по делу С-2/21 ОДО «Доминантафарм») принцип правовой определенности использовался Судом Союза уже в качестве нормативного стандарта, на соответствие которому проверялись решения Комиссии и нормативно-правовые акты государств-членов.

Учитывая международно-правовую природу ЕАЭС, обязательно возникает вопрос о соотношении правопорядка ЕАЭС и общего международного права. Можно ли в настоящее время ставить вопрос об автономности правопорядка ЕАЭС? Автономность в понимании Суда Европейского Союза означает полную обособленность и независимость права ЕС от национального и международного права и приоритет норм Договора над другими нормами международного права, включая Устав ООН, непризнание существования *jus cogens*. Автономность в понимании Комиссии международного права и Международного Суда ООН – группа норм и принципов, касающихся какого-либо отдельного вопроса, который может образовывать специальный режим («автономный режим») и быть применимым в качестве *lex specialis*. На наш взгляд, правопорядок ЕАЭС есть часть международного права, что подтверждается и практикой Суда ЕАЭС, который полностью действует в парадигме международного права, при разрешении споров оперирует категориями международного права, включая правила толкования международных договоров, предусмотренных Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г.

Почему магия правопорядка ЕАЭС? Благодаря магии можно попасть из одного мира в другой, но магия не в самих вещах, а в отношениях между самыми обыкновенными вещами, поэтому в силу права ЕАЭС у нас появляется уникальная возможность ощутить на себе действие международного права.

Г.А. Василевич, зав. кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф.

«Право граждан государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на обращения в органы ЕАЭС»

Одно из фундаментальных прав граждан – их право на обращения в государственные и общественные органы. Право на обращение относится к числу тех субъективных прав, надлежащая реализация которых «является гарантией обеспечения всего комплекса существующих прав и свобод».

Следует отметить, что граждане нередко реализуют свое право на обращение в международные инстанции – структуры ООН, Европейский Суд по правам человека и др. Вместе с тем полезно было бы предусмотреть механизм защиты прав граждан, юридических лиц в рамках тех межгосударственных образований, в которые входят государства бывшего СССР. Эффективная система защиты прав и их быстрого восстановления могла бы принести значительную помощь в становлении наших государств в качестве правовых, влекла бы меньше издержек, чем это имеет место сейчас, когда, например, отдельные государства вынуждены выплачивать огромные суммы денежной компенсации или испытывать моральные издержки в связи с высказанными в их адрес претензиями по поводу допущенных нарушений.

Полагаем, что в рамках Евразийского экономического союза должна быть отработана модель защиты экономических прав и интересов граждан и юридических лиц государств, входящих в ЕАЭС. Ведь цель этого Союза – укрепление и развитие экономических связей. Важно определить порядок взаимодействия указанных субъектов с органами ЕАЭС. Государство-член в случае несогласия с решением, принятым Советом Комиссии по результатам рассмотрения вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесения в него изменений, либо в случае истечения предусмотренного в Положении срока, но не позднее 30 календарных дней с даты официального опубликования решения Совета Комиссии, может направить в Комиссию письмо за подписью главы правительства с предложением о внесении соответствующего вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета.

Согласно п. 39 Статута Суда Евразийского экономического союза Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта:

о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего

субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Для целей настоящего Статута под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя согласно законодательству государства-члена или третьего государства.

Таким образом, в Договоре не вполне четко предусмотрено право граждан государств ЕАЭС обращаться в органы ЕАЭС. Особенно важно регламентировать порядок обращений в ЕЭК, так как Комиссия принимает те решения экономического характера, которые в существенной степени затрагивают права субъектов хозяйствования, а значит, и граждан.

Полагаем, что при отсутствии специального правового акта в рамках ЕАЭС, решающего указанный вопрос, можно было его основательно решить в Регламенте работы ЕЭК. Причем в нем не следует ограничиваться только запросами самой ЕЭК или ее членов. Практика складывается так, что по поручению Совета или по собственной инициативе как Коллегия, так и сами члены Комиссии могут запрашивать у органов власти Сторон, юридических и физических лиц информацию, необходимую для осуществления Комиссией своих полномочий. Обеспечение предоставления запрашиваемой информации в установленные сроки (не более 30 дней с даты получения ими такого запроса) возлагается на органы исполнительной власти Стороны Договора. Однако полагаем, что и субъекты хозяйствования в некоторых случаях могли бы непосредственно обращаться в ЕЭК. Например, тогда, когда на национальном уровне исчерпали возможности защиты своих прав.

Отказ в направлении рассмотрения инициативного обращения в органы ЕАЭС может быть оспорен в национальном суде.

А.Н. Попова, консультант экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда ЕАЭС, канд. юрид. наук; А.В. Королева, консультант экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда ЕАЭС. «*Влияние решений и консультативных заключений Суда ЕАЭС на правоприменительную практику российских судов*»

Суд Евразийского экономического союза представляет собой постоянно действующий наднациональный судебный орган регионального интеграционного объединения, целью деятельности которого является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами ЕАЭС права Союза. Единообразие правоприменения достигается Судом ЕАЭС, в том числе путем толкования норм права Союза с целью восполнения пробелов правового регулирования. При этом Суд не создает новую правовую норму, но формулирует правило, учитываемое как в последующих актах Суда, так и в правоприменительной практике государств – членов Союза, в частности, посредством восприятия правовых позиций Суда ЕАЭС судебными органами. Именно поддержка национальными судами правовой позиции наднационального суда имеет первоочередное значение для ее утверждения в судебной практике[23].

Анализ судебной практики национальных судов – на сегодняшний день один из главных способов оценить, насколько решения и консультативные заключения Суда ЕАЭС и формулируемые в них правовые позиции оказывают влияние на правоприменительную практику государств-членов.

Что касается российских судов, то Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 26 ноября 2019 г. № 49[24] признал, что «при толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда ЕАЭС...». Исполняя это правило, суды широко применяют акты и правовые позиции Суда ЕАЭС. Рассмотрим соответствующие примеры за 2020–2022 гг.

1. **Учет правовых позиций, сформулированных в решениях Суда ЕАЭС**

Двадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 29 сентября 2022 г. № 20АП-6229/2022 по делу по заявлению ООО «СтройДиам» отклонил аргументы заявителя о классификации товаров

[23] См.: *Нешатаева Т.* Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Междунар. правосудие. 2017. № 2 (22). С. 75.

[24] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».

в экспортных декларациях, а также отсылку к классификационному решению таможенно-пограничной службы США о классификации товара в той же товарной позиции, что и была указана декларантом, сославшись на правовую позицию, изложенную в решении Суда ЕАЭС от 15 февраля 2021 г. *по делу ООО «Монокристалл»*. Согласно данной правовой позиции, участники Конвенции о Гармонизированной системе обладают дискрецией по классификации отдельных видов товаров, что не исключает различные подходы к их отнесению в определенные товарные субпозиции и подсубпозиции; практика других государств по отнесению товара в определенную субпозицию и подсубпозицию таможенно-тарифной номенклатуры не является обязательной при вынесении решения о классификации отдельного вида товара.

Другим примером является решение *Арбитражного суда Краснодарского края от 16 июля 2020 г. по делу № А32-5955/2020 по заявлению ООО «Русский гриб»* об оспаривании решения таможенного органа о классификации товара. Арбитражный суд, подтверждая обоснованность вынесенного решения, ссылался на правовую аргументацию Суда Союза, изложенную в решении Коллегии Суда от 4 апреля 2016 г. *по делу ЗАО «Дженерал Фрейт»,* приводя сразу несколько правовых позиций Суда Союза. В частности, универсальное правило о том, что критерием для классификации товара также является его предполагаемое назначение, которое подлежит оценке на основании объективных характеристик и свойств товара, и правовую позицию, согласно которой использование в тексте Пояснений к товарной позиции 8418 словесной конструкции «в основном» позволяет сделать вывод о том, что свойство поддержания температуры выше 0 °C не является основанием для исключения соответствующего холодильного оборудования из товарной позиции 8418 ТН ВЭД.

Анализ приведенных дел и другой практики российских судебных органов свидетельствует об учете правовых позиций Суда ЕАЭС, особенно в делах, касающихся таможенных правоотношений.

2. **Учет правовых позиций, сформулированных в консультативных заключениях Суда ЕАЭС**

В *Определении от 17 июня 2020 г. № 303-ЭС20-816* Верховный Суд РФ привел правовую позицию Суда ЕАЭС, изложенную в *Консультативном заключении от 20 декабря 2018 г. по делу о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза*, в подтверждение недопустимости придания обратной силы решениям ЕЭК, ухудшающим положение физических и (или) юридических лиц.

Верховный Суд РФ также сослался на *Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 г. (дело о свободном движении товаров)*, указав на допустимость введения в одностороннем порядке государствами – членами ЕАЭС в целях обеспечения безопасности ограничений даже во взаимной торговле, а также важность применения любых мер на пропорциональной основе[25].

Таким образом, несмотря на рекомендательный характер консультативных заключений Суда ЕАЭС (п. 98 Статута Суда ЕАЭС), правовые позиции, сформулированные в них, оказывают влияние на формирование практики национальных судов. Ценностный посыл несут не сами решения и не консультативные заключения Суда ЕАЭС, а правовые позиции, в них отраженные[26], значение имеет характер правовых позиций, нежели степень юридической обязательности судебного акта.

3. **Акты суда ЕАЭС не являются основанием для пересмотра, а также отмены или изменения решений национальных судов Российской Федерации**

В *Определении от 10 февраля 2022 г. № 191-О по жалобе, поданной в интересах ООО «Производственное предприятие “Ремдизель”»*, Конституционный Суд РФ указал, что участие Российской Федерации в межгосударственных объединениях, предполагающих создание межгосударственного судебного органа, не означает, что в ее национальном законодательстве в обязательном порядке должен предусматриваться пересмотр решений внутригосударственных судов на основе актов межгосударственного суда.

Конституционный Суд РФ признал отсутствие оснований для автоматического распространения на решения любых межгосударственных судебных органов, в том числе на решения Суда ЕАЭС, правовых позиций, которые были ранее высказаны им в отношении актов Европейского Суда по правам человека в *Постановлении от 26 февраля 2010 г. № 4-П*, в котором Конституционный Суд РФ признал схожую норму ч. 2 ст. 392 ГПК РФ, содержащую основания для пересмотра решений по вновь открывшимся обстоятельствам, как допускающую пересмотр вступивших в силу решений судов на основании постановлений ЕСПЧ, выявившего нарушение национальными судами норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Конституционный Суд РФ также пришел к выводу, что акты Суда ЕАЭС о признании по заявлению хозяйствующего субъекта решений Комиссии или отдельных их положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза не только не обладают ретроактивным

[25] См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.11.2020 г. № 309-ЭС20-6309 по делу № А76-43058/2018.

[26] См.: *Сейтимова В.Х.* Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права Союза и евразийской интеграции // Пять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: роль Суда: Междунар. конф. (19–20 сентября 2019 г., г. Минск): сб. материалов / редкол.: А.С. Бугаева [и др.]. Минск, 2020. С. 122.

значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений[27].

Вопрос о том, может ли решение Суда ЕАЭС являться основанием для отмены или изменения обжалуемых судебных актов, был рассмотрен Верховным Судом РФ[28].

ООО «Торговый дом "СДС-Трейд"» обратилось с кассационной жалобой в Верховный Суд РФ, указав, что товарная подсубпозиция, в которой таможенный орган классифицировал ввезенные товары, изначально была включена в товарную номенклатуру с нарушением действующего законодательства, что было установлено Судом ЕАЭС *по делу АО «СУЭК-КУЗБАСС»*[29].

Верховный Суд РФ, рассмотрев жалобу общества, отметил, что признание Судом ЕАЭС решений ЕЭК не соответствующими праву Союза не влечет их автоматическое изменение или утраты ими силы. Суд также подчеркнул, что правовое регулирование спорных правоотношений с 1 января 2022 г. осталось неизменным, так как в новой редакции ТН ВЭД ЕАЭС по-прежнему содержится соответствующая подсубпозиция.

Верховный Суд РФ заключил, что указанные судебные акты Суда ЕАЭС не свидетельствуют о незаконности классификации таможенным органом спорного товара и не могут являться основанием для отмены или изменения обжалуемых судебных актов.

Таким образом, на основе приведенной судебной практики российских судов можно сделать следующие выводы:

учет правовых позиций Суда ЕАЭС национальными судами способствует достижению цели по выработке правил единообразного применения права Союза;

несмотря на рекомендательный характер консультативных заключений, сформулированные в них правовые позиции оказывают влияние на формирование национальной правоприменительной практики;

поскольку акты Суда ЕАЭС не являются основанием для пересмотра решений национальных судов, хозяйствующий субъект может фактически лишаться возможности восстановить свои нарушенные права;

в качестве одного из возможных решений сложившейся ситуации считаем возможным предложить закрепление в национальном процессуальном законодательстве в качестве нового обстоятельства для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов вынесение решения Судом ЕАЭС, изменяющего практику применения правовой нормы.

Н.В. Сидорова, ассоциированный профессор кафедры конституционного и международного права юридического факультета Карагандинского университета им. Е.А. Букетова. ***«Вопросы гармонизации национального законодательства на евразийском пространстве: проблемы и перспективы»***

Интеграционные процессы на евразийском пространстве характеризуются многоуровневой направленностью, включающей универсальное сотрудничество на пространстве СНГ, экономическое сотрудничество в рамках ЕАЭС, военно-политическое сотрудничество в структуре ОДКБ, а также сотрудничество на площадке ШОС. Функционирование обозначенных интеграционных структур имеет общую цель – гармонизацию и унификацию законодательства стран-участников.

Суть вопросов может быть сведена к следующим тезисам.

1. Разноскоростная и разноуровневая имплементация международных договоров во внутригосударственное право влияет на процессы гармонизации законодательства. Например, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства (правовая помощь по уголовным делам) базируется на международных договорах и уголовно-процессуальном законодательстве государств. На пространстве СНГ важнейшим документом в данной области является Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г., процедура ратификации, которая затянулась на десятилетия. К примеру, Республика Казахстан ратифицировала Конвенцию в 2004 г.[30], а Российская Федерация – 30 декабря 2021 г.[31]

---

[27] Аналогичный подход прослеживается в Определении Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 г. № 1972-О по жалобам АО «СУЭК-Кузбасс» и ООО «Электронная таможня», а также в Определении Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 г. № 689-О по жалобе АО «Шахтоуправление "Талдинское-Кыргайское"».

[28] См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.01.2022 г. № 304-ЭС21-16661 по делу № А27-12875/2020.

[29] Суд ЕАЭС признал не соответствующими праву Союза решение Коллегии ЕЭК от 10.09.2015 г. № 113 и решение Совета ЕЭК от 18.10.2016 г. № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

[30] См.: Закон Республики Казахстан от 10.03.2004 г. № 531 «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs /Z040000531_ (дата обращения: 20.11.2022).

[31] См.: Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 452-ФЗ «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам». URL: https://online.zakon.kz/ Document/?doc_id=36367740 (дата обращения: 20.11.2022).

Ранее автор детально проводил сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства государств Евразийского региона, основные рекомендации в сфере гармонизации законодательства направлены на новацию модельного законодательства, а также ускорение процессов имплементации положений Конвенции во внутреннее право государств[32].

2. На пространстве ЕАЭС правовой регулятор реализации провозглашенных свобод (передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы) базируется на внутригосударственных правовых актах, регулирующих различные аспекты предпринимательской деятельности. На примере Республики Казахстан отметим, что важнейшим инструментом гармонизации законодательства в сфере предпринимательства является Предпринимательский кодекс РК, принятие которого стало результатом кодификации и имплементации положений большого количества действовавших ранее законов.

Положения Предпринимательского кодекса РК по вопросам регулирования основных свобод ЕАЭС могут быть объединены в две группы: 1) правовые новеллы, направленные на либерализацию отечественного законодательства и его гармонизацию с правом ЕАЭС и ОЭСР; 2) кодифицированные нормы, имеющие особенности и отличающиеся от законодательства государств – членов ЕАЭС.

Республика Казахстан – единственная страна на пространстве ЕАЭС, кодифицировавшая основные правовые нормы по вопросам предпринимательства, что дает основание рекомендовать экстраполировать опыт Казахстана другими государствами Союза, а также проработать вопрос о принятии модельного Предпринимательского кодекса в рамках иного интеграционного объединения – СНГ.

3. Развитие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС невозможно без инвестиций, что актуализирует проблему совершенствования и гармонизации инвестиционного законодательств государств, которое на сегодняшний день не имеет единства. Различия в правовом регулировании проявляются в том, что, во-первых, не все государства – члены Союза разграничивают понятия «инвестиции» и «иностранные инвестиции». Во-вторых, самостоятельные законодательные акты об иностранных инвестициях и инвестициях имеются только в России и Армении, в других странах все виды инвестиций регулируются одним законом, в том числе в Республике Казахстан, все инвестиционные отношения являются предметом правового регулирования Предпринимательского кодекса РК[33].

Исходя из содержания правовых актов ЕАЭС, инвестиционная деятельность государств – участников Союза не рассматривается как деятельность иностранного инвестора, а следовательно, особенности отношений с третьими государствами (не членами ЕАЭС) по вопросам инвестиций должны регулироваться отдельным законодательным актом. Аналогичные проблемы связаны с законодательным определением дефиниций «инвестор» и «иностранный инвестор», «инвестиционные преференции для иностранных инвесторов» и др.[34]

4. Условием формирования интегрированной внешнеэкономической политики государствами – членами ЕАЭС является единство терминологии и понятийного аппарата, используемого в правовых актах Союза (например, «макроэкономические показатели», «внешнеторговая политика», «автоматическое лицензирование отдельных видов товаров», «тарифные льготы», «тарифные преференции» и др.). Следовательно, другой вектор гармонизации внутригосударственного законодательства должен быть направлен на его ревизию и с учетом «принципа модельности» международно-правовую рецепцию терминологии и понятийного аппарата, содержащегося в праве ЕАЭС.

5. Законодательство ЕАЭС содержит положения об ответственности за нарушения общих правил конкуренции, при этом применение штрафных санкций за такие нарушения возлагается на ЕЭК. Целесообразно в законодательстве государств – членов Союза отразить последствия избрания штрафных санкций ЕЭК и соотношение их с национальным административным законодательством (в том числе рецидив административного правонарушения).

6. Регулирование государственных закупок на уровне ЕАЭС предполагает создание единой системы государственных закупок с помощью электронных торгов, в этой связи на национальном уровне необходимо унифицировать правила получения и признания электронной подписи всеми государствами – членами Союза (отметим, что в Казахстане вводится QR-код, который равнозначен электронной подписи) и закрепить их в национальном законодательстве. Следует рассмотреть вопрос о возможной интеграции отдельных цифровых порталов ЕАЭС и порталов электронного

[32] См.: *Сидорова Н.В.* Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан и зарубежных государств о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 195.

[33] См.: *Сидорова Н.В., Сатбаева К.Х.* Еуразиялық экономикалық одақтастықтың интеграциялық үдерістерінің мемлекеттердің заңнамасын біріздендіру мен үйлестірудегі ықпалы // Наука и жизнь Казахстана. 2019. № 4 (79). С. 55.

[34] См.: там же.

правительства государств-членов, с обеспечением необходимых мер безопасности.

7. Членство государств в международных организациях, в том числе созданных на евразийском пространстве, определяется преимущественно международными договорами и учредительными актами таких организаций, в то же время на внутригосударственном уровне отсутствует правовой акт, в котором оговаривались бы внутригосударственные аспекты членства, правовой статус представителей государств в таких организациях (соответствующие нормы целесообразно отразить в трудовом законодательстве, в законодательстве о государственной службе, о противодействии коррупции и др.). Следует на уровне СНГ разработать модельный закон, регулирующий данные вопросы.

8. Особенность права государств в условиях членства в ЕАЭС и ВТО предполагает совмещение различных кластеров (торговый, налоговый, банковский, транспортный, таможенный и др.) в различных интеграционных правовых пространствах ВТО и ЕАЭС, а также в двусторонних правовых форматах сотрудничества с третьими странами. Названные обстоятельства являются ключевым аспектом, влияющим на гармонизацию и унификацию законодательства в свете интеграционного развития ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.* Русский народ и государство. М., 2003. С. 164.
2. *Ахматов В.Н.* Проблема философии права евразийства. М., 2015.
3. Евразийцы в Крыму и о Крыме // Таврия литературная. 2019. № 4.
4. *Жуков В.Н.* Ценность человека в контексте евразийской правовой культуры // Государство и право. 2020. № 11. С. 167, 168.
5. *Задорожнюк Э.Г.* Евразийский концепт «месторазвитие»: северокавказская составляющая // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1.
6. *Задорожнюк Э.Г.* Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства // Вопросы истории. 2016. № 7.
7. *Задорожнюк Э.Г.* Предвосхищение евразийства // Диалог со временем. 2016. Вып. 57.
8. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.
9. *Карсавин Л.П.* О личности // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1. С. 113, 150, 161, 177, 180 (Памятники религиозно-философской мысли).
10. *Карсавин Л.П.* О личности. Kaunas, 1929 (Commentationes ordinis philologorum universitatis lituanae; Lib. 5, III).
11. *Колесниченко Ю.В.* Личность в евразийстве: гносеологические основания. М., 2008.
12. *Курбанов Р.А.* Евразийское право в системе права Российской Федерации // Междунар. право. 2017. № 2. С. 45–65.
13. *Маслин М.А.* У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 4. С. 161–178.
14. *Нешатаева Т.* Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Междунар. правосудие. 2017. № 2 (22). С. 75.
15. Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. СПб., 2022.
16. *Сейтимова В.Х.* Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права Союза и евразийской интеграции // Пять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: роль Суда: Междунар. конф. (19–20 сентября 2019 г., г. Минск): сб. материалов / редкол.: А.С. Бугаева [и др.]. Минск, 2020. С. 122.
17. *Сидорова Н.В.* Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан и зарубежных государств о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 195.
18. *Сидорова Н.В., Сатбаева К.Х.* Еуразиялық экономикалық одақтастықтың интеграциялық үдерістерінің мемлекеттердің заңнамасын біріздендіру мен үйлестірудегі ықпалы // Наука и жизнь Казахстана. 2019. № 4 (79). С. 55.
19. Смена вех: сб. ст.: июль 1921 г. Прага, 1921.
20. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София, 1920.

REFERENCES

1. *Alekseev N.* The Russian people and the state. M., 2003. P. 164 (in Russ.).
2. *Akhmatov V.N.* The problem of the Philosophy of the Law of Eurasianism. M., 2015 (in Russ.).
3. Eurasians in the Crimea and about the Crimea // Tavria literaturnaya. 2019. No. 4 (in Russ.).
4. *Zhukov V.N.* Human value in the context of the Eurasian legal culture // State and Law. 2020. No. 11. P. 167, 168 (in Russ.).
5. *Zadorozhnyuk E.G.* The Eurasian concept of 'local development': the North Caucasian component // Humanitarian and legal studies. 2017. No. 1 (in Russ.).
6. *Zadorozhnyuk E.G.* Unheard disputes: Eurasians about the fate of Slavs // Questions of history. 2016. No. 7 (in Russ.).
7. *Zadorozhnyuk E.G.* Anticipating Eurasianism // Dialogue with time. 2016. Issue 57 (in Russ.).
8. Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. Approval of the Eurasians. Sofia, 1921 (in Russ.).
9. *Karsavin L.P.* On personality // Karsavin L.P. Religious and philosophical writings. M., 1992. Vol. 1. P. 113, 150,

161, 177, 180 (Monuments of religious and philosophical thought) (in Russ.).

10. *Karsavin L. P.* About personality. Kaunas, 1929 (Commentationes ordinis philologorum universitatis lituanae; Lib. 5, III) (in Russ.).
11. *Kolesnichenko Yu. V.* Personality in Eurasianism: epistemological foundations. M., 2008 (in Russ.).
12. *Kurbanov R.A.* Eurasian Law in the system of law of the Russian Federation // International Law. 2017. No. 2. P. 45–65 (in Russ.).
13. *Maslin M.A.* At the source of Eurasianism. To the 100th anniversary of the publication of Prince Nikolai Trubetskoy's book "Europe and Humanity" // Philosophical Journal. 2019. Vol. 12. No. 4. P. 161–178 (in Russ.).
14. *Neshataeva T.* The Court of the Eurasian Economic Union: from the legal position to the current law // International Justice. 2017. No. 2 (22). P. 75 (in Russ.).
15. The new elite in the countries of Central and South-Eastern Europe: political portraits. The end of XX – the beginning of XXI century / ed. by K.V. Nikiforov. SPb., 2022 (in Russ.).
16. *Seytimova V.H.* The role of advisory opinions of the EAEU Court in the development of the law of the Union and Eurasian integration // Five years of the Treaty on the Eurasian Economic Union: the role of the Court: International Conference (September 19–20, 2019, Minsk): collection of materials / Editorial Board: A.S. Bugaeva [et al.]. Minsk, 2020. P. 122 (in Russ.).
17. *Sidorova N.V.* Comparative analysis of the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan and foreign states on international cooperation in the field of criminal court proceedings // Public safety, legality and law and order in the III millennium. 2022. No. 8–1. P. 195 (in Russ.).
18. *Sidorova N.V., Satbayeva K. Kh.* The influence of the integration processes of the Eurasian Economic Union on the unification and coordination of the legislation of the states // Science and life of Kazakhstan. 2019. No. 4 (79). P. 55 (in Russ.).
19. Change of milestones: collection of articles: July 1921. Prague, 1921 (in Russ.).
20. *Trubetskoy N.S.* Europe and humanity. Sofia, 1920 (in Russ.).

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892
ORCID: 0000-0002-4491-6016

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. –
PhD of Law, Leading Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 194–199
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 194–199

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ»

© 2023 г. С. А. Глотов[1, *], И. А. Алешкова[1, 2, **]

[1]Московский государственный областной университет
[2]Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН), г. Москва

**E-mail: glotov_rgsu@mail.ru*
***E-mail: ialeshkova@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.12.2022 г.

Аннотация. Кратко излагаются основные тезисы выступлений, посвященные вопросам развития истории государства и права в условиях новой научной рациональности. Докладчики обращали внимание на то, что глобальные трансформации современного мира определяют переход к новой, постнеклассической научной рациональности. Для нее характерен акцент на исследование сложных саморазвивающихся систем, междисциплинарность научного поиска. В связи с этим перед историко-правовой наукой стоит задача переосмысления некоторых устоявшихся методологических подходов на основе принципов постнеклассической методологии. Сегодня, когда роль исторического знания в обществе возрастает, когда задача сохранения исторической памяти вышла на конституционный уровень, необходима активизация исследований актуальной проблематики в рамках истории государства и права. Ценностный потенциал отечественных исторических традиций может стать основой правового и патриотического воспитания молодежи, послужить важной составляющей при формировании новой национальной идеи.

Ключевые слова: государство и право, история права и государства, научная рациональность, историко-правовые исследования, правовая традиция.

Цитирование: *Глотов С.А., Алешкова И.А.* Обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «История государства и права в условиях новой научной рациональности» // Государство и право. 2023. № 1. С. 194–199.

DOI: 10.31857/S102694520024106-7

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION “THE HISTORY OF STATE AND LAW IN THE CONDITIONS OF NEW SCIENTIFIC RATIONALITY”

© 2023 S. A. Glotov[1, *], I. A. Aleshkova[1, 2, **]

[1]Moscow State Regional University
[2]Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION), Moscow

**E-mail: glotov_rgsu@mail.ru*
***E-mail: ialeshkova@mail.ru*

Received 01.12.2022

Abstract. The main theses of speeches devoted to the development of the history of the state and law in the conditions of new scientific rationality are summarized. The speakers drew attention to the fact that the global transformations of the modern world determine the transition to a new, post-non-classical scientific rationality. It is characterized by an emphasis on the study of complex self-developing systems, the interdisciplinarity of scientific research. In this regard, the historical and legal science faces the task of rethinking some well-established methodological approaches based on the principles of post-non-classical methodology. Today, when the role of historical knowledge in society is increasing, when the task of preserving historical memory has reached the constitutional level, it is necessary to intensify research on topical issues within the framework of the history of the state and law. The value potential of national historical traditions can become the basis of legal and patriotic education of young people, serve as an important component in the formation of a new national idea.

Key words: state and law, history of law and state, scientific rationality, historical and legal research, legal tradition.

For citation: *Glotov, S.A., Aleshkova, I.A. (2023).* Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation "The history of state and law in the conditions of new scientific rationality" // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 194–199.

11 ноября 2022 г. Научной лабораторией проблем развития современного права юридического факультета Московского государственного областного университета совместно с редколлегией журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» была проведена Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «История государства и права в условиях новой научной рациональности».

В приветственном слове к участникам конференции ***ректор Московского государственного областного университета, д-р юрид. наук, проф. Е.А. Певцова*** отметила, что в современных условиях закономерно возрастает роль историко-правового знания как важного средства правового и патриотического воспитания молодежи, формирования развитого правосознания российского общества. История государства и права состоит из множества различных фактов, событий, закономерностей прошлой социальной реальности. Их междисциплинарное обсуждение позволяет не только оценить сформировавшиеся научные подходы к методологии историко-правовой науки, направлениям её развития, но и охарактеризовать тенденции, перспективы совершенствования правовой мысли в будущем, в условиях новой научной рациональности. Выражая надежду, что такого рода встречи будут способствовать консолидации ученых и развитию научного сотрудничества, Е.А. Певцова подчеркнула, что в 2023 г. журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» отмечает юбилей – 45 лет! Все эти годы редколлегия журнала старается сохранить традиции и преемственность в науке. В конференции принимают участие не только члены редколлегии журнала, но и его авторы – ученые, представляющие вузы и научно-исследовательские учреждения из различных регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, Московской, Ростовской, Свердловской, Орловской, Псковской, Челябинской областей, Красноярского края и др., а также исследователи из Беларуси, Армении, Узбекистана. Основная цель проведения конференции – обсуждение актуальных вопросов историко-правового знания, обобщение и представление практического опыта, определение актуальных направлений научных исследований в условиях постнеклассической научной рациональности.

В своем пленарном докладе ***главный научный сотрудник, зав. кафедрой государствоведения, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова, профессор Московского городского педагогического университета, Председатель Президиума Ассоциации историков права, д-р юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцев*** обратил внимание на то, что в результате новой научной революции, вызванной технологическими новациями, наблюдается переход к постнеклассической научной рациональности. Новая научная рациональность предполагает акцент на междисциплинарность и исследование сложных саморазвивающихся систем. В этих условиях перед историей государства и права стоит ряд важных задач, в том числе методологического характера. Прежде всего исследователям предстоит освоить такие методологическое подходы, как конструктивизм и антропоцентризм, синхронизировать новое историко-правовое знание с достижениями современной постнеклассической теории права и государства. Историко-правовая наука должна учитывать произошедший в науке антропологический поворот, больше обращать внимания на правовое поведение, характерное для той

или иной эпохи, чтобы на этой основе реконструировать реальную правовую жизнь в исторической ретроспективе. В докладе было подчеркнуто важное воспитательное значение истории государства и права, ее патриотический потенциал.

Руководитель правового управления аппарата Государственной Думы РФ (1996–2002), профессор факультета права Департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ В.Б. Исаков, посвятивший более 30 лет государственной деятельности, научной деятельности и изучению проблем истории и теории государства и права, деятельности, направленной на развитие правовой культуры молодежи, затронул вопрос о соотношении логического и исторического в преподавании права. Подчеркнув, что все мы являемся свидетелями очередного колоссального сдвига в общественных отношениях и в их правовом регулировании, что влечет изменения в содержании юридической профессии, а значит, и в преподавании юридических наук, В.Б. Исаков задался вопросом: что меняется, каковы тенденции? Формулируя свое видение происходящих изменений, которые наблюдаются не только в России, но и в других странах, он отметил наличие позитивных и негативных тенденций. Как на одну из позитивных тенденций развития образования В.Б. Исаков указал на дифференциацию образования, на которую оказывают влияние не авторитет вуза или престижность того или иного диплома, а качество. Другой тенденцией была названа цифровизация образования, которая приводит к тому, что в современный период вытесняются фундаментальные юридические дисциплины, которые «попали под сокращение». Считая, что это негативная тенденция, он подчеркнул, что юридическое образование высокого уровня и юридическую культуру невозможно дать студентам на уровне технологий. Должно измениться юридическое мышление. Мы не сознаем, что работаем в условиях крайне бедной и сокращенной научной рациональности, в которой почти не осталось места для теории, истории и философии права. А ведь это – основа юридической культуры. Задача заключается в том, чтобы наряду с предметно-юридическим сформировать у студентов системное, междисциплинарное и проектное мышление. Сказанное, разумеется, не означает, что преподавание дисциплин исторического и теоретического цикла надо законсервировать. Наоборот, надо искать новые подходы к их преподаванию (сокращение лекций, проблемные и проектные семинары, деловые игры, использование клубных форм). В.Б. Исаков вместе с коллегами предложения по совершенствованию преподавания дисциплин теоретического блока изложил в «Игропрактикуме» по теории государства и права, который вышел в 2020 г.

В развитие идей базового доклада ***заместитель директора по научной работе, зав. кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заместитель Председателя Президиума Ассоциации историков права, д-р юрид. наук, проф. А.А. Дорская*** свое выступление посвятила определению места исторической памяти в системе правовых ценностей, характерных для новой реальности. Было отмечено, что современные ученые называют XXI век «эпохой всемирного торжества памяти». Это связано с процессами «сближения» истории и памяти благодаря тому, что процесс цифровизации сделал более доступной информацию по истории, стали развиваться проекты написания общей истории памятных событий через интернет-порталы, в частности по Второй мировой войне. Однако эти процессы носят неоднозначный характер, так как появилось такое явление, как «войны памяти», когда различная оценка исторических событий становится причиной серьезных конфликтов между государствами или внутри стран. В этой связи роль истории государства и права как науки и учебной дисциплины состоит в том, чтобы прорабатывать уроки прошлого, находить механизмы предотвращения повторения негативного опыта, а также сохранять и транслировать все позитивные моменты государственно-правового развития.

Заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, член редколлегии журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция», канд. юрид. наук, доц. И.И. Шматков в своем выступлении подчеркнул значимость исторической памяти в условиях новой научной рациональности и политических трансформаций. Для полноценного развития любого общества необходимо задумываться над вопросами сохранения и передачи молодому поколению пережитого опыта, накопленных ценностей, моделей поведения, элементов национально-культурного наследия. Приоритетным в этом направлении является формирование гражданственности и патриотизма, составляющих основу содержания и функциональной характеристики исторической памяти молодежи. Патриотизм и гражданственность имеют огромное значение в социальном и духовном развитии молодого человека. Они выступают как составные элементы его мировоззрения и отношения к родной стране, другим нациям и народам. Только на основе возвышающих чувств патриотизма и национальных святынь укрепляется любовь к Родине, появляется чувство ответственности за ее могущество и независимость, сохранение материальных и духовных

ценностей, развивается благородство и достоинство личности.

Как отметил докладчик, наша историческая память – это великое наследие, что незабвенно живет в сердцах народа в прошлом, настоящем и в самом отдаленном будущем. Большинство молодых людей сегодня задаются вопросами: что значит понятие «историческая память»; что включает она в себя; как формируется историческая память; в каких формах молодежь может принимать участие в сохранении исторической памяти? Формулируя свое понимание отмеченных вопросов, И.И. Шматков подчеркнул, что историческую память нужно в себе воспитывать. Огромную лепту в формирование единой, четко структурированной системы воспитания настоящего Человека вносит, безусловно, система образования, к которой в условиях новой научной рациональности предъявляются особые требования.

Председатель Комиссии по экономической реформе Совета Республики Верховного Совета РФ, заместитель Председателя Высшего Экономического Совета при Президиуме Верховного Совета (1990–1993), профессор Департамента публичного права факультета права НИУ ВШЭ, д-р юрид. наук, проф. В.Д. Мазаев сосредоточил внимание на поправках к Конституции РФ 2020 года, которые внесли в конституционную материю много новых смыслов и понятий. Значительная часть из них обладает большим идеологическим потенциалом, который востребован в условиях политических трансформаций и перехода к новой научной рациональности. Подчеркнув важность для государственного развития поправок с наибольшим духовно-нравственным содержанием, таких как правопреемство, историческая правда, патриотизм, В.Д. Мазаев отметил, что поправки к Конституции РФ – первый шаг не только к модификации конституционных институтов, но и к обновлению философско-правовых смыслов российской конституционной идентичности. В качестве методологических инструментов научного поиска предлагается использовать потенциал интегративной функции философии права и концепцию общесистемных противоречий социума. Данная концепция позволяет более критически рассматривать универсальность традиционно принятых ценностей демократии, формировать собственные конкурентные модели конституционного устройства. Она нацеливает на поиск баланса противоположностей в обществе, государстве, на механизм диалога и соразмерности в принятии решений.

Заведующий Научной лабораторией проблем развития современного права юридического факультета Московского государственного областного университета, член редколлегии журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция», д-р юрид. наук, проф. С.А. Глотов в своем выступлении детально остановился на вопросах реализации тех изменений, которые связаны с социальной политикой государства, указав на проблемы подготовки и принятия нормативно-правовых актов, связанных с воплощением в жизнь конституционных норм. Он подчеркнул, что поправки 2020 года в Конституцию РФ погружают нас в новую правовую реальность относительно состояния и перспектив развития социального государства в России. Ключевым дополнением к ст. 7 Конституции РФ о социальном государстве следует считать ст. 75^1, утверждающую новую норму-цель: в России должны создаваться условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества.

В целом конституционные поправки 2020 года социального характера можно объединить в три группы: первая группа затрагивает сферу труда, его ценность и безопасность. Впервые в Конституции упоминаются требование уважительного отношения к труду и защита именно трудовых прав (ч. 5 ст. 75 и др.). Речь идет также о МРОТ не менее величины прожиточного минимума и т.д. Вторая – касается социальной защиты и социальной поддержки всего населения (ч. 7 ст. 75, ст. 75^1 и др.). Третья группа включает новые нормы о поддержке отдельных категорий граждан (дети – ч. 4 ст. 67^1; инвалиды – ч. 1 п. «в2» ст. 114; семья, институт брака – ч. 1 п. «ж1» ст. 72; пенсионеры – ч. 6 ст. 75 и др.).

Впереди масштабная и ответственная работа федеральных и региональных властей, а также гражданского общества по реализации поправок 2020 года и развитию социального государства, в том числе в условиях международных санкций и специальной военной операции и не снятой с повестки дня пандемии COVID-19, его новых модификаций.

Профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, д-р юрид. наук О.А. Кожевников в своем докладе отметил, что проблематика нормативного регулирования власти всегда была и остается одной из самых острых для любого государства, так как именно построение власти и ее последующая деятельность затрагивают фундаментальные основы жизнедеятельности как общества в целом, так и каждого гражданина. Однако произошедшие в 2020 г. изменения в Конституцию РФ и последующие изменения в реализующее отраслевое законодательство вызвали не просто дискуссию в вопросах нормативного

закрепления институтов власти, но и проблему единообразного и точного понимания отдельных ее элементов на уровне как правовой доктрины, так и правоприменительной практики. Одна из таких «точек» возникновения противоречий – появление в тексте Конституции РФ и отраслевых актов категории «единая система публичной власти». Отсутствие конституционного нормативного закрепления термина «публичная власть» привело к смешению данной категории с ранее указанной категорией «единая система публичной власти», появлению необоснованно широкого применения связанных с категорией «публичная власть» понятий «органы публичной власти», «местное самоуправление» и т.д. В рамках своего выступления О.А. Кожевников подчеркнул, что, несмотря на серьезную трансформацию правовой категории «местное самоуправление» за прошедшие 30 лет современной истории России, тем не менее нет никаких нормативных оснований включать местное самоуправление в новую конституционную категорию «единая система публичной власти», поскольку последняя есть лишь совокупность созданных в государстве органов власти, не более. Местное самоуправление согласно действующей редакции Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – форма народовластия, осуществляемая не только через органы местного самоуправления, входящие в единую систему публичной власти, но и населением самостоятельно или совместно с названными органами. Иное понимание местного самоуправления приводит к конфликту между ст. 3 и 132 Конституции РФ и способствует очевидному нарушению принципа конституционно-правовой определенности в толковании названных положений Основного Закона политическими деятелями, учеными на страницах научных публикаций, необоснованному отождествлению единой системы публичной власти и форм народовластия, органов государственной власти и местного самоуправления и органов публичной власти и т.д., что недопустимо в условиях формирования единых конституционно-правовых основ российской государственности и юридического образования.

Профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России, д-р юрид. наук, доц. А.Ю. Ястребова, раскрывая вопрос о развитии международно-правовых стандартов, указала, что они имеют значение социальных ценностей и обеспечиваются обязательствами государств-участников. Она обратила внимание на то, что изначально список общих прав и свобод человека, соответствующих гарантий и запретов был установлен международным сообществом в содержании Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Сегодня его специфика очевидна на уровне региональных межгосударственных объединений (СНГ, Организации американских государств, Африканского союза), каждое из которых считает нужным определить собственные приоритеты в сфере защиты прав человека. Унифицированные международно-правовые обязательства государств закреплены в Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (приняты в 1966 г.). Социальная направленность указанных обязательств предопределена значимостью имплементации норм универсальных договоров по правам человека в национальное право государств-участников и сочетанием международно-правовых и конституционно-правовых основ их обеспечения; они также реализуются в публично-правовой области, в том числе посредством участия гражданского общества и формирования общественного правосознания.

Старший преподаватель МГИМО МИД России, канд. юрид. наук Е.А. Войтович поделилась с участниками конференции опытом изучения истории развития Австралийского Союза как государства, которое занимает верхние строчки различных рейтингов, оценивающих развитие социальной сферы, оставляя далеко позади многие европейские государства. Такие рейтинги содержат индексы здоровья, благополучия, благосостояния, обеспечения государствами социальных потребностей населения и т.д. При этом важнейший источник права Австралии – Конституция не закрепляет социальные права населения, равно как и не устанавливает обязанности государства в этой сфере. Задавшись вопросом о том, каким же образом Австралийский Союз достигает столь значительных успехов в обеспечении социальных прав населения, Е.А. Войтович представила свою позицию и отметила, что именно гармоничность и взаимодополняемость источников социального законодательства является формулой их успеха. При этом акты различного уровня охватывают практически все сферы жизнедеятельности населения Австралии, но не составляют стройной системы. Весь объем актов, которые относятся к социальному праву, можно разделить на два вида: универсальные акты и специальные акты. Основу универсальных актов составляют международные договоры, а среди специальных нормативно-правовых актов преобладает национальное законодательство.

Профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, член редколлегии журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция», д-р юрид. наук, проф. Ю.Г. Арзамасов акцентировал внимание на признаке современного государства – цифровом управлении. Он охарактеризовал

содержание понятия цифрового управления, тенденции развития его в мире, а также раскрыл перспективы данного вида управления в России, будущее цифровизации экономических отношений с позиций новой научной рациональности.

Доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры нотариата Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), член редколлегии журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция», канд. юрид. наук, доц. А.А. Елисеева в своем выступлении затронула вопросы о круге отношений, регулируемых семейным правом в исторической ретроспективе. Она указала, что в настоящее время имеется ряд проблем, связанных с положением ребенка в семье, и обратила внимание на участие в их решении государственных органов. А.А. Елисеева также отметила необходимость дальнейшего совершенствования вопросов усыновления и отношений в приемных семьях.

* * *

Оценивая сложившуюся научную дискуссию, стоит признать ее весьма интересной и актуальной как с научной, так и с практической точки зрения. Выступающие подчеркивали, что новая научная рациональность предъявляет особые требования к историко-правовым исследованиям, к осмыслению процессов трансформации правовой и социальной реальности. Докладчики отмечали роль истории государства и права, а также были единодушны в том, что историко-правовая наука объясняет смысл и характер происходящих в современный период изменений, причины конституционных реформ и связанных с ними трансформаций. При этом в условиях новой научной рациональности сохраняется важная задача сохранения исторической памяти.

Общим в позициях ученых было также то, что ценностные императивы современной историко-правовой науки, в числе которых важное значение имеет историческая память, влияли, влияют и будут влиять на развитие правосознания молодежи и правовую культуру граждан в целом.

Несмотря на то что мир многополярен и одновременно могут существовать различные традиции в праве, российская правовая традиция характеризуется аксиологическим содержанием и имеет важное патриотическое значение.

В заключение участники пришли к единому мнению о том, что знание истории у молодого поколения необходимо формировать на основе сочетания традиционных подходов с ориентацией на качественную информацию, содержащуюся в учебниках и справочниках, с использованием при этом интерактивных методик преподавания и возможностей современных цифровых инструментов.

Сведения об авторах

ГЛОТОВ Сергей Александрович –
доктор юридических наук, профессор, заведующий Научной лабораторией проблем развития современного права юридического факультета Московского государственного областного университета; 105005 г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 1

АЛЕШКОВА Ирина Александровна –
кандидат юридических наук, доцент, заведующая сектором НБИ по социальным наукам Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН); 117218 г. Москва, ул. Кржижановского, д. 15, корп. 2; старший научный сотрудник Научной лаборатории проблем развития современного права юридического факультета Московского государственного областного университета; 105005 г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 1

Authors' information

GLOTOV Sergey A. –
Doctor of Law, Professor, Head of the Scientific Laboratory of Problems of Development of Modern Law of the Faculty of Law of Moscow State Regional University; 10A, bld. 1 Radio str., 105005 Moscow, Russia

ALESHKOVA Irina A. –
PhD in Law, Associate Professor, Head of the NBI and of the Social Sciences Sector, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION); 15, bld. 2 Krzhizhanovskogo str., 117218 Moscow, Russia; Senior Researcher of the Scientific Laboratory of Problems of Development of Modern Law of the Faculty of Law of Moscow State Regional University; 10A, bld. 1 Radio str., 105005 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 200–202
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 200–202

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Я. Стоилов. ПРИНЦИПЫ ПРАВА: ПОНЯТИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ / пер. с болгар. яз. Е.М. Кузьминой, Г. Канева. М.: Проспект, 2022. – 312 с.

© 2023 г. Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: frolova.msu@mail.ru

Поступила в редакцию 23.08.2022 г.

Аннотация. Рецензируемая монография известного болгарского юриста Янаки Стоилова «Принципы права: понятие и применение» представляет собой междисциплинарное исследование, в котором тема принципов охвачена чрезвычайно широко, в ней отражены не только феномены права и политики, но и этики, истории, логики и даже фольклора. Книга отличается фундаментальностью, аналитическим характером и в определенной степени новаторским подходом к оценкам и явлениям современности: проблемы соотношения национального и международного права, легальности и легитимности, правового и социального государства, возможностей и пределов демократии и др.

Ключевые слова: принципы права, функции принципов права, форма принципов права, виды принципов права, принципы права и валидность (действительность) в праве, равенство как основание, определяющее право.

Цитирование: *Фролова Е.А.* Я. Стоилов. Принципы права: понятие и применение / пер. с болгар. яз. Е.М. Кузьминой, Г. Канева // Государство и право. 2023. № 1. С. 200–202.

DOI: 10.31857/S102694520024105-6

Ya. Stoilov. PRINCIPLES OF LAW: CONCEPT AND APPLICATION / transl. from Bulgarian by E.M. Kuzmina, G. Kanev. Moscow: Prospect, 2022. – 312 pp.

© 2023 E. A. Frolova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: frolova.msu@mail.ru

Received 23.08.2022

Abstract. The peer-reviewed monograph of the famous Bulgarian lawyer Yanaki Stoilov “Principles of law: concept and application” is an interdisciplinary study in which the topic of principles is covered extremely widely, it reflects not only the phenomena of law and politics, but also ethics, history, logic and even folklore. The book is distinguished by its fundamental, analytical nature and, to a certain extent, innovative approach to the assessments and phenomena of modernity: the problems of the correlation of national and International Law, legality and legitimacy, the legal and social state, the possibilities and limits of democracy, etc.

Key words: principles of law, functions of principles of law, form of principles of law, types of principles of law, principles of law and validity (validity) in law, equality as the basis determining law.

For citation: *Frolova, E.A. (2023).* Ya. Stoilov. Principles of law: concept and application / transl. from Bulgarian by E.M. Kuzmina, G. Kanev // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 200–202.

В 2022 г. в издательстве «Проспект» была опубликована книга «Принципы права: понятие и применение». Ее автор – известный болгарский юрист, профессор (с 2019 по 2021 г. – руководитель) кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Софийского университета им. Святого Климента Охридского Янаки Стоилов. В разные годы проф. Стоилов: депутат, вице-президент Народного собрания Республики Болгария, министр юстиции Республики Болгария. В настоящее время Я. Стоилов – судья Конституционного суда Республики Болгария, член редколлегии журнала «Государство и право» Российской академии наук.

В России рецензируемая книга публикуется следующей после одного из учителей Янаки Стоилова в теории права – проф. Нено Неновски, хорошо известного русскоязычному читателю своими переводными исследованиями о преемственности и ценности права. Было бы отрадно, если бы книга о принципах права внесла вклад в развитие научного сотрудничества в области юриспруденции и в более широком плане – обмена культурно-историческим опытом между славянскими народами и послужила восстановлению заложенных ранее традиций переводов трудов болгарских ученых в нашей стране.

Правовые принципы – благодатная тема для обсуждения среди ученых разных национальностей и правовых семей – в этих исследованиях ставятся фундаментальные и в известной степени универсальные вопросы, благодаря чему проблематика принципов права является одной из ключевых в теории и философии права. Актуальность и значимость книги проф. Стоилова бесспорна: принципы формируют основу права и связывают отдельные элементы правовой системы, обеспечивая как преемственность, так и глубокие изменения этой сферы. По существу, правовое регулирование – это совместное действие правил и принципов как юридических стандартов поведения. В теоретическом плане обсуждение подходов к сущности и назначению принципов права способствует формированию различных правовых концепций. С позиции Я. Стоилова, право есть социальное нормативное явление, поэтому центральное место в его работе занимает нормативистский подход. Вместе с тем его исследование выходит за рамки «чистой» теории права; юридическая методология «оживляется» автором за счет привнесения в текст социологического и ценностного компонентов. Кант, Гегель, Маркс – столпы, на доктрины которых в той или иной степени опирается автор книги.

Рецензируемая монография представляет собой междисциплинарное исследование, в котором тема принципов охвачена чрезвычайно широко, в ней отражены не только феномены права и политики, но и этики, истории, логики и даже фольклора. Книга Я. Стоилова отличается фундаментальностью, аналитическим характером и в определенной степени новаторским подходом к оценкам и явлениям современности: проблемы соотношения национального и международного права, легальности и легитимности, правового и социального государства, возможностей и пределов демократии и др. «пережиты» автором, что, конечно же, есть несомненное достоинство монографии. В работе обобщены и проанализированы многочисленные источники, современные труды европейских и англо-американских юристов и философов, отчасти представлена русскоязычная юридическая научная литература, прокомментирован значительный объем международной судебной практики.

Книга состоит из предисловия, отдельного предисловия к русскому изданию, введения, шести глав (с разделами и подразделами), библиографического списка, каталога общих принципов континентальной правовой системы и заключения. Структура монографии логична: исследование начинается с понятия «принципы права», проходит через их функции и достигает формальных и видовых характеристик принципов права на примере моделей правового и социального государства.

Первая глава посвящена пониманию принципов права в истории и теории права. Понятие принципа, как показано автором, формируется в результате накопления социального опыта и развития абстрактного мышления. Термин «принцип» восходит к нем. *Prinzip*, а он, в свою очередь, происходит от лат. *principium* (основной, верховный), однако представление о принципах в той степени, в которой оно существовало в Древнем Риме, обозначалось другими терминами – *praecepta* и *regula*. Эти предписания, по оценкам проф. Стоилова, в значительной степени представляют морально-правовой облик нормативного регулирования с древних времен до настоящего времени. В семантическом плане слово “regula” имеет сложное содержание: этот термин используется как для обозначения нормы-принципа с описательным характером, так и для обозначения нормы-правила в узком смысле с характером конкретного предписания, приобретая таким образом двойное значение – правила поведения и принципа. Современные системы права во многом демонстрируют преемственность в представленном понимании принципов и правил. В XIX в., как показывает автор, происходит их рационализация (принципы права – это цели, присущие житейским отношениям); кодификация права способствует утверждению принципов права и их роли в правовом урегулировании. В последние десятилетия XX в. и в начале XXI столетия тема принципов права – предмет пристального внимания в работах Р. Дворкина, Р. Алекси, Дж. Раза, У. Авилы, Д. Вълчева, С. Гройсмана и др.

Во ***второй главе*** исследуются вопросы функционирования принципов права. Согласно подходу Стоилова, функции права делятся на социально-политические и специально-юридические, а вторые, в свою очередь, на регулятивные и охранительные. По мысли автора, в социальном аспекте принципы дают существенную информацию о характере и содержании права; выступают проводником ценностей и идей в праве, незаменимым средством толкования права. Я. Стоилов солидарен с мнением Р. Давида: принципы – это код, через который считываются исторические типы права, группы систем права и его структурные подразделения. Эволюция права и изменения, через которые оно проходит, в наибольшей степени могут быть описаны через принципы, которые характеризуются устойчивостью и выражают природу права. Значение принципов права является как методологически-интеллектуальным, так и эмпирически-применимым; во втором случае речь идет об их регулятивном, нормативном действии. Принципы придают смысл системе права. Охват принципов раскрывает социальное и юридическое предназначение права, его качества и способ действия. Вслед за Р. Паундом автор призывает не умножать принципы без необходимости: огромное количество норм и правил, образующих систему права, можно, считает проф. Стоилов, без особого ущерба ограничить намного меньшим числом принципов, имеющих информацию о содержании системы права. Такой подход важен в теоретическом и практическом плане: познание принципов права дает нам глубокое представление его понимания на концептуальном уровне, значительно более богатое и синтезированное, чем рассмотрение многочисленных и часто меняющихся правил. Кроме этого овладение принципами права – важный элемент обучения будущих юристов, поскольку правила меняются, а принципы остаются. Помимо познавательной и идейной ценности основные принципы имеют важное практическое значение. Они дают информацию адресатам права, в частности применяющим его должностным лицам, о целях

их деятельности и о средствах, которые они должны использовать для достижения необходимой правовой квалификации того или иного случая.

Предмет исследования ***третьей главы*** – формы, выражающие способ существования, особенности действия и применения права. Введение этой категории – «форма принципа права» – приобретает самостоятельное теоретическое значение, так как дает возможность охватить все однородные правовые явления. К формам помимо самих принципов относятся также ценности, цели, максимы, догмы. Автор убежден – формирование принципов есть культурно-исторический процесс, который приводит к признанию и институционализации принципов права, превращая их в часть действующего права.

Четвертая глава посвящена видовой характеристике принципов права. Автор анализирует общие и специальные принципы права, принципы частного и публичного права, особенности способов их закрепления и действия; принципы национального и международного права и др. Значительное внимание Я. Стоилов уделил общественно-политическим принципам, непосредственно связывающим право с обществом. В них содержатся основные ценности и идеи: свобода, равенство, неприкосновенность личности, народный суверенитет, разделение властей и др. Благодаря принципам указанные ценности и идеи обретают правовое значение, превращаясь в правовые стандарты. Принципы права, содержащие прежде всего морально-нравственные ценности и связывающие их с остальными видами социальных норм, проф. Стоилов называет общественными; ценности, транслирующие идеи и демонстрирующие связь права с политикой, – политическими. Общественные принципы лежат в основе легитимности права. Со ссылкой на Ж.-Л. Бержеля Я. Стоилов замечает, что любое глубокое изменение права и его системы отражает замену одних общественных принципов на другие или существенное изменение их содержания. Такое изменение системы принципов, как правило, есть знак политической революции и сопровождающих ее коренных изменений в праве.

В ***пятой главе «Принципы права и валидность (действительность) в праве»*** раскрывается роль принципов в легитимизации права и правового порядка, анализируется признание принципов в качестве критериев действительности права. Вопрос валидности (действительности) правил, по Стоилову, – это вопрос того, каким требованиям правила должны соответствовать, чтобы иметь силу норм действующего права. Установление валидности каждого правила зависит от его соответствия праву, к которому оно относится, – национальному или международному. Условия валидности определяют границы правовой системы по отношению как к другим правовым системам, так и к другим видам нормативных систем (обычай, мораль и проч.). В то же время эти условия объединяют многочисленные правила и правовые акты в единую систему. Отдельное внимание автор уделил теме принципов правового государства, которые он рассматривает в контексте современной легитимации государственной власти, основ публичного права и оценки действительности правовых актов.

Шестая глава «Равенство как основание, определяющее право» объединяет несколько разделов, в которых анализируются остросоциальные проблемы. Одно из проявлений равенства – принцип правового равенства, затрагивающий современное понимание демократии. По убеждению проф. Стоилова, принципы права не являются и не могут быть только лишь юридическим феноменом: это цивилизационное явление, продукт исторической, культурной (в том числе правовой), политической и ценностной эволюции. Равенство, по мысли автора, лежит в основании права и есть возможный ключ к раскрытию природы права. Профессор Стоилов оценивает данный феномен как «правовую меру» и «принцип права», как «пропорциональное» и «прогрессивное равенство» в праве и др. Особо подчеркивая дилемму «юридическое равенство и социальное неравенство», автор замечает, что право выступает одним из важнейших и незаменимых средств, но отнюдь не единственным способом достижения социального равенства. Соответствие права социальному равенству – особенность социальной демократии.

В ***заключении*** монографии проф. Стоилов доказывает необходимость использования принципа прямого действия принципов права. Современным «борцам за право» (определение Я. Стоилова) автор советует черпать вдохновение не только в отстаивании собственных прав, но и в борьбе за принципы права.

* * *

В целом можно заметить, что автору книги удалось показать феномен принципов права как целостное социально-нормативное явление: принципы права раскрываются в философско-теоретическом, историческом и социальном контекстах, а также внести в свой текст сильный эмоциональный «заряд», что выгодно отличает данную работу от традиционно академических изданий по схожей тематике.

В качестве пожеланий для возможных последующих переизданий монографии хотелось бы рекомендовать проф. Стоилову расширить материал по системе современного права Республики Болгария для более полного его восприятия русскоязычным читателем, а также с целью сравнительно-правовых характеристик болгарского законодательства с нормами российского права.

Книга Янаки Стоилова «Принципы права: понятие и применение», несомненно, вызовет интерес у специалистов и привлечет внимание широкой аудитории читателей, интересующихся проблемами общества, права и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стоилов Я.* Принципы права: понятие и применение / пер. с болгар. яз. Е.М. Кузьминой, Г. Канева. М., 2022.

REFERENCES

2. *Stoilov Ya.* Principles of law: concept and application / transl. from Bulgarian by E.M. Kuzmina, G. Kanev. M., 2022.

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. – Doctor of Law, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2023, № 1, с. 203–205
STATE AND LAW, 2023, No. 1, pp. 203–205

Р. Паунд. МАСОНСТВО И ЗАКОН / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. СПб.: Алетейя, 2022. – 348 с.

© 2023 г. Р. В. Нутрихин

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

E-mail: nut-roman@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.09.2022 г.

Аннотация. В рецензии рассматривается книга Роско Паунда «Масонство и закон» в переводе на русский язык кандидата исторических наук Е.Л. Кузьмишина. Приводятся краткие биографические сведения об авторе, а также информация о его участии в деятельности масонских лож. Подчеркивается значение Паунда в развитии социологической школы права. Отмечается научный вклад данной книги в современную российскую юридическую литературу по направлениям теория государства и права, философия права, история правовых и политических учений.

Ключевые слова: Роско Паунд, социологическая школа права, новый курс Рузвельта, масонство, Гарвардский университет.

Цитирование: *Нутрихин Р.В.* Р. Паунд. Масонство и закон / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина // Государство и право. 2023. № 1. С. 203–205.

DOI: 10.31857/S102694520021918-0

R. Pound. FREEMASONRY AND LAW / transl. from English by E.L. Kuzmishin. St. Petersburg: Aleteya, 2022. – 348 pp.

© 2023 R. V. Nutrikhin

North-Caucasus Federal University, Stavropol

E-mail: nut-roman@yandex.ru

Received 08.09.2022

Abstract. The review considers book “Freemasonry and Law” by Roscoe Pound, translated into Russian by E.L. Kuzmishin, Candidate of History. Brief biographical information about the author is given, as well as information about his participation in Freemasonry. Pound’s importance in the development of the sociological school of law is emphasized. The scientific contribution of this book to modern Russian legal literature in the areas of theory of state and law, Philosophy of Law, history of legal and political teachings is noted.

Key words: Roscoe Pound, sociological school of law, Roosevelt New Course, freemasonry, Harvard University.

For citation: *Nutrikhin, R.V. (2023).* R. Pound. Freemasonry and the Law / transl. from English by E.L. Kuzmishin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 203–205.

Еще недавно большинству юристов в России вопрос о связи права с масонством мог показаться надуманным и маловажным, поскольку у нас даже в научном профессиональном сообществе об этом знали крайне мало, если не сказать – вообще ничего.

Тому способствовали известные цензурные ограничения в СССР, позволявшие говорить о масонстве в политико-правовом контексте лишь как о «космополитическом движении, охватывающем буржуазные слои населения государств капиталистического мира и ставящем цель укрепить империалистическое господство над трудящимися путем закулисных интриг, социальной демагогии и круговой поруки»[1]. Если в советской печати и появлялись публикации о влиянии масонства на развитие социальных идей, то подавались они в неизменно негативном, идеологически выдержанном тоне.

Постсоветская историко-юридическая наука в отличие от чисто исторической к масонству также обращалась мало и, к сожалению, не всегда удачно. Не имея качественных первоисточников и пользуясь низкопробной, откровенно «конспирологической» литературой, волна которой захлестнула российский книжный рынок в 90-е годы,

[1] *Бегун В.Я.* Рассказы о «детях вдовы». Минск, 1986. С. 5.

некоторые историки права в редких работах на эту тему в лучшем случае не сказали ничего нового, в худшем – обманывались сами и вводили в заблуждение своих читателей.

Помимо нескольких качественных, но весьма общих работ на эту тему русскоговорящему эрудиту, желающему ознакомиться с масонством именно в историко-правовом ключе, до недавнего времени фактически нечего было рекомендовать.

Но вот, к счастью, в последние годы освещение этого непростого вопроса вышло на широкую «столбовую дорогу» своего исследования в России. Не так давно были опубликованы переводы двух ключевых теоретических работ американского классика масонской юриспруденции XIX в. Альберта Галлатина Маккея: «Основы масонского права» и «Масонское парламентское право»[2].

Вполне закономерно, что вслед за трактатами, посвященными «внутрицеховому» праву масонов, у нас должно было появиться и что-нибудь о воззрениях вольных каменщиков на право в целом. В этой связи следует признать крайне удачным выбор, павший на масонские лекции юриста и профессора Гарвардского университета Роско Паунда (1870–1964), уделявшего, как и Маккей, немало внимания корпоративным нормам своих собратьев по Ордену. Однако в отличие от своего предшественника Паунд рассматривал данные нормы в тесной связи с общей теорией, историей и философией права, что придает его взгляду на предмет куда больше универсализма и делает его работы более привлекательными для тех исследователей, которым интересен не столько внутренний юридический быт братства вольных каменщиков, сколько регулятивные принципы масонства как таковые и его вклад в «золотой фонд» мировых политико-правовых учений.

Сам по себе Роско Паунд – фигура столь примечательная, что хотя бы уже поэтому его богатое интеллектуальное наследие заслуживает самого пристального внимания. В начале своего профессионального пути он, как ни странно, посвятил себя ботанике, получив соответствующее образование и активно занимаясь наукой именно в данной области. На заре XX в. Паунд включился в большую коллективную работу по описанию растительного мира штата Небраска, в результате чего открыл ранее неизвестный вид лишайников, назвав его в свою честь – «роскопаундией».

Однако тогда же молодого человека увлекла и юриспруденция. Он поступил на юридический факультет Гарварда, где проучился всего год из-за шаткости материального положения его семьи. Формально не имея правового образования, Паунд, тем не менее, выдержал экзамен на должность судебного поверенного и стал служить в окружных судах. Близость к университету в качестве ученого-ботаника позволила ему опробовать на студентах авторский курс по праву, которое постепенно стало главным делом его жизни.

Разносторонность Паунда проявилась еще и в том, что он с головой погрузился в дела студенческих братств, играл в университетской футбольной команде и навсегда сохранил горячий интерес к спорту.

Его талант в изложении правовых доктрин не остался незамеченным, и, выдвинувшись после получения докторской степени на ведущие роли в стенах юридического факультета Университета Небраски, Паунд в 1903 г. стал его деканом. В 1911 г. он перешел на работу в Гарвард, где уже через пять лет также занял пост декана, подняв тамошний факультет на небывалую высоту.

Параллельно Паунд выступал по громким делам в судах, предлагал конструктивные идеи по реформированию национальной правовой системы, публиковал массу работ (одна только библиография его печатных трудов занимает 193 страницы!). Так что очень скоро он занял достойное место в первом эшелоне ученых-юристов уже в масштабах всей страны. Паунд считается основоположником весьма популярной в гуманитарной науке XX в. социологической школы понимания права. Им же разработана оригинальная концепция «механической юриспруденции».

Постепенно к знаменитому профессору начали прислушиваться власти. В период президентства Франклина Делано Рузвельта Р. Паунд стал одним из авторов нашумевшей политической программы «нового курса», которая вывела США из «великой депрессии».

Однако за кулисами этой блестящей внешней деятельности таилось нечто глубоко личное и для него самого ничуть не менее важное. Еще в 1901 г. Паунд был посвящен в масоны под сенью ложи Ланкастер в городе Линкольн (штат Небраска), где четыре года спустя его возвели в степень Мастера. Продолжая постигать масонскую премудрость в «дополнительных градусах» Древнего и Принятого Шотландского Устава, в 1913 г. он удостоился его высшей 33-й степени. Заметную роль играл профессор и в Великой Ложе штата Небраска, где исполнял обязанности Великого Оратора. В Великой Ложе Массачусетса он занимал пост заместителя Великого Мастера, а также возглавлял Комитет по признанию заграничных лож и делал много всего другого, за что был удостоен звания почетного Бывшего Великого Мастера.

В штатах Небраска и Массачусетс Паунд участвовал в создании и работе целого ряда масонских лож, снискав себе немало орденских наград и знаков признания. Особенно рьяно он трудился в 1922 г. для открытия «Гарвардской» ложи при университете. Следовательно, его научная, преподавательская и административная деятельность в Гарварде была сопряжена с регулярным участием в масонских таинствах, практикуемых прямо в академической среде. Данный факт представляется весьма важным для понимания некоторых неочевидных, но весьма любопытных связей в американской науке и университетской жизни тех лет.

В Братстве Акации при том же университете проф. Р. Паунд начал читать лекции по масонскому праву и философии, которые сразу же снискали популярность и интерес среди братьев. В 1953 г. Верховный совет Северной юрисдикции Древнего и Принятого Шотландского Устава издал сборник его лекций о масонстве, которые до сих пор привлекают внимание многих интересующихся не только в США, но и далеко за их пределами.

Теперь эти лекции стали доступны на русском языке в переводе известного отечественного специалиста по масонству, канд. ист. наук Евгения Леонидовича Кузьмишина. Им уже реализовано немало просветительских проектов, призванных познакомить российского читателя с историей и теоретическими аспектами посвятительных традиций Запада. Ранее им уже были переведены хрестоматийные работы крупнейшего американского масонского мыслителя Альберта Пайка[3]; полное собрание сохранившихся сочинений

[2] *Маккей А.Г.* Масонское право / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. М., 2021.

[3] См.: *Пайк А.* Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава Вольного Каменщичества Южной Юрисдикции для Соединенных Штатов Америки / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. М., 2020. Т. I–II.

знаменитого Калиостро[4]; ключевые древние акты о возникновении и развитии первых масонских лож Европы[5], труды орденского правоведа А.Г. Маккея и другие основополагающие тексты «вольного каменщичества». Издание в России лекций Р. Паунда можно рассматривать как достойное продолжение работы Е.Л. Кузьмишина в области исследования феномена масонского права, который до сих пор практически не был известен ни в исторической, ни в юридической отечественной науке.

У наследия Паунда в нашей стране вообще крайне странная судьба. О нем пишут в учебниках по теории и философии права, упоминают в статьях и монографиях об истории правовых и политических учений, защищают кандидатские диссертации о его взглядах. Однако на русский язык до сего дня не было переведено ни одной его крупной работы. Тем более примечательно, что в России первой книгой из многих сотен трудов этого всемирно известного ученого стал именно трактат по праву масонскому. Ведь данная тема для самого Паунда была, пожалуй, одной из наиболее личных и всесторонне осмысленных. Это явствует из самих его лекций по масонству, которые буквально дышат увлеченностью, глубиной погружения в предмет и даже некоторым благоговением перед ним, которое, впрочем, не исключает ни тонкого чувства юмора, ни даже иронии.

В своих лекциях Паунд обсуждает становление масонства как такового и его внутрикорпоративные нормы; вклад крупнейших теоретиков в данную сферу и магистральные направления орденской мысли; проблемы соотношения братской этики с их личной конфессиональностью и многие другие любопытные вопросы, раскрывающие перед заинтересованным читателем внутренний мир сообщества «вольных каменщиков» и тех правил, которыми испокон века регулируются отношения между ними.

И все же главное достоинство масонских лекций проф. Р. Паунда не в этом. С первых же страниц захватывает его взгляд на масонство, который вовсе не сухой академический, а величаво-философический и в некоторой степени даже поэтический. Он размышляет над тайной Универсального Закона и его дисперсионного преломления сквозь призму разных эпох. Его лекции интересны не только с точки зрения истории правовых учений, но и как пища для самых серьезных размышлений о подлинной сущности права, о возрождении его исконной сакральности, несколько, признаемся, задавленной всеобесценивающим прессом современного мира.

* * *

Хочется верить, что публикация на русском языке столь значимой работы, не имеющей аналогов в нашей юридической литературе, не только привлечет к себе внимание профессионального сообщества и всех, кому небезразлично право. Вслед за ней стоило бы ждать появления оригинальных исследований о связи масонства с государственно-правовыми феноменами – статей, монографий и диссертаций, – которых еще так мало в России. Ведь, несмотря на всю кажущуюся таинственность и сложность этой темы, ее можно, нужно и главное необыкновенно интересно изучать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бегун В.Я.* Рассказы о «детях вдовы». Минск, 1986. С. 5.
2. История масонства в документах / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. М., 2020.
3. *Калиостро.* Соч. / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. М., 2017.
4. *Маккей А.Г.* Масонское право / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. М., 2021.
5. *Пайк А.* Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава Вольного Каменщичества Южной Юрисдикции для Соединенных Штатов Америки / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. М., 2020. Т. I–II.
6. *Паунд Р.* Масонство и закон / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. СПб., 2022.

REFERENCES

1. *Begun V. Ya.* Stories about “widow’s children”. Minsk, 1986. P. 5 (in Russ.).
2. The history of Freemasonry in documents / transl. from English by E.L. Kuzmishin. M., 2020 (in Russ.).
3. *Kaliostro.* Essays / transl. from English by E.L. Kuzmishin. M., 2017 (in Russ.).
4. *Makkey A.G.* Masonic Law / transl. from English by E.L. Kuzmishin. M., 2021 (in Russ.).
5. *Paik A.* Morality and Dogma of the Ancient and Accepted Scottish Charter of Freemasonry of Southern Jurisdiction for the United States of America / transl. from English by E.L. Kuzmishin. M., 2020. Vol. I–II (in Russ.).
6. *Pound R.* Freemasonry and the Law / transl. from English by E.L. Kuzmishin. SPb., 2022 (in Russ.).

Сведения об авторе

НУТРИХИН Роман Владимирович –
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права Северо-Кавказского федерального университета;
355017 г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1
ORCID: 0000-0001-6943-012X

Authors’ information

NUTRIKHIN Roman V. –
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Environmental, Land and Labor Law, North-Caucasus Federal University; 1 Pushkin str., 355017 Stavropol, Russia

[4] См.: *Калиостро.* Соч. / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. М., 2017.

[5] См.: История масонства в документах / пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. М., 2020.